

Тюрина Татьяна

Четвертая жрица

Книга 2

Путь друг к другу

Фэнтези

Приключения

Любовный роман

Риану, четвертую жрицу Равнинных Королевств, раздирает два желания. С одной стороны, она хочет помочь установить в этих королевствах мир. С другой, желает определить того, из-за кого божественные силы начали покидать её тело. Ведь именно он является её Избранником. И чтобы это понять, она отправилась на полудикие острова, где живёт пространственная ведьма. Только вот знание, к которому она стремилась, ещё больше приносит сумятицы в её жизнь. Потому что мир сам не наладится, заговоры сами не распадутся, а Дракон без её помощи не уйдёт. И чтобы продолжить свою миссию, придётся забыть о том, кто завладел всеми её мыслями. Но можно ли сосредоточиться на одном, пусть и более важном, желании, если душа стремится к другому?.

Татьяна Тюрина

Четвёртая жрица

"Путь друг к другу"

От Автора

Хочу выразить огромную Благодарность людям, которые мне помогли и поддерживали:

Кате, которая не забывает позвонить и высмеять меня за очередную "шедевральную" опечатку.

Рите, которая помогала мне исправлять ошибки.

Ивану, который помог мне скорректировать мужских персонажей и очень помог с вычиткой текста. А так же помог избавиться от слов-паразитов и неблагозвучия.

И Солнышку, которую я люблю называть по её нику, за финальную вычитку и исправление тех ошибок, что мы всё-таки пропустили.

Спасибо вам огромное за помощь, ребята!!!!

И, конечно же, вся трилогия посвящается группе The Rasmus. Которая не прекращает меня вдохновлять!

Глава 15: Привязанности

Белый Дельфин скользил по волнам, которые облизывали его борта. Попутный ветер раздувал паруса, словно подталкивая к цели. Очередной спокойный, ровный и скучный день. Хотя на море этому надо радоваться. Больше шансов прибыть к месту назначения невредимыми. И Аккес радовался, желая быстрее сойти с этой качающейся лодки. К счастью, его не одолевала морская болезнь, как многих других, кто регулярно бегал к борту опустошать свой желудок.

Его же донимала совсем другая проблема — люди.

Маленькое пространство корабля исключало возможность скрыться куда-либо и увеличивало шанс наткнуться на того, кого видеть совсем не хотелось. А Аккесу не хотелось видеть любого из тех, кто находился поблизости. Даже Эгрант в последнее время стал невыносим со своим желанием поговорить и обсудить происходящее.

И единственное, что ему оставалось — это забраться на любую из мачт повыше и смотреть на горизонт в надежде, что там скоро покажется суша. Иногда он, правда, смотрел и вниз. Пользуясь своей незаметностью для других, он наблюдал за теми, кто выходил "погулять".

Он часто видел ту самую девушку, только вот её всегда сопровождал этот вояка в железе, который постоянно осматривался по сторонам. Аккеса забавляло то, что он ни разу не додумался посмотреть вверх и не догадывался, что тот, кого он опасался на самом деле, замечает каждый их шаг.

Иногда выходил Эгрант, но тот всегда был в курсе, где искать Аккеса. Уж кто-кто, а он прекрасно знал его привычки. Хорошо хоть не пытался его согнать вниз и, перекинувшись несколькими словами, уходил.

Но чаще всего на палубу выходила жрица. С каждым её появлением он напряжённо наблюдал за ней. Она то подойдёт к борту, часами наблюдая за волнами, то начнёт гулять по кораблю, рассматривая каждую щепку, то станет тренироваться со своими мечами.

Иногда к ней присоединялся этот неповоротливый кусок металла. Сражался он неплохо. Но это неплохо не могло сравниться с мастерством жрицы. А она была великолепна. Это он признавал. И скрипел зубами от злости, что даже в тренировках с этим рыцарем она не стеснялась нападать, а в сражениях с ним самим только оборонялась.

Однако он не мог постоянно находиться наверху. От постоянного сидения на одном месте банально затекало тело. Потому иногда он всё же спускался, но выбирал те часы, когда вероятность кого-то встретить была меньше всего. В те моменты, когда солнце садилось и корабль, освещаясь лишь луной, опускался в полумрак, он доставал свои собственные мечи и тоже начинал отрабатывать движения. Аккес вспоминал технику боя жрицы. Сама того не подозревая, она рассказала ему о своих сильных и слабых сторонах. И когда они, наконец, скрестят клинки по-настоящему, он будет готов.

Очередной раз, спустившись потренироваться, Аккес, взмахнув руками, перекрутил в кисти клинок так, что тот засвистел, рассекая воздух.

И тут вдруг раздались шаги. Обернувшись, он приготовился быстро надеть маску, но увидел рыцаря и... её.

Лекамир заметив, что посередине палубы стоит Аккес с оружием в руках, моментально

остановился, преградив путь Зике.

— Что такое? — спросила девушка и тут же увидела то, что заставило рыцаря замереть. — О!

— Пожалуй, нам стоит прогуляться в другой раз, — не отрывая взгляда от генерала Дракона, проговорил Лекамир.

— Но я не могу больше сидеть в запертой каюте, — жалобно проговорила Зика, украдкой рассматривая Аккеса.

Сам же Аккес опустил руку, так и не надев маску. Ему не хотелось её пугать. И это было первый раз в его жизни после всего случившегося с ним в детстве. Первый раз он действительно не хотел кого-то напугать.

Отвернувшись в сторону, он вложил оружие в ножны.

— Можете продолжать свою прогулку, — сказал он, вновь посмотрев в их сторону. — Меня вам опасаться нечего.

— Вот уж не обессудь, но я тебе ни на миг не верю.

— Ей опасаться нечего, — поправился Аккес, сверкнув взглядом в сторону дуболома. — Тебя же, металлическое чучело, я готов убить хоть сейчас.

Сказав так, он тут же пожалел о несдержанности, потому что девушка испуганно ойкнула и ещё сильнее прижалась к своему защитнику. Мысленно скривившись, он развернулся и прошёл в противоположную сторону, к носу корабля. Может, повезёт, и она не сочтёт его угрозой серьёзной.

Устроившись там так, чтобы со стороны его не было видно, он старался на них не смотреть, но боковым зрением чётко фиксировал их местонахождение. Впрочем, они недолго были на воздухе и вскоре вернулись в комнаты.

В течение нескольких оставшихся дней путешествия Аккес ещё несколько раз натёкался на них, и каждый раз рыцарь буквально излучал враждебность. Аккес мог понять этот инстинкт защитника и стал даже немного уважать шлемоголового. Хотя в целом это его геройское поведение только раздражало. Сама же девушка больше не смотрела на него со страхом, только с тщательно скрываемым любопытством. Но всё так же она, вцепившись в плащ верзилы, прижималась к его спине, словно это самое защищённое место на земле.

Это почти заставляло его улыбнуться.

Пожалуй, не считая угрюмой физиономии мяса в железе, встречи с этой парочкой были самыми приятными моментами во всём путешествии. А также было особенно приятно, что на жрицу он почти не натёкался. Похоже, божественную посланницу неслабо так укачивало.

Когда они, наконец, доплыли, все без исключения вздохнули от облегчения. Всё-таки находиться в ограниченном пространстве, в то время как между некоторыми пассажирами воздух трещит от напряжения, — удовольствие далеко не из приятных.

Риана, когда сошла на землю, пошатнулась и едва не упала. Её штормило так, словно сам остров качался на волнах. Первые дни путешествия она чувствовала себя вполне нормально, могла даже тренироваться, но последние были настоящим ужасом. И ей придётся набраться немалой смелости, прежде чем она опять решится на ещё одно плавание.

Немного придя в себя, жрица, наконец, оглянулась и с удивлением обнаружила, что они высадились вовсе не в глуши, как она ожидала. Здесь был небольшой портик с пристанью, и недалеко даже виднелся посёлок.

— Это Горный, — сказал Лекамир, стоявший рядом.

Риана посмотрела на рыцаря.

— Горный что?

— Просто "Горный". Называется так. Здесь большие залежи золота и серебра, а также драгоценных камней. Не так много конечно, как в горах герцога Зеленовского, но вполне достаточно, чтобы снаряжать корабли и строить посёлки. Местным жителям это не совсем нравится, и первое время были стычки... — начал рассказ Лекамир и, подхватив что-то из вещей, пошёл куда-то вперёд. Риана, заслушавшись, последовала за ним. — Но потом, в конце концов, договорились мирно. Люди равнины не трогают их, а они не нападают на посёлки и разрешают добывать дары гор. Самих островитян не прельщают ни золото, ни камни.

— И что же, они так запросто разрешают на их земле хозяйничать другим?

— Они "отдали" только прибрежные горы, запретив углубляться в леса. Не скажу, что попыток не было. Но об этом они не спешат рассказывать...

— Но ты откуда-то знаешь? — усмехнулась Риана.

— Не забывай, что я тут был лет семь назад. — Лекамир серьёзно глянул на неё. — И об этом мне рассказали сами местные. Хотя они поначалу вообще подумали, что я очередной разведчик, который хочет посягнуть на их территорию. Мне многого стоило заверить их, что я всего лишь путешественник. Но, конечно, окончательно убедило их доверять мне то, что я одолел того зверюгу, который поедал местных жителей.

— Это ты о том подвиге, за который тебе Зика подарили.

Лекамир нахмурился.

— Мне не нравится слово "подарили", но да. После того случая она осталась со мной. Семь лет прошло... Ну надо же...

Риана улыбнулась и, оглядевшись, заметила его сестру, которая нервно оглядывалась по сторонам и, казалось, была совсем не рада тому, что вернулась в родные земли. Её нервозность была жрице не очень понятна.

— Здесь есть какая-нибудь таверна? — спросил Эгрант, когда рыцарь со жрицей поравнялись с ним.

— Это не город и даже не деревушка, — сказал Лекамир, — а рабочий посёлок. Здесь только бараки. Хотя я не знаю, может, и изменилось что за эти годы.

— Лекамир, я не хочу опять идти туда, — тихо прошептала Зика и испуганно глянула в сторону посёлка.

— Не волнуйся Зика, мы разобьём небольшой лагерь рядышком.

— Что-то не так? — спросила Риана.

— Ну, скажем, — замялся Лекамир, — когда мы здесь останавливались в прошлый раз, был один неприятный случай. Горняки здешние совсем одичали, изголодались по женской ласке и отвыкли общаться с порядочными людьми. Потому, любую женщину принимают за шлюху и ведут себя соответствующим образом. В общем, была потасовка, кое-кому пришлось кулаками объяснять, что не стоит хватать девочку и тащить куда-то, куда она не хочет.

Зика во время рассказа задрожала от возникших ужасных воспоминаний. Лекамир погладил её по голове, успокаивая, но продолжал смотреть на Риану.

— Так что мы не пойдём в посёлок, и тебе, Риана, лучше остаться с нами. Как я говорил, женщинам там опасно.

— Ты же знаешь, уж кто-кто, а я могу за себя постоять. — Она улыбнулась. — Но я, пожалуй, соглашусь с тобой. К тому же, в незнакомом месте лучше держаться рядом.

Она повернулась к их союзнику.

— Эгрант?

— Конечно, почему нет. Я с вами.

Лекамир вдруг напрягся.

— А где этот помешанный?

— Аккес ушёл самым первым. — Эгрант махнул куда-то в сторону леса. — Решил разведать территорию. Позже он нас найдёт.

— Может, нам повезёт, и его пристрелят островитяне? — пробубнил Лекамир и, подхватив несколько дорожных мешков, направился к посёлку.

— Я бы не стал на это рассчитывать, — сказал с улыбкой Эгрант, который, конечно, всё расслышал. — Я бы даже поставил на то, что островитяне его даже не заметят.

Небольшой лагерь они разбили достаточно далеко от посёлка, чтобы никто к ним не наведывался, и достаточно близко, чтобы можно было самим, в случае необходимости, туда добраться. После чего перед Лекамиром встала тяжёлая дилемма. К горнякам необходимо было сходить хотя бы для того, чтобы запастись провизией в дорогу, но он не мог взять с собой Зику, так как та категорически отказывалась идти, и оставить он её не мог, учитывая, что Аккес мог появиться в любую минуту. Что бы там кто ни говорил, а рыцарь ему не доверял и никогда доверять не будет. И только после того, как Риана многократно пообещала постоянно находиться рядом с Зикой, он всё же решился и пошёл один.

В самом же посёлке ничего особенно не поменялось. Все те же постройки, только более потрёпанные временем. Большая крытая кухня, в которой стряпухи неизменно что-то готовили. Народу почти не было, но это не удивительно. Половина на работах, другая половина отсыпается. Хотя можно было заметить пару фигур бегущих по своим делам.

Но ему не было ни до кого дела и потому он, зайдя на кухню, без труда закупил провизии и почти бегом вернулся обратно, так как всё то время, что он отсутствовал, сердце его было не на месте. К его возвращению уже был разведён костёр и даже приготовлены места для ночёвки.

Вскоре в их маленьком лагере появился и Аккес, неся за плечом две тушки зайцев, которые стараниями Зики быстро стали ужином.

Это была первая совместная ночь на открытом воздухе. Атмосфера в лагере была несколько напряжённой. Центром этого, конечно же, был Лекамир, который не спускал глаз с генералов Дракона. Хотя тем, казалось, не было до этого никакого дела. Эгрант по-прежнему лишь улыбался и легко беседовал с Рианой, а Аккес сразу после еды опять ушёл в лес, что было ещё хуже, так как рыцарь теперь и вовсе не знал, с какой стороны ожидать опасности. Он по-прежнему отказывался верить, что они полноправные союзники и ожидал подвоха в любой момент.

Зика тоже никак не могла уснуть. Вся зажатая она неподвижно лежала на месте и смотрела перед собой, напрягаясь ещё сильнее от каждого постороннего звука.

Риана до глубокой ночи сидела с упрямым Лекамиром, который отказывался идти спать. Но, в конце концов, прилегла рядом с девушкой, надеясь, что её компания ту немного успокоит.

— Что тебя так тревожит, Зика? — спросила жрица, когда она в очередной раз прижалась к ней. — Никто здесь не причинит тебе вреда и не позволит, чтобы кто-то другой причинил.

— Я знаю... — тихо прошептала она.

— Тебя пугают те рабочие из посёлка?

Зика лежала и молчала. Ей не хотелось вспоминать, как в прошлый раз грязные потные мужики тянули к ней руки, пытаясь ухватить за ещё едва появившуюся грудь. Как от них смердело не только потом, но и испражнениями, вперемишку с перегаром от выпивки. Её чуть не вырвало тогда. Да и сейчас от одного воспоминания замутило.

— Я боялась, что он оставит меня там... — тихо сказала она.

— Кто? Лекамир? — удивилась Риана. Зика словно маленькая девочка лежала, уткнувшись ей в плечо, и говорила так тихо, словно боялась сама себя услышать.

— Я ведь видела, что он не хотел меня. Я была обузой. А тут вдруг я кому-то понадобилась... я боялась, что он просто уйдёт...

Она заплакала ещё сильнее, прижавшись к Риане, а та, словно чувствуя её боль, обняла девушку, пытаясь успокоить.

— Мне тогда оставалось бы только умереть.

— А вернуться? Может, ты могла бы тогда вернуться обратно к своим?

— Не могла. Они бы меня сами высекли и убили. Никто бы не поверил, что Лекамир просто так оставил меня. Получить ассану, пусть даже такую, как я, всегда честь и большая награда. Количество ассан — это богатство. Никто добровольно от них не отказывается.

— Что значит "ассана"?

— Тот, кто лишается воли, и тот, у кого единственный смысл жизни — следовать за волей другого.

— Как же ты стала такой ассаной? Это наказание какое-то?

— Чаще всего именно так. Но ассанами становятся и те, кто не может самостоятельно выжить. Все должны делать что-то для племени, чтобы заслужить право свободной воли. Дети этого не могут, поэтому о них заботятся родители, пока те не вырастают. Мои родители погибли от Ашшарта, когда мне было пять лет. Потом пришёл Лекамир и победил Ашшарта. И тогда было решено подарить ему меня.

— И только потому, что погибли родители, тебя сделали рабыней? Неужели у вас никто не мог позаботиться о сироте?

— Не рабыней, ассаной. Конечно, поначалу о нас заботились, но я была бесполезной, в отличие от моего брата. Отец успел научить его охотиться, и он стал добывать мясо на пропитание. Его приняли, и он стал членом племени. А я ничего не умела, была даже мала для того, чтобы согревать чью-то постель.

— Подожди. У тебя есть брат?

— Да. Его зовут Ошшур. Он на пять лет старше меня.

— И он что, не мог о тебе позаботиться? О родной сестре?

— Он заботился. Первое время он делился со мной мясом. Но потом всё реже и реже. Мне едва удавалось найти какую-нибудь еду. Иногда меня звали помогать и кормили. Но чаще всего никому не было до меня дела. А Ошшур и вовсе перестал меня замечать. В конце концов, стать ассаной — не такая плохая участь. Хотя бы с голоду не дадут умереть.

— Нелегко тебе было, — грустно вздохнула Риана, поглаживая девушку по голове.

— Но потом пришёл Лекамир, и меня подарили ему. Племя, конечно, было радо от меня избавиться, ведь даже как ассана я не приносила много пользы. И я даже была немного рада уйти оттуда. Но когда мы пришли сюда, и я вдруг подумала, что Лекамир бросит меня...

Риана крепче прижала девушку к себе.

— Тихо-тихо. Всё обошлось, он тебя не бросил. Посмотри на него сейчас: Лекамир тебя

охраняет так, будто ты действительно его настоящая сестра.

Зика кивнула и расплакалась.

— Не бойся. Никто больше не причинит тебе боли. Теперь у тебя есть Лекамир. А ещё я.

Так они обе, обнявшись, и заснули. А Лекамир позже прикрыл их своим тёплым плащом. Он сидел недалеко и невольно слышал их разговор. Историю Зики он и до этого знал, разве что не в таких подробностях. Она не любила вспоминать свою жизнь на островах. Но он не знал, что у неё есть живой брат, который так запросто отказался от родной крови. Он ещё тогда заметил, что в племени девочек значительно больше мальчиков, во многом из-за того, что мужчины старались одолеть того самого монстра, которого местные называла Ашшарт. А ему просто навязали одну из девочек, чтобы не заботиться ещё и о ней. Он только потом узнал, что Зика сирота.

Рыцарь, посмотрев на небо, глубоко вздохнул.

У всех свои правила и законы. Бывали и более страшные обычаи, где таких, как Зика — маленьких, беспомощных и бесполезных, — просто убивали. Без жалости и сожалений. Однако всё равно, слышать все это было противно.

Он, конечно, не мог позволить ей остаться в бараках в качестве подстилки горнякам, какой бы обузой она ни была. Но всё же был момент, когда Лекамир хотел оставить девочку в одной из деревень. Думал, что ей там будет лучше, чем бродить с ним испытывая удачу. Рыцарь рассказывал Риане об этом случае, о том, как Зика бежала за ним вся зарёванная, но он умалчал о том, чего до сих пор стыдится. О том, какое облегчение испытал, оставив её, и какое раздражение, когда пришлось опять взять её с собой. Теперь он понимал, что маленькая девочка боялась, что вся история повторится... Возможно, ей действительно было бы лучше с теми простыми людьми, чем с ним, но теперь Лекамир был даже рад, что Зика осталась рядом. Ведь она с тех пор стала самым близким ему человеком. И рыцарь был готов любого, кто посмеет её обидеть, разорвать на куски.

И всё-таки зря он взял её с собой в это путешествие. А ведь думал, что ей будет приятно побывать в родных местах...

Утро было на удивление лёгким. Лекамир хоть почти и не спал, не считая лёгкой дремоты время от времени, чувствовал себя вполне бодрым. Зика после ночной исповеди даже повеселела и хлопотала над завтраком с неизменной улыбкой на лице. Даже Аккес вернулся в лагерь и сел немного в стороне в поле зрения и выглядел вполне безопасным.

— Не знаю, насколько точны мои карты, — говорил Эгрант, показывая Риане какой-то свиток, — но по моим подсчётам, талисман находится где-то в центре острова.

— С чего такая уверенность? — спросила Риана, рассматривая эти схематичные рисунки.

— Уверенности нет. Только предположение. Этот амулет, как и многие другие, был перенесён со своего исконного места. Так что у нас не самая лёгкая задача. Думаю, лучше всего отправиться в леса к ближайшим жителям и расспросить о нём.

— И как же вы собирались искать самостоятельно, если даже понятия не имеете, где он? — не удержался от вопроса Лекамир.

— Ну, начать в любом случае лучше с расспросов. — Эгрант посмотрел на него.

— Вы ведь в курсе, что на островах изъясняются совсем по-другому? Вместо слов у них странные звуки, похожие на слова, но совершенно не понятные. У них всё звучит совершенно не так.

— Да, мы в курсе. Это называется "другой язык". Это как иметь всему своё собственное название.

— И на что же вы рассчитывали? На пальцах объяснять? Сомневаюсь, что вы знаете "их собственные названия".

— Я знаю, — послышался тихий, но чёткий голос со стороны.

Все повернулись к Аккесу, который продолжал всё так же отчуждённо строгать какую-то палку.

— Он знает, — запросто повторил Эгрант, как будто это было само собой разумеющимся.

— О, неужели, — съязвил Лекамир. — Откуда же, мне интересно? Или это тоже от самого беспощадного и всемогущего короля Дракона?

— Вообще-то, ты не единственный, кто был на этих островах, — сказал Аккес и повернулся к нему.

— Только не говори, дикарь, что ты тут уже бывал.

— Я — нет. Но встречал того, кто бывал. И научился языку от него. Возможно, я не так уж хорошо его знаю, но для начала хватит.

— У Аккеса талант к языкам, хотя, конечно, в этом мире, где их всего три, этот талант бесполезен, — усмехнулся Эгрант, продолжая копаться в своих свитках. — Он вообще быстро всему учится. Ну... почти всему.

— Только не начинай, — нахмурился Аккес, скосившись в его сторону.

— О чём вы? — удивилась Риана, поглядывая то на одного, то на другого.

— Я о том, что магия ему никак не поддаётся.

— Вот ещё магии тут не хватало, — пробубнил себе под нос Лекамир. Мысль о том, что этот кровожадный монстр вдобавок умел бы колдовать, холодком прошлась по его спине.

— Может, хватит уже причитать о моей бездарности в магии?

— Но истинная магия...

— Я сказал — хватит!

Аккес пронзил друга недовольным взглядом, который вполне можно было принять за враждебный, если бы не Эгрант, который просто улыбался ему в ответ.

— Всё-всё, замолкаю. — Он приподнял руки.

Риана, не замечая этого странного переглядывания, задумчиво спросила:

— Я не очень хорошо в этом разбираюсь, но разве магией не может овладеть любой, кто хочет?

— Только не классической, — тут же подхватил Эгрант. — Здесь нужен дар, поэтому магов так мало. Ты же должна знать, что каждый вид магии имеет своё отличие и особенность. В мирах элементарной магии надо найти источник и выпить силу стихии. В шаманизме нужно знать все тонкости обрядов. А с магией мысли просто иметь сильную волю, которую в свою очередь может развить любой.

— А в нашем мире, значит, первая, которая классическая, и тут нужно родиться магом, так? — спросил Лекамир. Хотя эти два генерала ему не нравились, он признавал, что каким-то образом они знали гораздо больше даже старцев-мудрецов.

— Да. Так принято считать. Но сейчас у нас нет времени на длинные объяснения, — уклончиво ответил Эгрант, убирая в сумки свои свитки. — Я думаю, мы пока пойдём в сторону первого отмеченного поселения местных жителей.

— Давайте завтракать, — послышался звонкий голос Зики, и Эгрант, отложив сумку,

поспешил к огню, где уже чувствовался аппетитный запах еды.

Все разговоры были отложены. Каждый, даже Риана, с удовольствием наслаждался похлёбкой с копчёностями, которую приготовила Зика. Лекамир не без гордости смотрел на неё. За время их походов ей удавалось соорудить чудесный ужин буквально из ничего. И, похоже, её навыки не пропали за то время, что она отсиживалась в замке.

После завтрака все стали быстро собирать вещи, готовясь к долгому и наверняка сложному пути.

Эгрант подошёл к Аккесу, который стоял неподалёку и тревожно всматривался в заросли.

— Ты что-нибудь полезное разузнал, пока бродил по лесу? — спросил Эгрант.

— Поблизости минимум две группы местных. Я несколько раз наткнулся то на одних, то на других. А сегодня утром увидел сражение, — сказал тот, не отводя своих внимательных глаз от теней среди деревьев.

— Здесь поблизости два племени, и они действительно не дружат между собой, — сказал Лекамир, слыша их разговор.

Аккес окинул его небрежным взглядом и опять отвернулся к лесу.

Риана, которая рядом проверяла своё оружие, прикрепляя ножны на пояс, задумчиво спросила у рыцаря:

— Кто-нибудь из них может нам помочь?

— Не думаю, — сказал тот, оборачиваясь. — Эй, Зика, подойди, будь добра.

Девушка удивлённо вскинула голову и, отложив плед, который складывала в дорожную сумку, пошла к нему.

— Расскажи про близнецовые племена. Ты о них больше знаешь.

— О! — Она со смущением заметила, как все внимательно на неё посмотрели. Было видно, что даже Аккес прислушивается, хотя и стоял, отвернувшись к лесу. — Это два племени Ацоодис и Оллушон. Они живут на краю леса и охраняют наши края от посторонних людей. Ацоодис находится там, ближе к горам. — Она указала к шахтёрским посёлкам, но чуть в сторону. — Они следят за тем, чтобы люди, которые там живут, не заходили глубже положенного. А Оллушон находится ближе к берегам и следит за остальной территорией. Наверняка их разведчики нас уже обнаружили. Оба эти племени очень агрессивны и враждебны. Нередко нападают друг на друга, но серьёзных войн не было... По крайней мере, пока я не уехала. Что было в последние несколько лет, я не знаю.

— Возможно ли как-нибудь с ними договориться?

— Сомневаюсь в этом, — сказал Лекамир, покрутив головой. — Мне в прошлый раз пришлось сидеть у шахтёров почти три месяца, прежде чем удалось найти способ попасть вглубь леса. Один плюс, я хоть научился немного понимать их тарабарщину.

— И как же тебе удалось пройти? — спросила Риана.

— Я воспользовался моментом. Когда эти дикари в очередной раз начали свою войну между племенами, то настолько увлеклись этим, что перестали наблюдать за лесом. Этим я и воспользовался, пройдя по краю леса незамеченным. Обратный трюк уже не сработал. Нас с Зикой спасло только то, что мы покидали лес. Думаю, они больше не повторят той ошибки. Тем более, как я понял, времени у нас не особо много.

— Это верно. Что же нам делать теперь?

— Прорываться, — решительно сказал Аккес.

— Нельзя их убивать! — воскликнула Зика, после чего, испугавшись собственного

крика, зажала рот. Когда же всё внимание обратилось к ней, девушка, заикаясь и краснея, продолжила: — Они наши защитники... если они умрут... некому будет охранять.

Зика замаялась и нахмурилась. Осознание того, что она до сих пор считает себя частью островных племён, не очень ей понравилось. А ведь она даже возвращаться сюда не хотела.

— Не обязательно ведь их убивать, — задумалась Риана. — Можно попробовать пройти мирно. Теперь-то мы сможем сразу им объяснить, что пришли на время.

— Они не будут слушать. — Рыцарь нахмурился. — Нападут тут же. Даже то, что ты жрица, не поможет. Сомневаюсь, что они тут вообще слышали о жрицах. Надо найти способ пройти так, чтобы они нас не заметили.

— Возле гор идти не стоит, поэтому мы можем отправиться этим путём, ближе к берегу, — сказал Аккес. — Местность в тех местах холмистая, а деревья густые. Есть хороший шанс затеряться.

— Но именно там и находится племя Олужон. — Лекамир покосился на него.

— Как раз поэтому нам лучше идти именно там. Я наблюдал за их разведчиками. Они, в основном, расположены у края леса и в центре. Видимо, стерегут и границу между племенами. Именно там я и видел их стычку. Поэтому нам надо пойти достаточно близко к поселению, чтобы не было необходимости отправлять туда разведчиков, но достаточно далеко, чтобы остальные жители нас не заметили.

— Нас заметят в любом случае.

— Не заметят. Я буду их отвлекать.

— Каким это образом? — недоверчиво спросил, скривившись, Лекамир. — Не буду говорить, что меня это как-либо расстроит, но тебя убьют прежде, чем ты что-то заметишь. Всё твоё хвалёное мастерство тебе не поможет, если тебе пустят дротик в глаз.

Аккес медленно повернулся к рыцарю.

— Лес — не то место, где меня можно застать врасплох, — произнёс он с каменным лицом, что только больше разозлило Лекамира. — Я родился и вырос в лесах.

— Оно и видно. Дикий варвар.

— Ты, дубоголовый, как будто специально добиваешься... — Аккес холодно посмотрел ему прямо в глаза.

Лекамир, даже будучи первым рыцарем королевства, почувствовал некое неудобство от этого пронзительного взгляда, но уступать не собирался. Нахмурившись, он с вызовом спросил:

— Чего добиваюсь?

— Чтобы я тебя поскорее убил.

Аккес продолжал спокойно, даже равнодушно, смотреть, но было видно, что он не шутит. Неприятное предчувствие пробежало у рыцаря холодком по спине. В очередной раз он убедился, что с этим дикарём надо быть настороже. Тем не менее, он постарался беззаботно улыбнуться и вести себя непринуждённо.

— Никто и не сомневался, что ты кровожадный монстр. Да покажите мне хоть одного, кого ты не хочешь или не пытался убить.

— Вспоминай об этом почаще. Тем более, когда опять захочешь что-то мне сказать, железяка.

И, развернувшись, он отошёл в сторону и занялся своим снаряжением.

Лекамир проводил его тяжёлым взглядом, а потом раздражённо повернулся к Эгранту:

— И как вы только с ним уживаетесь?

На что Эгрант поднял руку и большим пальцем ткнул себе в грудь. Заметив непонимающий взгляд рыцаря, он улыбнулся и пояснил:

— Ты просил показать. Я показал.

Закатив глаза, Лекамир взял Зику за руку и отвёл подальше в сторону, решив не спускать с неё глаз. Эти двое хоть и разные, как день и ночь, похоже, отлично спелись, а значит, ничего хорошего от них обоих ожидать не стоит.

Риана старательно прятала улыбку, наблюдая всю эту сцену. Но когда она вновь повернулась к Аккесу, то заметила, что он снимает ножны со своими клинками и сворачивает их вместе с оружием в какую-то ткань, убирая в сумку. После чего начал откреплять наплечник, также убирая его прочь.

— Что он делает? — спросила она Эгранта.

Глянув на друга, он пояснил:

— Убирает оружие, как видишь. Ему так проще, особенно если нужно много двигаться или скрываться, — после чего насупился. — А значит, его мечи придётся тащить мне.

Эгрант грустно выдохнул, похоже, расстроившись, что придётся нести дополнительный груз. Риана же осторожно подошла к самому Аккесу. Она ещё немного опасалась того, что он может напасть, хотя в последнее время, как ей казалось, даже внимания на неё не обращает.

— Ты собираешься идти туда без оружия? — спросила жрица, глядя на то, как Аккес пристёгивает кожаный ремень к правой ноге чуть выше колена.

Аккес медленно выпрямился и посмотрел на девушку. На её лице он увидел удивление и даже некоторое беспокойство, что его даже немного позабавило.

Риана, стараясь не замечать его каменное лицо и пристальный взгляд, от которого внутри всё похолодело, сосредоточилась на своих словах.

— Ты же собираешься отвлекать местных жителей и должен понимать, как это опасно. Ведь они будут вооружены и наверняка попытаются тебя убить. А ты снял всю броню и оружие. Как ты будешь себя защищать теперь?

Она укоризненно кивнула на дорожный мешок, куда он складывал свои вещи.

Его же лицо оставалось совершенно бесстрастным, безо всякого намёка на какую-либо эмоцию. Ничего не отразилось на нём даже тогда, когда в его руке непонятно откуда появился кинжал длиной в локоть. Аккес демонстративно перекрутил клинок между пальцами, привлекая к нему внимание, после этого засунул его в ножны, которыми и оказались кожаные ремешки на ноге.

Видя её искреннее, почти детское изумление, он всё же не удержался от небольшой усмешки. Однако, так ничего и не сказав, развернулся и стремительно побежал прямо к лесу. И всего за пару мгновений он полностью затерялся в густой растительности.

Риана только растерянно смотрела ему вслед. Она по-прежнему считала, что Аккес поступает глупо, идя на враждебную территорию с одним единственным кинжалом. Но жрица верила, что он знает, что делает.

— Я хочу тебя поблагодарить, — услышала она голос Эгранта, который подошёл к ней. Он нагнулся и поднял оставленную сумку, вешая её себе на плечо.

— За что? — удивилась она.

— За него, — ответил Эгрант, кивая в сторону леса. — Ты ведь заметила, что он не надевал маску с тех пор, как мы начали путешествие на корабле. И даже сейчас не взял её с собой. Хотя её устрашающие свойства ему быгодились.

— А я тут причём? — всё ещё не понимала Риана.

Эгрант усмехнулся, покачивая головой, как бы поражаясь её недогадливости.

— А из-за кого он её снял там на дороге? Пусть и против воли.

— Он что, до этого её не снимал? — удивилась она.

— Не при посторонних. Это ведь не просто боевая маска. Ты должна это понимать. —

Он пытливо посмотрел на неё. — Он считает её оружием, но на самом деле это щит.

— Щит? — удивилась она, но потом осознала: — Он пытается скрыть свои отличительные черты, то есть происхождение?

— Отчасти так. — Эгрант задумчиво кивнул. — Но дело не только во внешности. Он прячется от самого себя, от настоящего себя...

Эгрант посмотрел на Риану, которая внимательно его слушала, и улыбнулся.

— Когда человек осмеливается взглянуть в лицо самому себе и своим страхам... Именно тогда он становится по-настоящему сильным. Я благодарю тебя за то влияние, которое ты волей или неволей оказала. Этот дуралей продолжает злиться, ещё не понимая всего этого, — вздохнул Эгрант. — Ох... вроде умный, способный... Для этого мира — так вообще на редкость образованный. Знаешь, ведь я не шутил, когда говорил о его способности к языкам. Он может говорить на девяти, а писать на четырёх.

— Ох, ничего себе, — удивилась Риана.

— Вот и я о чём. Мозги варят, а ведёт себя иногда как... Ох...

Он удручённо опустил голову.

— Не притворяйся разочарованным, — улыбнулась Риана, наблюдая за тем, как на лице Эгранта появляется хитрая улыбка. — Я же вижу, насколько вы к нему привязаны. И ты конкретно.

— И всё равно он дуралей, — сказал Эгрант, широко улыбнувшись.

Смех Рианы прервал оклик Лекамира:

— Эй, нам пора выдвигаться.

Обернувшись, оба заметили, что сумки собраны, упакованы и самые большие из них уже взвалил себе на плечи сам рыцарь.

— Ох, я помогу, — тут же воскликнула Риана и, подбегая, схватила связку одеял и котелок, а подумав, подхватила ещё и одну из сумок с продуктами. В этот момент она даже немного позавидовала Аккесу, который, в отличие от них, будет двигаться налегке. Но выбора не было. У них и так старались многого не брать.

— Итак, — начал Лекамир, когда все были полностью готовы двигаться в путь. — Несмотря на старания нашего "друга"... которого, уж не обижайтесь, я бы предпочёл увидеть мёртвым за первым же холмом, нас всё ещё может ожидать опасность. Следовательно, я иду первым, чтобы...

— Может, давай лучшее я? — тут же перебила его Риана. — У меня меньше вещей. И мне проще будет сражаться, да и...

— Нет, Риана. — Лекамир непреклонно посмотрел на неё. — Первым пойду я. Я конечно, не наделён божественной силой, но тоже вполне способен сражаться. К тому же, кроме Зики, только я бывал в этих местах, а её я первой не пушу ни при каких обстоятельствах. После меня пойдёт Эгрант, потом Зика, а ты замыкающая. И если уж на нас нападут со спины, ты будешь очень кстати.

— Я понимаю, — слегка расстроилась жрица.

— А вы, сэр рыцарь, настоящий командир и лидер. — Эгрант улыбнулся, поправляя на

своём плече дорожный мешок.

— В моём подчинении целый полк воинов, поневоле таким станешь, — отмахнулся Лекамир и двинулся к лесу.

— Ну, это как посмотреть, — себе под нос сказал Эгрант и последовал за ним.

— Что вы хотите этим сказать? — тихо переспросила Зика, которая шла за ним и потому его слышала.

Эгрант улыбнулся девушке и так же тихо прошептал в ответ:

— Только то, что тебе повезло с ним.

Глаза Зики засияли от гордости и немного от смущения. Хотя ей и не требовались никакие подтверждения того, что Лекамир — лучшее, что она встречала в своей жизни. Она и так ради него была готова на всё.

Когда все четверо зашли в лес, то начали осторожно продвигаться в том направлении, о котором условились. Хотя Лекамир не раз повторял, что они все сошли с ума, решившись на такой рискованный план.

Продираясь через заросли, он то и дело останавливался, чтобы как следует осмотреться. И дело не только в возможной засаде и враждебных островитянах. Леса сами по себе были местом полным опасностей. Ядовитые растения, дикие животные, ямы и обрывы, в которых легко поломать ноги. Лекамиру приходилось высматривать и обходить опасные места стороной, хотя даже такие предосторожности не всегда помогали. Например, Риана, хоть и шла замыкающей, зазевавшись, всё-таки умудрилась свалиться в обрыв.

— И как тебя угораздило? — раздражённо спросил рыцарь, вытаскивая девушку наверх.

— Засмотрелась на бабочку, — хихикнула жрица, стараясь скрыть своё смущение. — Такая большая и красивая...

— Я буду тебе благодарен, Риана, если ты будешь любоваться бабочками в другое время. Не тогда, когда мы пытаемся скрыться от опасных дикарей, — сказал хмуро Лекамир и, убедившись, что она цела, продолжил путь.

И жрица грустно вдохнула и тоже заняла своё место в конце группы. Она понимала, что Лекамир прав. Разглядывать окрестности и придаваться мечтам сейчас не самое лучшее время.

Это было удивительно, но пока они пробирались сквозь лес, им не повстречалось ни одно животное или человек. Сколько бы Лекамир ни старался, ему не удавалось разглядеть хоть кого-то.

— Лес как будто вымер, — сказал он, в очередной раз, рассматривая открывшуюся им поляну.

— Или всё проще, — улыбнулся Эгрант, — кое-кто старается расчистить нам дорогу.

Лекамир недовольно нахмурился, ему не хотелось оставаться в долгу перед этим варваром. Эгрант же просто шёл и улыбался сам себе. Он точно знал, что Аккес где-то поблизости. Уж кто-кто, а он понимал, что вполне может пройти рядом с этим "дитём леса" на расстоянии вытянутой руки и не заметить его. У Аккеса были свои таланты и один из них в способности настолько слиться с природой, что найти его становилось практически невозможно. И если те же языки давались ему легко, эту способность он упорно тренировал годами.

Всего полдня пути — и они вымотались так, что едва передвигали ноги. Даже Риана, которая с каждым днём всё больше ощущала своё смертное тело, тихо шла в конце, экономя

силы. Только Лекамир, не обращая внимания на ноющие мышцы, чувствовал прилив счастья.

Поход, природа и приключения. Он так скучал по всему этому. И хотя он уже не был зелёным юнцом, который мог бы за пару часов преодолеть весь этот путь, на который они потратили в разы больше времени, он всё равно был воодушевлён. Он всё больше и больше склонялся к мысли, что когда всё это закончится, он сделает всё, чтобы избавиться от службы во дворце, и вновь отправиться в путешествие. К тому же, Риана не раз повторяла, что как жрица чувствует потребность много путешествовать по миру. И это и отличный повод, и возможность наконец вернуться к тому, к чему он всегда стремился.

Его радостные предвкушения прервались, когда, преодолев очередной холм, они заметили следы, говорящие о присутствии человека. Сломанная ветка, примятая трава, сложенные прутья, а где-то обобранные кусты ягод. Какое-то время назад здесь были люди.

— Мы уже близко, — тихо сказал Лекамир, — старайтесь не шуметь.

Стремясь обойти те места, где было больше всего следов, Лекамир тихо шагал, нервно придерживая меч. Он ещё с прошлого своего путешествия помнил, насколько агрессивными могут быть местные жители.

Но даже он, хоть и старался быть внимательным, весьма удивился, когда неожиданно из кустов, прямо ему навстречу, вынырнул мальчишка лет восьми. Чумазый и с запачканным чем-то красновато-синим лицом. Мальчишка испугался не меньше его и замер, пока из тех же кустов к нему не вылезла девочка чуть постарше. Скорее всего, сестра. В руках она сжимала плетёную корзину, полную ягод. Девчонка тоже уставилась во все глаза на рыцаря.

Несколько секунд прошли в гробовом молчании. И когда из-за его спины выглянул Эгрант, чтобы понять, что так затормозило рыцаря, девчонка словно вышла из оцепенения и заверещала на весь лес.

Лекамир от неожиданности отшатнулся, чуть не сбив Эгранта с ног. Девчонка же, кинув корзину, схватила брата за руку и бросилась бежать.

— Явись мне Многоликий, — выругался Лекамир. — Быстро! Все бежим, пока сюда не нагрянули воины.

Четвёрка вместе с Зикой и Рианой, которые толком не поняли, что произошло, резко побежали вперёд. Даже усталость забылась и неожиданно открылось второе дыхание. Только вот ненадолго. Всё-таки тяжёлые вещи на плечах и незнакомая местность только мешали.

Первой не выдержала Зика. Споткнувшись, она упала прямо на землю, оцарапав руку до крови.

Сдерживая рыдания, она пыталась подняться. Риана мгновенно подхватила её, помогая встать на ноги.

Лекамир, заметив заминку, тоже остановился. И, прислушавшись, услышал вдалеке шум, треск веток и крики от преследователей. Стараясь двигаться быстрее, они только оставляли множество следов, которые не заметит только слепой.

— Что у вас там? — спросил он со сбившимся дыханием.

— Зика упала.

— Я в порядке. Нельзя задерживаться! — Девушка старалась не шевелить рукой в надежде, что рана не опасная. — Они быстрые.

— Там впереди какой-то каньон, нам не пройти, — сказал Эгрант, который пользуясь временной остановкой, постарался осмотреться. Надо выбрать, куда свернуть.

— Двинемся к нему, — задумавшись на секунду, ответил Лекамир. — Если он

небольшой, может, удастся пересечь его или спрятаться.

Ещё не договорив, рыцарь подтолкнул девушек, чтобы они шли вперёд. Теперь он шёл последним, постоянно оглядываясь, чтобы понять, насколько преследователи успели их догнать. К его сожалению, те двигались так, словно бежали по прямой, не встречая никаких препятствий. Они едва успели достигнуть края каньона, как первое копьё воткнулось в землю позади них.

Резко развернувшись, Лекамир скинул ношу, готовясь принять бой. Бежать уже не было смысла. Спрятаться они не успеют, а если будут спускаться вниз, то их закидают насмерть. Если они вообще выживут после такого спуска. Мельком глянув вниз, он заметил, что каньон слишком глубокий, а дно прикрывали кроны деревьев. Так что ещё неясно, где именно безопасней.

Заметив, что рыцарь остановился, Эгрант вопросительно на него посмотрел.

— Уходите, — крикнул Лекамир. — Я задержу их.

— Нет! — тут же воскликнула Зика. — Я не уйду без тебя.

Однако Эгрант, ментально оценив ситуацию, схватил девушку и потащил вдоль обрыва.

— Я остаюсь, — сказала Риана, подходя к другу.

— Нет! — тут же вскрикнул Лекамир, доставая меч. — Ты иди с ними.

— Я сказала, что остаюсь. — Жрица решительно посмотрела на него. — Обычно я готова соглашаться с твоими командами и решениями, но не проси оставить тебя умирать в одиночестве.

— Лекамир! — кричала Зика, выбиваясь из рук Эгранта, но тот крепко её держал.

Рыцарь нахмурился и старался не оборачиваться на душераздирающий крик. Он знал, что если обернётся, она точно не уйдёт, и тогда обязательно погибнет. Пусть Лекамир и намеревался обойтись без убийств, всё же надеялся, что она простит его, раз он будет спасать свою жизнь. Да и жизнь остальных тоже.

Первый воин в шкурах с разъярённым лицом тут же появился из-за холма. Он на бегу замахнулся огромной палкой, к которой был прикреплён острый камень.

Лекамир зло наотмашь ударил островитянина так, что тот отлетел в сторону. Со стороны уже показались ещё двое. Риана выхватила свои мечи и опытным взглядом осмотрела поле боя и противников, которые прибывали целой толпой. Пока они с Лекамиром пытались отбиться от первой пятёрки, к ним подоспели ещё пара десятков.

— Да чтоб вас Многоликий заметил, — выругался Лекамир. — Откуда вас столько?

Он был особо сильно зол ещё и потому, что Эгранту с Зикой не удалось уйти, и сейчас они притихли где-то сзади. Ну, хоть не высовываются — и то хорошо.

Риана же ни о чём не думала, она уже вошла в боевое состояние и только старалась не наносить смертельные раны без лишней необходимости. О каких-то разговорах уже не могло быть и речи. Тут её никто уже не будет слушать и всё, что ей оставалось это попытаться переубедить этих людей своим оружием и пролитой кровью...

Потому порхая среди них словно бабочка, она наносила резкие, но не глубоки ранения, которые выводили противников из строя, но враги всё прибывали и прибывали, словно всё поселение бросилось им вдогонку. Хорошо было уже то, что они перестали метать в них копья и стрелы, опасаясь попасть в своих. И хорошо, что не додумались расстрелять ещё на подходе, видимо, решили, что справятся с двумя воинами, один из которых женщина. Лекамир и Риана, хоть и с трудом, давали отпор, не позволяя никому подобраться к

товарищам, которые прятались за их спинами.

Риана, полоснув по груди бегущему к ней мужчине, ударила его рукояткой прямо в нос, на время обезвреживая ещё одного. Всё-таки было бы намного проще, если бы они сразу убивали противников. Впрочем, убитые тоже были, но только двое.

Замахиваясь Кереном на очередного нападающего, Риана с удивлением заметила, как в его плечо попало грубо обтёсанное древко стрелы. Зарывав, он пытался её выдрать, но жрица оглушила дикаря, прежде чем тот успел что-то сделать. После чего оглянулась и как раз успела заметить, как прямо с дерева на ближайшего воина прыгнула чёрная тень, сшибая того с ног.

— Как раз вовремя, — пробубнил Лекамир, недовольно скривившись.

Аккес метнулся к следующему мужчине, делая подножку и сбивая того с ног ударом по голове. Риана с удивлением заметила, что он тоже старался без необходимости не убивать. Он носился по полю боя, как тень, с самодельным луком за спиной и с выпачканным в чём-то чёрном лицом.

Отвлекаясь на своих противников, Риана на некоторое время потеряла его из виду. Враги начали пробиваться к краю каньона, где скрывались Зика с Эгрантом. Те, достав оружие, тоже пытались обороняться. Эгрант, закрыв девушку своей спиной, пытался её защитить, как мог, но и Зика, выглядывая из-за него, вполне решительно держала оружие в руках, хотя ещё утром просила не убивать её соплеменников.

Через какое-то время, совершенно непонятно как, Аккес оказался рядом с ними. В этой мешанине было сложно уследить за всем, и когда он попытался оттащить от Эгранта замахнувшегося на него варвара, другой с разбегу и со всей силой врезался в него, повалив на землю. Пытаясь отделаться от него, Аккес сделал кувырок в сторону, но враг не сдавался.

В конце концов, в процессе борьбы оба подкатились слишком близко к обрыву.

— Осторожно! — крикнула Зика, с ужасом наблюдая за всем этим.

Эгрант, который как раз добил того, кто на них нападал, повернулся в сторону обрыва и только успел заметить, как оба, сорвавшись, полетели вниз.

— Нет! — выкрикнул он и побежал туда. Но когда подошёл к краю, то уже никого не было видно. — Нет... нет... нет...

Он упал на колени, всё ещё стараясь рассмотреть хоть что-то сквозь крону деревьев, которые росли на дне каньона.

— Что произошло? — спросил Лекамир, подходя ближе. Они успели перебить или обезвредить почти всех. Остальные же предпочли отступить.

— Нет, — всё ещё поражённо повторял Эгрант.

Зика с широко распахнутыми от недоумения глазами сказала:

— Он упал... туда, — дрожащей рукой она показала в сторону обрыва.

— Аккес? — переспросил Лекамир и посмотрел на Эгранта, который всё ещё сидел у края. — Вот же... Многоликий.

Его мучили угрызения совести из-за того, что когда-то он желал ему смерти. Парень ведь отлично справился со своей задачей, обеспечивая им безопасный путь. Это они опростоволосились. Да и на выручку вовремя пришёл.

— Он же выжил? Так? — дрожащим голосом произнесла Риана, и, взглянув на неё, Лекамир заметил, как побледнело её лицо и задрожали губы.

— Не знаю... — медленно произнёс он, не решаясь сказать прямо, что это почти невозможно.

— Он точно выжил! — вдруг уверенно произнёс Эгрант, поднимаясь. — Я впервые так сильно испугался, что голова отключилась. — Он немного растерянно улыбнулся. — Он не может умереть, иначе Первый сказал бы мне. Он не умер... не умер...

— Ну, раз так, то давайте не будем его здесь ждать и уйдём до того, как местные решатся на очередную атаку.

Лекамиру не очень хотелось сейчас спорить или тем более разрушать чьи-то надежды. Он прекрасно понимал Эгранта, который никак не мог смириться с тем, что потерял друга. Рыцарь и сам не раз в битвах терял хороших людей. Девушки были не менее поражены случившимся, и он решил воспользоваться временным воодушевлением своих спутников и поскорее покинуть это место.

Двигаться теперь придётся с большей осторожностью, ведь никакой поддержки больше не будет, так как Аккес, скорее всего, мёртв. А грустить по этому поводу или радоваться, он решит потом, когда они будут в безопасности.

Олея сидела в кресле и едва сдерживалась от того, чтобы не подскочить от переполнявшей её энергии и радости. Но подобное поведение не подобало принцессе, которая, к тому же, скоро должна была стать королевой. Поэтому девушка смиренно сидела на месте. Хотя она не могла спрятать счастливый блеск глаз, когда наблюдала за сестрой, которой в этот момент укладывали волосы.

— Я так рада за тебя, сестра! Так рада!

Келина скосила на неё недобрый взгляд.

— Ты говорила мне это уже с десятков раз, Олея, — сказала она, нервно дёрнув головой, от чего служанка, которая трудилась над её волосами, упустила пару слишком коротких прядей. — И я тебе неоднократно говорила, что радоваться тут нечему. Этот мужчина — настоящее чудовище, хуже него только тот другой генерал, который убивает всех без разбору.

— Но согласись, он ведь так красив, — не сдавалась Олея. — Высокий, изящный, с потрясающей улыбкой. Ты видела его идеальные черты лица? Этот прямой нос, чувственные губы, а какие глаза! Настоящие аквамарины.

— Олея! — окликнула сестру Келина. — Ты что, не слышишь, что я тебе говорю? Этот человек опасен! Ты только посмотри на себя! Только о нём и говоришь, хотя в начале осени выходишь замуж. Он до тебя ещё даже не дотронулся, а ты уже голову потеряла и только о нём и думаешь.

— Я всего лишь выражаю своё восхищение, — надулась девушка. — И ты не запретишь мне радоваться. Каким бы ужасным он ни был, я счастлива хотя бы от того, что из-за него ты, наконец, опять надеваешь платья и прихорашиваешься. Мира, оставь эти пряди висеть по бокам, так ей больше идёт.

— Да госпожа, — сказала служанка.

— Мне всё это совсем не нужно, — сказала Келина, продолжая хмуриться. Она чувствовала себя загнанной в ловушку. Ей хотелось выгнать Альдана, спустив на него всех собак, но, при всём желании, она не могла это сделать, потому что этот её новоявленный жених сделал умный ход. Он подарил им надежду на мир, да ещё подкрепив это предложением руки и сердца. Хотя в правдивости первого она сильно сомневалась. Впрочем, как и в искренности его предложения. Наверняка это какая-то уловка.

Келина посмотрела на свою сестру, которая уже почти вытеснила Миру и сама начала хлопотать над её причёской. В одном Олея всё же была права.

Альдан красив.

И тем меньше смысла в его предложении. Келина вполне трезво оценивала свою внешность и понимала, что красота — не её преимущество. А такие, как Альдан — которые сами красивы и прекрасно это понимают, — прежде всего, обращают внимание именно на внешность. Она же никогда не слыла красавицей, а её достоинства многие считают ещё бóльшим недостатком, чем отсутствие красоты. Ну не могла же она очаровать его своим отсутствующим чувством юмора и трясущимися от страха коленками?

Нет. Она знала, что в его предложении нет ни капли правды.

— Идеально! — воскликнула Олея, рассматривая то, что удалось создать на голове сестры. — Теперь ты сногшибательна.

— Тогда будем надеяться, что он упадёт замертво и мы поскорее от него избавимся, — пробубнила Келина, поднимаясь.

— Не говори глупости, — усмехнулась Олея. — Наносите финальные штрихи, а я пока пойду подсматрю, что там делает отец и принц. Мне очень хочется увидеть их реакцию, когда ты появишься.

— Олея, — окликнула почти убежавшую сестру Келина. — Не приближайся к принцу Альдану. Помни про его магию. Он же...

Но младшая принцесса скрылась, не остановившись даже для того, чтобы дослушать то, что хотела сказать её сестра. И Келине оставалось только молиться, чтобы безрассудность сестры не вышла ей боком, ну и ещё торопить служанку, чтобы она поскорее закончила с лентами и шпильками.

А Олея, прежде чем зайти в главный зал, остановилась, а потом, отдышавшись, расправила плечи и буквально "вплыла" в комнату, наполненную гостями и негромкой музыкой. В центре зала уже начались танцы, но почувствовали в них лишь немногие: несколько фрейлин со своими ухажёрами да пара приглашённых гостей. Большинство же предпочитали стоять в стороне и вести беседы, да сплетничать.

На тихо вошедшую принцессу мало кто обратил внимание, разве что самые преданные её поклонники, которые не отрывали глаз от входных дверей, ожидая, когда предмет их воздыхания, наконец, явит себя. Но Олея вовсе не расстроилась тем, что её не заметили, она даже проигнорировала своих кавалеров и поспешила к трону отца.

Король Анаквий как всегда восседал со скучающим лицом. Олея знала, что ему невероятно скучно, впрочем, как всегда, но он обязан был присутствовать, ведь праздник устроен в честь послов и гостившего у него принца Альдана. И он не мог проигнорировать это мероприятие. Позже она подойдёт к отцу и попытается его немного развеселить беседой, но сейчас у неё была другая цель.

Принц Альдан, как и положено почётному гостю, находился по правую руку от короля. В отличие от многих других, он был одним из тех, кто заметил её появление, и сейчас с лёгкой улыбкой смотрел на то, как Олея приближается к отцу, приветствуя его согласно обычаем.

Когда все условности были соблюдены, принцесса подошла ближе к Альдану.

— Добрый вечер, Ваше Высочество, — сказала она.

— Чудесный вечер, принцесса Олея. А вы сегодня ещё более очаровательны, чем в нашу прошлую встречу.

К его удовольствию, Олея смущённо опустила глаза.

— Это когда вы просили руки моей сестры? Я и не надеялась, что вы меня заметили.

— Как же я мог не обратить внимания на столь красивую девушку.

— О, благодарю, но должна отметить, что вы сами весьма привлекательный мужчина. — Она слегка подняла глаза и очарованно посмотрела на него. — Моей сестре повезло...

Альдан усмехнулся, но старался выдать ухмылку за простую улыбку, что ему с блеском удалось. Кто бы мог подумать, что младшая Люкенская принцесса может так быстро им увлечься. Её неприкрытое восхищение немного льстило ему и искушало. Такую, как она, покорить несложно. Несколько высокопарных фраз и томных взглядов, случайное прикосновение и поцелуй украдкой... и всё, девушка ни о ком больше думать не сможет. Тут даже магия не нужна, она сама плывёт в руки.

Можно было сыграть для маленькой принцессы очаровательного принца, чтобы ей потом было что вспоминать. Ведь скоро этой розовощёкой малышке предстоит брак по договорённости. А, как известно, королевские браки редко бывают счастливыми.

Только вот... ему было скучно. Всё это случалось уже не раз. Он уже сбился со счёта, сколько девиц вот так же смотрели на него с придыханием. Хотя... можно было и поиграть с ней немного, в ожидании его главной добычи.

— Прелестной принцессе не стоит лишать мужчину возможности делать комплименты. Это моё право — восхвалять вашу красоту и обаяние, — сказал он, чуть опустив голову и лукаво поглядывая на неё.

— И вы, похоже, в этом настоящий мастер, — засмеялась в ответ Олея. — Что бы вы ни говорили, вам хочется верить. И сделать всё, что угодно, чтобы вы продолжали говорить все эти сладкие слова.

Альдан рассмеялся.

— Вы опять пытаетесь мне льстить, принцесса.

— Разве перед Вами возможно устоять? — Она посмотрела на него и опять лучезарно улыбнулась. Олея откровенно любовалась красотой его лица и насыщенным оттенком его голубых глаз. А интерес в его взгляде всё же заставлял её сердечко биться быстрее. Кто бы мог подумать, что на свете существуют такие красивые люди! Она была готова любоваться им часами.

— Позвольте пригласить вас на танец, Ваше высочество? — спросил Альдан, делая пригласительный жест. Он прекрасно понимал, какое впечатление произвёл, и его продолжала умилять подобная наивность и простота.

Олея посмотрела на его протянутую руку, и улыбка пропала с её лица.

Ведь у всего есть обратная сторона, и не всегда она так же чиста и приятна. Усмехнувшись, она опять посмотрела на Альдана.

— Боюсь, я не могу принять ваше приглашение, любезный принц, — сказала она, делая маленький шаг назад. — Вы очаровательный хищник, который увидел во мне лёгкую добычу. Я права? Ваши прекрасные глаза цвета аквамарина не скрывают Вашу истинную натуру. Мне приятна Ваша внешность, но, должна признаться, у меня достаточно ума, чтобы разглядеть то, кем вы являетесь.

Альдан удивлённо замер в той же позе с протянутой рукой.

— Какая жалость, что не мне выпала возможность поиграть с вами в игру с помолвкой. Эх... — она вздохнула. — Всё-таки моей сестре очень повезло.

— Я... — всё, что мог выговорить Альдан. Он буквально потерял дар речи, настолько его это поразило. Он никак не мог соотнести те слова, что услышал, с этим всё ещё полным

наивности и чистоты лицом.

Олея, видя его замешательство, весело улыбнулась.

— Наверно, вам следовало больше стараться, милорд. — В её глазах блеснул озорной блеск. — Я наблюдала и за более искусными в своём лицедействе соблазнительями. Пусть моя юность вас не обманывает. Вам ли не знать, что самые искусные интриги плетутся именно в королевском окружении. А я здесь выросла и многое успела повидать.

Альдан удивлённо вскинул брови, глядя на младшую принцессу уже другими глазами. Не так уж часто ему встречались те, кто смог его настолько одурачить. Тем более такая молодая девушка. Приглядевшись к ней по-новому, он заметил лукавый изучающий взгляд, который прятался за наивно хлопающими глазами, и довольную ухмылку за вежливой улыбкой. Как интересно, в ней сочетается детская невинность и придворная хищность.

Поразительно.

И, тем не менее, несмотря на свои слова, она продолжала смотреть на него с восхищением и даже не пыталась этого отрицать или спрятать, хотя и держала дистанцию.

Но он не успел как следует это обдумать, потому что его внимание привлекло неожиданное движение в толпе и возрастающий шум гостей. Посмотрев в ту сторону, Альдан на миг забыл обо всём, о чём думал до этого.

По залу шла старшая принцесса Келина Люкенская. И она была великолепна, когда величественно шла сквозь толпу, а все оборачивались, смотря на неё с изумлением. И это не удивительно, она вся светилась... только от гнева.

Келина заметила свою сестру, которая стояла рядом с её так называемым женихом. Стояла слишком близко. Страх вместе с гневом перемешались в ней, и принцесса, забыв об этикете, стремительно пошла прямо к ним.

— Олея! — едва сдерживая гнев, обратилась она к сестре. — Я же говорила тебе держаться от этого чудовища подальше!

— Сестра, — Олея обыденно посмотрела на неё, — не надо так говорить. Принц Альдан весьма красив, хочешь ты это признать или нет.

— Я вовсе не о его внешности говорю. — На этот раз гневный взгляд был направлен на самого Альдана, который вовсе не обиделся, а наоборот, стоял рядом, слегка посмеиваясь.

— Я очень рад, принцесса, тому, что вы весьма постоянны в своих взглядах. Это характеризует вас как очень верного человека.

— Не вам радоваться моей верности, — сквозь зубы прошипела Келина, но потом дёрнулась, словно одумавшись. Вежливо, но натянуто, она улыбнулась и, отвернувшись, направилась к королю, своему отцу, чтобы поприветствовать его, как подобает примерной дочери.

— А ещё как очень упрямую и принципиальную, — прошептал сам себе Альдан, провожая её взглядом. И тут он заметил Олею, которая продолжала стоять недалеко и как-то хитро на него смотреть. Но лишь до тех пор, пока её сестра не схватила девушку за руку и не потащила за собой.

Его позабавила вся эта ситуация. Две девушки. Одна красива и не скрывает своего восхищения. Вторая... по-своему привлекательна, но яростно демонстрирует свою неприязнь. Любой здравомыслящий на его месте выбрал бы первую из девушек. Даже он сам раньше попытал бы счастья с обеими, но начал бы так же с младшей принцессы. Но...

Да. Бывали моменты, когда Альдан специально принимал вызовы. На его пути уже встречались женщины, которые ему отказывали. Разные на то были причины. И он прилагал

немалые усилия, чтобы сломить их сопротивление. Он был готов ждать, предвкушая сладость победы. Случалось и так, что приходилось отступать, когда видел, что усилия бесполезны или не стоят той награды, которой он жаждал. И лишь один раз он пожалел о том, что добился своего...

Воспоминание о случае с Лаурой всегда портило ему настроение и, к его собственному раздражению, заставляло задуматься о том, будет ли он доволен результатом, если начнёт прикладывать силы, чтобы добиться своего.

Альдан нахмурился, но, глянув ещё раз на принцессу Келину, он тут же забыл обо всём.

Что-то внутри будоражило его каждый раз при взгляде на неё. Эта строптивая принцесса была ходячим вызовом. И когда он видел, как она упрямо вздёргивает свой носик, Альдана просто распирало подойти и щёлкнуть по нему. А потом провести пальцами по волосам, слегка дунув ей в ухо. Хотелось увидеть, как краска растерянного смятения зальёт её щёки, как её взгляд затуманится. Почувствовать, как её ладонь вцепится в его руку в попытках не потерять равновесие. Потом он бы легонько коснулся её шеи, поворачивая её лицо к себе, а она, забывшись, открыла бы свои губы, неосознанно ища его поцелуя...

Он любил завоёвывать непокорных. И у него есть прекрасная возможность попытаться, раз уж он здесь в качестве соискателя руки принцессы Ястреб. И никому не повредит, если он немного задержится здесь, чтобы вдоволь поиграть с ней.

Коварная улыбка разлилась по его губам, и, когда Келина опять повернулась и настороженно посмотрела в его сторону, он подмигнул ей, подняв свой кубок, салютуя. Девушка в очередной раз возмущённо приподняла свой очаровательный носик, который не портила даже небольшая горбинка. Но Альдан продолжал улыбаться, потому что знал, что через некоторое время, она опять посмотрит на него.

Она всегда смотрела.

Снова и снова...

Это был вызов, на который он не мог не ответить.

Издав звук, больше похожий на стон, он открыл глаза и посмотрел на небо, местами закрытое ветками деревьев. Это ж надо было настолько потерять бдительность, чтобы свалиться с такой громадной высоты.

Любое движение отдавалось болью во всём теле. Кровь стучала в ушах, гул стоял такой, что он сам себя не слышал. А после первой же попытки подняться его желудок скрутило спазмами и всё, что осталось от последнего приёма пищи, полезло наружу.

Когда перед глазами перестали плясать круги, он огляделся и заметил тело того идиота, из-за которого они свалились. Когда они полетели вниз, Аккес инстинктивно прикрылся врагом так, что именно дикарю достался первый удар о покатый склон. И потом тот летел дальше, первым встречая все кочки и камни. Когда же они налетели на деревья, с лихвой досталось обоим. Его незадачливый соперник уже скончался от ушибов, но Аккес всё ещё старался спастись. Деревья встретили его не мягкой кроной, а крепкими ветками, которые, тем не менее, хоть и одали его синяками, всё же сдерживали его падение, так что до земли он долетел вполне живой.

Хотя живым он себя совсем не чувствовал. Всё тело болело, будто с него кожу живьём содрали, не говоря уже о дикой головной боли.

Хотелось лечь и заснуть, но Аккес знал, что именно этого делать не стоит. И прежде всего потому, что враги могут в любое время прийти сюда и добить его. Ещё неизвестно, чем

там наверху дело закончилось. Хотя вояка со жрицей неплохо справлялись. К тому же, она ведь бессмертна, так что ему вообще не обязательно было вмешиваться. Только вот врагов было слишком много. Убей они дубоголового, она бы, может, всех и одолела, но кто-то мог зацепить Эгранта или ту девушку...

В общем, чего теперь жалеть.

С трудом и только с четвёртой попытки он всё-таки поднялся и с сожалением посмотрел на сломанный лук. Впрочем, найти другую крепкую ветку не составит труда. Подняв сломанное оружие, он снял тетиву и положил обратно во внутренний карман. Для лука сейчас не время. А вот кинжал надо бы найти. Падая, он выронил оружие, и найти его было первой и весьма затруднительной задачей, так как он с трудом стоял на ногах, а в глазах всё расплывалось. Но ему повезло заметить блики, которые отражало лезвие его кинжала в траве.

Поднявшись и сделав пару шагов, Аккес пошатнулся от острой головной боли, которая, как волна, накрыла его. Прислонившись к ближайшему дереву, он подождал, пока спазмы пройдут, и осмотрелся ещё раз.

Солнце уже садилось, и скоро наступит ночь. Благо, для него это не проблема. Во тьме он мог ориентироваться так же хорошо, как и при свете дня. Хоть что-то полезное всё-таки досталось от предков. Только вот в его нынешнем состоянии что день, что ночь — он бесполезен, пока шатается, словно бражник из таверны.

Кое-как двигаясь, Аккес поднял свой кинжал и пошёл вдоль ущелья, стараясь оставлять как можно меньше следов. За мертвецом, в любом случае, однажды спустятся и будут интересоваться, куда делось второе "тело".

Аккес отыскал небольшой ручеёк и, вдоволь напившись, вдруг заметил растущий недалеко куст с ягодами. В голове тут же проснулись неприятные воспоминания из похожей ситуации... Но ягоды были другие и незнакомые ему, поэтому, несмотря на голод, он к ним не притронулся, так как не мог сказать наверняка, ядовиты они или нет.

Пройдя некоторое расстояние и чувствуя, что силы на пределе, Аккес заметил, что в одном из отвесов есть трещины. Некоторые из них были достаточно большими, чтобы можно было туда спрятаться. Не самое удобное место для отдыха, но это было лучше, чем просто свалиться без сил прямо на землю, где любой, от человека до хищника, запросто на него наткнётся.

Подойдя к самой большой щели, первое, что он сделал, это убедился в том, что ничего не обвалится ему на голову. Потом он осмотрелся: вполне возможно, что столь удобное место уже занято каким-нибудь хищником.

К счастью в воздухе пахло лишь сыростью, что обнадеживало, так как любой зверь обязательно в логово притащил бы свою добычу, останки от которой со временем начали бы тухнуть, распространяя запах гнили. Костей тоже не было видно, и это убедило его в том, что это место всё-таки безопасно. По крайней мере от хищника.

И Аккес забрался внутрь где, крепко удерживая рукоятку кинжала, попытался уснуть.

Спал он урывками и беспокойно. Боль не хотела его отпускать, но, тем не менее, к утру он чувствовал себя лучше. Голова по-прежнему гудела, но уже терпимо. Всё остальное тело наоборот, казалось, начало болеть ещё сильнее. Почему-то вспомнились те дни, когда он слишком усердствовал с тренировками. Тогда каждая мышца отдавалась болью, почти как сейчас. Помимо прочего, он был весь мокрый от пота и жутко голодный.

Понемногу разминая тело, Аккес осторожно выбрался наружу, зорко осматривая

местность. Вроде ничего не изменилось. О нём забыли, и это было весьма неплохо.

В поисках еды он вышел на поляну и увидел стаю куропаток, которые были настолько ленивы, что даже не подумали взлетать или хотя бы убежать от него. Они важно прогуливались мимо, словно чувствовали себя полными хозяевами этих мест. Такая их неосмотрительность была ему на руку, так как обеспечивала ему аппетитный ужин. И от предвкушения, запекающегося на огне мяса, во рту начала скапливаться слюна.

Глупые птицы заподозрили неладное, только когда он сделал несколько шагов вперёд, чтобы было удобнее попасть в них. Луком ему так и не удалось обзавестись, как и стрелами, что упростило бы ему задачу, а так пришлось повозиться. В первую птицу он метнул нож. Смерть одного из них взбудоражила куропаток, и те бросились врассыпную, кто в кусты кто в воздух. Но Аккес успел подбить ещё двух птиц, подняв несколько камней, что в изобилии валялись под ногами.

После удачной охоты и сбора веток для огня он, наконец, смог насладиться трапезой. А утолив свой голод, Аккес начал обдумывать, каким образом ему выбраться из этого каньона и как выйти на след Эгранта.

Первым пунктом было запастись провизией. Поэтому, осмотрев растущие деревья, он нашёл себе подходящее молодое деревце для того, чтобы сделать новый лук и подстрелить себе ещё несколько жирных ленивых птиц.

Второе, что ему было необходимо сделать, — это найти место, где можно подняться наверх. Поэтому он двинулся вдоль каньона в сторону, в которую, как он думал, должны были пойти остальные.

Проведя в пути полдня он, наконец, обнаружил место, где будет возможно подняться. Скала была чуть менее отвесной и с достаточным количеством уступов, чтобы можно было зацепиться. Аккесу раньше не приходилось много лазить по горам, потому опыта у него было мало. Тем не менее, он знал, чего ожидать, и, даже будучи не в лучшем состоянии, оставался в отличной физической форме, так что вполне мог бы совершить подобный подъём.

Прежде чем начать выбираться, он устроился на привал, чтобы дать отдых гудевшим мышцам и восстановить силы. Но стоило ему расслабиться — и ушибленные от падения места тут же поспешили о себе напомнить ноющей болью. Впрочем, это не удивительно, он давно понял, что если не обращать на боль внимания, она тоже будет тебя "игнорировать", но стоит о ней вспомнить...

Аккес вообще ненавидел болеть. Как и всё остальное, что заставляло его чувствовать себя слабым. И потому даже после изнурительных тренировок, когда всё тело деревенело, он предпочитал "лечиться" теми же тренировками. Разогретые от напряжения мышцы уже не так болели, а там и вовсе проходили.

Но сейчас необходимо было немного отдохнуть, потому что подъём будет тяжёлый и ему потребуются все силы, чтобы не сорваться и не получить очередную порцию синяков... если он вообще переживёт ещё одно падение.

Аккес решил переждать ночь. Хотя его глаза и адаптируются к темноте, всё же солнечный свет ничего не заменит. Поэтому рано утром, когда солнце вот-вот начало показываться, он умылся водой из протекающего по дну ущелья ручья, прогоняя головную боль и сонливость, потом размял протестующие мышцы и приступил к делу.

Подъём отнял у него половину дня и кучу сил, но обогатил ненавистью ко всему миру. Которая, впрочем, прошла сразу, как только он взобрался, наконец, наверх и, тяжело дыша,

разлёгся на прохладной траве. Теперь он обожал весь окружающий мир, что, опять-таки, тоже продлилось не долго.

Отдышавшись и передохнув, он отправился на поиски следов. А уж их он точно найдёт. Об этом даже нехотя позаботится эта неуклюжая гора железа.

Поиск укромного места не составил труда — благо, растительность здесь была густая, а вот с поисками следов пришлось повозиться. Половину ночи он бродил по лесу, радуясь хотя бы тому, что знает нужное направление. Вояка наверняка повёл всех в поселение, о котором говорила та девушка, а она успела указать его приблизительное месторасположение.

Однако чем глубже Аккес уходил в лес, тем становилось опаснее. Он видел следы крупных хищников, и это его не радовало. К утру он, наконец, наткнулся на то, что искал. Примятая трава и засыпанное кострище. Ну что за глупцы. Оставлять такие явные следы. Любые преследователи вычислили бы горе-беглецов, даже особо не стараясь.

К счастью погони не было.

Если не считать его самого.

Позволив себе слегка улыбнуться, Аккес ещё раз внимательно огляделся. Как он и предполагал, компания двигалась на север, и он, похоже, отставал от них ровно на день. Удивительно, что так мало. Может, они специально двигаются медленно и оставляют явные следы, чтобы он смог их нагнать? Впрочем, со следами они перестарались.

Проверив крепление кинжала на ноге и поправив самодельный лук за спиной, Аккес пошёл дальше. Торопиться и бежать он не стал, чтобы не растрачивать зря силы, так как всё равно догонит их ещё до заката, ведь, в отличие от них, он идёт один и налегке. Не стоит бежать на износ, тем более что силы ему ещё могут понадобиться, учитывая, сколько тут признаков обитания хищников.

Двигаясь по лесу, ему всё же приходилось делать некоторые перерывы. Пусть боль он умел игнорировать, но всё же загонять себя тоже не хотелось. Благо с питанием проблем не было и даже своими наспех сделанными кривоватыми стрелами, он смог добыть себе кролика, а ещё наткнулся на орешник.

На самом деле, если забыть об ушибах и постоянное чувство опасности, Аккес наслаждался каждым мгновением своего пути по лесу. Этот запах хвои и смолы, этот стрекот насекомых и перекличка птиц, шуршание листвы на ветру... Он готов был закрыть глаза, лечь прямо на траву и провести весь день, только ощущая всё это.

Впечатления были такие, словно он вернулся домой. Где-то на задворках памяти ещё остался запах маминой стряпни и стук отцовского топора, который раньше ассоциировался у него с домом, но даже там всегда присутствовал дух леса, который только окреп в его позднем детстве. Сегодня для него дом — это то, что он чувствовал сейчас... кроме боли в боках.

Неловко оступившись, Аккес налетел на дерево, ударившись плечом, и невольно застонал, злясь на самого себя за проявление слабости.

Он тряхнул головой, пытаясь прийти в себя после боли, которая на миг застала пеленой его глаза, и с усилием делая шаг вперёд. Но тут услышал яростный рёв медведя и крик.

Замерев лишь на миг, Аккес, тут же забыв обо всём, бросился на звуки. — Друзья или враги... но крик был женским, и он не мог просто так пройти мимо.

— Так, осторожно... шаг назад, — тихо и медленно говорил Лекамир, глядя на Зику,

которая полными ужаса глазами смотрела на чёрно-бурую гору, возвышающуюся перед ней. Во время небольшого привала она решила собрать земляники, которая в здешних местах ещё не успела отойти. Но среди кустов и холмов, где росли ягоды, она наткнулась на медведя, который оказался голодным и потому злым.

Ягоды все рассыпались, а девушка начала медленно отступать. Лекамир, находившийся неподалёку, пытался аккуратно увести её от зверя. Зика же словно приросла к земле.

И тут медведь взревел, вставая в полный рост.

Зика от ужаса сама закричала. Она знала, что нельзя бежать. С детства ей об этом говорили. Но она отвыкла от леса и, к тому же, видела медведя впервые в жизни, а потому, забыв от страха обо всём, резко развернулась и побежала.

— Стой!

Лекамир бросился за ней, прекрасно видя, что она бежит в тупик. Прямо к тому холму, с которого они недавно с таким трудом спустились, а уж подняться, тем более ей одной, не было никакой возможности. Благо, медведь был по какой-то причине медлительным, и рыцарю удалось его обогнать. По пути он поднял большую тяжёлую ветку с него ростом и, замахнувшись, попытался отпугнуть зверя, но тот затормозил лишь на мгновение, после чего, обнажив зубы, начал рычать и бить лапой по ветке, в щепки разнося то, что рыцарь, с его не малой силой, едва удерживал в руках.

— Уведи её! — крикнул рыцарь Риана, которая стояла недалеко и с ужасом смотрела на всё это. Сам же Лекамир отметил, что морда у зверя была исцарапана и даже кровоточила. Видимо, он успел с кем-то сцепиться, что объясняло и его медлительность из-за возможных ран и злость. Понимая, что не сможет удержать медведя, Лекамир выхватил оружие и начал криками отпугивать его.

Зверь отшатнулся, но не убежал и, сделав пару шагов в сторону, опять заревел.

Риана в это время подбежала к Зике, но та, добежав до места, где они спускались, поняла, что это тупик, и, бессильно упав на землю, в ступоре смотрела на ревущего медведя. Она не реагировала ни на слова, ни на попытки сдвинуть её с места. Всё, что она могла, — это смотреть... смотреть на то, как зверь пытается убить Лекамира точно так же, как когда-то Ашшарт её родителей. И точно так же она ничего не могла сделать...

Риана, видя, что Зика её не слышит, выхватила своё оружие и решила присоединиться к Лекамиру. Она же воительница и запросто может справиться с толпой обученных воинов, а тут всего один зверь. Но стоило ей приблизиться и самой увидеть огромную ревущую пасть медведя, как она так же, как и Зика ранее, остолбенела. Знакомый холодок пробежал по её спине.

Она однажды чувствовала нечто похожее... Липкое и холодное, противными щупальцами опутывающее всё тело.

Страх.

Руки задрожали и одеревенели.

Она помнила, как в прошлый раз точно так же замерла, и помнила то чувство беспомощности и незащитности, которое испытала. Позже всё, конечно, прошло, и Аккеса она уже давно не боится, но память о том, что благодаря ему почувствовала, осталась. Она решила, что больше никогда не хочет испытывать его вновь. Пусть будет страх, но никогда больше она не хочет быть незащитной.

Поэтому, не обращая внимания на ледяную дрожь внутри, она подняла оружие, готовясь биться до конца...

Лекамир только зло выругался, когда заметил, что она встала рядом с ним. Медведь же увидев, что противников стало двое, опять поднялся на задние лапы и с оглушительным рёвом двинулся к ним. Его явно кто-то хорошо разозлил.

И тут где-то сверху послышался шорох и треск, но ни у кого не хватило сил посмотреть, что происходит, пока сверху не промелькнула тень. И в следующую секунду тёмная фигура прыгнула прямо на медведя. Зверь взревел, пытаясь лапами сбить неожиданную помеху. Но тут сверкнул кусок металла — и кинжал воткнулся ему в глаз, потом так же молниеносно в другой глаз и, наконец, в ухо.

Послышался душераздирающий рёв, от которого кровь застыла в жилах, и медведь свалился на землю.

Тяжело дыша, Аккес отскочил от поверженного врага. Ему ещё повезло, что тот был не на пике своих сил, иначе подобный трюк бы не удался, учитывая и его не самое лучшее состояние. После этого прыжка у него перед глазами опять заплясали круги. Но он не собирался демонстрировать, насколько тяжело ему это далось. С всё ещё сбившимся дыханием Аккес приподнял голову и начал осматриваться. Если бы он сейчас не чувствовал себя так, словно этот медведь по нему потоптался, он бы, возможно, даже улыбнулся, видя откровенное удивление на лицах присутствующих.

— Ну вот... Он всё-таки жив, — наконец сказал Лекамир, недовольно вздохнув. Однако его наигранное разочарование никого не обмануло. Рыцарь действительно вздохнул с облегчением.

— Ты как будто недоволен, что я спас вам жизнь, кусок железа, — произнёс Аккес, убирая кинжал и оглядываясь в поисках Эгранта.

— Уж с медведем я как-нибудь справился бы.

— А со мной нет. Я знаю. — Словно потеряв интерес к беседе, Аккес пошёл в сторону, где уже показался Эгрант. Когда напал медведь, он был дальше всех, и потому ничем помочь не успел. Он уже хотел попытаться утихомирить зверя своим способом, но Аккес появился раньше.

— Эффектное появление. Ты как нельзя вовремя, Аккес. Рад, что с тобой всё хорошо. — Эгрант с явным облегчением на лице шёл прямо к нему навстречу.

Лекамир, пробубнив что-то и развернувшись, поспешил к Зике, которая, присев на траву, обхватила колени руками и заметно дрожала. Она всё ещё отходила от ужаса, и рыцарь обнял девушку, прижал к себе, пытаясь успокоить. Зика, вцепившись в него, разрыдалась так, что Лекамиру пришлось взять её на руки, тихо нащёптывая на ухо успокаивающие слова.

Риана, видя, как эти двое поглощены друг другом, решила оставить их наедине. В конце концов, кто, если не Лекамир, знает, как успокоить испуганную Зику? Сделав шаг в сторону, она опять увидела уже мёртвого медведя. Несмотря на недавний испуг, ей было искренне жаль убитого зверя. Но больше всего её волновало совсем другое.

Она посмотрела на Аккеса, который стоял в стороне неподалёку с Эгрантом и отстёгивал свои ремни на ноге и поясе. Торопливым шагом она приблизилась к ним.

— Но как... — начала она и запнулась, когда Аккес посмотрел на неё странно настороженным взглядом. Он всё ещё тяжело дышал и, похоже, был не в духе. Непроизвольно она отступила, но решила закончить вопрос: — Как же ты выжил там? Там было очень высоко.

Аккес молча и внимательно оглядел девушку. И опять на её лице беспокойство. Это его

раздражало. С какой стати ей беспокоиться? Она словно маленькая девочка, которая тянет руку к хищнику. И он именно такой хищник. Опасный и злой. Как она этого не может понять? Он проглотит её и не подавится, а она ещё пытается о нём заботиться...

Глупо.

Они так и стояли, в очередной раз молча смотря друг на друга. Она — ожидая ответа. Он — надеясь, что она развернётся и уйдёт.

Когда стало ясно, что никто не собирается отступать, Аккес, продолжая сверлить её взглядом, сказал:

— Эй, Эгрант, можешь сделать что-нибудь с этим?

Отвернувшись от неё, он приподнял свою рубаху, показывая тёмно-фиолетовый бок.

— Небесные искры! — воскликнул Эгрант. — Иди сюда, сейчас я попробую кое-что...

Посмотрев на жрицу, Аккес заметил, как она вздрогнула, увидев огромный синяк на его теле. Почему-то ему было приятно видеть, насколько её это впечатлило. Тем не менее, развернувшись, Аккес пошёл к другу, продолжая полностью игнорировать девушку.

Риана же осталась на месте, удивляясь их странному способу общения. Он не говорил ей ни слова, но... неужели это его способ ответить на вопрос?

С другой стороны, он начал хоть как-то отвечать, что можно считать началом общения, а это очень радовало. Улыбнувшись сама себе, она решила вернуться к Лекамиру и Зике. Возможно, ей тоже удастся помочь успокоить девушку.

Аккес же, присев, наблюдал за Эгрантом, который старался хоть как-то убрать боль и кровоподтёки. У него была слабенькая магия, тем более далеко от Деко, но всё же кое-что он ещё мог. Аккес всё ещё думал о жрице. Её добродушие казалось ему странным и неправильным. Но, что самое неожиданное, искренним. Она ведь жрица и одна из немногих, в ком он ни разу не чувствовал лжи. И это особо его бесило. Все, хоть и редко, врут. Все. Даже Дракон пару раз обманывал людей. Жрица ни разу...

Такое невозможно.

Она словно ненастоящая. Слишком правильная, слишком честная, слишком дружелюбная. У него постоянно возникала мысль о том, что если на неё, как утверждают остальные, не действует магия, то, возможно, на неё так же не действуют и его способности. А значит, она, может быть, та ещё лгунья и притворщица. И потому он всё пытался рассмотреть в ней хоть что-то указывающее на эту фальшивость. Ну не могут существовать такие, как она. Слишком... слишком...

Ему была противна эта идеальность.

— Я думал, тебе понадобится больше времени, чтобы нас найти, — прервал его размышления Эгрант.

— Я торопился.

— Да, но лес ведь большой.

— Не притворяйся. — Аккес недовольно поморщился. — Ты же знаешь, моим желаниям свойственно сбываться, — он всё так же недовольно покосился на жрицу, — даже если мне кажется, что я этого не хочу.

— Да уж. Я помню перекрёсток. — Эгрант вздохнул. — Слушай... Я знаю, что тебе не нравятся эти разговоры...

— Тогда перестань их начинать. Я тебе уже говорил, мне не интересна магия. Даже если она настоящая. — Закусив от напряжения губу, он поднялся. Боль стала слабее, но не прекратилась полностью. — Мне вполне достаточно неприятностей от того, что уже есть...

— Тебя даже не заботит то, что ты один из первых?

— Первые и без меня найдутся, так же, как и более сильные и способные. — Аккес посмотрел на друга. — Ты же знаешь, мои интересы совсем в другом.

— Вообще-то, нет. — Эгрант внимательно взглянул на него. — В чём именно твои интересы?

Аккес тяжело смотрел на Эгранта некоторое время и только потом произнёс:

— В том, чтобы Деко благополучно вернулся в свой мир.

— А потом? — не унимался Эгрант.

— Остальное уже не имеет значения.

— Несмотря на то время, Аккес, ты ещё очень молод, у тебя вся жизнь впереди. Ты хоть раз задумывался, что будешь делать, когда мы покинем этот мир?

Аккес отвёл взгляд, хмуро уставившись в лесную чащу.

— Это не имеет значения.

— Имеет. Для меня. Для Деко.

Аккес продолжал смотреть на деревья, надеясь, что Эгранту надоест ждать ответа и он уйдёт. Но тот тоже был упрям и продолжал требовательно смотреть на него.

— Уйду в лес, — наконец сказал Аккес. — Домой. Я последний из моего рода, племени, последний из скертерийцев и уйду туда, где родился и где была моя семья. Там хорошее место для такого, как я.

— Ты хочешь прожить жизнь в одиночестве?

— Как только Деко уйдёт, никого больше не останется, — сказал он, доставая из сумки свои клинки и закрепляя ножны на спине.

— Ты можешь завести новых друзей.

Повернувшись к Эгранту, он иронично усмехнулся.

— Ты серьёзно думаешь, что в мире найдётся хоть кто-то, кто захочет со мной общаться по доброй воле? После всего, что обо мне известно, и того, что ещё не известно?

— Ну, Риана, похоже, хочет. — Эгрант улыбнулся, кивая в сторону девушки.

Аккес обернулся и вновь посмотрел на жрицу. Брови его опять нахмурились.

— Она хоть и воительница, но глупая и наивная жрица, которая верит, что в мире все хорошие и добрые. Или же она искусная притворщица. — Повернувшись обратно к другу, он не удержался от злорадной усмешки. — И вообще, к тому времени я её уже убью.

Он вложил клинки в закреплённые ножны и, собрав волосы в небольшой хвост на затылке, по привычке пошёл осматривать окрестности, пока остальные собираются. Боль в боку прошла, и даже аппетит опять вернулся. Но едой он займётся позже. Сначала надо убедиться, что все они точно в безопасности.

Эгрант же в очередной раз вздохнул, глядя ему вслед.

— Выпороть, что ли, — пробубнил он себе под нос. — Да вроде взрослый уже.

Собирая свои вещи, он решил по возвращении всё передать Деко, чтобы хоть тот постарался ему мозги прочистить.

В этот день они уже никуда не пошли, устроив себе привал недалеко, чтобы восстановить силы как физические, так и душевные.

Лекамиру пришлось успокаивать Зику почти час, прежде чем она окончательно пришла в себя. И уже к вечеру девушка улыбалась и, как всегда, принялась готовить ужин, стараясь накормить всех вокруг. Время от времени её взгляд останавливался на Аккесе, который

устроился немного в стороне, словно специально увеличивая и без того существующую пропасть между собой и остальными. Когда ужин был готов и все сели есть, она, немного нерешительно потоптавшись на месте, взяла чашку с похлёбкой и пошла туда, где он сидел.

Аккес расположился на одной из веток раскидистого дуба. Он сидел на расстоянии чуть меньше метра над землёй и строгал собранные ветки, готовя себе запас стрел.

— Вот, — услышал он рядом с собой и, повернувшись, увидел девушку. Рука с кинжалом замерла, врезавшись в древко ветки и, похоже, испортив её, но он уже и не думал об этом. Эта девочка стояла рядом с ним и нерешительно протягивала миску с чем-то настолько вкусно пахнущим, что во рту начала собираться слюна.

Но он продолжал, замерев, сидеть на месте, удивлённо её рассматривая. Неужели она не боится к нему подойти? И где носит этого железного болвана, который охраняет её, как цепной пёс?

Зика, между тем, чувствовала всё большее смущение, протягивая похлёбку человеку, который молча продолжал на неё смотреть и, похоже, не собирался ничего брать.

— Это... ужин, — начала она лепетать. — Я приготовила... чтобы поесть.

Аккес, наконец, убрал кинжал и взял протянутую миску, понятия не имея, что ему делать. Он не хотел её спугнуть или обидеть и в то же время был удивлён, что она с ним вообще заговорила.

— Зика! — наконец послышался встревоженный голос её персонального сторожа.

Девушка вздрогнула, а потом, виновато улыбнувшись, прошептала:

— Приятного аппетита... и спасибо, что нас всех спас. — После чего, развернувшись, побежала обратно к костру, у которого сидели все остальные.

Аккес продолжал растерянно смотреть ей вслед и увидел, как рыцарь стал что-то сердито ей выговаривать. Скорее всего, напоминал девушке, с каким чудовищем она только что говорила. Что ж, это всё правда, но он никогда бы ничего ей не сделал.

Посмотрев опять на миску, он вдохнул аромат, но всё не решался съесть. Не потому, что боялся, что туда положили что-то несъедобное. Ему доставляло удовольствие даже просто смотреть на это проявление заботы, пусть это всего лишь вежливость.

— Никогда не видел у тебя такого выражения лица, — послышался голос Эгранта. Он стоял рядом, держа в руке такую же миску, но уже наполовину пустую. — Ты будешь есть? А то я не против добавки.

Аккес, не поднимая на него взгляда, продолжал смотреть на похлёбку в своей руке.

— Скажи, ты же знаешь, кто она, да?

— О чём ты? — беззаботно пожал плечами Эгрант, очередной раз отхлёбывая от своей порции.

Аккес, наконец, посмотрел на него, сурово нахмурившись.

— Не притворяйся. Уж ты в таком разбираешься. Ответь просто — это она?

Эгрант загадочно усмехнулся и, обернувшись, посмотрел на суетливо мельтешащую Зику, которая, как всегда, старалась сделать так, чтобы всем остальным было комфортно и хорошо. Милое дитя.

— Если ты спрашиваешь, является ли Зика твоей сестрой, то да. Это её перерождённая жизнь. И ведь даже похожа немного. — Он опять посмотрел на Аккеса, широко улыбаясь. — Не удивительно, что ты сразу её узнал.

Аккес опять посмотрел на девушку и улыбнулся. И была в этой улыбке некая надежда и грусть, а ещё чуть-чуть счастья, от которого впервые за долгое время улыбка тронула не

только его губы, но и отразилась в глазах.

В конце концов, развалившись на ветке, он с удовольствием отхлебнул из миски, наслаждаясь прекрасным вкусом овощной похлёбки.

В то время как Эгрант, точно так же улыбаясь, продолжал смотреть на него.

Глава 16: Посторонние люди

Риана проснулась, когда солнце ещё не встало. Она теперь спала почти каждую ночь, в среднем по часу. Хотя в последнее время сон не приносил ей такого же удовольствия, как раньше. Она чувствовала внутреннее беспокойство и напряжённость и сама не могла понять, почему.

Постоянно какие-то мысли... странные...

Не желая на них концентрироваться, она потянулась и тихонько, чтобы никого не побеспокоить, пошла к Лекамиру, бдительно сторожащему их маленький лагерь.

— Тебе следует больше отдыхать, — сказала она, протягивая ему флягу с водой.

Лекамир взял флягу и отпил несколько глотков.

— Знаешь, и так нелегко доверять нашу жизнь посторонним... И кажется мне почему-то, что когда на карауле стоит этот варвар, мы в гораздо большей опасности, чем если бы никто не караулил.

— Но ты должен признать, что он неплохо справляется с нашей охраной. К тому же, Эгрант говорил, что ставит какие-то магические штучки, которые, в случае опасности, дадут сигнал.

— И это тоже не внушает мне доверия, — угрюмо сказал рыцарь и посмотрел на девушку. — Мне до сих пор непонятно, почему ты им так доверяешь. Они, в первую очередь, люди, которые возглавили нашествие на наши королевства. Развязали войну, а теперь ещё собирают странные артефакты. Всё это очень подозрительно.

— Я доверяю Первородному, — сказала Риана, улыбнувшись. — Он высшее создание, и моя святая обязанность — помочь ему. К тому же, я верю, что он хочет спасти этот мир и вернуться домой.

— Если бы его не было, и спасти никого не нужно бы было, — сказал рыцарь, хмурясь.

— Тоже верно. — Риана грустно опустила глаза. — Но что есть, то есть. Просто знай, что, пока у нас общая цель, они нам не враги.

— Пока общая цель? А потом что, будем дальше резать друг другу глотки?

— Надеюсь, нет. — Девушка улыбнулась и посмотрела на светлеющее небо. Жрице не хотелось говорить о грустном в это прекрасное утро, поэтому она решила сменить тему: — Я вот подумала... ты никогда мне толком не рассказывал о своих подвигах и путешествиях.

Лекамир вздохнул.

— Для этого есть барды. Я же не умею красиво рассказывать. Для сравнения, вот тебе история: Однажды наткнулся на разбойников, которые как раз возвращались с набега и решили заодно обчистить и меня, приняв за простого путника. Естественно, я дал отпор, да и немного их было. Пять лбов. А потом оказалось, что похитили они какую-то девицу. Та зарёванная просила вернуть её домой. Не мог же я её оставить, пришлось отвести. А там и оказалось, что она благородного рода. Ну, дали награду. Вот и вся история. А потом барды начали петь, будто я, услышав о похищении, отправился сражаться с двумя десятками разбойников, воспылил чувствами к пленнице, чуть не погиб, вызволяя её. И что не смог просить руки её, потому что не был благородного происхождения. И что оба мы остались с разбитыми сердцами.

Риана рассмеялась.

— Очередная история о неземной любви?

— Да какая там любовь. Девчонка та была лет тринадцати, вся в соплях, слезах и дорожной пыли. Постоянно ревела и требовала отвести домой. Да я рад был наконец избавиться от неё.

Риана рассмеялась ещё сильнее.

Лекамир тоже улыбнулся, видя, как заразительно она смеётся.

— Да, теперь это кажется смешным. Хотя я всё равно иногда скучаю по тем временам. Ну, как видишь, неважный из меня рассказчик. Лучше ты что-нибудь расскажи.

Отсмеявшись, Риана сказала:

— А вот у меня, к сожалению, никаких интересных историй и нет. Я же тут меньше полугода. Да и ты почти всегда рядом, так что в курсе всего, что происходило.

— Ну, тогда расскажи о небесном мире. — Рыцарь посмотрел на небо, которое становилось всё светлее. — Как там? Похоже на человеческий мир? Ты никогда не рассказывала о нём.

Риана так же подняла глаза к небосводу.

— Там всё не так... — Она вдруг стала серьёзной. — Это как... обволакивающее тепло и лёгкость. Там нет зависти и страха. Только любовь и свобода. Там можно делать всё, что хочешь, узнавать всё, что интересно. Нет ни запретов, ни секретов. Есть то, что нельзя постичь, но только потому, что ты неподготовлен, а не потому что запрещено. Там все доброжелательны и готовы помочь, если что-то не получается.

— Звучит здорово, — задумчиво сказал рыцарь, но потом повернулся к внезапно поникшей Риане. — Зачем же тогда ты ушла оттуда?

Жрица вдруг посмотрела на него, и на её лице опять появилась улыбка.

— А почему ты отправился в своё путешествие? Почему не остался на своей ферме, в безопасном месте?

— Ну, ты сравнила, — усмехнулся он. — У меня дома ничего подобного не было. Только братья, которым я был обузой.

— Тем не менее, это то же самое. Слушать истории о приключениях совсем не то же самое, что участвовать в них. — Она опять посмотрела в небо. — Каждая из жриц однажды понимает, что знания — это не опыт. И в один прекрасный день решается покинуть чертоги Богини, с целью пережить своё собственное приключение.

— И неужели никто не захотел вернуться обратно?

— Было и такое, — грустно опустила она голову. — Некоторые переоценивали свои силы и не справлялись. За этим печально было наблюдать. — После небольшой паузы она опять повеселела. — Но им всем давался второй и третий шанс... Столько, сколько нужно было. Богиня всех нас любит.

И тут из-за деревьев показалось солнце, и один из лучей попал прямо на жрицу, зацекотав ей нос. Риана рассмеялась, после чего повернулась к Лекамиру и бодро произнесла:

— Пожалуй, можно сказать, что уже утро, и пора будить остальных.

— Как скажешь.

Лекамир улыбнулся в ответ, наблюдая за тем, как Риана, развернувшись, направилась обратно к лагерю. Мысль о том, что она покинула это идеальное место только для того, чтобы жить в их мире, немного одушевляла. Значит, здесь есть что-то такое, чего не хватает там, где, казалось, есть всё.

Ещё раз оглядевшись вокруг, он пошёл за ней.

Вечером того же дня, они, наконец, приблизились к поселению Еттомун. Месту, где выросла Зика. Лекамир начал узнавать местность, которая несильно изменилась за семь лет. А позже он встретил одного из поселенцев, который, завидев его, сначала испугался, но потом, видимо, узнав, улыбнулся и залепетал что-то на своём языке.

— Шолу-шолу, — повторял Лекамир, силясь вспомнить, как принято приветствовать в здешних местах.

Островитянин замахал руками, приглашая следовать за ним, и побежал вглубь леса. Остальные последовали за ним.

— Я надеюсь, они знают, где может находиться амулет, — сказал Эгрант.

— По крайней мере, здесь мы можем хоть что-то узнать, — ответил Лекамир, стараясь не потерять из виду их проводника. — В любом случае, они могут указать, куда нам идти. Попрошу Зику расспросить их. Я хоть и могу в целом понять их речь, для неё она родная и ей будет проще с ними общаться.

Зика же, услышав это, только сильнее помрачнела, но ничего не сказала. Она просто в очередной раз мысленно себе напоминала, что сейчас с ней рядом Лекамир и никто не посмеет её обидеть. И Риана здесь, и остальные... они ведь не позволят, чтобы с ней что-то случилось?.. Она на это надеялась.

В деревне на них не сразу обратили внимание. Несколько мужчин чинили покосившийся дом, две женщины сидели недалеко и прочёсывали шкуры, рядом ещё несколько перетряхивали их, разговаривая о чём-то своём. Недалеко бегали дети, играя в какие-то свои игры. А ещё кто-то готовил, так как в воздухе витал запах запечённой оленины. В общем, каждый занимался своим делом.

Первыми их заметили женщины, которые возвращались с озера, неся в руках мокрую одежду. Они начали громко что-то говорить, показывая на путников, и вскоре и остальные с любопытством уставились на них. Не все узнали Лекамира, поэтому многие с испугом глядели на странных гостей. Те же, кто признал, приветливо махали руками.

Риана удивлённо рассматривала странный народ. Как и те, кто напал на них несколько дней назад, они тоже были одеты в кожи и шкуры и носили длинные волосы. Мужчины заплетали одну большую косу или две сзади, а на женщинах кос было значительно больше. Дома островитян были похожи на что-то среднее между землянкой и избой. Невысокие сооружения были покрыты ветками и листвой. Были и несколько высоких, в два человеческих роста. Это были самые большие постройки, находящиеся в центре всего посёлка. Сам же посёлок был огорожен забором из частокола. Видимо, защита от хищников.

К ним быстро подошёл один из местных. Пожилой старик с седыми волосами, но ясным внимательным взглядом.

— Шоолу, — проговорил он, кланяясь. После чего начал что-то лепетать.

Лекамир кивал, попеременно улыбаясь и хмурясь, а потом обернулся к остальным.

— В общем, они рады нас видеть и приглашают к центру... зачем-то.

— К костру, — поправила Зика. — Это приглашение разделить еду.

Как только она заговорила, глаза старца тут же устремились к ней, и лицо из выражающего любезность сразу стало суровым и даже немного растерянным. Но потом он натянуто улыбнулся Лекамиру, стараясь более настойчиво его куда-то сопроводить.

Лекамир же пытался ему что-то втолковать, с трудом подбирая слова.

— О чём они говорят? — спросил Эгрант.

— Старик хочет пригласить к себе только его, — равнодушным тоном ответил Аккес. — А этот пытается ему объяснить, что мы его друзья, — он хмыкнул, — и что мы все должны быть вместе.

— Старейшина Оммус хочет оказать честь Лекамиру, так как он герой, но не хочет приглашать нас. Тем более меня и Риану.

— Почему? — спросила жрица.

— Потому что мы женщины. — Зика пожала плечами, внимательно наблюдая за разговором Лекамира и старейшины. — Только мужчинам положено оказывать честь. Старейшина считает, что мы с Рианой его ассаны, а остальные слуги.

Аккес опять хмыкнул.

— Про слуг я не понял. — Он поправил за плечом сумку. — Вы тут оставайтесь, а я осмотрюсь.

— Ты куда? — спросил Эгрант, наблюдая за тем, как тот достаёт свою маску и цепляет её за спину.

— У меня нет желания отсиживаться здесь, меняясь любезностями. Похожу вокруг, понаблюдаю.

— Будь повежливей и не нарвись на неприятности. Нам нужна их помощь, — нахмурившись, сказал Эгрант.

— Убивать тоже нельзя? — усмехнулся он, глянув на друга, но Эгрант даже не улыбнулся, сурово отвечая на дерзкий взгляд. — Хорошо-хорошо, буду паинькой.

И тут он вдруг заметил, что Риана внимательно за ним наблюдала. Улыбка тут же пропала с его лица. Он на миг забыл, что они тут не одни. И почему-то разозлился из-за того, что она увидела, как он подшучивает над Эгрантом. Словно она застучала его за чем-то неприличным.

Отвернувшись, он пошёл прочь, прежде чем кто-нибудь скажет ещё что-то.

В это время Лекамир всё пытался донести до старейшины, что те, кто пришёл с ним, не простые спутники, особенно Риана. И, наверно, его объяснения возымели эффект, потому что жрицу вдруг облепили со всех сторон, залепетав что-то на своём языке. Она весело засмеялась.

— Что они делают?

— Похоже, ты им нравишься, — ответил Эгрант, выразительно кивая на молодых девчонок, которые с нескрываемым восхищением дотрагивались до её волос. У островитян у всех поголовно были чёрные волосы, и они уже видели светлые у приехавших с равнины рабочих, а также у Лекамира, но вот красные волосы для них были в новинку, поэтому нетрудно было понять их любопытство.

В конце концов, Риану, недолго думая, куда-то увели. Лекамир же, проводив её взглядом, повернулся к остальным и махнул рукой, приглашая следовать за ним. Эгрант пошёл, не мешкая ни минуты, с любопытством оглядываясь по сторонам. Зика же явно шла через силу, готовясь к неизбежному.

И точно: как только они подошли к хижине, несколько местных мужчин её остановили, преградив путь. Лекамир, заметив это, нахмурился.

— Что такое?

Зика грустно опустила глаза.

— Это мужской дом, мне туда нельзя.

Рыцарь тут же начал опять что-то говорить старейшине, но тот упрямо мотал головой.

— Кето-кето, — повторял он. Тогда Лекамир подошёл к Зике.

— Нам надо поговорить с этими упрямыми, — сказал он, сдвинув брови. — Ты знаешь, куда увели Риану?

Зика кивнула.

— Тогда иди к ней и оставайся рядом. Как только мы закончим, то найдём вас.

— Хорошо, — опять кивнула Зика, с грустью смотря на то, как он и Эгрант заходят внутрь. Бросив на неё раздражённый взгляд, следом зашёл и старейшина.

Зике не хотелось никому мозолить тут глаза, поэтому она развернулась и пошла в сторону женского дома, но путь ей преградила Миина, жена старейшины, тучная и высокомерная особа. Она была главной женщиной поселения, и все были обязаны выказывать ей уважение. Если старейшина руководил делами поселения, воинами и охотниками, то Миина отвечала за женщин, распоряжаясь их жизнями. Если воин хотел взять себе жену, то без её участия ничего не решалось. Она могла испортить жизнь любому, кто ей не угоден, и так же могла осчастливить тех, кто ей нравился. Поэтому перед ней лебезили все.

— *Зика, вроде... Почему ты вернулась, оборванка?* — спросила она, осматривая девушку оценивающим взглядом.

— *Я следую за господином, как мне и было велено,* — тихо сказала Зика, чтобы не дай богиня её тон не приняли за грубость. За те годы, что она была с Лекамиром, он приучил её говорить громко и отчётливо, дабы не прислушиваться к тихому голосочку. Но стоило ей оказаться здесь, как тут же всё вернулось на свои места. И голос её стал таким же тихим, каким должен быть у всех нижестоящих жителей поселения.

Миина фыркнула.

— *Скажи, он тобой доволен? Или пришёл вернуть такую бесполезную ассану, как ты?*

Зика покраснела и опустила голову. Доволен ли ею Лекамир? Она ведь делала всё, стараясь угодить ему.

— *Он не проявлял своё недовольство...*

Миина недоверчиво поджала губы.

— *Ты понимаешь, насколько мы обязаны Светлому Воину? Он был послан нам самим Небесным в тяжёлые для племени времена! И сейчас наш старейшина опять будет просить его за нас. И если окажется, что он остался хоть в чём-то недоволен тобой...*

— *Просить? О чём?* — на миг Зика забыла обо всём и удивлённо посмотрела на жену старейшины, но, увидев её осуждающий взгляд, опять смиренно опустила голову. — *Что случилось в поселении?*

— *Это не твоего ума дело!* — Вскрикнула Миина, отчего прохожие начали оборачиваться к ним. — *Ты забыла своё место, ассана? Твоё дело — заботиться о мужчине, выполнять все его поручения и согреть его постель. Или, живя далеко от родных мест, ты игнорировала все свои обязанности?*

Зика вся сжалась, чувствуя себя снова двенадцатилетней девочкой.

— *Я делала всё... что он мне велел.*

Миина нахмурилась.

— *Мне не нравится твой ответ, ассана. Ответ прямо: ты выполняла все свои обязанности?*

Зика в глубине души знала, что даже если скажет неправду, Миина никогда не узнает об

этом. Лекамира никто спрашивать не будет, а если и спросят, то в общих выражениях... Но всё внутри неё, как в детстве испуганно замерло. Страх и инстинкты запрещали ей даже думать о том, чтобы сказать неправду.

— *Лекамир... Светлый Воин не позволял ложиться... с ним.*

— *Ты ему не понравилась? Хотя говорила же я Оммусу, что ты слишком тощая. Иди!*

— Она махнула рукой. — *Мы попробуем всё исправить. У нас есть молодняк, который может больше прийтись ему по вкусу. Аось не осерчает на прошлый неудачный подарок.*

— *Но... госпожа Миина...* — начала Зика, чувствуя, как паника охватывает её.

— *Я сказала, иди!* — рявкнула на неё женщина. — *Бесполезное создание. Не попадайся мне на глаза, а то отдам в дом мужчин, на потеху.*

Закрыв рот, Зика прикусила губу. Слезы рвались наружу, но она вся сжалась, стараясь не дать им волю. Она понимала, что Лекамир ни за что её тут не оставит, но первобытный страх, воспитанный в ней с рождения, всё равно рвал душу. Развернувшись, она побежала прочь, но не туда, где находились все женщины и Риана, а прочь от остальных, за ограду к реке.

Лишь оставшись одна, она дала волю слезам, присев возле валуна и обняв колени руками. Солнце уже садилось и начинало темнеть, что радовало Зику. Меньше шансов, что её кто-то заметит.

Когда-то давно, семь лет назад, когда в поселение пришёл Лекамир, он всем казался огромным и страшным. Тем более, когда победил ужасного Ашшарта. Старейшины решили в знак благодарности, или скорее, как откуп, подарить ему ассану. Они боялись, что он захватит и уведёт всех их женщин, поэтому лишиться одной было наименьшим злом. Но им было жалко отдавать даже одну из крепких молодых девиц. Сами же девушки, замерев со страхом, ждали, кого же из них выберут. В конце концов, было решено отдать Лекамиру её. Зика была бесполезной худощавой девочкой, которую никому не было жалко. И её отдали рыцарю, словно выплатили ему дань.

Сама Зика только потом поняла, насколько ей на самом деле повезло. Лекамир оказался добрым и заботливым. Она же, когда поняла, что он ничего дурного ей не сделает, начала ещё больше стараться ему угодить. Выполняла любые его просьбы, по ночам даже старалась лечь рядом, но он каждый раз укутывал её плащом и отворачивался. И лишь через некоторое время Зика поняла, что он думал, будто она прижимается к нему, с целью согреться. А в то время она тихо глотала слёзы, думая, что она ему не нравится, и боялась, что он захочет вернуть её обратно. А когда Лекамир оставил её в той деревне...

В тот день Зику охватил такой страх, что она забыла о том, что должна беспрекословно повиноваться и бросилась за ним следом. Ей было всё равно, если он её накажет, даже если высечет. Ей не хотелось оставаться с незнакомыми людьми, язык которых она едва понимала. Лекамир был единственным, кого она знала и кто проявлял к ней доброту. Так что Зика была не против, чтобы он её один раз наказал за непослушание, если она сможет остаться рядом с ним.

Спустя время, она научилась языку и начала многое понимать. Лекамир считал её совсем маленькой, что неудивительно. От недоедания она действительно выглядела лет на восемь при своих двенадцати. И она понимала, что он не видел в ней женщину, и потому дала себе слово поскорее вырасти и стать красивой, в надежде ему понравиться. Но даже когда она действительно подросла, он по-прежнему относился к ней, как к сестре.

А последнее время и вовсе пытался выдать её замуж. Поначалу она испугалась, что он

хочет от неё избавиться. Зика категорически отказывалась... но теперь думала, что она действительно могла ему надоест. Наверно, стоило согласиться выйти за кого-нибудь замуж. Возможно, так она бы осталась рядом с ним. В одном замке. И она по-прежнему продолжила бы заботиться о нём...

Надо было соглашаться.

Новый поток слёз брызнул из глаз.

— Эй. Хочешь, чтобы река вышла из берегов и утопила её? — послышался голос рядом, и Зика удивлённо вскинула голову, посмотрев на говорящего.

Аккес сидел на одном из валунов и как-то неуверенно смотрел на неё. Он несколько минут собирался с мыслями, перед тем как заговорить, и, наконец, решился это сделать. Внутри непривычно всё замерло, и он начал сомневаться, зачем вообще выдал своё присутствие. Может, стоило дать ей выплакаться?

Зика от удивления даже забыла, что плачет, и во все глаза уставилась на него. А потом со всей серьёзностью ответила:

— У меня слёз не хватит.

Аккес сжал губы, подавив смешок, и с интересом отметил, что Зика тоже улыбнулась, рукой вытирая мокрые глаза. Кивнув в сторону поселения, он сказал:

— Я случайно услышал там ваш разговор, но не понял, что этой старухе надо и что за дела с ассаной? Что это вообще такое?

Продолжая вытирать слёзы, Зика тоже посмотрела назад, где был отлично виден частокол, охраняющий жителей.

— Это я. Ассана. То есть лишённая воли. Риана говорит, это называется "рабыня". Меня подарили Лекамиру в прошлый его визит.

Аккес внимательно посмотрел на девушку.

— Ну а старухе от тебя чего нужно было?

— Ей подчиняются все женщины посёлка. — Зика опять сникла, опустив подбородок на поджатые колени. — Даже свободные, не говоря уже о таких, как я. И она сказала, что подарит Лекамиру другую, а я... — она шмыгнула носом, — я останусь здесь...

Аккес откинулся назад, облокотившись на камень, на котором сидел, и продолжил внимательно смотреть на девушку. Он очень боялся сказать что-нибудь не то и отпугнуть её. Но и промолчать не мог.

Она была совсем не похожа и в то же время похожа на его сестру. Другие привычки, но такой же характер. Только вот старше и не смеётся. В детстве... В другом детстве она постоянно смеялась, бегала за ним, не переставая хохотать, даже когда падала на землю. В прошлом ему не составляло труда рассмешить её, а сейчас... хотя бы слёзы высушить.

— Ты ведь уже давно ушла отсюда, — сказал, наконец, он. — Неужели она по-прежнему может распоряжаться тобой?

— Я же ассана. Я должна подчиняться жене старейшины.

— С какой стати?

Зика подняла голову и посмотрела на него. Аккес всё не отнимал от неё пристального взгляда, только на этот раз на его лице была лёгкая обнадеживающая улыбка.

— Потому что... Просто это... — Она задумалась на несколько мгновений. — Так принято. Все так делают. Она же жена старейшины...

— И что? Какая разница? — Аккес нагнулся вперёд, положив локти на колени. — Ты здесь на пару дней и, возможно, никогда больше сюда не вернёшься. Так какая разница, что

она там бормочет.

— Но ведь я ассана. Я не могу не подчиниться, — возразила Зика. — Если она...

— Кто тебе сказал, что ты ассана?

Зика открыла и закрыла рот, удивлённо глядя на него. Потом опять открыла и так же закрыла, не в силах подобрать слова.

— Но... это ведь так, — наконец выговорила она.

— Почему? Я так не думаю. Железяка так не думает. Никто другой тоже, я уверен, так не думает. И зачем тебе так думать?

Девушка в очередной раз не могла найти, что сказать, и тогда Аккес встал и спрыгнул с валуна, на котором сидел, но, не решаясь подойти ближе к ней, сделал пару шагов к воде.

— Зачем тебе слушаться тех, кто для тебя уже посторонний? Ты их никогда больше не увидишь, так какая разница, что они будут тут о тебе говорить? — Он оглянулся и посмотрел на неё. — Подумай, хочешь ли ты сама быть ассаной.

— Но я... — начала она, смущённо опустив голову. — Я всегда была ей. Я не знаю, как не быть ассаной.

— Ты же сказала, что ассана — та, кто лишена воли. Так верни себе волю и подумай, что ты сама хочешь сделать. Думаю, железная башка не будет тебя удерживать, если ты захочешь свободы.

— Не называй его так, — тихо проговорила она, пряча лицо в колени. Зика испугалась, что её просьба рассердит его, но Аккес молчал, пока она не подняла, в конце концов, голову и не посмотрела на него. Он стоял у воды и ухмылялся, глядя на неё.

— Ну вот, твоё первое желание.

— Но я не хочу уходить, — вдруг испугалась Зика. — Я не хочу, чтобы Лекамир отпускал меня. Я сама хочу и дальше заботиться о нём, и быть рядом, и помогать, и... Хочу, чтобы он улыбался мне и трепал по голове, когда у него хорошее настроение. Чтобы хмурился и спрашивал совета, когда что-то не так. — Она вдруг мечтательно улыбнулась. — Чтобы он и дальше запрещал мне убираться в замке и смеялся, когда я показываю ему язык.

Она опять спрятала лицо, пытаясь скрыть пылающие щёки.

— Он тебе нравится, да? Этот твой рыцарь, — вдруг спросил Аккес, внимательно за ней наблюдая.

— Конечно. Кому он может не нравиться? Он всегда хорошо ко мне относился. Всегда защищал и помогал. Он очень хороший и добрый. Я даже не против, если он возьмёт себе жену... ну то есть... нет, я не буду против, только бы он не прогонял меня. Я всегда хочу быть рядом с ним. Я буду не против...

Она опять вся сжалась, обняв крепче колени и направив невидящий взгляд куда-то вдаль.

— А сама? — вдруг спросил Аккес.

— Что? — удивилась девушка.

— Сама бы хотела стать его женой?

— Я? Нет... я... я не могу... Я ведь... — Зика вдруг замолчала и вздохнула. — Я для него названная сестра. Он не относится так ко мне. Он даже не думает обо мне... так. Но я не против, честно.

Она начала опять что-то лепетать, но вдруг увидела, как Аккес буквально в шаге от неё присел на корточки и сосредоточенно посмотрел ей прямо в глаза.

— Ну?.. Хочешь? — требовательно спросил он.

Зика от неожиданности сначала испуганно замерла, но лицо его не выражало ни агрессии, ни враждебности. Его можно было бы описать даже как доброжелательное, что немало её удивило. Ведь она слышала много плохого о нём. Кровожадный монстр, безжалостный убийца, варвар, пожирающий своих врагов, и многое другое. Но сколько она его знала, ничего подобного не замечала. Может, все пересуды лгут?

— Я... — Она опять почувствовала, как краснеет, и тихо, еле слышно, проговорила: — Наверно.

И тут, к ещё большему своему удивлению, заметила, как он слегка улыбнулся.

— Не самый лучший выбор, но для начала неплохо, — сказал он. — Но советую ещё подумать об этом. В том числе и об остальных вещах, которых ты действительно хочешь.

Смущённо прикусив губу, она невольно тоже улыбнулась.

Аккес, глядя на её заплаканное лицо и робкую улыбку, почувствовал, как внутри словно поселилось облако. Его окутала такая лёгкость и радость, что он с трудом сдерживался, дабы не рассмеяться. Пусть в этой жизни он для неё лишь странный незнакомец, о котором она слышала далеко не самое лучшее, но Аккес был рад видеть её улыбающейся. И он очень хотел, чтобы Зика была счастливой и получала только то, что хочет.

— И больше не слушай тех, чьё мнение не имеет для тебя никакого значения, — сказал он, вставая и отходя обратно к камню.

— Не буду, — смущённо ответила Зика. Внутри неё всё затрепетало от одной мысли о том, что она не обязана слушаться Миину. Лекамир ведь правда её тут не оставит, даже если ему предложат несколько девушек. Она ведь, пусть и по-своему, тоже дорога ему. А значит, никто здесь не может больше ею распоряжаться.

Девушка почувствовала себя так, словно с неё сняли тяжёлые цепи, которые она таскала все эти годы, считая их просто украшением. От радости ей хотелось вскочить и начать танцевать.

— Зика! Зи-ика! — послышался голос Рианы.

— Я тут! — Зика вскочила, поворачиваясь в сторону, откуда слышался голос. И с удивлением заметила, что Аккес, подхватив свои вещи, скрылся в тени деревьев. Она не успела подумать о причине такого поступка, как увидела жрицу.

Риана спускалась к реке, беспокойно оглядываясь по сторонам. Она была одета только в рубашу и штаны, зато волосы были красиво переплетены и украшены цветами вместе с разноцветными ленточками. Девушки поселения явно подоставали из закров самое лучшее, что у них было. Зика невольно залюбовалась — настолько красива Риана была сейчас.

— О, Богиня! — вскрикнула жрица, глянув на девушку. Несмотря на то, что солнце село, всё же она вполне могла в лунном свете рассмотреть лицо Зики. Подойдя ближе, она провела пальчиками по её заплаканным щекам. — Что случилось? Ты плакала?

— Да. — Зика шмыгнула носом.

— Кто тебя обидел? Ты только скажи, я ему нос разобью.

Зика захихикала.

— Разве жрицам положено бить других людей?

— Положено, если очень хочется... Ладно-ладно, не положено, — Риана насупилась, — но вот словесно отчитать я могу так, что он от стыда сгорит. — Она с беспокойством посмотрела на Зику. — Милая, с тобой точно всё в порядке?

— Да, — кивнула девушка. — Теперь да.

— Это хорошо. А сейчас, если ты не против, я заберу тебя с собой. Я совершенно не понимаю, что все они лопочут и чего хотят. Просто напасть какая-то. Что такое? — Риана остановилась, заметив, что Зика с задумчивым видом стоит на месте. Потом огляделась вокруг и тихо продолжила: — Если у тебя ещё дела... то не страшно, можешь прийти попозже.

— Нет, всё хорошо. Я просто подумала о том, что я хочу.

— Да? — Риана улыбнулась. — И что же ты хочешь?

— Я хочу послушать, о чём будут болтать все эти девчонки! — Зика рассмеялась и пошла за жрицей.

— Ну, тогда тебе предоставляется великолепная возможность так и сделать. Потому что я точно больше не выдержу. Если подобное щебетание и значит быть женственной, то, честно, я лучше пойду и дальше сражаться, на радость Многоликому.

Зика опять рассмеялась.

— Нет-нет, не обязательно быть такой.

— Ну, слава Богине, — с наигранным облегчением сказала Риана.

И девушки бодро пошли куда-то в поселение.

Аккес же стоял в тени, прислонившись спиной к стволу дерева, скрестив на груди руки, и провожал их взглядом. Он впервые на миг задумался о том, чтобы не убивать жрицу. Но лишь на миг...

Она по-прежнему раздражала его. Её изучающий взгляд и непонятная улыбка выводили его из себя. Его просто трясло каждый раз, когда он видел её. И хуже всего то, что из-за этого он опять мог потерять контроль...

Отвернувшись, Аккес хмуро посмотрел на реку. Пусть она и нравится многим, пусть все привязались к ней, но если он не справится со своей проблемой, всем им будет только хуже... а главная причина его проблем — это она.

Если бы только она держалась от него подальше.

Келина неторопливо прогуливалась по зеленеющему саду. Лето выдалось на удивление тёплым, а распускающиеся цветы дарили приятный аромат.

Это была бы идеальная прогулка, если бы не две вещи.

И первая — это платье. Она успела отвыкнуть от юбок, корсетов и кружев. И не могла представить, как раньше умудрялась во всём этом ходить. И хотя её нынешний наряд, не в пример её прошлым платьям, был значительно проще, ей всё равно было неуютно. И рука который раз машинально тянулась к поясу, желая ощутить рукоять меча. Каждый раз она раздражённо опускала её, стараясь напомнить себе, что принцессам не положено носить оружие.

Но рука продолжала тянуться, в основном, из-за второй причины, что портила ей этот день. Его высочество принц Альдан, который сопровождал её в этой прогулке. Он, конечно, вежливо держался от неё на расстоянии двух шагов. Но ей этого было мало. Ей даже миля показалась бы недостаточной.

— Вы и сегодня будете игнорировать меня, принцесса? — раздался разочарованный голос её сопровождающего.

— Как ещё дать Вам понять, что мне неприятна Ваша компания? — ответила она, не удостоив его даже взгляда.

Альдан приблизился, рискнув сократить расстояние до одного шага. Но тут же получил

строгий взгляд в свою сторону и опять отступил.

— Чем, позвольте поинтересоваться, я заработал такое отношение?

— Вам ли не знать о собственных деяниях? — Келина наконец посмотрела ему прямо в глаза. — Я уверена, молва знает далеко не всё, что Вы творили в прошлом.

— Вы осудили меня даже не удостоверившись, что из слухов правда, а что нет?

— Хотите сказать, что Вы не соблазняете женщин?

— Сколько осуждения в Вашем тоне! — Его губы украсила хитрая улыбка. — Я бы сказал, что мы с прекрасными дамами... иногда приятно проводим время наедине.

Келина, нахмурившись, посмотрела на самодовольного мужчину, который стоял рядом и нахально взирал на неё. Её так и подмывало со всей силы наступить ему на ногу, а потом развернуться и убежать. Но она не могла сделать ни первого, ни, почему-то, второго. Принцесса продолжала стоять и смотреть ему в глаза.

— Разве Ваша магия не принуждает их? — наконец спросила она. — Не думаю, что они так же рады, когда сила Ваших чар проходит. И менее всех, наверно, дочь Ливоского барона из крепости, которую Вы захватили, нападая на Торкию, и которую Вы отправили в... услужение мужчинам, после так называемого "приятного времени наедине".

— В услужение? — Альдан слегка нахмурился.

— Торговать своим телом, — слегка покраснев, пояснила Келина. Ей, как женщине и тем более как принцессе, не полагалось знать таких вещей. Но она часто слушала донесения отцу и волей-неволей подобные разговоры до неё доходили.

Альдан же, став более серьёзным и прямо глядя на принцессу, сказал:

— Я помню девушку, о которой Вы говорите, и уверяю Вас, я не имею никакого отношения к тому, чем она сейчас занимается.

— Не удивительно, что Вы именно так и говорите! — Келина небрежно махнула рукой, отворачиваясь от него. Она ни на секунду не поверила в его слова о собственной невинности.

— Это правда, — продолжал Альдан. Он вполне мог признать все те многочисленные грехи, которые у него были, но не собирался молчать, когда обвинения были незаслуженными. — Последний раз, когда я её видел, она садилась в карету со своей семьёй и уезжала в какой-то городок. К тому же, с ней был немалый сундук с золотом, которое ей любезно отсыпали. Этих денег ей вполне хватило бы и на жизнь, и на приданое.

Келина пристально посмотрела на него.

— Кто бы взял в жёны опороченную девушку?

— Тот, кому понравился бы вес этого сундука. Что бы с ней ни случилось дальше, моей вины или участия уже нет.

— Ваша вина только в том, что Вы её обесчестили. Вы губительны для женщин. Разве нужна дополнительная причина, чтобы не желать общения с Вами? Если Вам этого не достаточно, то смело признаюсь: Вы мне противны. И никакие Ваши поступки и деяния в дальнейшем не исправят этого.

Несмотря на её резкие слова, Альдан улыбнулся и посмотрел на неё своими смеющимися глазами, словно она сказала что-то действительно забавное.

— Я никогда не уверял Вас в своей добродетели. Однако не будьте столь категоричны, принцесса. Так уж повелось, что ничто в нашем мире не постоянно. И Ваши чувства тоже могут измениться.

Келина оглядела его высокомерным взором, достойным принцессы.

— Вы говорите о своей грязной магии? — Видя, что он никак не отреагировал на это, девушка опять отвернулась. Ей было некомфортно от того, как этот проходимец смотрел на неё. Никакие её дерзкие слова не могли стереть эту улыбку с его лица. Этот пристальный взгляд... Нет ничего удивительного, что женщины падали к его ногам, этот мужчина буквально светился очарованием и греховной привлекательностью. Но она не станет одной из них. Ни за что. — Ваша магия бессильна в моём случае. Так что мои чувства останутся неизменными, как бы Вы ни старались, потому что все остальные уловки на меня не действуют.

— Вы настолько в этом уверены?

Она снова резко повернулась к нему лицом.

— Уж в чём в чём... — она запнулась, опять встретив пронзительный взгляд его голубых глаз. Но потом, кашлянув, гордо вздёрнула голову и продолжила: — Я это точно знаю. Ваша магия на меня не подействует. Она не может забрать сердце, если оно уже отдано.

Вопреки её ожиданию, Альдан не огорчился из-за её слов. Или тщательно это скрывал. А ведь она думала, что он строил планы покорить её, если не сладкими словами, так хотя бы магией. Но, стоявший рядом с ней мужчина по-прежнему улыбался и совершенно не был похож на того, чьи планы только что разрушили.

— Вы хотите сказать, что уже успели влюбиться, милая принцесса?

— Да! Именно это и я хочу сказать.

— Смею ли я надеяться, что, может быть... в меня?

— Чуть! — тут же вскрикнула она.

— А Вы уверены, что это действительно любовь? Может, просто увлечение.

— Я совершенно точно люблю этого человека, — упрямо повторила она. — Так что Вам рассчитывать не на что.

— И всё же я Вам не верю, — сказал Альдан, задумчиво посмотрев в сторону. — Вполне вероятно, что Вы говорите неправду.

— Но зачем мне обманывать Вас в этом?

— Не знаю. — Он вновь обольстительно посмотрел на неё, и Келина почувствовала, как всё внутри затрепетало. — Возможно, Вы думаете таким образом обезопасить себя?

— Я Вам точно говорю. Я люблю другого мужчину! — Келину охватило возмущение от того, что он не верит ей. Принцессе это показалось неслыханной наглостью.

— Тогда докажите мне это.

Альдан сделал шаг ближе, но Келина даже не заметила этого, потому что пребывала в негодовании от ещё большей наглости своего собеседника. Она всё-таки королевская дочь... и требовать так дерзко от неё каких-либо доказательств!.. Всё ещё растерянная, она вдруг заметила, как он снял перчатку и протянул ей руку.

Принцесса посмотрела на его раскрытую ладонь и как-то отрешённо подумала, что эта рука не похожа на те, которые были у прочих дворян. И в то же время она не была похожа на натренированные мозолистые руки воина. Она была чем-то средним...

Устыдившись того, что рассматривает чужие руки, она тряхнула головой и, наконец, пришла в себя. И тут в полной мере осознала всю ситуацию и негодуяще посмотрела на Альдана.

— Вы сошли с ума? Я не буду прикасаться к Вам.

— Почему нет? Вы же сами утверждаете, что моя магия на Вас не подействует. — Он

продолжал стоять перед ней в галантном поклоне и протягивал ладонь, словно приглашая её на танец.

Келина опять посмотрела на его руку, на этот раз с ужасом. С одной стороны, она была уверена, что её романтическая неудача достаточно сильна для того, чтобы назвать её любовью и защититься ею, с другой же... Кто знает, что задумал этот коварный человек. Слишком довольным он выглядит, да ещё так хитро улыбается.

Но принцесса понимала, что сама себя загнала в ловушку. Она не может отказаться, потому что тогда он точно не оставит её в покое и будет уверен в том, что она сказала неправду.

— Хорошо, — сказала она, незаметно вытирая вспотевшую ладонь о платье и нерешительно поднимая её. Замерев на половине пути, она робко посмотрела на Альдана, который продолжал насмешливо за ней наблюдать. И это её так разозлило, что она, не колеблясь более ни секунды, смело вложила свою ладонь в его.

Её сердце билось, как сумасшедшее, и на мгновение ей показалось, что в неё попала молния. По всему телу, начиная от той самой руки, пошла мелкая дрожь, и она как замороженная наблюдала, как его пальцы слегка сжались, обхватывая кисть её руки. А потом он потянул к себе и, продолжая смотреть ей прямо в глаза, нагнулся и поцеловал её холодные пальчики.

— Не так уж и страшно, правда? — сказал он, слегка отстраняясь, но продолжая удерживать как её руку, так и взгляд.

Келина почувствовала, как её сердце пропустило удар, а потом...

Ничего.

Она резко выдернула свою руку, чувствуя невероятное облегчение.

Не подействовало.

— Как я и говорила. В моём случае Ваша магия бессильна, — сказала она, неумело пряча свою радость.

— Я знал, что Вы говорите правду, принцесса, — сказал он, опуская свою руку и надевая перчатку обратно.

— Что? — возмутилась она. — Зачем же тогда требовали доказательств?!

Он лукаво посмотрел на неё.

— Как я мог упустить возможность почувствовать Ваше прикосновение? Тем более, по Вашей собственной воле.

Келина от возмущения на мгновение потеряла дар речи.

— Вы мне отвратительны!

— Не стоит преувеличивать, принцесса, — невозмутимо улыбнулся он. — Однако позвольте задать Вам вопрос.

— Вы думаете, я буду ещё и отвечать на Ваши вопросы после столь подлого обмана?

Келина развернулась и пошла дальше по аллее, чувствуя себя оскорблённой и почему-то несчастной. Ей не хотелось признаваться, но то, как он держал её руку... Ладонь до сих пор немного покалывало. Это было... это было... как-то приятно.

Она резко зажмурилась, пытаясь прогнать это воспоминание из головы. Но оно ещё сильнее впивалось. И как бы принцесса ни старалась, всё, о чём она могла думать, — это о том, как его сильные пальцы обхватывали её ладошку, делясь своим жарким теплом. Она никак не могла понять, почему ей хотелось опять испытать это прикосновение, ведь даже воспоминание об этом ей было ненавистно. Ей было ненавистно всё, что с ним связано.

Но Альдан вовсе не собирался так быстро сдаваться. Он пошёл по аллее за ней, делая вид, что они всего лишь продолжают прогулку.

— А если я пообещаю, что больше не буду стараться Вас обмануть? — спросил он со всей учтивостью, что у него была.

— Почему я должна Вам верить?

— Я прошу поверить мне всего раз. И если я Вас ещё хоть раз обману, разрешаю ударить меня по щеке.

Келина остановилась и с подозрением посмотрела на него.

— То есть, даже наказывая Вас, я в итоге опять прикоснусь к Вам.

— Видите? — На его лице расплылась широкая улыбка. — Я с Вами предельно честен.

— Я буду бить кулаком, — грозно выговорила она. — В перчатке.

— Хм... — Альдан задумчиво поджал губы, из-за чего Келина едва удержалась, чтобы не засмеяться. — В таком случае, я тем более буду стараться говорить с Вами исключительно честно. Теперь Вы позволите мне поинтересоваться?

Келина быстро нацепила на себя равнодушие и небрежно махнула рукой.

— Спросить Вы можете.

— Если уж так получилось, что кто-то опередил меня... — продолжая раздражающе улыбаться, начал Альдан. — Могли бы Вы, уважаемая принцесса, назвать мне имя моего соперника?

Келина чуть не споткнулась от неожиданности. Она никому никогда не говорила о своих чувствах. И в дальнейшем не планировала раскрывать свою "позорную тайну". И тем более она не собиралась открывать её человеку, который вызывал у неё столько неприязни. Вдруг он захочет отплатить ей за отказ и выдаст её чувства посторонним? А там слух дойдёт и до... того человека. Она умрёт от унижения.

— Нет! — слишком эмоционально ответила она. — Да и какая Вам разница? Ничего уже не изменить.

— Опять Вы слишком категоричны, принцесса Ястреб. Я же говорил Вам: ничто не вечно. Я бы очень хотел узнать поближе того, кто смог похитить Ваше сердце. Должен же я понять, как мне завоевать Вас.

— Меня не надо завоёвывать! — Келина нахмурилась и резко схватила веточку с молодыми распустившимися цветами вишни. От его слов внутри неё опять всё перевернулось, и она не могла сказать точно, что именно почувствовала. Одно девушка знала точно: ей этот человек был очень неприятен, но по какой-то неведомой ей причине она не могла уйти. словно он непонятным образом привязал её к себе, заставляя наслаждаться своей компанией.

От подобных противоречий голова шла кругом.

А вдруг?..

Она с ужасом посмотрела на свою ладонь. Ту самую, которая, казалось, до сих пор чувствовала тепло его прикосновения.

Вдруг его магия сработала?

Нет.

Келина опять потрянула головой.

Она же не стала влюблённой дурочкой, которая заглядывает ему в рот, принимая на веру любое слово.

— Есть такие женщины, за которых стоит побороться, — слова Альдана выдернули её

из внутренних размышлений. — Пусть даже противник окажет достойное сопротивление. На любого можно найти управу.

— Управу? — Келина внимательно посмотрела на него, и во взгляде её читалось осуждение. — Так вот, чего Вы добиваетесь. Вы думаете, что если удастся устранить того, кого я люблю, то я тут же буду Ваша? — Она отступила на шаг назад и с отвращением посмотрела на красивое лицо мужчины, стоявшего перед ней.

— Признаю, меня посещали мысли вычеркнуть его из Вашей жизни, — сказал он, выдерживая её взгляд, но уже без нахальной улыбки.

— Если Вы вдруг каким-то образом узнаете, кто он, и хоть как-то ему навредите, то всё, чего Вы добьётесь, — это сделаете меня несчастной. Подобные действия никак не помогут добиться моего сердца, а только разобьют его.

Альдан спокойно стоял и смотрел на пылающую гневом девушку. Её яркая страсть притягивала его, как огонь мотылька. Как раньше он мог подумать, что она некрасива? В первую их встречу, когда он увидел взъерошенную, грязную девушку, глядевшую на него волком, он решил, что художник, нарисовавший её портрет, преувеличил её красоту, с целью польстить принцессе. Но теперь ему казалось, что тому художнику не хватило таланта, чтобы запечатлеть всё то, что представляла собой принцесса Ястреб.

Такую девушку, как она, завоёвывать одно удовольствие... или страдание, что тоже неплохо.

Что касается того мужчины, которого она якобы любила... и, видимо, достаточно сильно, дабы противостоять его магии, то соперника можно устранить и без причинения вреда.

— Вы не можете требовать от меня перестать стараться, — сказал он, опять нацепив улыбку. — С другой же стороны, Вы ведь отказываетесь назвать мне имя.

— И не скажу, — выпалила принцесса, пристально наблюдая за ним, словно боялась, что стоит ей отвернуться, и он прочтёт её мысли, а там и все её тайны. — Так что Вам лучше поскорее отступить и оставить меня в покое.

— Этого я тоже не могу. Ведь я уже просил Вашей руки.

Келина вздохнула и пошла по аллее дальше, впрочем, Альдан всё так же не собирался отставать. К счастью, они уже подходили к концу тропинки, где она сможет улизнуть, сославшись на усталость.

— Я не думаю, что отец согласится на этот брак. Слишком много риска, к тому же, Вы на стороне нашего врага. Хотя я допускаю, что после подписания мирного договора многое может поменяться...

— Ну а Вы сами? Неужели настолько противна мысль о том, чтобы стать моей женой?

— Вы что, спали весь наш разговор? — вспыхнула принцесса. — Я всю нашу прогулку пытаюсь доказать Вам, как Вы мне неприятны.

— Мы говорили о любви, — терпеливо произнёс Альдан. — А теперь я спрашиваю с браке, дорогая принцесса. Подумайте хорошенько. Если Вы станете моей женой, то я сделаю Вас королевой. Разве Вы этого не хотите?

— Очень сомнительное счастье — стать королевой лесных варваров.

Альдан хитро улыбнулся, на миг ошарашив Келину.

— Я говорю о Люкении, милая принцесса. Ведь, если мы заключим брак до того, как выйдет замуж Ваша сестра, корона Люкении достанется Вам. В Вашем королевстве весьма странное престолонаследие, должен сказать.

Келина замерла, широко открыв глаза. Об этом она и не подумала. Она уже настолько смирилась с тем, что именно её сестра унаследует трон, что даже не рассматривала никакой другой возможности надеть корону на себя. Внутри непрощено подняла голову давняя мечта...

А коварный искуситель продолжал своё дело:

— Подумайте только, даже если не брать в расчёт мой народ и моё положение. Один только факт того, что Вы замужем, уже сделает Вас королевой. А нужно всего лишь сказать "да" перед храмовником.

— Но я... — Келина растерянно смотрела перед собой, пытаясь осознать всё, что только что было сказано.

Королева...

Она ведь с детства об этом мечтала. К этому она готовилась всю жизнь. Столько всего хотела сделать. Изучала традиции и этикет каждого королевства, знала в лицо каждого пэра и его семью до пятого колена. Разбиралась в хозяйственном деле и даже немного в военном. Она и только она была способна править обожаемой ею Люкенией. Как бы Келина ни любила сестру, та ничего подобного не знала и не хотела знать. Более того, Олея с радостью откажется от трона.

Келина начала быстро прикидывать в голове все возможности.

Она ведь может выйти замуж. Её никогда особо не волновало, кто именно будет её супругом. Так зачем сейчас привередничать? Из-за того, что сердце отдала другому? Так с ним она всё равно не будет вместе... Но она получит гораздо большее... она сможет посвятить жизнь своему народу. Сделать то, о чём всегда мечтала.

В конце концов, она посмотрела в голубые глаза человека, который обещал ей корону. Красивая внешность, развратная душа и хитрый ум.

— Я не буду уверять, что влюблён в Вас, — между тем продолжал свои сладкие речи Альдан. — А если бы начал, Вы бы мне, конечно, не поверили, ведь так?

— Конечно! — Келина искоса посмотрела на него. Поверить не поверила бы, но ей было бы приятно это слышать, притворяясь, что верит, хотя бы несколько мгновений.

— К тому же, я уже дал обещание говорить только правду. И, правда в том, что если Вы согласитесь, то получите корону Люкении при любом дальнейшем развитии событий.

— А что же получите Вы? — вдруг спросила она, пристально всматриваясь в его кристально чистые глаза.

— Я? — Он загадочно улыбнулся, встречая её взгляд. — О, не сомневайтесь, я внакладе не останусь.

— И всё же?

Несколько мгновений он многозначительно на неё смотрел, и только потом ответил:

— Силу, власть, положение. Разве не об этом мечтают все мужчины?

Келина нахмурилась.

— И я получу Вас, — сказал он и без предупреждения подхватил её руку, а затем, не отрывая от неё глаз, поднёс ладонь к губам. И опять, так же, как некоторое время назад, поцеловал её пальчики.

Принцесса почувствовала, как по всему телу вновь разлился жар. А руки задрожали. Несмотря на то, что на этот раз на нём были перчатки.

Она выдернула руку.

— Вы опасный человек, генерал Альдан, — сказала она, пытаясь унять дрожь.

— Не более, чем любой другой мужчина, принцесса, — ответил он, выпрямившись, но не переставая смущать её своим пристальным взглядом. — Подумайте над моим предложением, дорогая. Оно выгодно нам обоим.

Келина лишь ненамного замешкала, прежде чем сделать шаг назад и отвернуться. Противоречия продолжали тревожить её. С одной стороны, от внутренней неприязни и раздражения ей хотелось ударить его или убежать как можно дальше. С другой же, странная дрожь и подгибающиеся колени держали её на месте. Ей хотелось ещё хоть немного постоять под взглядом его необычных глаз, который окутывал её, словно солнечные лучи, пробивающиеся через густые облака в пасмурную погоду.

Но, в конце концов, победил здравый смысл и, склонив голову в вежливом поклоне, она попрощалась и поспешила к себе в комнату. Хватит с неё прогулок. По крайней мере, на сегодня.

Альдан с лёгкой усмешкой наблюдал за тем, как принцесса слишком поспешно удалялась. Что бы она там себе ни решила и ни надумала о своей неземной любви, ему всё же удалось до неё достучаться. Пусть его магия и не подействовала, хотя к этому мужчина был готов, он добился некоторых успехов.

Ему казалась невероятно милой её наивная уверенность, что она защищена от него. Но он должен и сам быть осторожным, чтобы не увлечься ещё сильнее этими большими глазами, которые смотрели на него с таким огромным желанием верить.

Несмотря на то, что они только что расстались, ему уже не терпелось вновь с ней встретиться. Общение с принцессой, бесспорно, приятное дополнение, но всё же не стоит забывать, зачем он сюда прибыл. Поэтому усилием воли он стёр блаженную улыбку с лица и отправился в отведённые ему покои. Его люди уже были там и ждали возвращения своего командира.

— Как успехи? — сухо спросил он, скидывая перчатки.

Самил Оплетённое Солнце, одно из его самых доверенных лиц, хмуро покосился на дверь, откуда пришёл Альдан, и раздражённо пробубнил:

— Псы следят за каждым нашим шагом, — но потом хитро усмехнулся: — Впрочем, кое-что мы разузнали. Они в башне мага. Под усиленной охраной, так что незаметно туда не проберёшься.

— Хм... — Альдан нахмурился. — Конечно, глупо было надеяться, что нам так повезёт, однако это всё равно не приоритетная цель... Что удалось разузнать про войска?

— И того меньше. — Самил пожал плечами. — К баракам не пройти, а рассмотреть удалось только дозорную охрану. Хотя одному из моих парней удалось заглянуть на склад. Илун?

Воин с перебитым носом шагнул вперёд.

— Много оружия. И почти всё новое. Ковалось в последние месяцы. Они копят силы.

— Это вполне ожидаемо, — задумчиво произнёс Альдан, усаживаясь в кресло и наливая себе фруктовый напиток, который предпочитал пить вместо вина. К тому же, местные повара варили его просто отменно, используя всё разнообразие здешних садов. Попробовав раз, оторваться сложно. — Есть возможность узнать подробнее о войсках? Важно не только количество, но и уровень подготовки.

— Ночью можно попробовать. Но понадобится прикрытие.

Альдан посмотрел на сундук, который стоял недалеко от кровати.

— Есть у меня кое-что. Скроет от глаз, но ненадолго, поэтому используй с умом.

Встав, он достал плащ и протянул Самилу. Тот, поклонившись, дал команду воинам идти к выходу, и вскоре Альдан остался в комнате один.

Вздыхнув, он подошёл к небольшому окну, которое было больше похоже на бойницу. Сквозь небольшой проём он видел часть сада, где совсем недавно гулял с принцессой, и на лице против его воли опять появилась улыбка.

Прислонившись плечом к каменной стене, он позволил себе ненадолго погрузиться в воспоминания о строптивой девушке. О том, как она искоса посматривала на него, смущённо краснея. О том, как дрожали её пальчики, когда он прикасался к ним своими губами. О том, как горели её глаза, когда она в очередной раз гневалась. И, конечно же, о том, как улыбка, пусть и против её воли, расцветала на её солнечном лице.

Все эти видения настолько его увлекли, что на какое-то мгновение он совсем забыл, что их помолвка ненастоящая, а его предложение — не более чем предлог остаться в замке немного дольше положенного. Он с присущим ему упорством пытался уговорить девушку принять это фальшивое предложение, будто действительно собирался на ней жениться.

От этой мысли он нахмурился.

Не стоит терять голову. И не стоит забывать, что это всего лишь игра. Король Анаквий не будет спешить с ответом до тех пор, пока идут мирные переговоры, которые, конечно же, затянутся надолго. Ну а после... всё это уже не будет иметь значения.

Резко отстранившись, он отошёл от окна.

Надо поскорее разузнать то, за чем они приехали, и покинуть замок, пока всё не зашло слишком далеко.

Вир бежал по коридору столь стремительно, что уже два раза чуть не сбил спящую туда-сюда прислугу.

Даже стража, которая охраняла королевское крыло замка, заранее отступала, давая парню проход. Вира уже давно знали, как неугомонного мальчишку, который мог как и прошмыгнуть незаметно, так и посшибать на своём пути всё, что стояло, лежало или висело. Со своей скоростью ему ничего не стоило налететь на стражника и повалить его на пол. Причём на стражника в полном доспехе. И откуда только столько сил в этом неокрепшем юнце?

Поэтому, чтобы потом не прикладывать кучу усилий для поднятия своего брэнного тела с тяжёлыми железными латами под хохот боевых товарищей, многие предпочитали уступать этому сорванцу дорогу.

Когда же Вир, весь запыхавшийся, добежал, наконец, до покоев своей хозяйки и открыл дверь, всё, на что он был способен, — это стоять, прислонившись к косяку, и тяжело дышать, стараясь восстановить дыхание.

Олея же, увидев своего слугу, с радостью отбросила свиток, который была вынуждена читать и который ненавидела всей душой, и с надеждой посмотрела на юношу.

— Ну? — наконец выговорила она. — Несносный мальчишка, говори же!

— Там... там... — сквозь жадные вдохи начал он свою речь.

— Что там? — нетерпеливо воскликнула Олея. — Где? Что заставило тебя бежать сюда, словно за тобой дракон гонится?

Вир выпрямился и, глубоко вздохнув, наконец, заговорил.

— Его величество обсуждает с мэтром Зермоном замужество Вашей сестры, принцессы Келины.

— Что? — удивилась Олея. — Он что, воспринял это предложение серьёзно?

— Я не знаю. Они долго спорили и в конце концов Ваш отец, Его величество, сказал, что помолвка может быть шансом, и значит, ей быть. Небесный знает, что он имел в виду.

— Но это же немыслимо! — подскочила принцесса. — Моя сестра его не жалуется. К тому же, он из стана наших врагов. О чём только отец думает?

— Он думает о благополучии страны, — вздохнул Вир. — Этот брак, если хорошенько подумать, может обеспечить нам мир и защиту от талемского нападения. А Ваша сестра, принцесса, ради Люкении согласится и не на такое.

Олея нахмурилась, грызя, как в детстве, ноготь большого пальца.

Вир, уже отдышавшись, прошёл в комнату и присел на один из стульев. Ему не требовалось на это разрешения. Когда они с принцессой оставались одни, то почти забывали о своём происхождении и вели себя, как давние приятели.

— Это ещё не всё, — мрачно сказал он.

— Что ещё? — Олея беспокойно посмотрела на него.

— Среди слуг, идут пересуды о том, что принц Альдан и принцесса Келина вроде как... поладили.

— Что?

— Все видели, как они смеялись, гуляя по саду, и как принц целовал её руку. И самое главное — как принцесса сама подала ему эту руку, когда принц снял свою перчатку.

— Моя сестра?! — Олея ошарашенно села на ближайшее кресло. Она не могла поверить в то, что Келина могла потерять бдительность, тем более, когда сама не уставала повторять, насколько принц Альдан опасен. Возможно ли, что он всё-таки не был опасен или она нашла какую-то магическую защиту? Всё ещё размышляя, она тихо сказала: — Продолжай.

Вир, который видел озадаченное выражение лица у хозяйки, тоже сидел мрачный.

— Я не думаю, что на неё подействовала магия, если вы об этом переживаете, принцесса. Все, как один, утверждают, что Ваша сестра после этого быстро ушла и не была похожа на очарованную. Она была задумчива и даже не злилась, как обычно.

— Всё это очень интересно... — медленно выговорила Олея, хмурясь.

— О чём вы, принцесса? — удивился Вир.

Но Олея неожиданно рассмеялась и постепенно смеялась всё сильнее и сильнее, пока, наконец, не свалилась на кресло.

— Принцесса? — Вир озадаченно смотрел на свою хозяйку. — Что случилось? Я что-то не понял?

— О, мой милый Вир. Да, похоже, не только ты, — сквозь смех проговорила она. — Но подумай хорошенько, и всё поймёшь. Эти двое ведут какую-то хитрую игру. Но моя сестра, похоже, проигрывает.

— О чём вы? — Молодой человек, казалось, ещё больше растерялся.

— Ох, глупый. Подумай же! Почему принц, находясь, если разобраться, среди врагов, которые прекрасно осведомлены о его возможностях, позволил моей сестре прикоснуться к нему? Почему моя сестра, всё о нём зная, дотронулась до него?

— Почему же?

Олея на миг перестала смеяться и хитро посмотрела на друга детства.

— Потому что они что-то скрывают! — Принцесса вскочила и начала расхаживать по комнате, нетерпеливо постукивая пальчиками по подбородку. — Между этими двумя гораздо больше, чем они хотят показать. Как я сразу не почувствовала?.. — Она опять

рассмеялась. — Я знала, что эта игра будет интересной. Немного жаль, что я не принимаю в ней участие, но, похоже, Келина неплохо справляется.

— Но вы же сказали, что она проигрывает, — растерянно произнёс Вир, который всё ещё не понимал причину веселья Олеи.

— О, Вир, ты такой наивный! Проигрывать порой слаще, чем выигрывать. Не удивлюсь, если в результате свадьба действительно состоится.

Вир уже устал удивляться и просто подперев щёку рукой, наблюдал за хохочущей хозяйкой.

— Но ведь если Ваша сестра выйдет замуж, королевой Люкении станет она, а не Вы.

— Ох, — Олея отмахнулась рукой, — сомневаюсь, что отец позволит, чтобы такой зять, как принц Альдан, сел на трон Люкении, а даже если позволит, так ты же знаешь, я первая буду прыгать от радости.

Наблюдая за веселящейся девушкой, Вир невольно и сам начал улыбаться. Ему на самом деле всё равно, как будут развиваться отношения между принцессой Келиной и принцем Альданом. Хотя он был бы рад, если бы корона всё-таки досталась старшей сестре. А ещё он рад тому, что Олея смеётся и веселится. Её хорошее настроение всегда передавалось ему.

По крайней мере, пока она смеётся, ей нет дела до его волос и противных розовых лент. Хоть на какое-то время его многострадальная шевелюра оставлена в покое.

Солнце едва встало, а жизнь уже начала бурлить. Охотники стали собираться в лес за добычей, некоторые из оставшихся мужчин начали колоть дрова, некоторые вернулись к починке дома. Женщины принялись за домашние дела, будь то выделка шкур, корм домашней скотины, стряпня или присмотр за детьми.

Для Лекамира это было особенно сложное утро, потому что старейшина с одной стороны донимал его, не переставая что-то говорить о рыбе и насекомых, и рыцарь никак не мог понять, что тому надо. С другой же стороны, Эгрант через него пытался выяснить про свой талисман и про место, где тот мог находиться. В результате рыцарь был буквально атакован с двух сторон и со своим весьма небогатым словарным запасом совсем не справлялся. Не заимев успехов вечером, эти "атаки" продолжились утром.

В конце концов, старейшина, видимо, осознав, что так ничего и не добьётся, разрешил позвать Зику. Хотя раньше он категорически был против, сколько Лекамир ни объяснял, что она лучше сможет передать всё то, что они хотят сказать. Эгрант даже порывался позвать Аккеса, который тоже неплохо владел языком островитян, но даже если бы Лекамир и согласился, то этот варвар и вовсе куда-то запропастился.

Когда всё-таки пришла Зика, то всё стало на свои места. Как оказалось, старейшина умолял рыцаря разобраться с новой напастью, которая пришла к его народу. А напастью была та самая ведьма, перед которой они трепетали ещё в прошлый его визит.

— Он считает, что ведьма насылает на них мошкату и тлю, губит деревья и отводит рыбу, — говорила Зика, выслушав поток слов от старейшины.

Старик косо посмотрел и опять разразился очередной тарабарщиной, только на сей раз в его речи явно слышались гневные нотки. Зика что-то ему ответила, а потом бесстрастно добавила:

— Ещё он считает, что я слишком мало перевожу, и обвиняет меня в том, что я умалчиваю, и что я вообще бестолковая, не в состоянии донести всю мудрость нашего старейшины. Но не думаю, что вам будет интересно слушать все его причитания и

обвинения, которые повторяются через каждые несколько слов, — спокойно сказала она, и Лекамир едва не улыбнулся, видя, как старик важно кивнул, явно думая, что она тщательно переводит всё, что он сказал.

— Они уверены, что здесь замешана именно ведьма — спросил Лекамир, и, когда Зика перевела вопрос, старейшина разразился очередной длинной речью.

— Уверен, — подтвердила Зика и, дабы не получить очередной выговор, продолжила: — Великий Старейшина Оммуc утверждает, что её видели в нескольких местах, что это мерзкое, пакостное создание пришло в мир только с намерением причинять вред ему, Великому Старейшине Оммуcу. Что она специально портит всем жизнь, чтобы поселенцы решили, что он, Великий Старейшина Оммуc, уже более не может своей мудростью Великого Старейшины Оммуcа поддерживать своих людей...

— Я понял-понял... — уже не в силах сдерживать улыбку прервал её Лекамир, видя, с каким напыщенным и одновременно возмущённым видом стоит этот "Великий Старейшина". — Передай ему, что мы всё равно собирались... нет, просто передай, что мы обязательно всё выясним. Только скажи как-нибудь не менее красноречиво и хорошо. А то ещё решит, что я не такой великий, как он, наверно, считает.

Зика, подавив улыбку, начала что-то возвышенно говорить, да так, что через несколько минут непрерывного словоблудия в глазах старика появилось восхищение и чуть ли не обожание. И Лекамир понял, что теперь тот готов разве что не молиться ему, как Небесным.

Но когда дело дошло до просьбы Эгранта, всё началось по новому кругу. Зика пыталась передать описания амулета и то, насколько важно им его найти, но старейшина отвечал ещё более туманно, витиевато и не менее высокопарно. В конце концов, он сказал, что то, что они ищут, находится у ведьмы. Но подобный ответ никому не понравился, потому что выглядело всё так, будто старик пытался придумать ещё один способ направить путников туда, куда ему было нужно.

Потому Эгрант попросил Зику походить с ним и поспрашивать остальных поселенцев.

Лекамир же был счастлив, что его, наконец, оставили в покое, потому что все эти разговоры его ещё прошлым вечером утомили. Однако отпускать его никто не собирался, и, как накануне жрицу, его облепили местные жители, норовя дотронуться и пощупать своего героя. Рыцарь только тяжело вздохнул, мечтая о том, чтобы поскорее покинуть этих слишком впечатлительных людей.

Риана же, обрадовавшись, что хотя бы временно внимание переключилось с неё на кого-то другого, тут же улизнула. Она не была против общения с простыми людьми, но не в тех случаях, когда никто из них друг друга не понимает. Жрица решила, что, возможно, в будущем она ещё посетит эти места, когда у неё будет больше времени. И даже попробует выучить местный язык. А сейчас, пока появилась свободная минутка, она направилась к реке, в надежде, наконец, нормально помыться после нескольких дней пути.

Вчера у неё тоже была такая мысль, но, увидев заплаканную Зику, она решила, что девушке лучше всего устроить весёлый вечер с девичьей болтовнёй. И действительно: Зику просто осыпали вопросами в основном о Лекамире и о жизни вне островов, да так, что она часто смеялась и даже думать забыла о своих горестях. Ну, Риана, по крайней мере, надеялась на это.

Пробираясь по небольшой тропинке и огибая деревья, Риана так погрузилась в воспоминания о прошлом вечере, что не заметила, как кто-то преградил ей дорогу и чуть не налетела на человека, практически уткнувшись носом в его ключицы.

Медленно подняв глаза, она встретила знакомый пронзающий взгляд.

Аккес, если и выглядел удивлённым, по-прежнему не позволял ни одной эмоции показаться на его лице. Только лишь губы плотнее сжались, делая шрам, пересекающий их, ещё более заметным.

Риана медленно сделала шаг назад. А он, не двигаясь, проследил за ней взглядом.

И тут она обратила внимание на то, что он, несмотря на прохладную погоду, стоял обнажённым по пояс, а его кожа блестела от воды. Несколько капелек даже упали с отросших до плеч волос. А вот от синяков чудесным образом почти не осталось и следа, лишь кое-где просматривались жёлтые пятна. Неужели это благодаря Эгранту всё так быстро зажило?

Пока она его рассматривала, он продолжал неподвижно стоять на месте, сверля её взглядом. Почему-то даже неподвижный он казался угрожающе опасным. Риана чувствовала, как начинает возрастать напряжение между ними, пока он не склонил голову слегка вправо, будто рассматривая её, как некую диковинку.

— Тебе следует испугаться, — сказал он низким голосом, от которого по телу побежали мурашки.

— Почему? — спросила она, продолжая стоять на месте, не в силах оторвать взгляда, словно он её зачаровал.

Аккес медленно сделал шаг навстречу, вновь сокращая между ними расстояние. И, словно стараясь подавить её своим ростом, он так же обманчиво медленно склонился к её уху и почти шёпотом ответил:

— Потому что вокруг никого нет.

Резко подняв голову, она вновь встретила с ним взглядом. Она никак не могла понять: бросает ли он ей вызов или проверяет. Аккес же, вновь выпрямившись, наблюдал за ней, словно ожидая реакции на свои запугивания.

— И что? — с вызовом ответила она, и мужчина перед ней слегка прищурился, пытаясь взять в толк, действительно ли ей всё равно или это просто бравада. Но самое удивительное, что она сама не знала ответ на этот вопрос. И всё, что ей оставалось, просто продолжать в том же духе: — Ты всё равно не убьёшь меня. Не здесь. Не так.

Он пренебрежительно усмехнулся.

— Всё так же безрассудно глупая, — сказал он, делая шаг в сторону, чтобы обойти её и продолжить свой путь.

Риана обернувшись, некоторое время растерянно стояла и смотрела, как он уходит, но потом вдруг решила спросить:

— Учтывая, кто ты есть... Почему ты всё же хочешь убить меня?

Аккес остановился и, обернувшись, удивлённо посмотрел на неё. Учтывая, кто он есть? Что именно она имела в виду? Он много кем являлся. Она даже представления не имеет... Или имеет? Она же жрица, возможно, они такое сразу видят.

Он терялся в догадках об истинном смысле этого вопроса, но, в конце концов, развернувшись к ней полностью, решительно посмотрел на неё.

— Может, именно из-за того, что я тот, кто я есть, я и хочу тебя убить?

К своему удивлению, он заметил, как она дрогнула, услышав его ответ. Впервые он увидел испуг в её глазах. Это заинтересовало его ещё сильнее. Что же именно она имела в виду?

— Разве такое... я не думала, что такое возможно... — тихо говорила она сама себе,

запустив руку в волосы и растрепав причёску, из-за чего некоторые слегка увядшие за ночь цветы посыпались на землю. Но потом она подняла голову и взглянула ему прямо в глаза. — Почему так? Ты же хороший человек.

Аккес резко нахмурился и с некоторой злобой посмотрел на неё.

— С чего ты вообще это взяла?!

— Я это вижу, — удивлённая его реакцией, ответила она.

— В таком случае, тебе не стоит доверять своему зрению.

И, решительно развернувшись, он пошёл прочь, оставив Риану грустно смотреть ему вслед.

Его душил гнев. Хороший человек? Он? Тот, кто поубивал больше народу, чем многие встречают за всю жизнь? Что за глупая шутка?

Отойдя на достаточное расстояние, Аккес глубоко вздохнул. Ещё немного, и он опять сорвётся. Один только небольшой разговор, и он был готов взять меч и убить первого, кто попадётся на его пути, выпуская наружу свою ярость.

Эта женщина настоящая отравка.

Хороший человек...

Она точно сошла с ума!

Зло ударив ногой по ближайшему камню, Аккес поспешил скрыться от людских глаз, пока действительно не появился соблазн пустить кому-то кровь.

Опрос жителей, к сожалению, никак не помог в поисках амулета. Да и сами местные больше разглядывали Эгранта, так и норовя к нему прикоснуться, чем действительно пытались что-то вспомнить. Эгрант терпеливо сносил странный интерес, хотя любой мог заметить, что ему всё это не нравится.

Зика же постоянно повторяла вопросы и описание амулета, отвлекала слишком настырных и один раз даже пришлось грубо оттолкнуть одну молодую даму. Та после этого окинула её злобным взглядом и разразилась яростным криком.

Эгрант сразу напрягся, ожидая, что она затеет тут драку. Пусть он не воин, но не позволит обидеть свою маленькую защитницу.

— Зика? Что ей нужно? — спросил он, в ответ получив напряжённый взгляд девушки.

— Она считает, что я не имею права к ней прикасаться. И требует, чтобы меня наказали за этот проступок.

— Но ведь и она тоже пыталась прикоснуться ко мне. Я могу в том же обвинить её.

— Нет. — Зика потупила взгляд. — Вы гость, они имеют право. А я... меня до сих пор считают ассаной.

— Ассаной?

— Не важно. — Она гордо подняла голову. — Это уже не так.

Женщина же продолжала сверлить Зику взглядом, громко бранясь и явно дожидаясь, когда соберётся больше зрителей и люди поддержат её.

— *Мелкая мерзавка, пусть тебя и отдали в подарок нашему Герою, ты всё же жалкая побирושка! Ассана! Забыла, что ли, что это означает? Совсем разбаловалась! Тебе напомнить, что ты не имеешь права ни на что? Что ты тут вообще делаешь без Героя? Сбежать решила? К другому подмазываешься? Мелкое ничтожество!*

Зике было противно слушать всё это, но она не стала отвечать потому, что её всё равно никто не стал бы слушать. Более того, всё, что она скажет, воспримут совершенно не так и

сделают ей только хуже.

— Давайте уйдём отсюда. Вряд ли они знают, где ваш талисман, — сказала она Эгранту, надеясь избежать скандала. Но те немногие люди, что находились поблизости, побросали все свои дела и с интересом наблюдали за сценой. Более того, толпа зевак всё увеличивалась. Она не успела сделать и шага, как несколько мужчин окружили их. Внутренне Зика сжалась, вспоминая плётки, которые пускали в дело, когда наказывали за проступки.

Но страх её на миг затмило изумление, когда среди подошедших она заметила Ошшура. Сердце быстро забилося, как только она его узнала. Он сильно изменился за эти годы. Стал ещё больше, обзавёлся бородой и шрамом на плече. Но в чувство её привёл его отчуждённо-брезгливый взгляд.

— *Что за шум развели, курицы?*

Потом кто-то толкнул его в плечо.

— *Эй, Ошшур. Это случайно не твоя единокровка?*

Брат более внимательно на неё посмотрел, а Зика ждала, что в его взгляде скользнет хоть какая-то радость, может, даже улыбка. Ведь они столько времени не виделись.

— *Да,* — сказал он, недовольно прищурившись. — *Что ты опять натворила, Зиика?*

— *Она схватила меня за руку и толкнула!* — тут же начала причитать рядом стоящая женщина, но один из мужчин её грубо заткнул:

— *Замолчи горлопанка! Уши закладывает от твоего крика.*

Ошшур же продолжал сверлить сестру взглядом.

— *Где твой хозяин? Почему ты тут одна...* — он вдруг перевёл взгляд на Эгранта, который внимательно его рассматривал. — *...с ним? Только не говори, что опозорила наше поселение, сбежав от Героя.*

— *Я ни от кого не сбегала,* — проговорила Зика сквозь зубы. — *Я помогаю Эгранту найти...*

— *Ты не должна общаться другими мужчинами, кроме хозяина,* — резко прервал её Ошшур. — *Если только он сам не захочет подложить тебя под другого.*

Зика потрясенно замерла.

— *Я не...*

— *Быть послушной ассаной — это всё, что от тебя требуется.* — Он нахмурился, бросив недовольный взгляд на Эгранта.

— *Я же говорю, надо наказать мерзавку!* — вновь заголосила рядом стоящая женщина.

— *Закрой рот, Киваара!* — гаркнул в её сторону Ошшур и продолжил сверлить взглядом сестру. — *Она собственность Героя. Хочешь пожаловаться — иди к нему. Ты же знаешь, ассану может наказать только её хозяин. Ты же не хочешь его разозлить?*

— *Я не ассана!* — наконец выкрикнула Зика, давая волю своей злости, одновременно чувствуя, как от страха бешено бьётся сердце. Все удивлённо посмотрели на неё, и она в этот момент захотела провалиться под землю. Никогда ранее она не позволяла себе повышать голос. Но потом она вспомнила слова Аккеса накануне.

Стараясь не обращать внимания на страх и бешено бьющееся сердце, она посмотрела брату в глаза и повторила:

— *Я больше не ассана... Я сама распоряжаюсь своей волей.*

— *Я знал, что ты тупица, Зиика, но не думал, что настолько.* — Ошшур скривился. — *Ты действительно думаешь, что раз ушла в другие земли, можешь плевать на наши*

законы? Если Герой хорошо к тебе относится, это не значит, что ты такая же, как он. Ты можешь и дальше мечтать и утешать себя, но ты была и будешь ассаной. Это никогда не изменится!

Зика почувствовала на себе надменные взгляды и даже слышала усмешки. Сердце опять заколотилось в груди. Она и не думала, что способна чувствовать себя настолько униженной. Над ней и раньше смеялись, но ей было всё равно. Какая гордость может быть у того, у кого нет ничего, даже воли? Но не теперь... Возможно, это такая цена за то, чтобы считаться свободным человеком?

Подняв глаза и упрямо глянув на того, кто являлся её единокровным братом, Зика выпрямилась. Она вдруг поняла, что ей нечего стыдиться — все эти люди давно не часть её жизни, она для них ничего не значит... И что теперь они для неё тоже всего лишь посторонние. Поэтому ей больше не нужно чувствовать себя грязью под ногами только потому, что они так считают.

— *Ты можешь называть меня, как хочешь,* — сказала она, почувствовав вдруг такое облегчение, что хотелось смеяться над тем, как она раньше их всех боялась. — *Но я уже знаю, кто я. Те, кто мне дорог, тоже знают, кто я. А вы...* — Она оглядела всех кто стоял рядом. — *Мне всё равно, что вы думаете.*

И, обернувшись к Эгранту, который обеспокоенно осматривался, готовясь к худшему, но не вмешивался, пока идут разговоры. Тем более, не зная, о чём идёт речь. Но, заметив, что Зика смотрит на него, тихо спросил, будто боялся, что остальные услышат:

— Всё в порядке?

— Да, — с улыбкой ответила она. — Просто я им не нравлюсь. Может, уйдём?

Эгрант осторожно посмотрел на мужчину, с которым она говорила, и нахмурился, увидев, как его глаза запылали гневом. Он точно не знал, что тут произошло, но понял, что ничего хорошего. Тем не менее, он в любом случае на стороне этой храброй девочки, которая так смело противостояла целой толпе. После такого, конечно, больше нет смысла расспрашивать про амулет, хотя он сомневался, что хоть кто-то действительно мог ему помочь. Поэтому он кивнул, и они вдвоём направились обратно к большому дому. Но, даже уходя, он чувствовал, что вслед им явно кидают недоброжелательные взгляды. Взглянув на Зику, он заметил, что она непривычно напряжена.

— Не расстраивайся. — Он улыбнулся ей. — Что бы там ни произошло, у тебя есть те, кому ты всё равно будешь нравиться.

— Я знаю! — Зика неожиданно лучезарно улыбнулась. — Просто... я надеялась, что брат хотя бы обрадуется, увидев, что у меня всё хорошо.

— Брат? — удивился Эгрант.

— Да... — Девушка задумчиво кивнула. — Но получается, что он совершенно чужой теперь для меня.

— Но это не повод расстраиваться.

— Конечно, — согласилась она. — Мне просто жаль, что мы так ничего и не выяснили про талисманы.

Эгрант кивнул, задумавшись. Он точно мог сказать, что талисман где-то поблизости. Где-то на этом острове и ближе, чем тогда, когда они высадились. Его мягкая пульсация витала в воздухе и манила его к себе. Проблема только в том, что он не мог определить направление, сколько бы ни старался. Не срабатывали никакие магические приёмы.

А его силы иссякали... как и время.

Остановившись, он опёрся о ствол ближайшего дерева и с трудом вдохнул воздух.

— С вами всё в порядке? — озабоченно спросила Зика.

Эгрант через силу улыбнулся девушке, стирая со лба капли выступившего пота. Похоже, он слишком переволновался.

— Всё хорошо, — ответил он, чувствуя, как кружится голова.

— Наверно, вам надо отдохнуть. Может, вы приляжете, а я сама похожу ещё, поспрашиваю?

— Не стоит, — сказал Эгрант. — Я скоро приду в себя, но сомневаюсь, что хоть кто-то знает что-то полезное. Мы уже опросили достаточно народу.

Амулет точно недалеко. И его близость частично была причиной его слабости, так же, как и большое расстояние до Сэнкины, где хранилась большая часть остальных амулетов.

Эгрант знал, что идёт на большой риск, уезжая так далеко, но он надеялся, что всё же успеет добраться к цели до того, как силы полностью покинут его. Амулет сможет продержаться его в стабильном состоянии на обратной дороге. Поэтому его надо было найти как можно скорее.

— Пойдёмте в Большой дом, — сказала Зика, закусив губу от беспокойства. — Я сварю вам бульон.

Эгрант посмотрел на неё и нежно улыбнулся.

— Милое дитя, у тебя доброе сердце, но бульон мне не поможет.

— Может, тогда позвать кого-нибудь? Я могу поискать Аккеса.

— Правда? — Он с лёгким удивлением посмотрел на неё. — И ты его не боишься?

— Поначалу... боялась, конечно. Но теперь он не кажется мне таким страшным. Я не думаю, что он плохой. Он же не плохой? Вы с ним хорошо друг друга знаете?

— Я хорошо его знаю. — Эгрант улыбнулся. — И знаю, что тебе не стоит его бояться. Однако и он мне тоже не поможет. Но вот от отдыха я не откажусь. Сейчас, только минутку... голова перестанет гудеть и пойдём.

Отстранившись от дерева и удостоверившись, что вполне может нормально двигаться, он ещё раз улыбнулся девушке и пошёл к центру посёлка, где находился мужской дом.

— Вы чем-то больны? — спросила Зика и тут же зажала себе рот руками. — Простите, я не должна любопытствовать.

— Ничего страшного, — ответил Эгрант. — Это не совсем болезнь, скорее, усталость и потеря сил. Я слишком часто использовал магию, и это истощило меня. Но прошу, не переживай за меня, — он тепло на неё посмотрел, — скоро всё пройдёт.

— Это хорошо, — девушка вздохнула с облегчением, — но я всё же сварю вам бульон.

И, проводив его, Зика убежала, не слушая никаких возражений. Эгрант же, как только остался один, едва не свалился прямо на землю. С трудом зайдя внутрь, он добрался до своего спального места и бессильно рухнул на него.

Когда в следующий раз он открыл глаза, то увидел, что рядом сидит Зика, смачивая кусок ткани в каком-то странно пахнущем отваре. Запах этот, вполне приятный, уже пропитал всё вокруг.

— Разве тебе можно сюда? — спросил Эгрант, глядя на девушку.

Зика, заметив, что он очнулся, сначала охнула, а потом вздохнула с облегчением.

— Это не мужской дом, — сказала она, и Эгрант только теперь заметил, что находится в каком-то небольшом помещении. Зика же виновато опустила голову. — Вас перенесли, как только стало ясно, что вы заболели. По нашим... то есть, здешним правилам, больным

нельзя находиться в одном помещении со здоровыми.

— Ясно. — Эгрант прикрыл глаза. Слабость не прошла, но чувствовал он себя лучше. — Сколько я спал?

— Целый день. Уже смеркается, — сказала Зика, положив компресс ему на лоб и поднимаясь. — Я сейчас принесу поесть.

После чего она тут же выскочила наружу.

Эгрант вздохнул и, подняв руку, убрал этот кусок ткани. Чем бы ни был этот отвар, он всё равно бесполезен.

— Может, объяснишь, что произошло? — послышался раздражённый голос Аккеса, и, повернувшись в сторону, Эгрант наконец его заметил. Тот сидел на какой-то скамье, скрестив руки и прислонившись спиной к бревенчатой стене.

— Ничего особенного, — попытался отмахнуться Эгрант.

— Действительно, что особенного может быть в том, что тот, кто должен быть бессмертным, вдруг падает без сознания с жаром и лихорадкой.

— Ох, сколько сарказма, — усмехнулся Эгрант.

— Что произошло? — требовательно переспросил Аккес.

Эгрант тяжело вздохнул, поднимаясь.

— Это просто истощение, не более. Не стоит так паниковать.

Аккес тоже поднялся и встал напротив него, внимательно всматриваясь ему в лицо, будто пытался там прочесть верный ответ.

— Я же сказал... — начал Эгрант, но тот его перебил.

— Знаю. Истощение. Верю. Просто не думал, что такое возможно. Это из-за Деко? Как долго он ещё может поддерживать тебя так?

Эгрант грустно улыбнулся.

— Разве не всё, что происходит, происходит из-за Деко? А причина нашей слабости всё в том же. Из-за амулетов. Их нужно собрать как можно быстрее.

Эгрант, оглядевшись, увидел свои вещи и, подойдя к ним, начал искать тунику. Его всё ещё бил озноб.

— Ох уж эти амулеты. — Аккес нахмурился, следя за его движениями. — Зачем вообще их нужно было создавать?

— В то время это казалось отличной идеей. Своего рода благодарностью.

— Из-за которой теперь весь мир может погибнуть.

— Тогда мы этого не знали. Мы были молоды и упивались своими способностями.

Аккес скептически поджал губы, и Эгрант усмехнулся.

— Не смотри на меня так. Даже ты считаешь себя умнее того, кто прожил тысячелетия. Что уж говорить о таких, как мы. Тщеславие — опасное качество. — Одевшись, Эгрант присел и посмотрел в сторону небольшого очага. — Каждый должен пройти этап искупления. И мне кажется, всё это часть моего. Мы должны исправить ошибку и вернуть всё туда, как оно должно быть.

— Ты начинаешь говорить, как он, — тихо сказал Аккес, так же устремив свой взор на огонь. Эгрант грустно усмехнулся.

— Ну, так все же считают, что я его сын.

— Прекрати нести ерунду. — Аккес с раздражением посмотрел на него.

— А что? Мне нравится этот слух. Он забавный. Я даже не знаю, может, не стоит раскрывать им правду. В конце концов, может пусть дальше верят в легенды.

Аккес безразлично пожал плечами.

— Делай, как знаешь.

— А может, вообще что-нибудь придумать этакое? — Эгрант вдруг рассмеялся. — Что-нибудь про верховных духов-богов. Или путешественников из других миров. Или, например, объявляю себя Старшим Богом, а тебя, к примеру, Небесным Воином. Как ты думаешь, поверят?

Аккес закатил глаза.

— Не забудь Альдана представить как Небесную Богиню.

— О! Он будет в ярости.

— Какая разница? Всё равно Небесная троица уже спустится на землю и прихлопнет нас за подобную наглость.

— Да, это будет уже не так весело, — согласился Эгрант.

Аккес повернулся к нему и осуждающе посмотрел.

— Чтобы ты ни придумал, это всё равно не переплюнет правду. Так что либо рассказывай, либо оставь всё как есть. А вообще, лучше приведи себя в порядок. Завтра отправимся дальше в путь.

Эгрант скривился.

— Брюзжишь, как старик.

— Никак не привыкнешь, что мне уже не четырнадцать? — Аккес направился к выходу. Убедившись, что с Эгрантом всё в порядке, он решил скрыться до того, как сюда явится ещё кто-нибудь.

— Ну, фактически, я с тобой не встречался всё то время, когда тебе было четырнадцать.

Аккес не успел ничего ответить, так как уже вышел и удивлённо наблюдал за тем, как все в панике разбегаются, кто куда. Большинство, конечно, пыталось собраться в большом доме или около, как будто искали безопасное, по их мнению, место. Он же посмотрел напрямик туда, где было больше всего шума. Неприятное предчувствие поселилось внутри. Не медля более, он побежал к воротам, у которых собирались воины и сам старейшина что-то кричавший.

Подойдя ближе, он услышал более отчётливо:

— *Вы не имеете права заходить в эти леса, Коррур, это нарушение будет караться смертью! Тем более, ты привёл своих воинов.*

Не менее разозлённый голос слышался из-за ограды:

— *Оммус! Я имею права на мечь и вовсе не претендую на твои территории. А вот ты нарушаешь правила, укрывая захватчиков.*

— *У нас нет никаких захватчиков.*

— *Не ври мне, Оммус. Мои следопыты привели нас сюда!*

— О, Небесная!

Обернувшись он заметил Зику, которая в испуге прижала миску с едой прямо к груди. Увидев Аккеса, она, чуть ли не плача, сказала:

— Это воины Оллушона. Они выследили нас и теперь начнётся война.

Аккес осмотрел немногочисленных воинов, которые стояли рядом со старейшиной, и понял, что пользы от них никакой не будет. Одновременно он отметил, что недалеко стоит шлемоголовый, а также то, что к ним приближается и жрица. Он мгновенно оценил всю обстановку.

— Лучше уходи отсюда в безопасное место и уведи Эгранта, он всё ещё не оправился до

конца, — сказал он Зике. — И не покидайте его, пока твой рыцарь за вами не явится.

Испуганно кивнув, она развернулась и убежала.

— Что происходит? — спросила Риана, растерянно оглядывая толпу людей.

— Нас выследили, — ответил Лекамир, в то время как переговоры переросли в крики и ругань. Прислушиваясь к ним, Лекамир всё сильнее и сильнее хмурился. — Похоже, стычки не избежать.

В этот момент в закатном небе просвистела первая стрела, которая по счастливой случайности никого не убила, но воткнулась в землю в шаге от Аккеса, который, скрестив руки на груди, хмуро на неё смотрел. Риану удивило его ледяное спокойствие. Почувствовав, что жрица на него смотрит, он, бросив на неё мрачный взгляд, поднял руку и достал маску из-за спины, одевая её на лицо. Мурашки побежали по телу Рианы, как только знакомый чёрный туман окутал глазницы черепа, из которого она была сделана, задействуя магию ужаса.

Пущенная стрела была своеобразным сигналом к действию. Тут же раздался крик, после которого воины противника начали перебираться через ворота. Они были рассчитаны больше на зверей, и людям почти не были помехой. Воины противника начали нападать со всех сторон.

Лекамир, выхватив меч, тут же отбил удар первого из нападающих. Воины Оллушена на этот раз были более подготовлены. Одежда из твёрдой кожи, оружие из металла у каждого второго, наверняка выменянное у горняков. Буквально за мгновение были снесены ворота, и поток воинов устремился внутрь с горящими боевым запалом глазами. Риана едва успела оценить обстановку, а Аккес уже сорвался с места, влетая в толпу врагов. Не медля больше, она тоже пошла в атаку и лишь чуть позже осознала, что никто из них не убивал без крайней необходимости. Все противники падали либо раненые, либо оглушённые. Это её радовало, так как всё это казалось ей большой ошибкой, и смерть любого из нападавших огорчила бы её. Потому чем меньше их, тем лучше.

Они ведь никому не желали зла, но островитяне не хотели в это верить.

Горько вздохнув, она подсекла бегущего к ней воина, который решил, что женщина будет лёгкой добычей. Повалив его на землю, она поспешила в гущу сражения, где уже вовсю орудовал Аккес. А недалеко стоял Лекамир с остальными воинами и пресекал любую попытку врага пройти внутрь поселения.

Это был редкий случай, когда Аккес действительно радовался битве. Обычно они были лишь необходимостью. Его ремеслом. Он убийца, а значит должен убивать. Но по-настоящему радовался сражению он лишь несколько раз, том числе и сегодня.

Поначалу, надев свою маску, он почувствовал привычное спокойствие и сосредоточенность, медленно растекающуюся по телу. Все мысли тут же пропали, и осталось лишь намерение. Никаких чувств, жалости, прочих эмоций, которые могли бы ему помешать. Только размеренность действий и внимательный расчёт движений противников. Именно так всегда было. Именно так и должно всегда быть...

Но длилось это лишь до тех пор, пока в пылу битвы не замелькали красные всполохи, похожие на кровь. Только кровь не могла развеяться на ветру. И если к виду самой крови он привык, то эти алые локоны он ненавидел... Они выводил его из равновесия, раздражали... Всё, что связано со жрицей, его раздражало.

Она сражалась так, словно рождена в битве. Для битвы. Такой он никогда её не видел. Плавное, словно переливание воды, тело и ярко-красные волосы мелькали среди врагов.

Чёткие удары и стремительные уклонения, потом контрудары и разворот к новой цели. Это его бесило.

С ним она не была такой. С ним она только стояла, сосредоточенная на обороне. Только лишь отклонялась и защищалась. Его бесило то, что даже с этими варварами, не умеющими атаковать правильно, она вела себя так... раскрывая себя. А с ним просто оборонялась, будто он не был достоин того, чтобы сражаться с ним... так.

Отравляющие мысли ворвались туда, где должна была быть холодная сосредоточенность, и пробудили гнев и раздражение. Всё то, что он так старался подавить.

Резко развернувшись, он нанёс мощный удар по ближайшему противнику, расплосовав его живот. Кровь брызнула Аккесу в лицо, растекаясь по маске, подбородку и рукам. Гнев ещё сильнее завладел его сознанием. Теперь любой красный цвет ассоциировался с её волосами. Он возненавидел этот цвет.

Полный неистовой ярости он двинулся к очередному противнику, который, видя смерть соплеменника, кинулся на него. Слегка согнувшись, он резко рубанул по ноге, разрезая плоть до кости, следующими ударами он отсёк обе руки и обезглавил своего врага.

Внутри все горело. Неистовое жжение заполнило его всего. Гнев рвался наружу в жажде поглотить всё, что было в поле зрения. Сделав шаг в сторону, он вонзил меч прямо в живот очередного противника, почти перерубая его пополам. Даже не видя, а только чувствуя рядом ещё кого-то, он с разворота вогнал оружие тому в шею и резко рванул вверх. Скрежет кости и звук рвущейся плоти, никак не повлиял на него, разве что раззадорил ещё сильнее.

Вокруг была только кровь. И чем больше он её видел, тем более неистовым он становился. Любой, кто оказывался рядом, тут же получал несколько стремительных и смертельных ран.

Почти четвертовав ближайшего противника он с диким криком бросился к следующему, раздробив ему череп ударом эфеса и повалив на землю вогнал оба меча ему прямо в глазницы.

Он двигался как смертельный вихрь, оставляя вокруг себя только кровавые брызги, что вспыхивали как хищные цветы, и обезображенные тела, что падали к его ногам.

Чем больше он вымещал свою злость и ярость, тем больше крови он видел. А чем больше крови, тем больше ярость. Это был порочный круг безумия, который окутал его всего, не желая выпускать из своего кокона.

Когда вокруг Аккеса закончились цели, он, тяжело дыша, наконец, остановился... ему потребовалось всего три вдоха, дабы прийти в себя и осознать то, что он стоит среди десятка мёртвых тел, а всё вокруг залито кровью... и тишиной...

Все: и нападающие, и обороняющиеся — остановились и с ужасом смотрели на тяжело дышавшего монстра. Вся битва прекратилась, и даже старейшины уже обдумывали не то, как друг друга убить, а как бы спастись. Потому что ещё минуту назад было ощущение, что кутру не выживет никто. Что это чудовище перебьёт всех, даже женщин и детей...

Лекамир стоял с выражением глубокого потрясения на лице и, похоже, впервые действительно осознал, насколько опасен может быть Аккес, и вспоминал всё то, чем мог его действительно разозлить. Одновременно с этим он пытался придумать способ вывести отсюда людей как можно быстрее.

Риана, замерев, смотрела только на Аккеса, не замечая никого вокруг. В этот момент любой мог бы к ней подойти и перерезать горло — она бы и не заметила. Жрица впервые видела подобную беспощадность. То, с чем она лично сталкивалась, когда Аккес на неё

нападал, и в сравнение не шло с тем, что она только что увидела.

Аккес же, приходя в себя, начал в полной мере понимать, что натворил. Он опять потерял контроль. Стянув с лица маску, он уронил её на землю, с ужасом осматривая мёртвые тела у своих ног. Все они лежали, орошая кровью землю. Сложно было сказать, сколько всего тел, так как некоторые были порублены на части. А у одного вообще была раздроблена голова. Отчаянье накрыло его. Он не имел права допускать такого. Он ведь обещал себе...

Неужели от судьбы не уйти? Он действительно кровожадный убийца?

Почувствовав, наконец, присутствие остальных, он поднял голову — и тут встретился взглядом со жрицей.

Это всё её вина. Из-за неё он постоянно срывается. По какой-то необъяснимой причине к нему вернулись тщательно подавляемые эмоции. Столько лет... столько лет он хранил их глубоко в себе, отказываясь как от положительного, так и от отрицательного. Только для того, чтобы не допускать подобного. Но пришла она, и все старания превратились в прах. Если это и есть благословенные и исцеляющие возможности жриц, то к демонам такое исцеление.

Он зло прищурился, глядя на неё. Она стояла там с ужасом в глазах, и он прекрасно понимал, что она видела и как он сейчас выглядит. Весь окровавленный, среди множества трупов. И пусть маску он снял, не было никаких сомнений, что все вокруг замерли от страха. Легенды о беспощадном убийце теперь будут ходить и здесь.

— Ну что? — с отвращением спросил он, продолжая глядеть на жрицу. — По-прежнему считаешь меня хорошим?

И, подобрав свою перепачканную кровью и от этого ещё более ужасную маску, он развернулся и пошёл прочь. Даже не обращая внимания на людей, которые в страхе шарахались от него, освобождая дорогу.

Аккес был рад, что Эгрант при этом не присутствовал. Он бы не вынес его грустного взгляда. И хорошо, что Зики тоже нет. Её разочарования он бы тоже не вынес.

Да и пошли они все к демонам. Особенно жрица с её отвратительно-добрыми глазами и желанием подружиться. Может, теперь, увидев, какой он монстр, она, наконец, захочет его убить. Может, даже лучше, если она действительно в этом преуспеет. Всё равно его жизнь бессмысленна. Деко скоро покинет этот мир, и он останется совсем один. Опять один... окружённый только теми, кто хочет его смерти... Опять.

Как только Аккес ушёл, люди начали потихоньку собираться вместе. По ним нельзя было даже догадаться, что какое-то время назад они отчаянно друг друга убивали. Старейшины вдруг резко наладили отношения и начали обсуждать то, свидетелями чего стали. Было ли это божественное вмешательство, или же к ним действительно пришла новая беда?

Лекамир, слыша эти разговоры, только махнул рукой на них. Его сейчас гораздо больше заботило, куда ушёл Аккес и где сейчас Зика. Также его заботило состояние Рианы, которая продолжала стоять на месте, уставившись невидящим взором себе под ноги.

— Риана? — Он дотронулся до её плеча.

— Не переживай за меня, Лекамир, — ответила она, не глядя на рыцаря. — Нам надо позаботиться о мёртвых. Их нужно похоронить, или что там делают с мёртвыми в этих местах?

Так и не взглянув на него, она направилась к телам погибших. Риана была непривычно бледна и подавлена, и Лекамир разозлился. Зачем они вообще взяли этого убийцу с собой? Он же просто монстр. И как ему теперь Зику от него подальше держать? Если он пойдёт с ними к ведьме, придётся её оставить на время тут. Так будет безопасней. Если же он так и не вернётся, то Зику он не оставит там, где может появиться Аккес.

В любом случае, необходимо было её найти и убедиться, что с ней ничего плохого не случилось. Несмотря на то, что на дворе стояла ночь, никто не спал, на поиски Зики ушло больше времени, чем он думал. Он ещё днём слышал, что Эгрант заболел, и она вызвалась за ним поухаживать, но домик, где они должны были находиться, был пуст. Расспросы тоже результатов не давали. Его то посылали не туда, то она уже ушла из этого места, то люди вообще понятия не имели, куда она делась. С каждой подобной неудачей Лекамир начинал паниковать всё больше и больше, пока не нашёл её и Эгранта в небольшом домике на окраине.

Увидев его, Зика радостно бросилась ему на шею, сам же рыцарь осуждающе посмотрел на Эгранта, который действительно выглядел не лучшим образом.

— Я надеюсь, всё обошлось? — спросил тот, не понимая значения подобного взгляда.

— Твой друг сошёл с ума и поубивал почти всех вокруг.

— Что? — хором выговорили оба. Зика отступила на шаг, испуганно глядя на Лекамира, Эгрант же вскочил и, ни слова не говоря, куда-то побежал.

— Эй! Там настоящий ужас, — крикнул ему вслед Лекамир, но не добился никакого результата.

— Я тоже иду, — сказала Зика, направившись за Эгрантом.

— Нет, Зика. — Лекамир перехватил её. — Я серьёзно. Там всё в крови, вокруг мёртвые и отвратительный запах.

— Я видела мёртвых, Лекамир. Не помнишь? Мы не раз натыкались на бандитов, — она стояла перед ним, решительно выпрямив спину, так что он на миг даже опешил. Он не привык видеть её такой настойчивой... — И если нет реальной опасности, то я иду.

— Этот монстр где-то рядом, — мрачно сказал Лекамир, наблюдая, как она упрямо вздёрнула носик, после чего уже привычно улыбнулась.

— Ну, ты же идёшь со мной, не так ли?

И ему ничего не осталось, как вздохнуть и сдаться. Ну не запереть же её, в самом деле?

Эгрант, когда пришёл к воротам, замер, оглядывая всё вокруг. Тела уже успели убрать в сторону, но кровь запачкала всё вокруг, и тяжёлый металлический запах смерти окутывал пространство. Аккеса нигде не было, и это не удивительно, он, наверно, опять куда-то спрятался, словно побитый щенок.

— О, Небесные, — услышал он возглас Зики, которая встала рядом с ним.

— С этим надо что-то делать, — сказал Лекамир. — Мы не можем допустить, чтобы подобное повторилось. В следующий раз он может напасть на нас.

— Не волнуйся, — ответил Эгрант, посмотрев на него. — Его ярость тоже имеет пределы. Нас он не тронет.

И, не желая обсуждать эту тему дальше, он направился за ограду к телам мёртвых, хотя прекрасно понимал, что ничем помочь всё равно не сможет.

— Что-то я сомневаюсь, — пробубнил Лекамир, хмуро глядя ему в след. Но тут его кто-то окликнул, он обернулся: старейшина посылал какие-то сигналы, явно подзывая к себе. И он ни на миг не сомневался, о чём пойдёт речь на этот раз.

Оглядевшись вокруг, он заметил, что Риана стоит, склонившись над телами павших воинов и, прикрыв глаза, что-то тихо говорит.

— Держись рядом с Рианой, — сказал он Зике, которая всё ещё стояла возле. — И не отходи от неё ни на шаг. Сейчас, мне кажется, только с ней ты будешь в безопасности.

Девушка кивнула. И когда послушно направилась к жрице, она зацепилась взглядом за Эгранта, который тоже стоял возле мёртвых и задумчиво смотрел на них. Во всей его позе чувствовалась такая надломленность и печаль, что она не удержалась и подошла к нему.

— С Вами всё хорошо?

Эгрант повернулся к ней и грустно улыбнулся.

— Да. Я чувствую себя гораздо лучше. — Отвернувшись, он посмотрел вниз. Зике не очень хотелось стоять с мёртвыми. Откровенно говоря, ей было жутко не по себе. Но ей почему-то хотелось утешить Эгранта. Он выглядел так, словно по-настоящему скорбит по всем этим людям, хотя никого из них и не знал. Более того, все они были не из поселения.

— Знаешь... — вдруг сказал он. — Ему сейчас больше всего.

— Ему? — удивилась Зика. — Вы про Аккеса?

— Да. Когда долгие годы живёшь в темноте, даже лучик света может причинить боль глазам.

— Что вы имеете в виду? — не поняла девушка.

Эгрант опять посмотрел на неё с нежной улыбкой.

— Нормальные люди, взрослея, познают свои эмоции, учатся не поддаваться чувствам, даже управлять ими. Умеют контролировать их насыщенность. Аккес же рос и долгое время жил без эмоций или с их минимальным проявлением.

— Без эмоций? Почему?

Эгрант внимательно на неё посмотрел.

— А почему люди вообще совершают какие-либо поступки? Существует только две первопричины. И если это не любовь, то тогда это страх. А он был очень напуган. — Эгрант задумчиво посмотрел на лес. — Теперь же эмоции опять вернулись к нему, и он, не привыкший к такому, с трудом справляется. На этот раз ему от этого уже не спрятаться. Не захотел в детстве справляться, придёт теперь, только вот в более сильной форме. Но я рад, что это происходит. Ведь вместе с гневом и яростью, которые он не умеет сдерживать и выплёскивает без остатка, он опять начинает улыбаться и даже смеяться. Ты бы видела, как он может смеяться. Так же, как в детстве — заразительно и ярко.

Эгрант сам улыбнулся, погружившись в воспоминания, но потом опять грустно опустил голову.

— Я верю, что он справится. Хотя не могу не переживать за него, — он усмехнулся и проговорил тише: — Похоже, я действительно становлюсь слишком похожим на человека.

Зика стояла и внимательно смотрела на Эгранта. Она не совсем поняла, о чём тот говорил, но чувствовала, что Эгрант очень беспокоится о своём друге и, кажется, совсем не винит его в этих убийствах, хотя и не отрицает его вину. Для Зики всё это было ужасно. И кровь, и все эти смерти. Но она почему-то тоже не могла винить Аккеса. В конце концов, они же первые напали и хотели всех тут поубивать. А он их защитил... как всегда делал.

Оставив Эгранта одного, Зика решила, наконец, подойти к Риане. Но его слова о том, что Аккес сейчас переживает о том, что произошло, больше остальных, всё никак не выходило из её головы. Оглядевшись вокруг и увидев, что Риана всё так же читает молитвы над мёртвыми, Зика быстро, пока её не заметили, пошла к реке.

Вчера вечером, когда она плакала на берегу, он пришёл её утешить. И, по непонятной причине, ей казалось, что если он там, то теперь она, возможно, сможет его утешить.

Однако берег был пуст. Зика вздохнула, осознав, что даже немного этому рада. Потому что понятия не имела, что могла бы ему сказать. Что вообще говорят тому, кто убил столько человек?

Присев возле валуна, у которого плакала накануне, она, так же обхватив колени, глядела на водную гладь. И почему вообще она хочет ему помочь? Утешить? Наверно, потому, что никак не могла понять, как человек, который вчера улыбался и утешал её, ободряя, сегодня оказался тем самым безжалостным убийцей, о котором все говорили.

Словно две совершенно разные личности.

Ещё раз вздохнув, она поднялась. Лекамир будет беспокоиться, если её долго не будет. Надо возвращаться.

Но только девушка собралась уходить, как вдруг непонятное чувство заставило её поднять голову. И Зика увидела на дереве Аккеса. Он сидел на высоте в два человеческих роста недалеко от неё и смотрел на воду.

— О! — удивлённо выдохнула девушка, глядя на него. Если бы она не подняла голову, то никогда бы и не догадалась, что он тут.

Аккес медленно повернулся к ней. Взгляд его был безжизненный и отчуждённый. Казалось, что он смотрит не на неё, а сквозь неё. Окинув девушку безразличным взглядом, он опять отвернулся. Зика даже не могла точно сказать, догадывался ли он раньше о её присутствии или узнал только, когда она выдала себя удивлённым возгласом.

Сама не веря тому, что способна на подобную смелость, она сделала шаг ближе, подходя к большому валуну, который торчал из земли рядом с этим необъятным дубом. Она частенько забиралась на этот валун, но вот дерево для неё было слишком большим. Удивительно как Аккесу удалось на него взобраться.

— Эм... С тобой всё в порядке? — робко сказала она, но потом смущённо опустила голову. — То есть я знаю, что ты... м-м-м... ты не ранен?

Он продолжал молча сидеть и смотреть в одну точку, и Зика осмелилась всё-таки взобраться на валун, чтобы лучше его увидеть.

— Ты весь в крови, — сказал она, закусив губу. — Я знаю, что она не твоя. Но, может, что-то и твоё... то есть...

Она замялась и постаралась всмотреться в его лицо, которое по-прежнему было пустым.

— Знаешь, — сказала она, садясь на покрытый мхом камень и обнимая колени. — А я тебя не боюсь.

И, к её радости, он опять повернулся к ней. На этот раз его взгляд был более осмысленным.

— А стоит, — произнёс он слегка охрипшим голосом. — Иди к воротам, потом поменяешь своё мнение.

— Я как раз оттуда, — парировала она, внимательно следя за его реакцией. Она сама не могла понять, откуда у неё столько смелости, учитывая, что Аккес выглядит весьма устрашающим. А его мнимая расслабленность пугала гораздо больше, чем если бы он был напряжён, как перед боем.

— В таком случае, что ты тут делаешь? — рявкнул он так, что Зика вздрогнула, но продолжала упрямо сидеть на месте.

— Не знаю, — пожалала она плечами, стараясь скрыть дрожь. По какой-то причине она

была уверена, что он её не тронет. В памяти ещё осталась его вчерашняя добрая улыбка. — А что ты тут делаешь?

Он несколько удивлённо посмотрел на неё, но потом опять отвёл взгляд.

— Прячусь, — ответил он. — Неудачно...

— От кого?

— От всех!

— Смешно, — невесело хихикнула она. — А они там все прячутся от тебя.

— И правильно делают.

— Почему? Им есть, чего бояться?

— Ты же вроде была у ворот, — отвечал он грубо и резко. Тем не менее в его голосе чувствовался некий надлом. Поэтому Зика была уверена, что он специально так делает. Возможно, надеясь прогнать её. Но ей не хотелось уходить. Он же вчера не ушёл, когда ей было больно...

— Была, — согласилась она. — И, по правде, меня это действительно напугало. Столько смертей...

— Я безжалостный убийца. Неужели не слышала? — мрачно сказал он, отвернувшись так, чтобы она и вовсе не видела его лица.

Зика же продолжала упрямо смотреть на него в надежде, что Аккес повернётся к ней обратно. Ей очень хотелось посмотреть ему в глаза. И почему-то девушке казалось, что она не увидит там того, кем он себя считает.

— Слышала. Ты, правда, думаешь, что это так?

— Какая разница, что я думаю? — опять раздражённо прорычал он. — Меня давно прозвали жестоким и бессердечным головорезом. И, похоже, сегодня я в очередной раз убедил всех, что это так.

Зика грустно опустила плечи.

— Но ты не похож на безжалостного, — упрямо сказала она.

— Ты просто не видела меня... там. Иначе бы так не говорила, — устало сказал Аккес, запрокинув голову и уперев затылок в ствол дерева. — "Безжалостный" — это ещё мягко сказано. Когда я их убивал, то даже не задумывался о том, что делаю. Я просто жестоко кромсал любого, кому не повезло оказаться рядом, — он, наконец, посмотрел на девушку взглядом полным гнева и отвращения. — Меня вполне заслуженно называют злодеем.

Но Зика неожиданно улыбнулась.

— Я тоже думала, что меня заслуженно называют ассаной. Но ты сказал, что это не так.

— Это не одно и то же.

— А я думаю, да. Ты так же, как и я, становишься таким, каким тебя считают остальные. Совершенно посторонние люди сказали, что ты плохой... злодей. Кровожадный и какой там ещё?.. Беспощадный. И ты тоже так решил, и потому так поступаешь.

— Здесь немного другое, Зика, — грустно сказал Аккес, продолжая смотреть в ночное небо. — Я действительно убивал. Много.

— Ты делал это ради удовольствия или потому что был вынужден? — настойчиво спросила Зика. Но Аккес вдруг замолчал, только фигура его стала более напряжённой. — Я думаю, что если бы ты получал удовольствие от убийств, то ты бы сейчас радовался, а не прятался тут. Так что повторю твой совет: не обращай внимания на то, что говорят посторонние, безразличные тебе люди. Слушай только тех, кто тебя знает, кому ты дорог. — Она попыталась ободряюще улыбнуться. — Я вот не считаю тебя злодеем. Ты убил тех

людей, стараясь защитить нас. Ты защитник. Что, если есть и другие, кто так считает? Что, если ты встретишь того, кто, несмотря ни на что, будет говорить тебе, что ты хороший?

Аккес резко повернулся и удивлённо посмотрел на девушку. Он выглядел настолько ошарашенным, что Зика на миг растерялась, подумав, что сказала что-то не то.

— Если тебе будут так говорить, ты будешь стараться стать таким на самом деле? — продолжила она, радуясь, что он начал на неё реагировать.

Аккес же отвёл глаза и нахмурился.

— Никто из тех, кто видел меня сегодня, так не скажет.

— А знаешь... Я уже не боюсь. То есть на самом деле вначале я чуть-чуть боялась, но теперь нет. И я считаю, что ты можешь быть хорошим. Точнее, что ты такой и есть.

Аккес, наконец, легонько улыбнулся и посмотрел на Зику. Наивная добрая девочка верит, что всё дело в том, как он сам к себе относится. Может, она и права... но только упускает одну деталь. Впрочем, она о ней и не знает.

Он не может сам себя контролировать.

Пока его будут продолжать одолевать страсти и эмоции, он будет продолжать срываться, убивая всех вокруг. Хотя в этот раз было уже много... легче. По крайней мере, он пришёл в себя до того, как перебил всех, кого видел. Может, есть возможность контролировать это, не запирая опять все чувства?.. Потому что иначе, как бы он ни старался, стоит один раз потерять контроль — и все те, кто мог до этого поверить в него, в ужасе разбегутся. Если ещё раньше не погибнут от его же руки...

Аккес горько усмехнулся, радуясь, что Зика не видела его в таком состоянии, иначе она бы, как и все, с испугом шарахалась от него в сторону и ни за что бы не стала уверять его в том, что он "хороший". И всё же, несмотря на то, что она не знает всего, он был рад, что она тут сидит и лучезарно ему улыбается. Пусть хоть один человек будет в него верить. Хоть он и считал, что не заслуживает этого.

Он глядел на её сияющее лицо, и холод внутри него начинал немного отступать.

— Разве тебе не надо бежать к своему рыцарю? — ухмыльнувшись, сказал он. — Вряд ли этот железноголовый обрадуется, что ты тут со мной беседы ведёшь.

— Разве я не могу делать всё, что хочу? — Она гордо вскинула голову, продолжая улыбаться. — Ты сам мне вчера сказал, чтобы я вернула себе волю.

— Одно дело — свободные желания. — Он усмехнулся, облокотившись о коленку. — А другое дело — разумные поступки. Это не менее важно. И любой тебе скажет, что сидеть здесь ночью со мной очень неразумно.

— И будут неправы, — сказала Зика, но всё же поднялась на ноги, намереваясь слезть с камня. Встав, она опять посмотрела на Аккеса серьёзным взглядом. — Ты один из тех людей, рядом с которыми мне ничто не угрожает. Я не знаю, почему, но я тебе доверяю. И если бы ты не был таким грубым... иногда, то остальные бы тоже заметили, какой ты хороший. И, возможно, вы бы с Лекамиром подружились.

— Сомневаюсь в этом, — хмыкнул Аккес, продолжая улыбаться.

— А я всё равно верю в это. — Девушка пожалала плечами и спустилась с валуна. — Я пошла обратно, а ты не прячься долго. Возвращайся. И помни свои же слова: не обращай внимания на то, что говорят посторонние люди.

— А если плохо будет говорить кто-то не посторонний? — спросил Аккес, намереваясь слегка поддразнить девушку, но Зика вполне серьёзно ответила:

— Я думаю, что если близкие люди начнут говорить что-то плохое, то стоит задуматься

о том, нужно ли дальше считать их близкими.

И, развернувшись, она пошла обратно в поселение, а Аккес провожал её лёгкой улыбкой. Она совершенно изменилась с прошлого вечера. Похоже, она нашла в себе ту самую силу и самоуважение. Это было прекрасно. Он был очень рад за неё. Однако, несмотря на это, он не разделял её оптимизма насчёт себя самого.

Улыбка вновь пропала с его лица и, откинувшись на ствол дерева, он опять посмотрел на звёзды.

Стать "хорошим"?..

Он всю жизнь старался казаться именно "плохим". И даже тогда, когда в этом не было ни необходимости, ни предрасположенности в виде помутнения разума. Так просто было легче. Не приходилось отвлекаться на посторонних. Не нужно было улыбаться, налаживать отношения, считаться с чужим мнением. Можно было поставить одну цель и идти к ней, не оглядываясь на тех, кто оставался позади. И все эти годы он так и делал. Легко расставался как с вещами, так и с людьми, не дорожа ничем и никем. А теперь...

Можно ли что-то поменять? И нужно ли?

Он вздохнул и прикрыл глаза.

Но не всё можно изменить только одним желанием. Сегодняшнюю ночь, например. Сегодня он явил всем свою худшую сторону, самые низменные порывы и инстинкты. Такое невозможно забыть или простить. И что бы ни говорила Зика, на что бы ни надеялась, он неизменно будет чувствовать на себе испуганные и настороженные взгляды.

Аккес хмыкнул.

Когда-то он наоборот старался, чтобы на него только так и смотрели. Когда-то...

Что же изменилось?

Открыв глаза, он заметил, как небо начало светлеть. Скоро рассвет. Надо возвращаться и посмотреть, как там Эгрант. Его состояние всё ещё беспокоило Аккеса. Ему хотелось непременно проведать его, а также удостовериться, что с ним всё в порядке. Хотя возвращение в посёлок также означало и то, что там все будут на него глазеть и перешёптываться.

Что ж, не первый раз.

Ухватившись за ветку, на которой сидел, Аккес прыгнул вниз. Выпрямившись, он стряхнул с одежды песок. Видок у него, конечно, тот ещё.

Подойдя к реке, он умылся. Хорошо, что одежда у него тёмного цвета и кровь не сильно заметна. Тем не менее, перед тем, как отправиться дальше на поиски талисмана, нужно будет её очистить.

Не медля больше ни секунды, он пошёл обратно в поселение. Пока ещё слишком рано, и потому велика вероятность, что ему повезёт и он никого не встретит по дороге к Эгранту. И, следовательно, задерживаться не стоит.

Подходя к воротам, которые покосились после сражения, он повесил маску за спину. Надевать её он не хотел, но и прятать не было смысла. Войдя внутрь, он на миг замер, глядя на место, где вышел из себя. Тела убитых уже убрали, а землю засыпали песком, дабы кровавые пятна не были видны. Умно.

— Считаю! — раздался голос, словно гром, грянувший посреди ясного неба.

Резко подняв голову, он заметил Риану, сидевшую на оголовке колодца, свесив одну ногу. Она внимательно смотрела прямо на него. Несколько секунд он пытался понять, о чём она говорит, как вдруг она слегка улыбнулась и продолжила:

— Ты спросил. Я ответила. Я по-прежнему считаю тебя хорошим.

Её слова подействовали на него, как ведро холодной воды. Впервые в жизни он растерялся настолько, что замер, как вкопанный, не в силах ничего ни сказать, ни сделать.

В голове стали звучать ранее сказанные слова:

— "Что, если ты встретишь того, кто, несмотря ни на что, будет говорить тебе, что ты хороший?"

— "Никто из тех, кто видел меня сегодня, так не скажет..."

Наконец он сглотнул и, нахмурившись, отвернулся, чтобы хотя бы скрыть своё странное состояние.

— А знаешь, почему? — спросила она беззаботным голосом.

Аккес ничего не ответил, просто продолжал стоять и смотреть на песок, который прикрывал реки крови, пролитые им совсем недавно.

— Потому что видела твоё лицо, — продолжила жрица, — когда ты снял свою маску.

Он повернулся и пристально посмотрел на неё. Она же сидела и улыбалась.

— Ты хороший человек, Аккес. Хоть и сам не веришь этому. — Она легко спрыгнула с высокой стенки колодца. И, как только она выпрямилась, солнечный лучик прорвался сквозь деревья и осветил её фигуру. Слегка прищурившись, она улыбнулась показавшемуся солнцу и, не переставая улыбаться, опять посмотрела на него: — И даже если однажды ты всё-таки убьёшь меня, я это приму... но своего мнения не поменяю.

И она пошла в сторону женского дома. А Аккес, так и не найдя, что ответить, просто смотрел ей вслед, чувствуя, как дрожат его руки. Он никогда не поймёт эту женщину.

А потом он тоже повернулся к солнцу. Лёгкая улыбка тронула и его губы.

Даже после самой чёрной ночи наступает утро. И свет этот странным образом озарил не только всё вокруг... но и мрачные глубины внутри него...

Глава 17: Цели и результаты

Лекамир потирая виски и, глубоко вздохнув, опять посмотрел на старейшин, которые полночи его донимали. Он и так устал после битвы и был не в настроении и дальше выслушивать их непонятные речи. Они так тараторили, что он с трудом понимал, что те от него хотят.

Но одно он знал точно. Эти старики были под впечатлением от Аккеса, и именно это было причиной их очередной ссоры. Один обвинял второго в том, что он вызвал приспешника Глубинного и, принося ему жертвы, просит выступить на его стороне. В ход так же пошли обвинения в стремлении завоевать себе все земли остальных племён. Второй же, по сути, обвинял первого в том же самом.

Лекамир долго не мог понять, что этим двум склочникам от него надо, и вынужден был просто сидеть и слушать все их домыслы, даже немного радуясь, что не всё понимает. Он-то знал, что Многоликий, или, как его тут называют, Глубинный, не имеет никакого отношения к появлению Аккеса. А что именно является источником его сил... тут уже он не брался ничего утверждать.

Наконец, оба вождя решили ему прямо высказать, что, собственно, они от него хотят. Как оказалось, надо всего лишь уничтожить монстра Глубинного. На что Лекамир хмыкнув, отказал и, не вдаваясь в особые разъяснения, просто ушёл.

Все те легенды, что ходят о "герое Лекамире" соответствовали правде, хотя барды в своих песнях и приукрашивают эти истории для того, чтобы впечатлить слушателей. Да и в Люкенском замке нет ни одного воина или рыцаря сильнее и опытнее его. Тем не менее, он всё же человек, и за время своего путешествия встречал и более сильных воителей, чем он сам, просто не настолько прославленных бардами. Но почему-то, наслушавшись тех историй, многие начинают считать его чуть ли не равным Небесному. И пусть здесь, на островах, нет бардов, всё же, стоило ему один раз побороть какого-то зверя, его начали чуть ли не боготворить. А между тем, рядом с ним жрица, которая хоть и меньше его в два раза и ниже на две головы, а всё же превосходит его в воинском умении. Но её можно понять, она божественная посланница. Но то, что варвар из диких земель, богами забытых мест, превосходит его, не просто раздражало, но и пугало...

Он знал, что не выстоит против него. Это знание задевало его гордость, но он всё же признавал это. Так что всё, что ему остаётся, — это держаться от Аккеса подальше, а остальных держать ещё дальше.

Раньше он думал, что вся эта неведомая сила лишь следствие сплетен. Что он просто искусный воин, слава которого пошла из-за пересудов испуганных крестьян. Но после сегодняшней ночи рыцарь осознал, что за этими слухами действительно что-то стоит. И это ему не нравилось.

Чувство, что он не в состоянии защитить тех, кто на него полагается, больно щемило грудь. Он боялся даже за Риану. То, как он на неё смотрел, и как она сама каждый раз замирала перед ним, словно испуганная лань, беспокоило его всё сильнее. А ведь она единственная, кто способен противостоять этому монстру.

Но больше всего он боялся за Зику, потому что она уж точно никак не сможет себя защитить.

Мысли о ней вдруг словно разбудили его. Лекамир почувствовал желание непременно убедиться, что с ней всё в порядке. Он не видел девушку с ночи, когда отправил её к Риане.

Однако когда он пришёл к женскому дому, то никого там не нашёл. Точнее оставались там только старики и дети, что в принципе не удивительно, день в самом разгаре, и все ушли по своим делам. Только вот, чтобы вообще никого не было... это странно.

Расспросив тех, кто остался, он узнал, что мужчины пошли восстанавливать поломанные ворота. Причём помогали даже те, кто ещё вчера ночью числились врагами и разрушили эти самые ворота. Женщины же ушли готовить для своих мужчин и для гостей.

Посмеиваясь про себя над словом "гостей", Лекамир, тоже направился к воротам. Вполне вероятно, что там потребуются и его помощь. И хотя он с радостью прилёт бы где-нибудь хотя бы на пару часиков, он упрямо продолжал идти. Ему всё равно не уснуть, пока не увидит Зику. Хотя с другой стороны, вокруг неё и так полно людей, да ещё и соплеменников, а ещё Риана. Что ей может угрожать?

— Поразительно! — выговорила Риана, с широко распахнутыми глазами наблюдая за тем, как женщины фаршируют гуся. — И это потом едят?

Зика рассмеялась, видя её крайнее изумление.

— Ещё как. За обе щёки.

Они обе находились среди стряпух, которые в быстром темпе пытались наготовить еды на целую ораву мужчин. Казалось, никого и не заботила ночная битва. Разве что только на Аккеса ещё сильнее стали коситься, даже жители Еттомуна, что уж говорить о тех, кто пришёл из Оллушона. Ведь именно их соплеменников он вчера убивал. Каждый потерял друга или товарища, но никто не спешил мстить. Во-первых, они восхищались им как воином, а во-вторых боялись, что та же участь постигнет и их. Поэтому опасались даже подходить к нему.

Но, несмотря на отчуждение людей, Аккес всё равно оставался в самом центре их внимания. Оголившись по пояс и завязав волосы на затылке, он вместе с остальными вкапывал брёвна частокола, восстанавливая то, что было разрушено. Другие мужчины поначалу шарахались от него, но через какое-то время, по привыкнув, спокойно помогали.

Это было настолько удивительно, что даже не верилось.

Эгрант, который сидел недалеко и, по причине слабости, мало чем мог помочь, не переставал улыбаться, наблюдая всю эту картину. А когда Риана вопросительно на него посмотрела, только развёл руками. Аккес же не обращал внимания ни на избегающих его мужчин, ни на удивлённые лица. Ему было всё равно кто что подумает или скажет. Ему хотелось помочь, и он помогал. Он чувствовал, что таким образом хоть как-то сможет оправдаться за свои деяния.

И это работало.

Островитяне, что-то бубня, через какое-то время уже без опаски смотрели в его сторону и не боялись подходить. Даже перестали отскакивать, когда он подходил. И Аккес поймал себя на том, что ему даже нравится работать вместе с ними. Выкапывать яму, ставить бревно, закреплять его. Тяжёлый физический труд помогал избавиться от тяжёлых мыслей.

Поэтому он не обращал внимания ни на пот, стекавший по лицу, ни на грязь, прилипшую к телу. Пару раз он даже улыбнулся, когда остальные рабочие над чем-то звонко рассмеялись.

Во время перерыва, когда все радостно побежали к женщинам за едой, он присел в

стороне от остальных. Всё же несмотря на общее дело, он не чувствовал себя частью их компании, да и не хотел. Старые привычки так просто не пройдут. А он любит быть в одиночестве.

— Устал? — раздался вопрос и, подняв голову, он увидел подошедшую к нему Зику. Она держала в руках чашку с водой и миску с едой.

— Это полезная усталость, — улыбнулся он, принимая еду и жадно отпивая воды.

Зика присела на корточки рядом с ним, смотря, как он пьёт.

— Я же тебе говорила, что ты зря считаешь себя злодеем. Ты же делаешь очень хорошее дело, и многие уже смотрят на тебя с одобрением.

— Да уж. Всю жизнь мечтал заработать одобрение лесных варваров, — он вернул ей пустую чашку и принялся за еду.

Зика хихикнула.

— Я тоже отсюда, если забыл. Да и ты, как я слышала, тоже вырос в лесах.

Отвлёкшись от еды, он усмехнулся девушке.

— А я не говорил, что я сам не варвар.

— Зика! — раздался громогласный голос Лекамира, от которого все моментально повернулись к рыцарю. Сам же он, позабыв про сонливость, которая буквально не так давно валила его с ног, широким шагом шёл прямо к Аккесу и Зике. Выражение лица его было таким сердитым, что девушка подскочила, испуганно глядя на него и не понимая, почему он злится.

— Отойди от него! — злобно прошипел сквозь зубы рыцарь, обхватывая её рукой за талию и толкая себе за спину, одновременно продолжая пристально смотреть на Аккеса.

Аккес же отставил миску с едой и поднялся, с отрешённым спокойствием встретив его злобный взгляд.

— Но, Лекамир, — начала Зика, пытаясь выйти из-за его спины. — Я всего лишь принесла ему еды.

— Я тебе говорил, не приближаться к нему! — Лекамир был просто взбешён, когда увидел их вместе.

Аккес же стоял совершенно спокойно, несмотря на то, что был безоружный и обнажён по пояс. В то время как злобный рыцарь напротив, мало того, что возвышался над ним на голову и был заметно крупнее, ко всему прочему до сих пор был в боевом облачении и при оружии. Он только отметил, как шлемоголовый осторожно заслонил Зику от кажущейся ему опасности и не побоялся выступить против него, хотя видел, на что Аккес был способен.

Эта мысль заставила его улыбнуться. Он был рад, что у Зики есть такой защитник.

Лекамир же по-своему истолковал его ухмылку. Ему показалось, что Аккес над ним насмеяется, и это ещё больше его разозлило.

— Лекамир, Лекамир, — хватала его за руки Зика, чуть ли не плача. — Тебе нечего бояться. Он ни разу не тронул меня.

Рыцарь вдруг резко обернулся к девушке.

— Что значит "ни разу"?

Зика запнулась, испуганно посмотрев на разъярённого рыцаря.

— Мы разговаривали... раньше... Он...

— Что ты вообще забыла рядом с ним?!

Зика вдруг выпрямилась и, нахмурившись, посмотрела на него.

— Он ничего мне не сделал, Лекамир! — крикнула она так, что тот опешил от

удивления. — Наоборот, он помог мне, за что я ему благодарна. И он не такой плохой, как ты думаешь!

Лекамир выглядел настолько удивлённым, что даже Аккес не сдержал улыбки, чувствуя некую гордость за неё. Похоже, это был первый раз, когда она повысила на него голос, и тупая башка явно не привык к подобному.

— Что здесь происходит? — послышался настороженный голос Рианы, которая, заметив, что назревает конфликт, поспешила к друзьям.

Аккес видел, что двое перед ним продолжают сверлить друг друга взглядом и перестали обращать на всё остальное внимание, поэтому он сам повернулся к жрице.

— Железная башка приревновал, — сказал он, кивнув в сторону рыцаря.

— Если бы ты подумал хорошо, то заметил бы, что он нам не опасен, — всё ещё сердито говорила Зика.

Лекамир же уже пришёл в себя и не менее грозно отвечал:

— Ты что не слышала, что произошло вчера? Он опаснее любого на этом острове, — рыцарь обернулся и указал рукой на Аккеса, который продолжал спокойно стоять на месте, скрестив руки на груди.

— Лекамир, прошу тебя, успокойся, — примирительно сказала Риана.

— Как я могу быть спокоен, если этот ненормальный находится рядом с нами. Кто знает, что ему придёт в голову в следующий раз? И в какой момент он перебьёт уже всех нас?

Он опять злобно посмотрел на Аккеса, не обращая внимания на Зику, которая пыталась его успокоить.

— А ты, я смотрю, прямо не можешь дождаться, когда это произойдёт, — сказал тот.

— Я просто знаю, что рано или поздно твои и без того кровавые руки начнут убивать без разбора, и хочу, чтобы в этот момент все те, кто мне дорог, были как можно дальше от тебя, — едва сдерживаясь, прошипел рыцарь. — В отличие от тебя мне есть, кем дорожить, и я забочусь о них.

— В таком случае делай это почаще, — вспыхнул Аккес, раздосадованный тем, что громиле удалось задеть его за живое. — Может, тогда бы Зике не пришлось плакать одной у реки.

Лекамир резко замер, услышав эти слова, и так же резко обернулся, глянув на Зику. Та же, наконец, отцепилась от его руки и опустила голову.

— Ты плакала?

Риана же наоборот удивлённо посмотрела на Аккеса. Ей не нравился весь этот конфликт, и она надеялась, что он прекратится до того, как в ход пойдут кулаки и оружие. Потому что тогда ей придётся вмешаться, а она очень не хотела нападать на Лекамира. Но ещё больше не хотела нападать на Аккеса, провоцируя его.

— Да... — призналась Зика.

— Что случилось, кто тебя обидел? — не унимался Лекамир, в ужасе смотря на девушку. Почему он не знал?

— Они... мне сказали... что я бесполезная и позорю своё племя. Поэтому, тебе вместо меня, подарят другую.

— Да что за чушь! — Лекамир уже забыл обо всём вокруг, полностью переключившись на неё. — С чего они так решили?

— Потому что... — она опять опустила глаза и заговорила тише, — я должна была

полностью слушаться, ухаживать за тобой и... делить с тобой постель...

— Что? — ошарашенно уставился на неё Лекамир.

— Это обязанность любой ассаны.

— Тебе было восемь лет.

— Двенадцать.

— Да какая разница. Ты была ещё ребёнком, как они вообще могли поду...

— Но теперь-то я уже не ребёнок! — вскрикнула Зика, опять подняв голову.

Лекамир, отшатнувшись от неожиданности, удивлённо посмотрел на неё. Зика же, едва сдерживая слёзы, пристально смотрела ему в глаза.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я больше не ассана! И я больше здесь не останусь! Но я хочу оставаться всегда с тобой... — смахнув навернувшиеся слёзы, Зика отвернулась и дрожащим голосом сказала: — Я должна помочь с готовкой.

И не дожидаясь того, чтобы её остановили, она поспешно пошла к остальным женщинам.

Лекамир, наконец, оправился от шока и тут заметил, что рядом стоят люди и перешёптываются, бросая на него любопытные взгляды. Благо языка они не понимают, зато Риана и Аккес всё прекрасно поняли. Повернувшись к своему главному раздражителю, он заметил, что Аккес по-прежнему невозмутимо стоит на месте и смотрит вслед удаляющейся Зике. Потом увидев, что рыцарь недобро сверлит его взглядом, фыркнул.

— Тупоголовый, — сказал он осуждающим тоном. — Мне понадобилось всего несколько минут, чтобы понять, что она влюблена в тебя до кончиков волос. А ты знаешь её сколько? Семь лет?

— Заткнись, — буркнул Лекамир и пошёл за девушкой. Он чувствовал, что разговоры на сегодня ещё не закончились.

Усмехнувшись вслед рыцарю, Аккес уже собирался вернуться к работе, как заметил Риану, которая всё ещё стояла на месте и чему-то улыбалась, глядя на него. Он нахмурился.

— Так значит, в тот вечер я прервала вашу беседу.

Аккес ничего не ответил, только отвернулся. Ему вовсе не хотелось, чтобы кто-то об этом знал, но он сам виноват, раз поднял эту тему. Но это нужно было сделать, иначе эта недосказанность так бы и висела между ними. А этот кусок мышц сам вообще никогда не догадается. И хотя рыцарь ему не нравился, он нравился Зике...

— И всё-таки, ты хороший.

— Может, хватит уже? — огрызнулся он, глянув на жрицу.

— Что? — с вызовом посмотрела на него Риана. — Правда глаза колет?

И, засмеявшись, тоже пошла обратно, не обращая внимания на перешёптывания. Островитяне явно решили, что разразилась большая ссора, но понятия не имели о её причине.

Аккес же раздражённо вздохнул, но зацепился взглядом за Эгранта, который сидел неподалёку и улыбался так, что едва ли не светился как солнце.

— Завязывай это! — угрожающе сказал Аккес.

— Ничего не могу с собой поделать, — ответил Эгрант, разводя руками. — Впервые вижу тебя в качестве миротворца, сводника и вообще милого парня.

— Я смотрю, тебе очень из-за этого весело.

— Ты просто не представляешь насколько.

Аккес обречённо покачал головой и, отвернувшись от чересчур позитивного друга, принялся доедать свой обед, который уже успел остыть к этому времени.

Лекамир уже давно не чувствовал такую растерянность. Зика удивила его настолько, что он впервые не решался с ней заговорить. Но теперь многое становилось понятно. Особенно из того, что происходило в первый год их совместного путешествия.

— Зика, — позвал он её, подходя к группе женщин, занимающихся готовкой.

Она опустила плечи, словно готовилась к чему-то плохому и обернулась. Взгляд был упрямым. Это в очередной раз удивило его. Лекамир теперь, наконец, обратил внимание на то, что она действительно изменилась. Начиная с прошлого утра, когда практически в открытую насмеялась над главой племени. Тогда он не придавал этому значения, но теперь вспомнил, что подобное поведение среди местных считается серьёзным проступком. Ведь старейшину тут чуть ли не к божествам приравнивали. А тут такое неповиновение. А теперь оказывается, что на неё повлиял этот безумец. Он никак не мог понять, считать это за благо или нет? Но в любом случае это всё равно выводило его из себя. А больше всего его злило то, что Зика выплакивала свои проблемы не ему, а кому-то другому.

Когда девушка подошла, он мягко ей улыбнулся, чтобы она лишний раз не пугалась, и сказал:

— Пойдём куда-нибудь, поговорим. Ты мне всё расскажешь, хорошо?

Девушка, насупившись, кивнула и последовала за ним.

Они шли какое-то время в полной тишине, пока наконец не достигли противоположной стороны поселения, где Лекамир, прислонившись спиной к ограде, серьёзно посмотрел на девушку.

— Итак, Зика... Что происходит? — сказал он строгим голосом, от которого она вся поёжилась. Таким тоном он говорил, только когда был чем-то сильно недоволен.

— Происходит? — переспросила она, пытаясь понять, что именно он имеет в виду.

— Ты ничего мне не рассказываешь, плачешь украдкой, секретничаешь с этим ненормальным. Я ничего не понимаю. Раньше ты от меня ничего не скрывала.

— Я и не думала ничего скрывать, — тихо произнесла она, чувствуя себя опять маленькой девочкой. Как ей надоело это ощущение, даже в том случае, когда говорит с Лекамиром. Ей хотелось быть сильной и перестать чувствовать себя такой жалкой. — Просто... я не хотела сюда возвращаться, — она хмуро огляделась вокруг. — От этого места у меня не самые лучшие воспоминания. И тут мне постоянно напоминают о том, кто я такая. Ассана. Человек лишённый воли. Тот, за кого всё решает кто-то другой.

— Я же говорил тебе...

— Да я знаю... — она опустила голову. — Но когда они узнали, что ты... не притронулся ко мне, то решили, что ты привёл меня, чтобы вернуть.

— Зика ты же знаешь, что это не так.

— Знаю. Но вот они нет.

— Послушай, Зика, — мрачно начал Лекамир, отведя взгляд в сторону. — Я бы никогда... Ты была маленькой девочкой. Я всегда относился к тебе как к сестрёнке. И даже когда ты выросла, я всё равно видел в тебе ту маленькую девочку. Я хочу сказать, что... ох...

Он раздосадовано потёр шею, пытаясь подобрать слова.

— Я знаю, Лекамир. Я знаю, как ты ко мне относишься, но долго думала, что я всего лишь обуза...

— Ты никогда не была для меня обузой... ну то есть может в самом начале, но и то ненадолго. Я быстро к тебе привязался.

— Но лишь как к маленькой девочке, которой нужна защита... — она грустно улыбнулась, но потом твёрже посмотрела на него. Сейчас или никогда. Она должна сказать всё что на душе, пока у неё хватает духу. — Я уже не маленькая, Лекамир. И я никогда не относилась к тебе как к брату. И ни разу за всё это время не пожалела, что ушла с тобой. Ты для меня дороже всех остальных, — она чувствовала, как нещадно краснеют её щёки, но не хотела останавливаться. — И пусть мои чувства останутся безответными, я хочу, чтобы ты знал, что мне никто кроме тебя не нужен. Мне всё равно, даже если ты женишься на ком-то. Я просто хочу оставаться рядом с тобой.

— Зика... — потрясённо выдохнул Лекамир. Когда Аккес сказал про влюблённость, он решил, что тот просто издевается. Он ведь даже не подозревал об этом. — Ты не думала, что это может быть просто чувство благодарности? Когда мы встретились впервые, меня тут воспринимали как героя, спасителя. Я был значительно старше и сильнее, я был единственным, кого ты знала после того, как мы ушли.

— Может тогда двенадцать лет разница в двенадцать лет и казалась огромной. Ты был почти в два раза старше. Но теперь все по-другому, Лекамир. Я, правда, относилась к тебе как к герою, но потом узнала тебя как человека. Ты неуклюжий, невнимательный, а ещё неряха, — она улыбнулась, — но это не имеет для меня значения. Я просто хочу быть рядом с тобой, что бы ни случилось.

Зика опустила голову, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. Лекамир, вздохнув, притянул девушку к себе, целуя её в макушку. Всхлипывая, она обхватила его руками и прижалась к его груди.

— Маленькая глупая девочка, — мягко сказал он.

— Ну и что... — всхлипывая, сказала Зика. — Я всё равно люблю тебя.

— Это ненадолго. Скоро ты поймёшь, что я простой заурядный человек с кучей недостатков.

— То есть, есть что-то похуже вонючих сапог, — сквозь слёзы улыбнулась девушка.

Лекамир усмехнулся.

— Что может быть хуже вонючих сапог? — но потом, погладив девушку по голове, грустно произнёс. — Ты ещё молодая и наивная. Ты вскоре встретишь какого-нибудь такого же молодого парня и поймёшь, что я всего лишь старый вояка, который только и может, что махать мечом.

— Ты не старый, — упрямо сказала Зика.

Лекамир опять погладил её по голове.

— Ну, может и не старый... но всё же есть лучше и моложе.

— Не хочу ни лучше, ни моложе.

Рыцарь вздохнул.

— Я просто прошу тебя смотреть по сторонам. Я не хочу, чтобы ты страдала. А оставшись со мной, ты вряд ли станешь счастливой.

Зика ничего не ответила, только крепче вцепилась в него.

— Обещай мне... — он приподнял её голову, заставляя смотреть ему в глаза. — Пообещай, что будешь обращать внимание на других мужчин, и если тебе кто-то понравится, скажешь мне об этом.

Зика упрямо смотрела на него, но и Лекамир не собирался отступать. Наконец, она

смирненно вздохнула и ответила:

— Хорошо. Обещаю.

— Вот и славно, — улыбнулся он и поцеловал девушку в лоб. — А теперь пообещай, что больше не будешь плакать в одиночестве, и если что-то случится, сразу расскажешь мне. И ещё пообещай больше не подходить к Аккесу. Он опасен.

— Я обещаю рассказывать, но Аккес не опасен. Он на самом деле очень добрый. Тебе стоит быть терпеливее с ним. Возможно, вы сможете подружиться.

— Вот это точно невозможно, — скривился Лекамир.

— Я тебе многое пообещала, теперь и ты пообещай, что не будешь к нему слишком строг и постарайся увидеть в нём и хорошее.

Лекамир хмуро на неё посмотрел, но потом улыбнулся.

— Это справедливо. Ну, хорошо. Я постараюсь.

Зика тоже довольно улыбнулась и опять порывисто обняла рыцаря.

Лекамир же смотрел на неё и понимал, что перед ним уже не маленькая девочка, которую он поднимал одной рукой и нёс по размытой дождём дороге. Перед ним действительно молодая красивая девушка. Только вот он настолько привык считать её своей маленькой сестрёнкой, что её заявление о том, что она смотрит на него как на мужчину, ставило его в тупик. Более того, даже смущало.

Но две вещи он знал точно. Первое, он ни за что не оставит Зику здесь одну. Раньше ему казалось, что чем дальше она будет от Аккеса, тем лучше. Однако если местные к ней так относятся, то и речи не может быть о том, чтобы тут задерживаться. Он вдруг вспомнил, что Зика ни разу не спрашивала о доме и не выражала желание его посетить. Об этом стоило задуматься...

Ну а второе, что он понял. Никаких больше подарков за подвиги. А то вручат ему ещё дюжину девиц. Он конечно не жалел о том, что судьба свела его с Зикой, но всё же второго такого опыта он не хотел.

Отправиться в путь было решено на следующее же утро. У каждого была своя причина поскорее покинуть это место, и потому никто не был против.

Жители поселения же провожали их чуть ли не всем составом. Все они радовались так, будто настал большой праздник. На самом деле же радость была из-за того, что все считали, будто "команда героев" отправляется на битву с ведьмой, и потому всеми силами их поддерживали. Они надавали с собой кучу еды и тёплых шкур, так как их гости держали путь на север, да ещё в горы, где стоял сильный холод.

Лекамир, уже знавший о капризах природы на острове, не споря, взял предложенные шкуры, как и Зика. Риана начала было отказываться, но Лекамир не стал слушать её объяснения и просто дал в руки ворох одежды. Эгрант долго кривился, но в конце концов тоже взял. А Аккес, ничего не говоря, выбрал самую лёгкую накидку, более похожую на короткий плащ, и удовлетворился этим.

— Нам нужно идти к тем горам, но не стоит двигаться напрямик, лучше обогнуть немного справа, — сказал Лекамир, закрепив за спиной дорожный мешок и оглядывая остальных. Он как всегда взял на себя основной груз, но, казалось, даже не чувствовал весь его вес на плечах.

— Почему не напрямик? — спросил Эгрант, который уже тоже собрался и тщательно рассматривал свои карты. Было решено, что для того, чтобы найти амулет, прежде всего,

нужно поговорить с ведьмой. Если она действительно из пространственных стражей, в чём он был уверен, то только она и сможет дать ему дельный совет. Поэтому он с энтузиазмом приступил к изучению их маршрута.

— Потому что там предгорное племя. Не помню, как называется...

— Сикоор, — тут же подсказала Зика.

— Верно... Так вот в Сигоре не такие враждебные жители и они могут нам значительно помочь с поисками ведьмы. Кто если не они могут знать, где та живёт. Поэтому мы направимся туда.

— А ты значит, теперь командуешь всеми? — спросил Аккес, бросив на рыцаря насмешливый взгляд.

— Я считаю, что имею на это право, раз уж я единственный, кто здесь уже бывал, — сказал Лекамир, с прищуром глянув на того. — К тому же, я старше и опытнее.

— Ты не старше меня, — невозмутимо ответил Аккес, заканчивая закреплять свои мечи и последний раз проверяя, надёжно ли они сидят в ножнах.

— Сомневаюсь... — подозрительно осмотрел его Лекамир. Аккес на его взгляд не выглядел даже на тридцать, хотя и на зелёного юнца уже не походил. — И сколько же тебе лет?

— Я не знаю, — равнодушно пожал плечами Аккес. — Но точно больше, чем тебе.

— Ты уверен? — рассмеялся рыцарь. — С чего вдруг? Ты ведь сам сказал, что даже своего возраста не знаешь.

Аккес бросил на него раздражённо-усталый взгляд, а потом повернулся в сторону.

— Эгрант, сколько там мне лет?

Эгрант, который всё ещё был поглощён своими картами, ответил, даже не вникая в вопрос:

— Сто четыре.

Аккес под всеобщее молчание, беззаботно повернулся обратно к рыцарю и кивнул.

— Уверен.

Тишину прервал всё тот же Эгрант, который поднял голову от своих свитков.

— Слушай, Лекамир, я убеждён, что ведьма на этом участке, если мы пойдём... — он, наконец, увидел, что все стоят как будто онемевшие. — Что не так?

— Как тебе может быть сто четыре года? — вдруг воскликнул Лекамир. — В этом случае, ты должен быть дряхлым стариком.

Аккес, в свойственной ему манере, холодно усмехнулся и, ничего не ответив, развернулся и пошёл к выходу из поселения. Лекамиру же только и оставалось, что адресовать вопрос Эгранту.

— Как это возможно?

— Ну, физически ему около двадцати четырёх, если тебя это интересует. Но прожил более ста лет, это правда. Просто он долго не старел.

— Но как?

— Магия Дракона, — улыбнулся Эгрант, как будто это всё объясняло, и опять ткнул пальцем в карту. — Посмотри сюда, если мы пойдём этим...

Не слушая их, Риана стояла неподалёку и удивлённо смотрела на удаляющегося Аккеса. И картинка в голове начинала складываться. Теперь ей, по крайней мере, стало ясно, откуда у него взялись такие боевые способности и опыт. Он, как и она, тренировался годами. Почти столетие.

— Эй, там. — Аккес вдруг обернулся и крикнул остальным. — Если мы хотим всё успеть, нам лучше отправляться прямо сейчас. И железная башка может быть главным, если ему так хочется.

— О, наш старейшина дал добро, — язвительно сощурился Лекамир. Хотя он до сих пор не хотел верить, что ему столько лет, и продолжал думать, что это просто розыгрыш.

— Если уж считать, то Эгрант старше нас всех вместе взятых, — ничуть не смутился Аккес.

Лекамир заскрипел зубами, а Зика восхищённо спросила:

— И что, вы навсегда останетесь такими молодыми?

Эгрант ей улыбнулся.

— Я да. А вот Аккес уже лет десять как взрослеет. Он прожил около восьмидесяти лет в возрасте четырнадцатилетнего. Но теперь он обычный человек, как и все.

— Потом наболтаетесь, — хмуро сказал Лекамир. — В одном я с этим старичком согласен, нам надо выдвигаться в путь.

Больше пререкаться никто не стал. Да и никому не хотелось, идя по лесной и холмистой местности и неся нелёгкую поклажу с собой, ещё и разговаривать.

Лекамир, как и раньше, шёл первым, остальные в том же порядке за ним. Разве что Аккес не хотел идти рядом и постоянно отлучался вперёд, разведывая территорию. Ему казалось, что остальные двигались слишком медленно, но ни слова в упрёк он не сказал. К тому же это даже лучше, если он приметит опасность впереди, то успеет предупредить о ней остальных.

Но путь был довольно лёгок, и к вечеру, когда они нашли место для ночлега, так ничего интересного и не произошло. Путники устроились на небольшой поляне возле склона, где была хорошая видимость и позиция, на случай, если вдруг кто вздумает на них напасть.

Зика тут же принялась за приготовление ужина. Лекамир с Эгрантом, склонившись над картами, в очередной раз принялись обсуждать их маршрут. Аккес же, не изменяя привычкам, устроился в стороне от остальных и принялся стругать какие-то ветки.

Риана оглядела всё это и грустно вздохнула. В последние дни она чувствовала себя лишней. Слово все справляются сами, а в ней и вовсе нет никакой необходимости. Она не умела толком готовить и потому не могла помочь Зике. Хотя кое-чему уже научилась, но всё же этого было недостаточно. То же самое и по отношению к Лекамиру с Эгрантом. Жрица в этом мире находилась недавно и имела смутное представление о местных землях, так что и тут она была бесполезна. Аккес же вообще не нуждался в помощи, наоборот складывалось впечатление, что он всячески её избегал. Несмотря на некоторые изменения, которые произошли с ним, он по-прежнему оставался замкнутым и себе на уме.

Тем не менее, Риана всё же рискнула к нему подойти.

Аккес сидел у подножья дерева и сосредоточенно заострял кончик ветки. У него было немного металлических наконечников, и он решил соорудить себе несколько боевых стрел, на случай угрозы. Но помимо этого следует запастись и обычными, просто с заострённым концом. От них пользы немного, но подбить зверя сгодятся.

Он как раз достал из сумки запасённые заранее перья. Они были мягковаты для стрел, но за неимением ничего другого и такие сгодятся. Не отвлекаясь от дела, он заметил, как жрица подошла ближе и встала рядом с ним. Она прислонилась спиной к другому дереву, которое росло рядом, так что получалось, что она вроде как просто стоит и так же, как и он, смотрит на лагерь, где суетилась Зика, готовя для всех еду.

Аккес продолжал её игнорировать, сосредоточившись на стреле, закрепляя на ней перья. Но каждой клеточкой своего тела он чувствовал её присутствие и ждал, когда она заговорит. Она не могла не заговорить, раз уж подошла.

— Однажды Дракон сказал, что его спас мальчик, — наконец, сказала жрица, и Аккес усмехнулся сам себе. — Он так же сказал, что было это сотню лет назад.

Риана посмотрела на сосредоточенного Аккеса. Он не обращал на неё внимания, но она знала, что он её слушает.

— Это ведь был ты? Ты спас его тогда?

— Это имеет значение? — спросил он, исподлобья глянув на неё.

— Нет... — пожала плечами Риана. — Просто мне интересно, почему он решил продлить твою жизнь. Насколько я знаю, Первородные предпочитают не вмешиваться в дела простых людей.

— Деко любит вмешиваться, если ты не поняла.

— Деко?

Аккес поморщившись, отложил недоделанную стрелу и устремил взгляд на огонь в лагере.

— Так я стал его называть, ещё в детстве, после того, как он назвал мне своё имя.

— Он привязался к тебе, поэтому продлил твою жизнь?

— Возможно, — пожал плечами Аккес. — А может, просто не хотел оставаться один.

— А ты знал, что он собирается делать?.. В смысле, когда всё произошло.

— Знал. Он спросил меня. Я согласился, — Аккес опустил голову, вспоминая этот момент. Тогда ему казалось это просто замечательной мыслью. Он сможет дольше находиться рядом с Деко и даже поможет ему обрести свободу. Он и мечтать о таком не смел тогда.

— Это было тяжело? — вдруг спросила Риана, и Аккес немного удивлённо на неё посмотрел.

Другие бы стали завидовать, так как многие только мечтали о том, чтобы долго жить и не стареть. Но с другой стороны она тоже какое-то время жила, не взрослея. Возможно, только она и может понять не только плюсы подобного существования.

— Поначалу не очень. Я не сразу заметил разницу, лишь через некоторое время... — сказал он, вновь отворачиваясь и погружаясь в воспоминания. — А потом постепенно каждый следующий день становился похожим на предыдущий. Одно и то же... постоянно. Стало трудно отличать один день от другого. Я терял счёт времени, дней. Мне казалось, что какое-то событие произошло пару часов назад, а потом выяснялось, что прошёл месяц. Времена года ещё немного помогали ориентироваться. Но потом я стал путаться и в них. Произошло ли что-то этой зимой или предыдущей. Как будто он стёр само понятие времени для меня.

Риана, слушая его, грустно опустила глаза.

— Одно из последствий... да... Но одному справляться с таким, наверно, сложнее?

— Деко мне помогал. Он вскоре понял моё состояние и поэтому старался по мере сил мне помочь, каждый день придумывая что-то новое. Он многому меня учил. Техникам боя, языкам, некоторым наукам. Это было единственное, что я мог воспринимать и поэтому с радостью всё это осваивал. Хотя он утверждает, что почти ничего из этого мне в жизни не пригодится. Но это не давало мне сойти с ума. Поэтому в тот день, когда время ко мне вернулось, я вздохнул с облегчением. Я вновь стал расти и чувствовать мир вокруг.

— Тебе не было неприятно опять испытывать... потребности? Ведь появляется голод, холод, усталость, боль.

— Нет. Я был этому даже рад. Уж лучше боль, чем опять полное "ничто".

Глянув на него, Риана увидела в его взгляде мрачную решительность. И она могла его понять. Сама жрица, в отличие от Аккеса, с детства пребывала в таком состоянии, и оно было ей привычнее. Хотя у жриц всё происходило в более мягкой форме. Не так, как он описал. С другой стороны, на него могли подействовать эмоции и чувства, которые он испытывал в процессе "перехода". Или не испытывал... раз уж по его рассказам он перестал ощущать окружающий мир.

Как бы там ни было, всё это было позади. Для них обоих. Риана тихонько улыбнулась. Это был первый настолько длинный их разговор. Наверно, этому поспособствовало и то, что у них нашлось что-то общее. Помимо любви к оружию. Однако она до сих пор не совсем понимала, почему Первородный пошёл на такой шаг. Возможно, потому что Аккес являлся последним представителем народа, получившим дар от Акерты.

Риана грустно вздохнула. Знала ли она, что, передав свой дар людям, она обречёт их на уничтожение. Конечно, нет. А даже если бы знала, всё равно ничего не смогла бы сделать.

Девушка опять взглянула на Аккеса. Он же задумчиво смотрел перед собой. Ей было интересно, что же творилось в его голове, но она опасалась спрашивать. Боялась нарушить такой хрупкий момент единения, который внезапно возник между ними.

Внезапно он встал и, повернув голову, посмотрел на неё. И некоторое время так и стоял, словно разглядывал её, и Риана боялась даже пошевелиться, пока Аккес, наконец, не заговорил.

— Что бы ты там себе ни думала, тебе не следует приближаться ко мне.

Она поджала губы, чувствуя разочарование. Их хрупкое единение как ветром сдуло.

— Почему? Потому что ты хочешь убить меня? — спросила она, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— По-твоему это недостаточно веская причина? — резко спросил он, заглядывая ей в глаза. Он пытался понять, почему она не боится его. Опасается да, но не боится. После всего, что он сделал, после всего, что сказал... Она стоит тут и разговаривает с ним.

Глупая... доверчивая... идеальная жрица. Пришедшая из своего идеального мирка. Чистая, искренняя и невинная, аж противно. Гораздо проще было бы считать её фальшивкой, но Аккес прекрасно понимал, что жрица и должна быть такой... чересчур правильной. Она словно бельмо на глазу в их грязном мире.

Но это ничего не меняет. Как только они достанут амулеты, как только Деко будет свободен — он убьёт её.

— Но почему? За что ты ненавидишь меня? — спросила Риана, так же пристально глядя на него в ответ. — Это... из-за шрама? — взгляд её переместился на его губы, где светлая бороздка начиналась под ноздрей и пересекала обе губы, заканчиваясь на подбородке. — Я не хотела... хотя он смотрится неплохо. В том смысле, что он тебя не портит. Наоборот...

Она замолчала, потому что не знала, как он отнесётся к тому, что ей даже нравился его шрам. Пусть он и нарушал черты его лица, он в то же время делал его уникальным и привлекал внимание. Он словно говорил "посмотри, посмотри на меня", и взгляд сам тянулся...

Аккес же нахмурился, видя, как жрица вдруг бросила взгляд на его губы. Нужно было придумать побыстрее, что сказать, чтобы сменить тему. Но что он мог ответить? Любая

причина, которую он мог назвать, была равноценна признанию своей слабости и её власти над ним. Даже его неуёмное желание найти и сразиться с ней говорило о его странной одержимости ею. Он это понимал, но не хотел, чтобы она знала, насколько велико её влияние на него.

В любом случае, он должен был её убить, хотя бы ради того, чтобы освободиться...

— Просто знай, — сказал он. — Придёт день, когда состоится наша битва. И если ты по-прежнему не будешь воспринимать меня всерьёз... я убью тебя.

И чтобы не продолжать этот разговор, он поднял свои стрелы и, развернувшись, ушёл глубже в лес. Он чувствовал потребность проветриться. А ещё подумать...

Дотронулся до губ, он задумчиво провёл пальцем по небольшой бороздке шрама.

Риана же, широко распахнув глаза, смотрела ему вслед, пытаясь понять, почему в его словах чувствовалась обида. Хотя слова были полны угрозы, в них не чувствовалось ни злости, ни ненависти. Осознав это, она улыбнулась. Возможно, если она поймёт откуда эта обида и сможет как-то это исправить, то они, наконец, смогут поладить.

Но после их разговора Аккес стал ещё более отстранённым. Всё то время, когда они шли, он пропадал где-то впереди, или позади. Лишь в редкие моменты присоединялся к основной группе, и то ненадолго. А по вечерам он не показывался на глаза, хотя Риана чувствовала его присутствие и иногда готова была поклясться, что он смотрит на неё. Но она не могла с уверенностью сказать, на самом ли деле это так или ей просто кажется.

В целом их путешествие было на удивление спокойным. Не было ни преследователей, ни нападения диких животных, хотя чем ближе они подходили к горам, тем холоднее становилось. Деревья редели, а тропинка уже уходила в гору. Лекамир по-прежнему обсуждал с Эгрантом их продвижение, и в конце концов они пришли к соглашению, что в поселение они не пойдут, останутся неподалёку, а к островитянам пойдёт один Лекамир. Так будет и быстрее и проблем меньше.

Хотя, учитывая холод, долго оставаться на одном месте без крыши над головой было возможностью не из приятных.

Привал было решено устроить недалеко от замёрзшего озера. Поблизости находилась пещера, где можно было укрыться от ветра и развести огонь. И пока Лекамир ушёл к поселенцам, Зика с Рианой пытались расположиться в этой пещере. Зика как всегда хлопотала над обедом, а Риана всячески старалась ей помочь, да и научиться чему-нибудь ещё.

В скором времени еда была готова, а ночлег обустроен, хотя Лекамир до сих пор не вернулся. Эгрант вместе с Аккесом сидели возле пещеры и о чём-то беседовали, и потому, не имея никакого другого занятия, девушки решили прогуляться.

— Знаешь, когда я только прибыла в этот мир, вокруг лежал снег. Это был первый раз, когда я по-настоящему к нему прикоснулась, но ничего не почувствовала, — говорила Риана. — Терпеть я чувствую и мне жутко интересно.

— Хочешь посмотреть на озеро? — спросила Зика.

— Очень! — глаза жрицы загорелись интересом.

И недолго думая, они отправились прямо к озеру, которое просто поражало своей красотой. Идеально ровная поверхность сверкала как хрусталь, когда редкое солнышко пробивалось сквозь облака. Редкий снег лежал только с той стороны, где озеро граничило с горным склоном.

Риана, осторожно ступив на гладкий лёд, заскользила, размахивая руками.

— Невероятно, — воскликнула она.

— Осторожно, — смеясь, предупредила Зика. — Лёд очень скользкий.

— Я осторожно, — продолжала жрица, скользя по поверхности. В конце концов, не удержавшись, она упала и весело рассмеялась.

Зика, которая на льду держалась не лучше, постаралась подойти ближе и помочь, но, не дойдя до Рианы, тоже плюхнулась на лёд. И обе, потешаясь друг над другом, вновь рассмеялись. В конце концов, когда девушки подползли друг к другу, обнявшись, попытались подняться, но опять повалились прямо на лёд.

— Ох, я себе всё отшибла, — застонала Зика, тем не менее продолжая улыбаться.

— Теперь я понимаю, что такого интересного находят в этом дети, — улыбалась Риана, упорно продолжая подниматься. — Это же действительно весело.

Расставив руки в стороны для равновесия, она попыталась сделать ещё несколько шагов.

— Ты не иди, а пытайся скользить, — подсказала Зика, не рискуя опять подняться. С неё было достаточно падений.

Попытавшись так и сделать, Риана опять потеряла равновесие и грохнулась прямо на спину.

— О-ох, — простонала она. — Это не так просто, как кажется.

— Я думал, жрицы совершенны во всём, — послышался весёлый голос с берега.

Глянув в ту сторону, девушки заметили, как им машет Эгрант. Видимо, услышав смех, он пошёл посмотреть, что тут творится. Недалеко от него стоял и Аккес, но по его лицу, как всегда, сложно было сказать, что он думает об этой забаве.

— Ну, я с самого начала была бракованная, — крикнула она и рассмеялась, делая очередную попытку. — Так что ничего удивительного. О! У меня вроде начинает получаться.

Риана проехала немного, согнувшись в три погибели, но потом всё-таки опять грохнулась на лёд.

Зика, хихикая, тоже начала подниматься, а потом неуверенно устремилась вперёд, пытаясь догнать жрицу.

— Эй, где все? — послышался далёкий голос. И вскоре на берегу появился Лекамир, вернувшийся из поселения предгорного племени.

— Нас тут развлекают представлением на льду, — ответил Эгрант, когда рыцарь подошёл к ним. Ему действительно было весело наблюдать за неуклюжими попытками девушек прокатиться. Только вот Аккес стоял рядом, прислонившись к одному из валунов, и, скрестив руки на груди, хмуро смотрел на озеро. Похоже, он не разделял всеобщего веселья, и Эгрант надеялся, что хотя бы Лекамир посмеётся вместе с ним.

Однако когда рыцарь подошёл и увидел девушек, которые двигались к центру озера, на его лице отразился страх, и, вместо того, чтобы посмеяться он закричал:

— Немедленно возвращайтесь! Под озером тёплые ключи и лёд очень хрупкий.

Девушки, услышав крик, замерли на месте, а лёд, словно получив команду, начал трескаться. Риана, пытаясь сделать шаг к берегу, но словно по команде, именно в этот момент лёд под ней треснул, и нога провалилась. Потеряв равновесие, она упала назад, ударившись головой. Зика попыталась её поймать, но угодила в образовавшуюся полынью и упала в воду.

Наблюдая за этим, Лекамир начал ругаться, и даже порывался пойти к ним.

— Нельзя! — остановил его Эгрант. — На тебе броня, ты быстрее их пойдёшь под воду.

Смех прекратился моментально. И он начал лихорадочно осматриваться, ища способ вытащить девушек. Но ничего поблизости не было. Так же, как не было и Аккеса...

Но через несколько секунд он пронёсся мимо них, неся в руках верёвку, один из концов которой бросил им.

— Привяжите! — крикнул он, уже находясь на полпути к тонущим девушкам. Он на удивление легко бежал по льду. По крайней мере, первую половину пути. Потом он на всей скорости откинулся назад, продолжая скользить ногами вперёд, пока не добрался до разлома, который продолжал увеличиваться в размерах. Добравшись до края, он моментально погрузился в воду, которая обожгла его ледяным холодом.

Лекамир, замерев, смотрел на всё это в панике, не зная, что делать, пока Эгрант не толкнул его, напоминая, что надо привязать верёвку.

Аккес тем временем уже подплыл к девушкам. Зика отчаянно цеплялась за льдину и не отрывала глаз от Рианы, которая хотя всё ещё и лежала на льду, была без сознания. Её волосы рассыпались на бело-голубой поверхности, словно кровавое пятно. Но что самое ужасное, красный ручеек стекал, показывая, что кровь действительно есть.

— Она... она... — только и говорила Зика с огромными от ужаса глазами.

Быстро оценив обстановку, Аккес повернул голову девушки на себя так, чтобы быть в центре её внимания.

— Слушай меня внимательно, отпусти льдину и обхвати меня.

— Она... она... — продолжала лепетать Зика.

— С ней всё будет в порядке, — медленно продолжал Аккес, чтобы достучаться до девушки. — Я её спасу. Но я не смогу держать вас обеих. Понимаешь?

Зика, стуча от холода зубами, кивнула.

— Поэтому ты должна крепко обхватить меня и ни за что не отпускать. Поняла меня?

Она вновь кивнула и попыталась повернуться, чтобы опять посмотреть на Риану, но Аккес, удерживая рукой её подбородок, повернул её обратно к себе.

— Забудь обо всём. Ты должна держаться за меня, чтобы я не отвлекался на тебя. Ты понимаешь? Если я буду отвлекаться, я не смогу ей помочь. Слышишь? Ты должна крепко держать меня. Так крепко, как только можешь. И помни, пока ты держишься, я могу сосредоточиться на жрице. Поняла меня?

Зика в очередной раз кивнула, отстукивая зубами дробь.

— Повтори, что поняла, — потребовал он от неё.

— Крепко... держаться...

— Вот и умница, — схватив её руку, он закинул её себе на плечо, и уже через мгновение она обхватила его двумя руками, продолжая бубнить себе под нос.

— Крепко держаться... крепко держаться...

Убедившись, что Зика делает всё как надо, Аккес, наконец, посмотрел на Риану. Подобравшись к льдине, с которой она вот-вот должна была соскользнуть в воду, он обхватил девушку, сдвинув с места, и только тут обнаружил пятно крови на том месте, где лежала её голова. На какой-то миг он удивлённо замер, глядя на это, но потом прогнал все мысли и сосредоточился на том, чтобы вытащить их и себя из воды.

— Тяните! — крикнул он, и верёвка, которую он обвязал вокруг себя, натянулась.

Но лёд под ними трескался, не давая выбраться из воды. Мало того, что мокрая одежда тоже тянула вниз, так ещё и каждое движение было титаническим трудом. Кое-как взобравшись на лёд, Аккес уже подумал, что они выкарабкались, как тот под их немалым

весом треснул, вновь сбрасывая всех обратно.

Зика, уйдя под воду, в панике вцепилась в его шею, почти задушив своей хваткой. Стараясь вдохнуть хоть каплю воздуха, Аккес на миг выпустил жрицу.

Это было ошибкой.

Так как она, лишённая сознания, тут же пошла ко дну. Лишь сделав отчаянный рывок, Аккес ухватил её за руку и притянул к себе.

И тут верёвка на его груди резко дёрнулась, лишая его последнего воздуха и чуть не лишая заодно и сознания. Однако она же и вытянула их на поверхность, и всем удалось сделать отчаянный вдох ледяного воздуха.

Зика закашлялась, а Аккес жадно глотая ледяной воздух, пытался прийти в себя и сосредоточиться. Обхватив крепче Риану одной рукой, другой он попытался вновь забраться на льдину. Верёвка что тянула и нещадно давила на грудь, передавалась сильнейшей болью.

Но эта боль напоминала ему о том, что он всё ещё живой, так же как и сопение Зики, раздававшееся у него под боком.

Только вот жрица выглядела хуже всех. Безжизненная и бледная, она, казалось, даже не дышала. Более того, она так и норовила ускользнуть и пойти ко дну. Аккес старался держать её, но его силы иссякали. А онемевшие пальцы отказывались слушаться. Когда верёвка очередной раз дёрнулась, от неожиданности он опять упустил её, но тут же, метнувшись, обхватил жрицу ещё крепче. Ну что за напасть?! Вот тебе и возвышенная идеальность. А ко дну идёт как вполне земной человек.

Очередной рывок верёвки вызвал дюжину витиеватых ругательств. И он уже чисто машинально повернулся так, чтобы Зике было проще держаться на поверхности, одновременно придерживая жрицу, чтобы и та могла дышать... если она вообще ещё дышит...

Наконец, их вытянули из воды и вскоре дотащили до берега.

Тяжело дыша, Аккес позволил себе немного расслабиться и просто разлёгся прямо на земле, наблюдая за тем, как остальные с выражением крайнего ужаса склонились к ним. У него уже не было сил о ком-то переживать, и он просто прикрыл глаза и забыл на некоторое время обо всём, в том числе и о холоде...

— Зика, ты цела?

— Крепко-крепко, — бубнила девушка, всё ещё цепляясь за Аккеса.

— С ней всё нормально... — выговорил Аккес. — Со жрицей что-то не так.

Лекамир, хмуро глянув на него, секунду колебался, но потом коротко кивнул, подхватил Риану на руки и направился к пещере, где они разбили лагерь.

— Эй, — тихо сказал Аккес, когда рыцарь удалился, и погладил Зику по мокрой голове. — Всё в порядке, можешь уже отпускать.

Но девушка, видимо не оправившись от потрясения, продолжала мёртвой хваткой обнимать его за шею. И Аккесу ничего не оставалось, как подняться и, взяв Зику на руки, как ранее твердоголовый взял жрицу, и понести к пещере, где должно было быть гораздо теплее, чем тут на озере, где их обдували все ветра.

Когда он вошёл внутрь, то заметил, что жрицу уложили недалеко от огня и Эгрант во всю над ней суетится.

Опустив Зику на ноги, он чуть ли не силой разжал её руки. Заглядывая ей в глаза, он улыбнулся.

— Всё закончено, вы спасены. А ты просто настоящая умница. Ты мне очень помогла.

— Она... С ней всё хорошо? — спросила Зика, всё ещё смотря на него большими глазами, под равномерное выстукивание её зубов.

— Будем надеяться, главное, мы её вытащили.

— Хорошо-хорошо, — пролепетала девушка и задрожала.

— Тебе лучше одеть что-нибудь сухое и погреться у костра.

— Да... да...

— Всё хорошо?

— Да...

Убедившись, что с Зикой всё в порядке, Аккес ещё раз посмотрел туда, где лежала жрица. Рядом с ней и Эгрантом стоял шлемоголовый и странно на него смотрел. Уловив взгляд Аккеса, рыцарь сосредоточенно произнёс, явно через силу:

— Спасибо.

Его взгляд на миг метнулся к Зике, которая дрожащими руками доставала из сумки сухую накидку.

Аккес, усмехнувшись уголками губ, кивнул в ответ, принимая благодарность и, развернувшись, вышел из пещеры. Он свои вещи оставил снаружи, когда они пошли за девушками к озеру. И как он ни крепился, он и сам продрог до костей и если не найдёт сменную одежду, то свалится с жаром. И тут уже никакая магия Эгранта не поможет.

Как только Зика пришла в себя, она выгнала мужчин из пещеры и начала раздевать Риану, откидывая мокрую одежду в сторону и закутывая её в тёплую меховую накидку. Эгрант сказал, что она ударилась головой, но в остальном её состояние не опасное. Тем не менее, вернувшись, он сел рядом с ней и больше не отлучался.

Через какое-то время к нему подошёл Аккес и молча встал рядом, сверля взглядом Риану. На нём была только простая рубашка и изношенные штаны, а мокрые волосы зачёсаны назад. Он не носил с собой много одежды, и оказалось, что это единственное из оставшегося сухим. Благо костёр немного согрел пещеру, и было не слишком холодно.

— Ты что-то хотел? — спросил его Эгрант.

Аккес какое-то время молча стоял, хмурясь, но потом всё же сказал:

— У неё была кровь.

— Она ударилась. Тебя это удивляет?

— Почему у неё кровь? — гневно спросил он, посмотрев на Эгранта. — Она ведь бессмертная.

Эгрант на миг замолчал, удивлённо осознавая, что Аккес единственный тут ещё не был в курсе того, что Риана почти стала смертной. Ему просто об этом не сказали.

— Уже нет, — послышался голос Лекамира, который тоже подошёл к ним, и Аккес всё так же, не скрывая гнева, посмотрел на него. — Она уже начала становиться смертной.

— Когда это произошло?

Лекамир внимательно на него посмотрел и на миг задумался, говорить ли тому, кто считал себя заклятым врагом Рианы, о её слабости. С другой стороны, об этом уже многие знали. Она сама не делает из этого секрета. Не скажет он, скажет кто-нибудь другой.

— Практически сразу, — ответил он. — Ты ранил её в том сражении у ворот. Уже в тот момент она не была больше бессмертной.

Аккес, резко повернувшись, посмотрел на Риану и нахмурился.

— То есть она сразу кого-то встретила? — тихо сказал он, покосившись на рыцаря.

— Возможно. Она сама не знает, — пожал плечами Лекамир, продолжая пристально следить за выражением лица Аккеса.

Сам же Аккес быстро перебирал в памяти все события. Получается, на момент их первой встречи, она уже лишилась бессмертия. Он же хоть и всегда угрожал её убить, да и старался всякий раз именно это и сделать, в глубине души был уверен, что это ему не удастся, потому что она неуязвима. Отчасти, он согласился с требованием Эгранта ждать до тех пор, пока они соберут талисманы именно из-за того, что убить Риану он всё равно сможет только, когда она лишится своей защиты. А его угрозы и попытки были лишь способом запугать её, чтобы она держалась подальше. И его всегда бесило именно то, что она, будучи неуязвимой с самого начала, всё равно защищалась как обычная смертная. А теперь выясняется, что она и была смертной... Не обычной конечно, но смертной...

Он нахмурился ещё сильнее.

Жрицы никогда раньше так быстро не теряли силу. Насколько он знал.

— Только не думай, что я позволю тебе к ней приблизиться, — с явной угрозой в голосе произнёс Лекамир. — Пусть она и без сознания, я не дам тебе её убить.

Аккес повернулся к рыцарю, глянув на того недобрым взглядом.

— С какой стати мне убивать её сейчас?

— Ты же всегда грозился это сделать, и именно сейчас она наиболее уязвима.

— Если бы я хотел только её смерти, я бы давно сделал попытку прикончить её, — сощурившись, сказал Аккес. — Я бы мог и вовсе не вытаскивать её из озера.

Лекамир продолжал недоверчиво сверлить того взглядом.

— Хватит вам спорить, — вмешался Эгрант. — Риане нужна тишина, а вы тут орёте.

Бросив на спящую жрицу ещё один раздражённый взгляд, Аккес отошёл в сторону. Ему необходимо было всё обдумать. И прежде всего то, что теперь у него появился по-настоящему реальный шанс её убить. Превзойти. Лишить жизни. Уничтожить. Навсегда стерев её из его жизни.

А ещё это означало, что это же может сделать любой другой... Даже обычное грёбаное озеро.

Вот что действительно его бесило как никогда.

Риана очнулась к вечеру.

Голова гудела так, что всё вокруг было словно в тумане.

Первое, что она увидела — это улыбающееся лицо Эгранта и, не осознавая всё до конца, она улыбнулась в ответ.

— Погоди немного, сейчас станет легче, — сказал он, и Риана благодарно прикрыла глаза.

Открыв глаза в следующий раз, она увидела улыбающееся лицо Зики, которая протягивала ей чашку с водой. Постепенно жрице становилось лучше. Вскоре разум прояснился, и она наконец сообразила, что лежит в пещере, хотя последнее, что она помнила, так это то, как они с Зикой катались по льду.

— Что произошло?

— Лёд треснул, и вы упали в воду, — сказал Эгрант, разглядывая что-то у неё на затылке, пока она допивала. — Ты сильно ударилась и потеряла сознание.

— Ясно...

— Аккес нас спас, — улыбнулась Зика, забирая пустую посуду. — Он просто появился

рядом словно из ниоткуда.

— Серьёзно? — удивилась жрица.

— Это хорошо, что он моментально среагировал, — серьёзным голосом сказал Эгрант. — Иначе, боюсь, мы бы тут не разговаривали.

Риана задумчиво опустила голову, но тут вспыхнула резкая боль где-то в затылке. Она ойкнула и зажмурилась.

— О! Извини, — тут же сказал Эгрант. — Похоже, просто шишка и пара царапин, ничего серьёзного. Ты долго спала, и я начал беспокоиться, но, похоже, защита твоей Богини ещё не полностью покинула тебя.

— Но долго ли ещё она продержится? — грустно опустила голову Риана. Её смертное тело начало её пугать. Она знала, что людские тела уязвимы и могут повредиться даже от незначительного воздействия. Она же не привыкла к такому и потому вела себя слишком безрассудно и бесстрашно... Надо помнить, что она теперь не бессмертна...

Не бессмертна...

Глубоко вздохнув, она усилием воли удержала слёзы и постаралась улыбнуться.

— Ничто не вечно, — улыбнулся ей в ответ Эгрант и поднялся. И стоило ему отойти к огню, как в пещеру вошёл Аккес, стряхивая с одежды снег. Из его походной сумки торчала тушки убитых кроликов. Отдав добычу в руки подошедшей Зики, он взъерошил волосы, пытаясь вытрясти снег и из них. После чего, взглянув на жрицу, заметил, что та уже пришла в себя и наблюдает за ним.

— Очнулась? — спросил он, стягивая колчан самодельных стрел и складывая его вместе с луком у выхода.

Риана улыбнулась ещё шире.

— Да, — кивнула она. — Мне сказали, что это ты нас спас.

Аккес, продолжая снимать верхнюю одежду, кинул на неё взгляд. Какое-то время он рассматривал её так, словно заново оценивал. Но так ничего и не сказав, он прошёл ближе к огню.

— Я просто хочу поблагодарить тебя, — продолжала Риана, грустно посмотрев на огонь, горевший посреди пещеры. — Хотя и не могу понять, почему ты это сделал, ведь ты хочешь моей смерти...

— Послушай, жрица. Я не просто хочу твоей смерти. Я хочу сам убить тебя, — он пристально посмотрел ей в глаза, как будто пытаясь что-то этим доказать. — Тогда это будет иметь хоть какое-то значение.

— Какое значение? — удивлённо спросила она.

Аккес на миг замер. А действительно, какая ему разница, как она умрёт, если он, наконец, сможет от неё избавиться? Но он не хотел такого конца. Он хотел сам победить её. Одолеть в схватке. Доказать своё мастерство, доблесть, превосходство, силу... Чтобы она увидела, на что он способен. Чтобы вся из себя такая непогрешимая жрица больше не смотрела на него с высоты своего божественного могущества. А если она всё же окажется сильнее его... Что ж, это будет славная битва. А что ему терять? Несколько лет одиночества, пока он не умрёт от старости, всеми покинутый и забытый?

— Никого не красит бесславная смерть, — ответил он, хмуро глядя на огонь и сам не осознавая, о ком именно говорит. — Уж лучше умереть от меча в битве.

— Аккес, — с лёгкой угрозой в голосе сказал Эгрант, сверля его взглядом.

— Не начинай опять, — огрызнулся тот. — Я не собираюсь скрывать своих намерений

ни от тебя, ни от жрицы, ни от кого-либо другого.

— Я ведь вроде говорила, что меня зовут Риана, — услышался спокойный голос. — Почему ты всё время называешь меня "жрица"?

Аккес опять повернулся к ней, уже не скрывая своего раздражения.

— Как хочу, так и называю.

Риана скривилась, немного обиженно глядя на него.

— Ну что ж... — упрямо скрестила она руки на груди. — Тогда я тоже буду тебя как-нибудь называть...

Закутавшись в шкуры, которыми была укрыта, она задумчиво посмотрела в потолок пещеры. Эгрант же продолжал сверлить взглядом Аккеса.

— Мог бы хотя бы подождать, пока она поправится окончательно, прежде чем опять угрожать?

— Я не собираюсь притворяться, — упрямо ответил Аккес.

В это время в пещеру вернулся и Лекамир с охапкой веток для костра. Сбросив их в углу пещеры, он тоже заметил, что жрица уже в сознании, хотя и какая-то задумчивая.

— Я рад, что ты очнулась... — сказал он, делая шаг ближе.

— Самурай! — словно очнувшись ото сна, громко выкрикнула Риана, радостно оглядывая остальных. — Были такие воины в одном месте...

Все замерли в гробовом молчании, но лишь до тех пор, пока всё в той же пещере не раздался безудержный смех Эгранта. Не остановил его даже неодобрительный взгляд Аккеса.

— Я понятия не имею кто это, — сказал Аккес, видя, что его друг продолжает смеяться, не обращая на него внимания. — И не вижу ни одной причины называть меня так.

— Что происходит? — спросил Лекамир, который был не в курсе происходящего, однако Риана не замедлила его просветить.

— Я придумываю ему прозвище, потому что он не хочет называть меня по имени, — радостно сказала она, но потом опять задумалась. — Хотя, было и ещё одно название, которое могло бы тебе подойти... Как же там... О! Ниндзя!

Эгрант зашёлся ещё одним приступом смеха, обхватив живот руками. В противовес ему Аккес сидел рядом с ледяным спокойствием на лице. Лишь побелевшие костяшки на руке, в которой он сжимал ветку для костра, выдавали в нём раздражение.

— Хотя нет, — ещё шире заулыбалась Риана, наблюдая за веселящимся Эгрантом. — Всё-таки лучше "самурай". Это больше подходит.

Аккес, недовольно покосившись на друга, весьма грубо сказал:

— Хватит ржать!

— Ох, я не могу, — наконец выговорил Эгрант. — Но ты должен то признать... уф... признать, что тебе это отлично подходит.

— С чего вдруг? Я даже не знаю, что означает это слово.

— А что оно означает? — тут же спросил Лекамир, выжидающе посмотрев на Риану. — Если подходит, это должно быть что-то грубое, дикое и мрачное.

Он настолько проникся духом веселья, что даже не обратил внимания на раздражённый взгляд, которым его одарил Аккес.

— О нет, — захихикала Риана. — Насколько я помню, самураи это воины, которые преданно служат своему господину... там что-то ещё про гордость и честь. — Она посмотрела на Аккеса, который вслушивался в её слова. — Ты же всю жизнь предан

Первородному и даже немного внешне напоминаешь тех искусных воинов. У них, кстати, тоже было по два меча, только на поясе, а не за спиной.

— Я не буду носить меч на поясе, — сказал он, нахмурившись. — Это неудобно.

— Дело привычки, — пожала плечами Риана.

— Небесные искры, — вздохнул Эгрант, кое-как успокаиваясь. — Давно я так не смеялся. Самурай. И как же я сам не додумался?

— Я всё равно не позволил бы так себя называть.

— Да ладно тебе, Аки. Это неплохое прозвище.

— Которое мне совершенно не нужно.

— И которым я буду тебя называть, — тут же вставила Риана, продолжая улыбаться. —

Пока ты не перестанешь называть меня "жрицей".

— Ты и есть жрица. Поэтому я так тебя и называю.

— А ты по сути самурай, поэтому и я буду тебя так называть.

Аккес смерил её продолжительным раздражённым взглядом, после чего встал и демонстративно вышел из пещеры.

— Всё равно буду! — крикнула ему вслед Риана и заулыбалась ещё шире.

— А мне нравится, — тоже улыбнулся Лекамир, — если не знать суть, то похоже на ругательство.

И, довольный, он подхватил ранее принесённые ветки и пошёл к огню.

А Риана вдруг престала улыбаться и грустно посмотрела на выход из пещеры, куда ушел Аккес.

— Надеюсь он не сильно обиделся, — сказала она Эгранту, который опять подошёл к ней с новой повязкой для головы. — Я ведь вроде хотела его поблагодарить за спасение, а на деле, похоже, только лишний раз разозлила.

— Не переживай на этот счёт. Ему это только на пользу, — улыбнулся Эгрант и ещё раз внимательно на неё посмотрел. — Ты в состоянии с завтрашнего утра продолжить путь?

— Я думаю, да. Немного болит голова, но я надеюсь, что за ночь всё пройдёт, — она задумчиво посмотрела куда-то в сторону. — Удивительно, как всё быстро происходит. Ещё несколько месяцев назад я даже холод не чувствовала, а теперь от небольшого удара теряю сознание.

— Человеческий мир хрупок, — сказал Эгрант, грустно смотря на неё. — Но из-за этой хрупкости люди могут быть как никогда сильными. Посмотри на меня. Несмотря на всё моё якобы могущество, я оказался бесполезен, когда вы тонули. А спас вас самый что ни на есть обычный человек.

— Это Аккес-то обычный?

— Ну хорошо, согласен, необычный, — улыбнулся Эгрант. — Тем не менее, он всё же смертный человек. Он же мог пойти ко дну вместе с вами, но бросился на помощь, не мешкая ни секунды. Не раздумывая, он бросился за верёвкой, а потом к вам на выручку.

— Нам повезло, что вы были рядом.

— Да. Я к чему всё это... Не расстраивайся из-за того, что стала смертной.

— Да... Я знаю, что всё меняется, Эгрант. Я уже давно поняла, что нет смысла расстраиваться из-за того, что не можешь изменить. — Она зябко поёжилась и укуталась получше в меховую накидку. — Вот только мёрзнуть я, похоже, стала сильнее.

— Вот. Накинь и это, — сказал он протягивая ей одеяло. — Если завтра осложнений не будет, то мы отправимся в путь. Тем более Лекамир принёс хорошие новости. Местные

жители прекрасно знают здешние места, в том числе им известно, где обитает ведьма, вплоть до её приблизительного местонахождения. Так что, если нам повезёт, мы скоро сможем встретиться с ней лично.

— Думаешь, она знает где талисман?

— Я на это очень надеюсь.

Улыбнувшись ему, Риана укуталась потеплее. Возможно, озноб лишь последствия её недомогания. Но она точно знала, что сила Богини полностью не покинет её... до определённого момента.

Келина, ругаясь про себя, решительно натягивала сапоги. Ей настолько опостылело сидеть без дела целыми днями, что она проигнорировала наказ отца о том, чтобы на время визита послов прекратить свои тренировки. Прошло три дня с того момента, как этот самовлюблённый талем поселил сомнения в её душе.

Она после того разговора в саду всю ночь не спала, обдумывая то, что он сказал.

Генерал Альдан словно знал её самое слабое место. Знал, что стать королевой не просто её заветная мечта, но и потерянная цель всей её жизни. И тут он буквально на блюдечке её преподносил.

Только вот цена за это непомерно высока...

Раздражённо дёрнув плечами, она, наконец, натянула сапог и не глядя в зеркало собрала уже немного отросшие волосы в хвост на затылке.

Терпеть всю жизнь рядом с собой мужчину, который будет водить в свои покои разных женщин от служанок до придворных дам, которые только рады будут стать фаворитками короля.

Она поёжилась от отвращения. Но потом опять задумалась. Может, неверный муж не такая уж и большая цена за то, чтобы у неё была возможность править своим народом. Ей столько всего хотелось сделать.

Келина посмотрела на свиток, который лежал на её столе. Когда-то она, будучи в расстроенных чувствах, зашвырнула его в дальний угол. А вот вчера достала. Туда она записывала все свои идеи и планы на то время, когда появится возможность их осуществить. Часть из этих планов она пыталась рассказать отцу. Например, однажды предложила организовать сбор податей с крестьян, чтобы минимизировать потери и затраты. Но Анаквий, хоть и ценил ум дочери, прислушиваться не захотел.

И, в конце концов, Келина все свои идеи просто начала записывать. Вплоть до того дня, когда стало ясно, что её свадьба отменяется. Сейчас же, перечитав свои записи, она почувствовала, как сердце привычно сжималось от предвкушения и в то же время щемило от беспокойства. Но потом она отложила свиток.

— Мне не обязательно становиться королевой, — сказала она своему тусклому отражению на отполированной пластине серебра. — Я могу все свои идеи рассказать Олее. Возможно, удастся уговорить её и... будущего короля, чтобы они взяли на заметку хотя бы часть этих идей.

Вздыхнув, она подняла свой тренировочный меч и побрела к выходу.

Хотя, если даже отец, человек, ценивший Келину, не захотел прислушиваться, то неужели тот, кто и вовсе отказался брать её в жёны мог согласиться?..

Внутри опять всё сжалось.

Возможно, неверный муж-негодяй не такая уж большая цена?..

Эти мысли и метания от одного к другому надоели ей до полусмерти. Именно поэтому она решила нарушить указания и отправиться на тренировку. Ведь солнце едва встало, и если она не будет долго задерживаться, может никто и вовсе не заметит этого.

Как только Лекамир уехал вместе с Рианой, воины немного расслабились и потому свои тренировки начинали не с рассветом, а несколько позже. Ох уж и устроит он им нагоняй, когда вернётся.

Она вздохнула. Впрочем, как и ей, за то, что и вовсе их пропускала.

Но почему-то мысль о нагоняе от первого рыцаря наоборот приподняла принцессе настроение и, выкинув лишние мысли из головы, она пошла к тренировочным площадкам.

Как она и думала, во дворе были только вставшие с рассветом слуги, которые если и обратили на неё внимание, вида никакого не показали.

Сделав лёгкую разминку, которой её научил Лекамир, она взяла свой учебный меч и начала отрабатывать движения. В голове крутились уже другие воспоминания. О том, как на них напали. А всё, что она делала, это стояла истуканом, напуганная так сильно, что только и могла крепко держаться за меч и с ужасом наблюдать за тем, что творится вокруг.

Гнев, который рождался благодаря этим воспоминаниям, весь выплёскивался на кусок дерева, по которому она лупила мечом. Гнев на собственную беззащитность, на беспомощность, на талемов, которые посмели на них напасть, и конечно же на генерала Альдана, который донимал её и по сей день.

— Ох, я надеюсь, ты сейчас думаешь не обо мне, — послышался голос сзади, от которого ей захотелось заскрежетать зубами. Обернувшись и смахнув мокрые от пота волосы, Келина хмуро посмотрела на причину своего плохого настроения.

— Вообще-то, как раз о Вас я сейчас и думала, — мрачно произнесла она.

Альдан, который был одет на удивление просто, всего лишь в рубашу, заправленную в штаны, стоял недалеко, весело улыбаясь со скрещенными на груди руками.

— Мне очень приятно слышать эти слова. Хотя то, что до этого ты яростно махала мечом, немного омрачает их.

Келина раздражённо поджала губы. Даже без своей элегантной одежды он выглядел великолепно. Она могла только догадываться, как ему это удавалось. Небрежно рассыпанные по плечам слегка вьющиеся волосы создавали впечатление, что он только что проснулся и встал с кровати. Так же небрежно накинутая рубашка лишь демонстрировала его широкие плечи и крепкие мышцы, очередной раз подтверждая то, о чём она и раньше догадывалась. Этот человек может показать себя не только в светском обществе, но и в сражении.

— Что Вы вообще здесь делаете так рано утром? — раздражённо спросила она.

— Ну-у... — протянул он, беря один из тренировочных мечей в руки. — Мне сказали, что одна маленькая принцесса решила посетить воинские площадки. И в данную минуту учится сражаться.

— Сказали? — подозрительно сощурилась она.

— Мои люди хоть и в гостях, всё же предпочитают держать уши и глаза открытыми, — усмехнулся он, глядя на девушку. Взмахнув деревянным мечом пару раз, как будто проверяя, по руке ли оружие, он в конце концов просто упёрся им в землю, продолжая разглядывать девушку. На ней не было ни красивого платья, ни изощрённой причёски, наоборот, мужская одежда, которая к тому же была ей слишком большая. К тому же, лицо её покраснело от натуги и блестело от пота. Но он не мог оторвать от неё глаз.

— Даже если так. Это не означало, что надо было приходиться.

— И лишиться себя удовольствия увидеть, как принцесса Ястреб машет оружием, как простой воин? Ну уж нет.

Келина смущённо покраснела. Вот если бы тут был Лекамир, он бы смог показать ему, что значит махать оружием. Она же могла только рассмешить генерала своими попытками.

— Посмотрел? Теперь иди обратно к себе, — грубо бросила она.

Альдан только улыбнулся и, проигнорировав её повеление, перекинул тренировочный меч через плечо, после чего прошёл мимо принцессы к куску дерева, который она била несколько минут назад. Принцесса решила не поддерживать официально-вежливый тон. Что ж, он совсем не против.

— Ты наносишь удары слишком низко, — сказал он, осмотрев отметины, которые оставило её оружие. — Тебе не говорили, что нужно сгибать колени?

— Меня есть кому учить! — оцетинилась Келина. — Так что побереги свои советы для другого.

— Неужели? И где же твой учитель? Спит небось?

— Меня учит рыцарь Абретис. И в данный момент он охраняет жрицу Риану, — гордо выпрямившись, ответила она.

— О! — Альдан на миг замер, изучающе посмотрев на девушку. Она могла поклясться, что в его взгляде скользнуло какое-то раздражение, которое, однако, быстро сменилось вежливой улыбкой. — Доблестный рыцарь... помню его...

Развернувшись, он отступил на несколько шагов и, присев на стоявшую неподалёку ограду, опять посмотрел на неё.

— Ну, покажи мне, чему тебя обучил этот твой Первый Рыцарь.

— С какой стати я должна тебе что-то показывать? — опять вспыхнула она и тут же замерла, сообразив, что ведёт себя непростительно грубо. — Вам лучше вернуться обратно, пока охрана не обнаружила Вас тут.

— Хм... — медленно произнёс он, осматриваясь вокруг. — Никого нет, значит...

Келина сглотнула, почувствовав опасность в его неестественно растянутых словах. Неосознанно она сделала шаг назад, стараясь не выдать своей неуверенности. Однако Альдан всё прекрасно увидел. Поднявшись со своего места, он подошёл к ней ближе.

— Я могу показать тебе пару приёмов по владению мечом.

— Не... не нужно. — Келина стояла и как зачарованная смотрела на приближающегося мужчину. Как всегда, она странно чувствовала себя рядом с ним. Этот человек ей неприятен, но при его приближении она начинала трепетать, не в силах сделать ни одного движения. Колени подгибались, а руки начинали дрожать. Ей было противно от одного его присутствия, и в то же время ей хотелось просто стоять тут и смотреть на то, как он улыбается.

— Не приближайся ко мне! — угрожающе проговорила она. Это всё, на что она сейчас была способна.

— Ты боишься меня? — усмехнулся он, тем не менее не останавливаясь.

— Опасаюсь, но не боюсь.

— А зачем опасаться? Мы же выяснили уже, что моя магия на тебя не действует.

Так-то оно так... Но Келина верила в это с каждым разом всё меньше и меньше. Что-то же на неё влияло.

Альдан подошёл почти вплотную, наглая ухмылка на его губах сменилась простой

улыбкой, которую можно было даже назвать нежной. Он приподнял руку и дотронулся до её подбородка. Келина только сейчас осознала, что на нём не было перчаток, и то только потому, что её тело опять начала охватывать мелкая дрожь.

Она как замороженная смотрела на то, как улыбка медленно пропадает с его лица, в то время как он продолжал пристально на неё смотреть. Большим пальцем он, едва ощутимо, провел по её коже. Он словно о чём-то задумался, глядя на её губы.

— Как ты думаешь, — тихо и непривычно серьёзно произнёс он, — твой ненаглядный сильно разозлится, если я тебя поцелую?

Келина чуть было не переспросила "Что?", пока смысл вопроса доходил до сознания. Вместе с этим, наконец, наступил тот неизбежный момент, когда в противовес её странным ощущениям, проснулись ярость и ненависть. Только это всегда возвращало ей способность двигаться и сопротивляться его странному обаянию.

Подняв руку, она со всей силой, на которую только была способна, залепила ему пощёчину. И тут же отступила на шаг, увеличивая между ними расстояние.

От резкого удара голова Альдана дёрнулась в сторону, а губа треснула, наполнив рот металлическим вкусом. Приподняв ладонь, он прислонил её к горячей щеке и, усмехнувшись, медленно повернулся и посмотрел на принцессу.

— Наверное, я это заслужил, — горько проговорил он.

— Не смей прикасаться ко мне! — зло выпалила она. — Сколько можно говорить? Я ненавижу тебя.

— Прямо так и ненавидишь?.. — невесело хмыкнул он, продолжая касаться саднящей щеки. — Я понимаю, что был груб и прошу прощения.

— Я тебя не прощаю! — продолжала бушевать девушка. — И действительно ненавижу тебя! Меня просто трясёт каждый раз, когда ты рядом!

Альдан вдруг, повернулся к ней и без всяких ухмылок серьёзно посмотрел на неё.

— О чём ты говоришь? Я так сильно...

— Ненавижу, значит ненавижу! Меня передёргивает от одной мысли о тебе! Ты ужасный, отвратительный человек, и всё, что мне хочется, это никогда тебя не видеть и не знать. Чтобы ты исчез с глаз моих и из моей жизни! Чтобы никто никогда не просто не говорил о тебе в моём присутствии, но даже не вспоминал...

Келина, чуть не срываясь на крик, говорила и говорила. От гнева и отвращения, бушующих внутри, её начинало трясти. Она сама не могла понять, откуда в ней столько ярости. Ведь раньше он хоть ей и не нравился, она всё же раздумывала о том, чтобы принять его предложение. Но сейчас, будь у неё настоящее оружие, она, не задумываясь, бросилась бы на него.

Когда, наконец, запал прошёл, тяжело дыша, она уставилась на Альдана, который так и продолжал стоять напротив неё с выражением крайнего изумления на лице.

Успокоившись и осознав, что только что наговорила, Келина устыдилась такого всплеска эмоций.

— Я была груба. Приношу свои извинения, — сказала она, продолжая сверлить его взглядом. — Однако всё это правда. Вы ненавистны мне, генерал Альдан. Я не желаю Вас больше видеть. Никогда.

Альдан сделал шаг назад, продолжая изумлённо смотреть на неё. Но постепенно его растерянность переросла в ужас.

— Не может быть... — тихо, еле слышно проговорил он.

— Я понимаю, что вы привыкли вызывать другую реакцию у женщин, — опять оцетинилась Келина, но вдруг обнаружила, что он перестал её слушать. Альдан ошарашенно смотрел в одну точку, как будто не знал, что он тут делает. Бросив на неё ещё один полный ужаса взгляд, он опять тихо произнес:

— Не может быть...

Келина несколько удивлённо смотрела ему вслед. Неужели, чтобы избавиться от этого мужчины, ей надо было просто сказать ему о своей ненависти? Или его настолько шокировали грубые слова принцессы?

Но как назло, когда Альдан ушёл, она почувствовала внутри пустоту и грусть.

Хотя, казалось бы, она должна радоваться тому, что он её покинул. Келину раздражали эти странные состояния внутри: она одновременно ненавидела генерала, желая вцепиться ему в горло и никогда больше не видеть. И в то же время... надеялась опять столкнуться с ним, попасть под взгляд этих кристально-голубых глаз, насладиться очаровательной улыбкой, ощутить эту странную дрожь от его лёгкого прикосновения...

Бросив тренировочное оружие, Келина решила, что на сегодня достаточно тренировок и, опустошённая, пошла к себе в комнату. Где, почему-то разрыдавшись, проспала до обеда. И даже после этого отказывалась выходить из комнаты, чтобы ни с кем не встречаться и не отвечать на вопросы, почему у неё красные глаза и несчастный вид. И потому она только к вечеру узнала, что принц Альдан ещё ранним утром покинул замок, вместе со всей свитой послгов.

Она обрадовалась этой новости, но ужинать не вышла, прорыдав и весь вечер тоже.

На следующее утро Риана чувствовала себя просто прекрасно, будто и не было никакого случая на озере. Она даже не чувствовала никакой простуды, чего нельзя было сказать о Зике. Она подозрительно шмыгала носом, но продолжала настаивать на том, что с ней всё в порядке. Лекамир, однако, отдал ей свою запасную рубаху, буквально приказав надеть её вместе со всей другой одеждой.

Другие тоже не желали рисковать и оделись потеплее. Даже Аккес, который ранее чуть ли не демонстративно ходил налегке, утепился. К тому же Риана заметила, что если раньше он игнорировал её, то теперь он часто бросал в её сторону косые взгляды. Причём он их даже не скрывал, и в тех случаях, когда их взгляды встречались, он продолжал пристально на неё смотреть, слегка хмурясь иногда задумчиво, иногда подозрительно.

Но в целом ничего толком не изменилось. Они всё так же молча и неспешно двигались к цели. Пожалуй, после того, как они покинули Еттомун, случай у озера стал единственным приключением. И даже то, что они приближаются к концу своего путешествия, служило малым утешением. Ведь идут они к ведьме. А от ведьм, как правило, не стоит ждать ничего хорошего. И потому шли все без воодушевления, тем более и местность словно отражала всеобщее настроение. Скалистая дорога, редкая растительность, снегопад, который только усиливался. Природа вокруг была словно заколдованная, будто сейчас вовсе не середина лета. Хотя это тоже можно было считать подтверждением того, что они рядом с жилищем ведьмы. Настоящей ведьмы, а не шарлатанки-отшельницы.

А в скором времени они заметили вдали тонкую струйку дыма.

— Кажется, мы приближаемся, — выпуская облако пара, сказал Лекамир.

Лица путешественников просветлели и во многом не из-за того, что они приближаются к ведьме, а скорее из-за простого сизого дыма. Если есть дым, значит, есть огонь, а там, где

огонь, есть тепло и, возможно, горячая еда. После путешествия по холоду и питания "из мешка" всем хотелось, наконец, отведать настоящей пищи. В этих холодных местах пропитаться нечем, и потому не было никакой дичи, чтобы зажарить во время привала.

Была и ещё одна причина радоваться тёплому очагу. Зика. Она отнекивалась до последнего, но уже к вечеру второго дня после происшествия на озере она уже не могла скрыть кашель и истощение. Эгрант крутился вокруг неё всю ночь, но у него едва хватало сил для того, чтобы хоть немного её поддерживать. Поэтому Зика с каждым днём все больше и больше угасала, хотя и старалась держаться, чтобы не обременять остальных. Вот только кашель её был таким, что, казалось, грудь вот-вот разорвётся.

Лекамир же был сам не свой. Время от времени он сбрасывал часть вещей на товарищей и брал Зику на руки, неся по самым сложным участкам пути. Её безжизненное лицо и слабая улыбка пугали его до дрожи в коленях.

И сейчас, увидев дым, Лекамир также сбросил сумки и, подхватив девушку, ринулся в том направлении. Остальные путники подняли оставленные вещи и также прибавили шаг, следуя за ним. Как и в прошлые разы, большую часть его поклажи Аккес брал на себя. В такие моменты он не мог, как и раньше, уходить на разведку, но ни разу не сказал и слова против. Его тоже весьма беспокоило самочувствие Зики. И это было единственное, чем он мог помочь.

И выбиваясь из сил, все спешили к источнику дыма. Однако Риана невольно чувствовала некую нерешительность.

Осталось несколько шагов до того, как у неё появится возможность получить ответы на вопросы, которые уже не хотела задавать. Она лично с пространственными ведьмами не встречалась, но имела удовольствие наблюдать за некоторыми из них. И никогда нельзя было точно сказать, что они знают, а что нет. Они могут быть вообще в курсе всего разговора, который произойдёт, предугадывая наперёд каждое слово, а могут удивиться самому появлению гостя. Они могут отказаться от разговора, а могут отвечать даже на незаданные вопросы.

Они были странными.

Компания путников вскоре дошла до пещеры, или, точнее, расщелины в горной скале, что поначалу удивило, так как никакого обхода не было, и, если ведьма жила в пещере, то оставалось загадкой, откуда дым. Однако вскоре стало понятно, что это своеобразный тоннель, который вёл к поляне, окружённой высокими скалами. Причём на этой самой поляне стояла по-летнему тёплая погода, росла зелёная трава и деревья со спелой вишней и яблоками.

— Чудеса, — обомлев, сказал Лекамир, наблюдая за открывающейся картиной. Даже Зика на его руках на мгновение забыла о боли в груди.

— Ведьма, — усмехнулся Эгрант, будто только что получил последнее подтверждение мучившего его вопроса.

Делая нерешительные шаги вперёд, Лекамир продолжал внимательно осматриваться.

Посередине этого летнего островка стоял деревянный домик с большим навесом, под которым находился дровяник и стол, заваленный разной утварью.

— О, ну наконец-то. Я уже вас заждаюсь, — послышался звонкий голос, и из-за дерева к ним вышла женщина в лёгком летнем платье. В руках её была корзина спелой вишни.

Все удивлённо уставились на неё. При пристальном рассмотрении ведьма оказалась молодой девушкой с копной рыжих волос, перевязанных белой лентой. Она была похожа на

крестьянку или служанку в богатом доме, но никак не на ведьму-отшельницу.

— Это всё по-настоящему? — спросила Зика, ошарашенно осматриваясь по сторонам. Жестом она попросила Лекамира поставить её на землю, так как стала чувствовать себя лучше. Присев, она потрогала траву рукой, не в силах осознать, что недавно шла по промёрзшей земле, а теперь перед ней мягкая трава на солнечном лугу.

— Конечно, настоящее, — рассмеялась ведьма, но потом, прикусив губу, цокнула языком. — Тебе, детка, не помешает тепло и отдых. Впрочем, как и всем вам. Прошу за мной. Меня, кстати, зовут Лисандра, но можете звать меня просто Эль. Моё полное имя такое скучное.

И она махнула рукой, приглашая следовать за ней. И им ничего другого не оставалось, как принять её приглашение.

Подходя ближе к дому, путешественники начали снимать тёплые одежды, так как воздух был настолько горячим, что становилось слишком жарко. А возле домика они заметили крепкий дубовый стол с лавками, по непонятным причинам стоявшими прямо на траве. На столе же было столько вкусно пахнущей еды, что слюнки появлялись против желания.

— Вы можете передохнуть с дороги и поесть, — улыбнулась Лисандра и, подойдя к столу, высыпала спелую вишню на большое блюдо с фруктами. После чего, обернувшись, ещё раз окинула всех взглядом человека, который впервые видел то, о чём ранее только слышал.

— Это ведь не отравленная пища? — настороженно спросил Лекамир.

— О! Я тебя умоляю, — рассмеялась ведьма. — Какой смысл мне вас травить. А даже если так, думаешь, я в этом признаюсь?

— Смысл есть, если я услышу твой ответ, — вкрадчивым голосом сказал Аккес, пристально смотря на ведьму.

— О-хо, — продолжала улыбаться Лисандра. — Последний в своём роде, да?

Она подошла ближе к Аккесу, и ни грамма страха не отобразилось на её лице. Не было даже настороженности, только любопытство и лёгкое восхищение. Она обошла его вокруг, рассматривая, словно диковинку. Аккесу, конечно же, это не понравилось, и он сильнее нахмурился, но решил пока потерпеть. Он был наслышан о том, что могут ведьмы, а Эгрант утверждал, что она гораздо могущественнее всех остальных.

Лисандра же, закончив свой осмотр, встала прямо напротив Аккеса и, глядя ему прямо в глаза, сказала слегка вызывающим тоном:

— Эта еда не отравлена и ничего, кроме наполненных желудков и сытого настроения, вы от неё не получите, — коварная ухмылка появилась на её губах. — Ну что, наследник дара, теперь ты спокоен?

Аккес, пристально наблюдая за ней некоторое время, после чего, наконец, сказал:

— Ты говоришь правду.

— Ну, вот и отлично, — отвернувшись, Лисандра пошла обратно к столу, словно моментально потеряв к нему интерес, но потом внезапно обернулась и, не пряча загадочной улыбки, сказала: — И кстати, очаровательный шрамик, очень подходит к твоей мрачной мордашке. Ох и за что, спрашивается, ты девушкам нравишься?

И тут её внимание привлёк смехок Эгранта.

— Ну, привет! — улыбнулась она ему. И внимательно осмотрела с ног до головы. Несколько раз. — Мда... Бьюсь об заклад, были у тебя времена и получше.

— Не сомневайся, — ответил ей улыбкой Эгрант. — И ты наверняка всё знаешь, и даже то, зачем я здесь.

— Да-да, — отмахнулась она, отворачиваясь. — Позже...

Подойдя к Зике, она взяла её лицо в свои руки и, не обращая внимания на то, как напрягся Лекамир, заглянула девушке в глаза.

— Хм... — многозначительно хмыкнула она и отпустила бледную девушку. — Совсем загоняла себя. Тебе, малышка, стоит выпить вон из того красного кувшина, после чего забудь об этих мужланах до конца дня. Поешь и отдыхай.

— Но я...

— Даже не думай. За домом есть беседка с очень удобными диванчиками, — она посмотрела на остальных. — А вы даже не думайте соваться к ней. Дайте девчонке отдохнуть.

Она погладила Зику по голове и хитро посмотрела на всё ещё напряжённого рыцаря. Поцокав языком, ведьма опять окинула всех взглядом.

— Так чего вы тут стоите, словно незваные гости, ешьте и отдыхайте, а вот мне надо посеCRETничать кое с кем.

С этими словами она заговорщически подмигнула Риане и настойчиво повела её к самому дому, прежде чем кто-то успел что-то сказать.

Риана же, заморожённая, всё ещё смотрела на ведьму. Выглядела она одного с ней возраста, но имела глаза, повидавшие многое в этой жизни. Впрочем, она же ведьма, ей наверняка не одна тысяча лет.

Войдя в дом, жрица обомлела ещё больше, заметив обстановку комнаты, совершенно не подходящую не то что для отдалённой избушки, даже для этой эпохи, да что там эпохи, этого мира.

Лисандра как будто только сейчас обнаружив это всё, бросилась убирать и прятать некоторые вещи. В частности, она прикрыла странный постамент с витиеватым орнаментом и овальным красным камнем в середине, похожим на рубин. А так же какую-то склянку, в которой плавали две странные рыбки: чёрная и белая, или точнее не рыбки и не плавали... Это было больше похоже на два странных дыма, переплетающихся между собой, но не смешивающихся. Подробней рассмотреть она не успела, так как Лисандра накрыла склянку тканью.

Последнее, на что Риана обратила внимание, был странный прямоугольник идеально ровной формы, одна из сторон которого светилась необычным светом. Ведьма быстро что-то с ним сделала так, что свет пропал, и убрала в рядом стоящий сундук, после чего, натянуто улыбнувшись, повернулась к ней.

— Не осуждай...

— Это всё вещи из других миров, — немного растерянно сказала Риана, рассматривая красивый медальон, на котором был изображён какой-то грызун с пушистым хвостом и еловой шишкой в лапках. — Разве вы не стражи, единственная обязанность которых — следить за тем, чтобы миры не пересекались.

— Ну, скажем так, я не слишком добросовестный страж. Но могу тебя заверить, это всё только для меня, ничего из этого не останется в этом мире, когда я решу уйти. Почему, ты думаешь, я пустила внутрь только тебя?

— Но зачем тебе всё это?

— Коллекции, — пожалала плечами ведьма, как будто одно это слово должно было всё

объяснить. — И кстати, разве ты тоже не принесла мне кое-что?

Риана удивлённо посмотрела на неё, после чего вздохнула и полезла в свою заплечную сумку. Она не ошибалась, предполагая, что ведьмы могут знать практически всё.

Жрица достала небольшой мешочек, перевязанный синей лентой, и что-то побольше, обмотанное тканью и так же перевязанное лентой.

— О, звёзды! — воскликнула Лисандра, жадно впившись взглядом в предмет, который достала жрица. — Какая жалость, что я не смогла его увидеть, когда он был ещё цел.

— Он рассыпался по моей вине. Такому оружию, как Динкор, не место в этом мире. Я боялась оставить его и поэтому постоянно носила с собой. Возможно, отдать его тебе на хранение лучший вариант.

— Знаешь, — Лисандра вдруг на неё посмотрела. — Даже если до него добрался бы кто-то из людей, он всё равно ничего не смог бы с ним сделать. Но я знаю кое-кого, кому он не просто нужен...

— Кто-то может его восстановить? — удивилась жрица.

— О, не беспокойся об этом, — отмахнулась Лисандра, бережно беря рукоять и прах, в который превратился клинок. — Ты сделала часть своей задачи, а именно принесла его в мир, остальное уже моя забота. — Бережно убрав всё в свой сундук, она опять повернулась к жрице. — Как видишь, я хранительница артефактов, а не просто коллекционер, хотя и это тоже. Потому что есть у меня и то, что никому кроме меня и даром не нужно. Ну да хватит об этом. Рассказывай.

Лисандра указала на нечто напоминающее кресло, которое покрывала тонкая материя, полупрозрачная и переливающаяся, явно не из этого мира. Сев в кресло, она с удивлением отметила, что оно тут же поменяло цвет на красновато-коричневый. Это было довольно интересно, но не настолько, чтобы спрашивать ведьму о свойствах и происхождении этого чуда. Поэтому Риана посмотрела на ведьму, которая устроилась напротив неё на похожем кресле и, словно девочка поджав под себя ноги, во все глаза смотрела на неё.

— И что же ты хочешь, чтобы я тебе рассказала?

— Как что? — возмутилась Лисандра. — То, зачем ты пришла сюда.

— Но разве ты сама не знаешь? — вздохнула Риана.

— О нет, я не из таких. Я не любительница путешествовать в будущее. Предпочитаю узнавать историю по порядку. Ну и ещё, в будущее путешествовать значительно сложнее, чем в прошлое, если только это не возвращение в своё настоящее время...

— Но как же ты узнала, что мы придём? — перебила её Риана, чтобы очередной раз не слушать лекции о временных способностях высших существ.

— О! — ту же встрепенулась Лисандра. — Так знать настоящее значительно проще. Я следила за тобой с самого момента твоего появления. И за миром в целом, с самого пробуждения одного из Первых сынов, точнее дракона, хотя по их меркам он ещё дитя. Так вот я узнала, что вы идёте ко мне, поэтому и ждала.

— Но если ты следила, то должна знать и причину.

— Ладно-ладно, — подняла руки Лисандра, сдаваясь. — Знаю. Но я хотела, чтобы ты сама спросила.

Риана улыбнулась, наблюдая за немного детским поведением существа, которому столько лет. Но потом задумчиво опустила голову.

— Честно говоря, я не уверена, что уже хочу спрашивать... И нужно ли это вообще...

— Вот значит как, — хитро усмехнулась ведьма, облокотившись о подлокотник кресла,

внимательно наблюдая за собеседницей напротив. — Уже сама знаешь?

— Знаю, — кивнула Риана.

— Ну, раз этот вопрос решён, позволь спросить, почему же ты до сих пор не в объятиях своего героя?

Риана удивлённо вскинула брови, но потом вздохнула.

— Он ещё не готов. У него... ощущение, что я ему не так уж и нужна. Я словно лишняя...

— А может быть, дело в тебе? Может, ты сама ещё не готова? — тихонько рассмеялась Лисандра. — Ты ведь даже ничего ему не сказала. Мне кажется, что ты боишься.

— Чего мне бояться?

— Как чего? Потерять связь с Богиней.

— Но ведь это всё равно произойдёт...

— Да, но только когда ты соединишься со своим Избранником. И разве не это было твоей конечной целью, когда ты решила прийти ко мне? Неужели связь с Богиней тебе дороже новой связи со своим мужчиной?

— Я... я...

— Зачем же ты его искала, если не хочешь идти к нему?

— Хотела понять... — немного растерянно сказала Риана. — Но я пришла в этот мир, чтобы нести мудрость Богини, дарить радость, учить и просвещать... Избранник не главное.

— Неужели? — продолжала хитро улыбаться ведьма. — А ты ни разу не задумывалась, зачем жрицам вообще нужен Избранник. Забудем о романтических сказках о любви.

Риана открыла рот, чтобы что-то сказать, но через некоторое время опять его закрыла, немного растерянно уставившись перед собой. Она никогда даже не думала об этом с такой стороны.

Зачем жрицам избранники?

Это всё было настолько само собой разумеющимся, что никто и не задавался вопросом. Или только она?

— Зачем же? — неловко спросила она, будто её уличили в незнании самого элементарного.

Лисандра рассмеялась, чем смутила жрицу ещё сильнее.

— Ох, звезда моя, — сказала ведьма, нежно посмотрев на гостью. — Я надеюсь, ты хотя бы знаешь, чем является твоя связь с Богиней?

— Конечно! — тут же воспряла Риана. — Я поддерживаю её свет в себе. Её энергия питает меня, до тех пор, пока я не стану смертной.

— Не только её энергия идёт к тебе, но и твоя к ней. Это равноценный обмен. И почему, ты думаешь, всё это заканчивается, когда ты встречаешь нужного мужчину? — видя, как замешкалась жрица, Лисандра, подперев голову рукой, очередной раз окинула взглядом её. — Всё дело в том, милая моя, что ты перестаёшь думать о ней.

— Что?

— Твоя энергия начинает литься в другую сторону. На человека, который занимает все твои мысли. И на самом деле, вычислить, кто является "тем самым", было очень просто. Это всегда тот, о ком ты чаще всего думала. Твоя связь, а точнее единение с Богиней начинает истощаться, как только ты уходишь из её Чертога. Но есть нечто более сильное. Единение с другим человеком. Это не даст тебе бессмертие, как от богов, но откроет гораздо большее. Настоящий гармоничный поток... — Лисандра мечтательно улыбнулась, но потом

посмотрела на жрицу и добавила: — Ну а если говорить человеческим языком. Когда ты, жрица, влюбляешься, то все твои мысли уже не о служении Богине, а о любимом человеке, который наполняет тебя радостью и счастьем. Другими словами, Избранник нужен для того, чтобы ты стала счастливой, а когда ты счастлива, ты можешь делиться счастьем и радостью с остальными. А ведь именно это и есть твоё предназначение как жрицы.

Риана сидела и слушала ведьму чуть ли не с раскрытым ртом.

— Но ведь есть и те жрицы, которые жили без Избранников.

— Есть. Это те, кто не захотел разрывать связь с Богиней. Они, как правило, уходят в глухие малолюдные места, некоторые продолжают жить среди людей, найдя своё предназначение в другом виде, которое не связано с единением. Но даже бессмертие не длится вечно, в конце концов, все они уходят из мира живых, но прожив долгую жизнь. Хотя по мне, весьма одинокую. Но это личный выбор каждого. Большинство же принимают изменения, которые с ними происходят, и идут вперёд. Так что, как видишь, есть выбор: держаться за Богиню или всё же открыться чему-то новому. В конце концов, для чего ты вообще пришла в смертный мир, если не для постижения нового?

— Я... — Риана сидела обескураженная, словно её облили холодной водой. Она никогда не вникала в этот вопрос настолько глубоко. Всё что она знала, так это то, что когда она спустится на землю, связь с Богиней останется лишь на некоторое время. А потом она встретит своего Избранника, станет смертной и сможет познать жизнь как обычный человек. Пережить весь опыт и эмоции, доступные людям. Но её никогда не интересовали подробности. Когда учишься владеть своим телом и оружием, предназначение которого всё-таки убийства, сложно переключиться на восхищённые истории о мужчинах, поцелуях и плотских утехах.

С другой стороны, она не знала, что можно от Избранника отказаться. Можно и познавать жизнь, и оставаться рядом с Богиней. Разве это не идеальный вариант? Но...

Почему-то от одной только мысли отказаться от него внутри что-то сжалось...

Риана неуверенно посмотрела на ведьму, которая внимательно за ней наблюдала.

— То есть либо то, либо другое?

— Боюсь, что именно так, — улыбнулась Лисандра, но потом небрежно махнула рукой — Да не переживай ты так. До конца связь всё равно не пропадёт. Ты по-прежнему будешь чувствовать свою Богиню. Но разрыв с ней малая плата за то, что ты получишь взамен. Когда человек, которого ты выберешь, ответит тебе взаимностью. О-о... — она мечтательно вздохнула. — Это будет прекрасно. Гармония, слияние, единение. Целый мир, но только между вами двумя. Я даже немного завидую вам, жрицам. Мы, ведающие, редко можем достигнуть чего-то такого. А браки всего лишь деловое соглашение. У вас же, как в сказках, сильно и до конца жизни. Впрочем, так бывает и у обычных смертных, вы все хоть и быстро горите, но так ярко и красиво.

— Но ведь вы, ведьмы тоже не бессмертны, — удивилась Риана.

— Конечно, но чего стоит век против нескольких сотен веков? — горько усмехнулась она. — Наши порой влюбляются в смертных, но всё это заканчивается печально. А среди своих, и тем более среди ведьмаков сложно найти того "самого лучшего". Но не будем об этом, а то явится тут один чёрт, житья не будет.

— Кто явится? — удивилась Риана.

— Пасынок мой... будущий, — вздохнула ведьма. — Ненавидит меня маленький демон. Совсем не похож на отца, который вежлив и красив... — Лисандра опять мечтательно

вздохнула, но потом, словно одёргивая сама себя, резко нахмурилась. — Хотя у меня тот самый брак, который по расчёту, да и то временный. Но этот мелкий поганец продолжает меня изводить и требовать, чтобы я даже не приближалась к его отцу. И хотя ещё мальчишка — "пешком под стол ходит", всё же талантливый дьяволёнок. Каждый раз, когда я пытаюсь с ним подружиться, делает очередную пакость...

Лисандра вымученно вздохнула и потёрла виски, чувствуя, как начинает болеть голова.

— Но опять же, не будем об этом, — она ещё раз внимательно взглянула на Риану. — У тебя, милая, у самой нерешённая проблема. Так ответь мне на вопрос, что ты намерена делать?

— Я? — задумалась жрица. — Я столько всего хотела... Хотела завести много друзей, потом предотвратить войну, потом помочь Первородному, а ещё моё паломничество.

— Ох и взвалила ты на себя, — хмыкнула Лисандра. — Не слишком ли много для одной почти смертной девушки?

— Я хотела успеть всё сделать до того, как стану смертной, — Риана вздохнула, опустив плечи.

— Понятно. Ты жалеешь, что встретила его слишком быстро? Зачем же тогда так торопилась? Аж сюда забралась.

Риана, обернувшись, посмотрела на дверь, словно ища там ответы.

— Я думала, это меня упокоит. То есть, узнав, кто он, я больше не буду мучиться, гадая. Думала, что после этого смогу сосредоточиться на своей миссии... А теперь, получается, что я приблизилась то, чего хотела бы избегать как можно дольше. Я была слишком нетерпелива и совершила ошибку...

— Вот как, — хмыкнула ведьма. — Значит ли это, что ты решила отказаться от своего Избранника?

Риана крепко сжала ладони в кулаки так, что ногти больно впились в кожу, но она, не обращая внимания на боль, пыталась не без усилия выдавить из себя слова.

— Если я стану смертной, я не смогу помочь. Я столько должна сделать...

— Ах, это слово, — всплеснула руками Лисандра. — "Должна". Что за нелепое словечко. Но ты вольна поступать, как хочешь. Или ты действительно намерена остановить то, что уже началось? Чувства, знаешь ли, не то, что можно "поставить на паузу".

— Здесь так не говорят, — мимоходом заметила Риана, задумчиво продолжая смотреть на пол.

— Не важно. Слышишь всё равно только ты.

— Мне надо подумать...

— Ладно, — встала ведьма и отошла немного в сторону к своему сундуку. — Не буду тебя больше мучить, тем более те, кого я надеялась отвлечь едой, уже наелись и у них много вопросов. — Она усмехнулась и, открыв сундук, достала тонкий прямоугольник, который спрятала ранее, и начала тыкать в него пальцами, приговаривая: — Эх... началось... придётся пропустить... или... как же, блин, тут записывать... о!

Наконец, опять спрятав его в сундук, она ещё раз улыбнулась и указала на дверь.

— Пойдём? Пока кое-кто не ворвался и не увидел всё то, что видеть ему не положено?

Риана, пребывавшая в глубоком раздумье, согласно кивнула и пошла к выходу.

Как она и предполагала, на улице обеспокоенные мужчины напряжённо посматривали в сторону домика. Увидев, что Лисандра вместе со жрицей выходят, Эгрант тут же подошёл к ним.

— Я уж думал зайти.

— Знаю, — усмехнулась ведьма, — но туда посторонним запрещено заходить.

— Вряд ли там есть что-то, что может меня удивить, ведьма, — улыбнулся ей Эгрант.

— О, не сомневаюсь, однако всё же это женский уголок и мужчинам там не место.

— Что ж, я не спорить сюда пришёл, — тут же сменил тему Эгрант. — Меня волнует более серьёзный вопрос.

— Конечно. Он находится там! — она указала рукой вверх на северную гору. — Я сразу перенесла твою Вигору в место, где до него никто не сможет добраться. Ну, без моей помощи. И ты не должен меня за это винить. Я очень хотела, чтобы вы ко мне пришли.

Эгрант, слегка нахмурившись, рассматривал гору.

— Зачем вообще надо было уносить талисман с острова Смуг, где он должен был быть изначально?

— О, я её не переносила. Это сделали местные, сколько-то сотен лет назад, я всего лишь забрала её у них и переместила в более безопасное место. Так что Вигора в целости и сохранности, только ждёт, когда ты за ней придёшь.

Эгрант посмотрел на ведьму внимательно, разглядывая её притворно наивное лицо.

— Ты что-то недоговариваешь, ведунья. Зачем ты хотела, чтобы я пришёл к тебе?

Лисандра коварно усмехнулась.

— Соскучилась? Ну ладно, по определённым причинам и с недавнего времени я прячусь от представителей моего народа, а точнее от одного конкретного человека. Но, как говорится, чтобы не попасться одному, приходится скрываться от всех. А тут ты! Мне не хватает общения — вот и вся причина. — Она, слегка скривившись, посмотрела на него. — Хотя, конечно, не такого я ожидала.

Эгрант не обратил внимания на её критику.

— Я сейчас не в том состоянии, чтобы вести с тобой беседы.

— Я вижу, — опять скривилась ведьма. — Но может, позже? Навестишь меня?

Эгрант молча посмотрел ей в глаза и через некоторое время ответил ей улыбкой.

— Хорошо. Когда всё кончится...

— Вне зависимости от исхода!

— Хорошо, когда всё закончится, — он усилил голос, делая акцент на фразе, — не важно, как это будет, я навещу тебя.

— И я хочу видеть дракона! — настойчиво сказала Эль, упрямо глядя ему в глаза.

Эгрант тяжело вздохнул.

— Хорошо.

— Вот и славненько, — она развернулась в сторону остальных, куда чуть ранее отправилась и Риана. Жрица сидела в самом дальнем углу стола и задумчиво смотрела в сторону, не обращая ни на кого внимания. Но Лисандра посмотрела на Лекамира. — А теперь господин рыцарь: у вас тоже есть ко мне вопросы?

Лекамир вздрогнул от неожиданности, когда к нему обратилась эта странная женщина. Ему было не по себе из-за того, что он видел и слышал о ведьмах раньше. Он ожидал увидеть сгорбленную старуху, пахнущую плесенью и размахивающую крысиными хвостами. Предполагал, что она будет их проклинать и откажется говорить. Но рыцарь видел перед собой молодую и весьма привлекательную женщину, которая, ко всему прочему, была готова с радостью им помочь. И он не знал, как ко всему этому относиться. Притворство ли это, чтобы заманить их в ловушку, или же все слухи не верны с самого начала.

— Я пришёл сюда, чтобы выяснить, почему вы насылаете неприятности на поселения островитян, — сказал он, стараясь выглядеть грозно.

Лисандра же неожиданно расхохоталась.

— Ох, уже эти местные, — сказала она, закончив смеяться.

— То есть, хотите сказать, что вы ничего этого не делали? — насторожился Лекамир.

— О, конечно делала. Ваш угрюмый красавчик не даст мне солгать, — она подмигнула Аккесу, который хмуро покосился на неё. — Только не со зла, конечно. Я просто старалась привлечь ваше внимание.

— Наше внимание? — переспросил рыцарь.

— Не слишком ли ты перестаралась? — вздохнул Эгрант, направляясь к вещам, которые они сложили в стороне.

— Вовсе нет, — категорично ответила Лисандра. — Нужно было дать вам лишний повод прийти ко мне. А что касается бедствий местных жителей, то всё давно закончилось. Они больше панику разводят.

— Кто угодно начал бы паниковать, если рыба покинет реку, — нахмурился Лекамир, но ведьма продолжала беззаботно смеяться, словно это было не более чем невинная шутка.

Рыцарь ещё какое-то время продолжал настойчиво ей что-то доказывать, не понимая, что Лисандра потешается скорее над ним и его чрезмерной серьёзностью.

Аккесу это надоело уже через минуту, и он бросил задумчивый взгляд в сторону жрицы, которая после выхода из домика ведьмы была непривычно тихой и задумчивой. Она даже не обратила внимание на то, что её любимый рыцарь затеял спор с ведьмой, которая может и обидеться на его резкие слова, наколдовав тому какую-нибудь пакость.

Впрочем, ему-то какое дело?

Встав со своего места, он направился к Эгранту, который продолжал копаться в вещах.

— Когда отправимся за ним?

Эгрант поднял голову и сосредоточенно посмотрел в сторону остальных.

— Чем быстрее, тем лучше, — ответил он и глянув на своего друга. — И лучше нам это сделать самим.

— Что? — усмехнулся Аккес. — Неужели ты осознал наконец, что никто посторонний нам не нужен?

— Ты зря так думаешь, — ответил Эгрант без прежнего снисхождения в голосе. — Пользы от совместного путешествия гораздо больше, чем беспокойств. Ты на себя только посмотри, ты уже не такой, каким отплывал из Шентры.

Аккес скривился.

— То есть твой коварный план...

— Никакого коварного плана не было. Я, можно сказать, вообще тут ни при чём, — и, бросив ещё один взгляд на остальных, махнул Аккесу рукой, призывая идти за собой. — Пошли, пока они не обращают внимания.

— Ты хочешь прямо сейчас? — удивился Аккес.

— У тебя что, другие планы? — посмотрел на него Эгрант с лёгким недовольством.

— В мои планы входит только следить за тем, чтобы ты тут не свалился без сил в очередной лихорадке. — Аккес скрестил на груди руки. — Может мне пойти одному?

— Нет. И чем скорее я возьму его в руки, тем лучше мне будет. Так что заканчивай препираться и пошли.

Развернувшись, Эгрант пошёл к расщелине в скалах, через которую они пришли. Аккес,

бросив последний взгляд на застолье, поджал губы и, нацепив извлечённую из сумки маску, зашагал следом.

Через некоторое время оба мужчины уже шли по горной тропинке, которую указала ведьма. Подъём был нелёгким. Иногда в прямом смысле приходилось карабкаться. Им понадобилось несколько часов, чтобы добраться до пещеры. Едва увидев её, Эгрант понял, почему ведьма утверждала, что никто не сможет добраться до талисмана. Даже среди тех, кто осилит подобный опасный подъём.

Вход в пещеру был защищён заклятием. Не заклинанием и не чарами, а именно заклятием, построенным на потоках истиной магии. Только ведьма могла такое сотворить, учитывая состояние этого мира. Повернувшись в сторону Аккеса, он убедился, что тот даже не видит пещеру. Ему казалось, что они просто на очередном выступе.

— Куда дальше? — спросил он, откидывая назад свою маску и поглядывая по сторонам.

— Мы пришли, — улыбнулся Эгрант и подошёл к пещере, делая шаг внутрь.

Аккес удивлённо заметил проход, который раньше не видел. Взаимодействие с предметом под подобным заклятием нейтрализует его эффект. Но Эгрант знал, что стоит ему отойти, и через некоторое время Аккес опять не сможет разглядеть пещеру. Он будет знать, что она где-то здесь, но не увидит её.

— Дальше я пойду один, — сказал Эгрант. — Ты жди меня здесь.

— Ты уверен, что там не опасно?

— Более чем... — ответил Эгрант и, не медля ни секунды, пошёл вглубь. Он чувствовал зов талисмана. Как никогда благодарный за то, что ему передали силы чувствовать источники, он без труда шёл по выщербленному в скалах лабиринту. Для него это было всё равно, что карта с указателями, куда и как двигаться. И Эгрант довольно быстро добрался до своей цели.

Небольшой выступ, целиком высеченный в камне, имел углубление, где под толщей прозрачной, как вода, слюды находилась его цель.

Эгрант видел то, что не могли видеть другие. То, как сиял талисман, такой силой и могуществом, о которых никто и не догадывался. Эта сила манила к себе, словно обещала исполнить любые желания и даровать такие возможности, о которых невозможно даже вообразить.

Он понимал, почему люди, которые находили их, не могли устоять. Те, кто обладал магией, чувствовал этот зов, а позабыв единственное правило "не уносить источник оттуда, где он находится", поддавались искушению завладеть этой силой. И даже предосторожности, в результате которых талисманы прятались как можно дальше от людей, не помогли. Их уносили в горы, прятали в пещеры, специально, чтобы ничто не смогло их потревожить. Но люди всё равно находили амулеты и уносили их с центральных мест.

Отсюда и все их несчастья. Слишком многое забыли. Ладно ещё про создателей, но про талисманы, которые поддерживали в них самую суть процветания, забывать не стоило.

Теперь же поздно.

Дракон не намерен более здесь оставаться.

И Эгрант, подняв камень, ударил по слюде, которая треснув, осыпалась к его ногам. Взяв Вигору, он посмотрел на едва уловимый свет. Этот талисман находился значительно дальше всех остальных уже собранных и хоть и слабо, но делал своё дело. И как только он уйдет, унося его с собой, пропадёт и последнее, что удерживает баланс потоков.

Что ж... этому миру давно пора переродиться...

Глава 18: Проблемы

Уже пару дней они находились на этом летнем островке посередине морозных гор. Ночевали практически под открытым небом, так как ведьма отказывалась кого-то пускать в дом. Впрочем, никто не жаловался, погода была чудесной. Однако не всё так безмятежно.

И сейчас Лекамир напряжённо наблюдал за Рианой, которая ходила среди деревьев, задумчиво пиная какую-то ветку. Время от времени жрица останавливалась и осматривала то, что попадалось на глаза. Его очень беспокоило её состояние. Ведьма что-то ей сказала, после чего она начала так странно себя вести.

Потом исчезли те двое. Впрочем, от них он и рад был бы избавиться, но они, вернувшись, тоже вели себя так, словно на них внезапно свалились все мировые проблемы. Эгрант сторонился остальных и почти ни с кем не разговаривал. Аккес тоже ни с кем не разговаривал и сторонился людей, но это его нормальное поведение. Даже Зика и та вела себя необычно, хотя к этому он уже привык и просто радовался, что девушка выздоровела, и ей больше ничего не угрожает.

И сейчас именно Риана беспокоила его больше всего.

— Эй, — улыбнувшись, сказал он и подошёл к жрице ближе.

— Здравствуй, Лекамир, — ответила она, не глядя на него.

Улыбка, пусть и натянутая, тут же пропала с его лица, и рыцарь ещё сильнее нахмурился.

— Что-то не так? Ты какая-то совсем не похожая на себя.

— Что? — она, наконец, посмотрела на него. — А... Наверно... Просто я кое о чём думаю...

— Я могу чем-то помочь?

Риана искренне улыбнулась ему, и Лекамир едва подавил облегчённый вздох.

— Только не с этим. Мне предстоит сделать тяжёлый выбор... Хотя я уже его сделала, пусть от этого и сжимается всё внутри.

Риана опять задумчиво опустила голову. Ей совсем не хотелось обсуждать с Лекамиром этот вопрос, хотя раньше она никогда ничего не скрывала. Теперь, похоже, и у неё начинают появляться секреты.

Ещё один довод в пользу её человечности. Теперь она лучше понимала, почему люди некоторые проблемы и решения держат в себе. Она догадывалась, что не всем понравится её решение отказаться от своего избранника.

Пусть и временно.

Она пробыла в этом мире недолго, но уже знала, что здешние люди ждут от жрицы. В числе прочего то, что она сделает свой выбор. Люди хотят силу, которую она высвободит, когда соединится с избранником. Лекамир служил этому неизменным напоминанием, учитывая, что его приставили к ней для того, чтобы тот подтолкнул её сделать свой выбор поскорее. И хотя он сам говорит, что это всё ему не по душе, он всё же ждёт. Все ждут. И ждут с нетерпением.

А она что?

Она вдруг решила отложить это на неопределённое время. Вряд ли это воспримут с радостью.

Была и ещё одна веская причина молчать.

Всё, что она узнала по истории этого мира и из своих наблюдений за своими сёстрами, это то, что избранники жриц весьма упрямы и настойчивы в своих чувствах. Даже в этом мире. Избранник первой жрицы похитил Акерту из храма. А о многолетних скитаниях избранника второй сложено немало баллад, ему понадобилось двенадцать лет, чтобы Гленн ответила ему взаимностью. А у её третьей сестры избранник хоть и лекарь, но хитёр был как лис. Он плёл искусные интриги, подстраивая так, чтобы постоянно пересекаться с Авродикой, которую, как гласит молва, полюбил с первого взгляда. Хотя первая встреча была ещё в детстве.

Все они отличались немалой настойчивостью. И Риана боялась спровоцировать подобное. Впрочем, в предыдущих случаях даже незнание не останавливало ни одного из них.

Риана вздохнула под озадаченным взглядом Лекамира.

Она прекрасно понимала, почему остальные жрицы столько ждали. Но с другой стороны, они для этого мира были маленькими девочками. Она же уже физически вполне взрослая женщина. У неё нет таких причин оттягивать неизбежное...

— Я должна помочь Дракону, — тихо выговорила она.

— Что? — не расслышал Лекамир.

— Я должна помочь Дракону! — уже громче повторила Риана. — Именно это сейчас является моей главной целью. И именно этим я и займусь. Остальное может и подождать.

И, развернувшись, она решительно отправилась к Эгранту, который молча сидел в вишнёвом саду под одним из деревьев. Глаза его были закрыты, а поза расслабленной. Он медитировал.

Подойдя к нему ближе, Риана замерла, не решаясь прервать медитацию, но всё же намереваясь непременно поговорить с ним. К счастью Эгрант почувствовал её присутствие и открыл глаза. Риана нетерпеливо выпалила:

— Нам надо возвращаться.

— Прямо сейчас? — усмехнувшись, спросил тот.

— Нет, конечно, — насупилась жрица. — Но завтра утром уже можно отправляться в обратный путь. Зика чувствует себя прекрасно. Мы тут уже пару дней и тоже успели отдохнуть. Нам надо собрать ещё несколько талисманов у Равнинных королевств.

— Ничего себе рвение, — продолжая улыбаться, Эгрант встал. — Только разве тебе не следовало обсудить это с нашим предводителем?

— Лекамиром? — растерянно спросила Риана. — Да, конечно, но я хотела сначала узнать, всё ли в порядке с талисманом, который ты нашёл здесь? Нужно ли ещё что-то или мы можем возвращаться?

— Если только в этом дело, то я всё закончил и готов к обратной дороге.

— Хорошо, тогда я скажу Лекамиру, — кивнула жрица, сделав шаг в сторону.

— Но Риана... — остановил её Эгрант. — Ты должна понимать, что как только мы вернёмся, некоторые вещи могут измениться.

Она обернулась.

— О чём ты?

— Всё о том же. Всё взаимосвязано, и как только мы вернёмся, запустятся необратимые процессы. К ним нужно быть готовым.

Риана упрямо поджала губы.

— Я догадывалась, что так будет, — сказала она, решительно вздёрнув голову. — Именно поэтому мне пришлось принять непростое решение, Эгрант, — она опустила голову и проговорила тише: — Я только надеюсь, что мне не придётся о нём пожалеть.

И развернувшись, она пошла к Лекамиру.

Эгрант немного растерянно смотрел ей в след, но потом что-то заставило его улыбнуться и, прикрыв глаза, он вновь прислонился спиной к стволу вишни. Пока есть возможность, почему бы не насладиться спокойствием? Ведь оно, наверняка, продлится недолго.

Против того, чтобы отправиться на следующее же утро, никто не возражал. Только Лисандра немного погрузилась, когда поняла, что все они уходят. Она так и не наигралась с новыми гостями. Её забавляла реакция Аккеса, стоило ей заговорить о его привлекательности и девушках, которым он нравился. Мрачный воин кривился, потому что словам её не верил, хотя и лжи не чувствовал, а что-то доказывать ему она не имела права. Ей так же нравилось ставить в тупик Лекамира. Рыцарь откровенно удивлялся всякий раз, когда она начинала высокопарно с ним разговаривать. Проявляя манеры истиной леди, она втайне посмеивалась над его искренним изумлением. Каждый. Раз.

Но больше всего ей, конечно, хотелось поговорить с Эгрантом, но тот избегал её, отнекиваясь, что ещё не время. И ей приходилось каждый раз тяжело вздыхать, смиряясь, что, впрочем, не мешало ей повторять попытки через некоторое время. С Рианой тоже было приятно беседовать, но жрица была поглощена проблемами с Богиней и Избранником. Зика же была юная девочка, к которой, кроме как к ребёнку она не могла относиться никак.

Впрочем, Лисандра прекрасно понимала, что задерживать их не могла и потому, когда утром они отправились в путь, нагрузила им в дорогу провизии и отпустила с наилучшими пожеланиями.

Обратный путь этой разномастной компании был значительно легче. Во-первых, спуск с гор сам по себе был проще, во-вторых, они уже знали путь, и потому продвижение по лесам было гораздо быстрее.

Единогласно было принято решение не заглядывать в другие поселения. Только проходя мимо Еттомуна, им пришлось сделать небольшой привал. Внутрь идти все отказались, поэтому Лекамир отправился один. Он чувствовал потребность доложить старосте, что ведьма больше их не будет тревожить. И прежде чем ему успели вручить "благодарственный подарок", он развернулся и, быстро попрощавшись, покинул это место, решив больше не возвращаться сюда.

Зика же приняла подобное решение ещё в прошлый раз и потому не испытывала ни сожаления, ни даже грусти от того, что больше не увидит всех этих людей. Поэтому, когда Лекамир вернулся, все они с лёгким сердцем отправились дальше.

На подходе к шахтёрскому поселению возникла всё та же проблема с близнецовыми племенами, но те, помня то, что устроил им "Кровавый монстр", боялись вступать в открытый конфликт и были только рады, когда пришлые покидали их земли. А ещё они были рады тёплым одеждам, которые путники обменяли на еду.

Словом, все остались довольны встречей, хотя не обошлось и без косых взглядов. Не всем нравилось мирное решение, ведь по их меркам погибло немало народу. Тем не менее, никто не решался высказывать своего недовольства, особенно после того, как Аккес демонстративно надел свою маску. Ему больше остальных хотелось избежать ещё одной

стычки. Тем не менее, даже после, казалось бы, мирного исхода все пятеро чувствовали, как их провожали до самого берега. Причём островитяне даже не скрывали этого, показываясь на глаза в разных местах. Сложно было сказать был ли это сопроводительный отряд, посланный, чтобы убедиться, что пришлые уберутся туда, откуда пришли. Или это были особо ретивые воины, которые искали слабые места и подходящий момент для того, чтобы отплатить за павших товарищей. Потому все пятеро не стовариваясь старались побыстрее покинуть недружелюбные леса, а ночью никто не расставался с оружием.

Несмотря на вполне благополучную дорогу назад, общее напряжение между путниками усилилось, чем ранее, хотя, казалось бы, они должны были поладить за столь длинное совместное путешествие. Но каждый держался обособленно, и во многом из-за того, что Эгрант, который всегда сглаживал все острые углы, был притихшим и молчаливым. А свободное время всё уходило на медитации, иногда даже в ущерб сну. Хотя сам он утверждал, что они лучше сна. И даже у Рианы неизменная улыбка вдруг сменилась глубокой задумчивостью.

Лекамир раздражённо заметил, что она словно поменялась с Аккесом местами. Теперь именно она сторонилась остальных, почти сразу пресекая любые попытки поговорить. Или вела очень рассеянную беседу и игнорировала осторожные попытки выяснить, что с ней происходит. Аккес же, напротив, почти всё время находился рядом. Не убегал на разведку, не отлучался по ночам.

Однажды посреди ночи встав на караул, Лекамир, к своему удивлению, впервые увидел этого варвара спящим. Подложив свою сумку под голову и скрестив руки на груди, он лежал под деревом и мирно спал. Рыцарь недоверчиво пялился на него некоторое время. Раньше Аккес никогда не спал там, где его можно было заметить.

Удивительно, но Зика, несмотря на всё то, что пережила в этом путешествии, вела себя почти так же, как и раньше. Суежилась вокруг всех, готовила еду и следила, чтобы все были сытыми и довольными. Разве что прежняя робость куда-то пропала. Но это и к лучшему. По крайней мере, она перестала казаться испуганной девочкой. И даже при встрече с местными перестала прятаться за его спину и смело глядела на них. Более того, первой схватилась за кинжал, когда во время переговоров некоторые обозлённые воины пытались начать конфликт. К счастью всё обошлось, но рыцарь заметил, что после этого Зику некоторое время трясло, хотя она старалась не показывать и виду.

Однако большую часть происходивших странностей можно было списать на то, что последние недели они бродили по лесам с минимальным отдыхом. Даже привал у ведьмы был довольно короткий. В остальное же время они двигались по холмистой местности, что требовало немало физических сил. Нет ничего удивительного в том, что они устали. В том числе и Риана, странное поведение которой замечали все вокруг.

Даже Аккес нет-нет, да глянет подозрительно в её сторону. Его немного обескураживало её поведение. Сначала она постоянно искала с ним контакта, улыбалась и всячески проявляла дружелюбие. Теперь же она старалась держаться подальше. Он бы ещё понял, если бы она сторонилась его, но она игнорировала и всех остальных тоже. Даже эту гору мышц, с которым у неё, судя по всему, весьма дружеские и доверительные отношения.

Думая об этом, он раздражался от одной мысли, что его вдруг так заботят эти её внезапные изменения. Ведь когда-то он именно этого и хотел. Чтобы она держалась от него подальше.

Хуже всего было, когда они, наконец, после многодневного изнурительного

путешествия, взошли опять на борт корабля. В летнюю пору они прибывали в порт два-три раза в месяц, задерживаясь на несколько дней, чтобы погрузить товар и запастись провизией. И первый же капитан с радостью согласился заработать пару лишних монет и доставить пятерых путешественников обратно в Равнинные королевства.

На этот раз корабль попался значительно меньших, чем «Белый Дельфин», размеров и ни о каких каютах не было и речи. Поэтому им всем пришлось расположиться среди матросов. Однако, что Риана, что Зика чувствовали себя в полной безопасности. Стоило Лекамиру подняться в полный рост и достать оружие, любой из матросов тут же отводил глаза и старался сесть как можно дальше от гостей. А ведь ещё был Аккес, который хоть и не делал угрожающих движений, всё же один взгляд на его лицо в маске отбивал любые желания даже думать о девушках.

Хотя без инцидентов не обошлось. Риана, которая до конца не осознавала ни своего положения, ни опасности, всё так же не ограничивала своё передвижение по кораблю. Однако и постоять за себя она могла, поэтому после пары вывихнутых руки и выбитых зубов с ней тоже связываться никто не рисковал. Лекамир не раз просил Риану лишний раз не искушать матросов, но жрица не могла находиться в каюте с таким количеством народа. В любое другое время она была бы только рада, но не сейчас, когда она чувствовала острую необходимость побыть одной и всё переосмыслить. А это очень сложно сделать, если рядом постоянно кто-то крутится.

И потому она всё чаще и чаще выходила на палубу. Странное дело, на этот раз её укачивало меньше, чем в предыдущее путешествие. Но ей по-прежнему на кораблях было не очень комфортно. Хотелось уже спуститься на берег.

И в одну из ночей, когда ей в очередной раз не спалось, Риана вышла и, склонившись за борт корабля, смотрела на море. Через какое-то время она вдруг услышала шаги за спиной. Хотя сами шаги не были так уж удивительны, по ночам не только она выходила наверх. Это мог быть караульный либо кто-то из матросов. Удивилась она, когда этот кто-то прислонился спиной к борту в трёх шагах от неё.

— Тебя ведьма прокляла?

Повернувшись, она увидела Аккеса, который, закинув свою маску на голову, смотрел куда-то в центр корабля, будто бы и не с ней говорил.

— Что? — переспросила она, удивляясь уже одному тому, что он с ней заговорил.

Аккес повернулся к ней, и в свете факела она заметила его хмурое лицо.

— Ты перестала улыбаться.

Какое-то время она удивлённо смотрела на него.

— Тебе не хватает моей улыбки? — наконец сказала Риана, не в силах сдержать ту самую улыбку, которая всё-таки расплылась на её лице.

— Я просто заметил, что её нет, — сказал Аккес, опять отводя взгляд в сторону, так что Риана могла видеть только его профиль. Однако хмуриться он всё же перестал.

— Она не прокляла меня, просто открыла глаза на проблему, которую я сама себе устроила. И я всё думаю, как это исправить, — сказала она, не сводя с него взгляда и следя за его реакцией.

— Всё настолько ужасно?

— Не знаю. Но забавно, что ты интересуешься моими делами.

Аккес вдруг опять посмотрел на неё и усмехнулся.

— Я же "хороший"... — окинул он её пристальным взглядом. — Должен проявлять

участие.

После чего он опустил свою маску обратно на лицо и, оттолкнувшись, ушёл куда-то в непроглядную тьму верхней палубы.

Риана не могла сказать точно, ушёл он вообще или где-то поблизости. Света факела, возле которого она стояла, было недостаточно, чтобы рассмотреть, но на душе у неё стало немного легче. Она не могла точно сказать, но именно из-за этого стало и тяжелее тоже.

В конце концов, тяжело вздохнув, она развернулась и пошла внутрь.

Всё оставшееся время путешествия с Аккесом они почти не разговаривали и уже через несколько дней они, наконец, прибыли в порт Шентры. Это был лучший момент их путешествия, не считая того, как они обнаружили частицу лета посреди сурового холода гор.

После холмов и бурелома леса, после качки моря ступить, наконец, на ровную землю, где есть люди и, самое главное, гостиница с кроватью и нормальной едой. Это ли не прекрасно?

Лекамир тут же, не дожидаясь, когда их вещи до конца сгрузят с корабля, отправил ближайшего посыльного подготовить им места для ночлега. Однако, как оказалось, его энтузиазм разделяют далеко не все.

— Здесь мы вынуждены проститься, — сказал Эгрант, как только подошёл к рыцарю.

Риана, стоявшая рядом, удивлённо к нему повернулась.

— Почему? — спросила она.

— Мы должны как можно скорее доставить амулет к Дракону. Поэтому отправляемся, как только найдём лошадей.

— Не думаю, что это будет проблема, — сказал Аккес, который в тот момент спускался по трапу, неся на плече сумку с их вещами. На его лице уже была одета маска, но все уже привыкли его видеть таким, так как на корабле он её почти не снимал, хотя на самом острове надел всего несколько раз.

— Что ж, в таком случае, будем прощаться, — произнёс рыцарь, радуясь, что, наконец, их пути расходятся.

Риана отвела Эгранта в сторону и, понизив голос, спросила:

— То, о чём ты предупреждал... Об изменениях, когда мы вернёмся. Насколько всё серьёзно?

— Более чем серьёзно, — сказал Эгрант. — Ты же знаешь, что будет, когда все талисманы объединятся. Как это повлияет на всё. Это уже происходит, хотя пока медленно. Скрывать это становится всё сложнее и сложнее. Скоро люди начнут догадываться. Возможно, уже догадываются. Нам нужно поскорее всё завершить. Наш дальнейший путь в Коргирию. Думаю, мне удастся уговорить принца сотрудничать. А тебя, Риана, я прошу поехать к королеве Алекиона, ты с ней лучше справишься.

— Кочевники... — задумчиво сказала Риана. — Почему, ты думаешь, я там лучше справлюсь?

— Королева Шатория очень властная женщина, которая презирает почти всех мужчин, даже тех, с кем делит ложе. А ты жрица, да ещё воительница. Тебе легче будет с ней общаться.

— Да, наверно, так будет лучше, — всё ещё задумчиво произнесла Риана.

— Но я должен тебя предупредить, что королева очень опасна. Одно время раздумывал о том, чтобы навестить её по возвращении из пустыни, но ни в одном варианте будущего это не заканчивалось хорошо. Он передал мне эти видения будущего. И ни одному из нас они не

нравится. Именно поэтому мы просим посетить её именно тебя. — Эгрант удручённо опустил голову. — Может быть, эта моя просьба лишь глупая попытка избежать неизбежного... Слабая попытка увильнуть от судьбы. — Заметив удивлённое лицо жрицы, он нацепил на лицо улыбку и махнул рукой. — Не обращай внимание. Мысли вслух. Я просто всё ещё надеюсь, что кое-что можно исправить. Хотя не имею права вмешиваться в чужой выбор.

— Ты объяснишь мне, о чём идёт речь? — осторожно спросила Риана.

— Однажды. Возможно. Но не сейчас.

Он ещё раз улыбнулся ей, на этот раз искренне и, развернувшись, пошёл к сброшенным в кучу вещам, чтобы выбрать самое необходимое. Риана же осталась на месте, размышляя над его словами.

В это время Аккес, закончив свои собственные сборы, подошёл к Зике и забросил маску на голову. Девушка смотрела на него с улыбкой, и, казалось, даже ужасная маска не трогала её.

— Ну что, маленькая плакса... — сказал он, улыбнувшись ей.

— Я больше не буду плакать, — произнесла она, гордо подняв голову. На что Аккес улыбнулся сильнее. Его глаза, полные тепла, смотрели на неё с радостью и лёгким сожалением. Он помнил её маленькой девочкой, которая, однажды выбив себе зуб, плакала так сильно, что напуганные птицы улетали с ближайших деревьев. Но стоило ему подойти ближе и начать её смешить, она тут же начинала хохотать, забыв и о боли, и о зубе. Он помнил, как она бегала за ним по пятам, желая участия в любых играх, которые он начинал. Он помнил её слушающую его так, словно он самый умный человек на свете. Он помнил её счастливой. И теперь, пусть и в другом времени, в другой жизни, он опять видел её счастливой и радостной. И его сердце наполнялось такой же радостью. Она должна быть счастлива. Она этого заслуживает как никто.

Взгляд его метнулся в сторону рыцаря, который стоял рядом и хмуро буравил его взглядом. Этому железноголовому явно не нравится, что Зика общается с ним. Что ж, потерпит.

Взгляд его теперь вместо нежности излучал предостережение и скрытую угрозу.

— Присматривай за ней, рыцарь, — сказал Аккес, сверля его ответным взглядом.

Лекамир видя, как этот варвар общается с Зикой, начал медленно выходить из себя. Сдерживался он только из-за данного ей обещания и того случая, когда этот помешанный однажды спас её жизнь. К удивлению, он, несмотря на свою дикость, всегда обращался с Зикой вежливо и осторожно. Это тоже останавливало Лекамира от желания вмешаться и загородить собой девушку.

Услышав же его слова, он саркастично усмехнулся в ответ.

— Ох, да это же самое доброе слово, которым ты меня назвал. Неужели я начинаю тебе нравиться?

И к своему удивлению заметил, как Аккес усмехнулся. Легонько почти незаметно, но по его лицу скользнула улыбка. После чего он опять посмотрел на Зику, и на этот раз улыбнулся по-настоящему и легонько щёлкнул её по носу.

— Прощай, мелкая, — сказал он, снова надевая маску и, развернувшись, пошёл к Эгранту.

Тот как раз закончил собирать свои вещи и повернулся к рядом стоящей Риане.

— Вы можете использовать то, что вам понадобится из этого, — кивнул он на сумки, в

которых осталась часть провизии, походных принадлежностей и даже парашкур, которые им дали островитяне. — Остальное можно отдать или продать.

— Хорошо, — проговорила Риана, внутренне напрягаясь. Она затылком чувствовала приближение Аккеса и не знала точно, что от него ждать. Попробует ли он на неё напасть? Или просто проигнорирует, как всегда? А может, теперь он просто попращается?

Аккес, поравнявшись с Эгрантом, придирчиво осмотрел его и вещи, что он держал в руках. Риану он, казалось, вообще не замечал.

— Готов? — спросил он, опять закидывая на голову маску и открывая лицо.

— Да. Осталось только найти лошадей.

— Я же говорил, это не составит труда.

— До встречи, Риана, — улыбнулся ей на прощание Эгрант и пошёл в сторону трактира.

— До встречи, — сказал она ему вслед, немного напряжённая, так как Аккес не последовал за другом, а всё ещё стоял рядом. А через каких-то несколько секунд молчания он всё-таки повернулся к ней.

Внутри неё опять всё сжалось из-за невозможности предсказать его дальнейшие действия. Медленно она повернулась к нему.

Он стоял и смотрел на неё, пронизывая своим взглядом, от которого внутри всё замирало. Такой взгляд способен подавить энергетически более слабого человека. А Аккес был силён, настолько силён, что Риане под этим взглядом захотелось закрыться и защититься, хотя раньше никогда не испытывала в этом потребности. Но она нашла в себе силы не разрывать зрительный контакт и упрямо смотрела на него в ответ. Она знала, что это обоюдоострый меч. Глядя вот так вот в душу, человек и сам раскрывается. Но, даже давая ему отпор, она боялась заглянуть в него глубже. Боялась того, что может там увидеть... или не увидеть...

— Проследи, чтобы никто и ничего тебя не убило, жрица, — сказал он, наконец, отведя глаза, поднял свою сумку. После чего опять кинул на неё взгляд. — Мы скоро встретимся.

Её глаза расширились. И не только от удивления, но и от страха тоже, хотя в голосе его не было угрозы. Насторожила её его абсолютная уверенность в своих словах. Только вот в отличие от него, ей этой встречи совсем не хотелось... По крайней мере в ближайшее время.

— Надеюсь, не слишком скоро, — осторожно проговорила она.

Он усмехнулся, и с выражением на лице "А кто тебя будет спрашивать?", надел свою маску и пошёл за Эгрантом, который успел уже отойти на приличное расстояние.

Риана же осталась на месте задумчиво смотреть ему вслед. Действительно, как много может зависеть только от её решения? Что бы она себе ни придумала и ни решила, всё равно всё будет так, как будет.

В отличие от них двоих, Риане с Лекамиром и Зикой особо торопиться не было причины. Потому они заночевали в таверне и все трое без исключения наслаждались даже простой кроватью с тюфяком, набитым соломой. Это было настолько лучше сна под открытым небом и постоянной качки корабля, что ощущалось, как царские покои. И Риана в этот день впервые поспала всю ночь, и когда открыла глаза, солнце уже поднималось, освещая новый день.

В путь они отправилась сразу после завтрака. А путь в Люкению был на удивление недолгим, хотя им пришлось пересечь три королевства. Во многом из-за того, что погода, несмотря на конец лета, стояла тёплая, и никаких помех в пути не было.

Всё то время, что они ехали, Лекамир посматривал на притихшую Риану. Она по-

прежнему с любопытством осматривалась по сторонам. И бывали моменты, когда он вновь замечал на её лице то самое по-детски восхищённое выражение, которое он всегда имел счастье наблюдать, начиная с первого дня их знакомства.

— Риана? — однажды, когда они очередной раз остановились на постоялом дворе для ночёвки, он всё-таки рискнул спросить то, что уже давно тревожило его: — Ты нашла ответ на свой вопрос?

Жрица приподняла голову от миски, в которой находился её ужин, и немного растерянно на него посмотрела.

— Да, получила. Даже больше... — взгляд её затуманился, словно она погрузилась в воспоминания. — Правду говорят: чем больше ответов ты получаешь, тем больше вопросов возникает.

— Каких вопросов? — Лекамир весь превратился в слух и внимание. Ему хотелось знать, какой именно ответ она получила.

— Например, что мне теперь делать?

Он опешил, недоумевающе глядя на неё, и Риана впервые за последние дни тихонько рассмеялась, видя его лицо.

— Не стоит волноваться, Лекамир, — сказала она. — У меня просто временные трудности. И сейчас я намерена всю себя посвятить заключению мира. А потом уже буду ломать голову над проблемой с Избранником. Боюсь, на всё сразу меня просто не хватит.

— Но... ты же знаешь уже... так? — осторожно спросил он, внимательно следя за её выражением лица.

Риана опустила взгляд и, казалось, вновь о чём-то задумалась.

— Знаю, — сказал она, не глядя на него. — Но извини, я пока не хочу озвучивать это. Может, и глупо с моей стороны всякими уловками оттягивать неизбежное, но я чувствую, что если просто произнесу имя вслух... обратного пути уже не будет. Я хочу ещё хоть немного побыть в состоянии перед первым шагом.

В дальнейшем, она отказывалась даже начинать разговор на эту тему, повторяя, что ещё не готова, и Лекамир перестал настаивать. Но он видел, что она с каждым днём становится всё более весёлой и жизнерадостной, и ему от этого было легче. Казалось, все печали и заботы оставались позади, и Риана становилась сама собой. Это не могло не радовать.

Хотя внутри него всё равно поселились сомнения. Ему казалось, что, несмотря на ту близость, что между ними постепенно возникала, она всё равно держит его на расстоянии. Не пускает его к самому сокровенному. К самому ценному...

Может, она не говорит, чтобы его не обижать? Потому что, сказав, произнесёт не его имя...

Раньше, думая об этом, он только желал, чтобы она не избрала врага. Теперь же... ему было грустно и даже немного обидно. И не из-за самого факта отказа, а потому что она ускользала от него. В его голове уже давно сложилась картинка, где они с Рианой всегда вместе... но он забыл о том, что выбор остаётся за ней и она может выбрать другого. Он не хотел об этом думать, потому что ему тогда придётся отойти на позицию товарища, спутника, друга...

Так ли плоха эта роль?

Лекамир так и не смог точно ответить на свои вопросы. Всего через пару дней они прибыли к Люкенскому королевскому замку.

Стоило им только показаться на дороге и въехать в замок, как тут же вокруг начали

собираться люди. От прислуги до знати. Риана, слезая с лошади, с удивлением заметила, что к знакомым лицам прибавились и те, кого она раньше не видела. Одни были разодетые в дорогие шелка, другие в однотонные синие и красные балахоны. В последних Риана с удивлением узнала Служителей Храма. Видимо те устали ждать, когда небесная посланница явится в храм Трёх Богов и решили найти её сами.

Возможно, ей всё же не стоило откладывать визит к ним. Она же как-никак жрица.

От размышлений о вероятностях её отвлек радостный голос.

— О, звезда грёз моих и святой лик, освещающий всех одной своей улыбкой!

Следом она тут же услышала полурык-полувздых Лекамира и только после этого заметила Анака, который с выражением неопишуемого счастья на лице спешил к ней.

— Анак? — удивилась она и расплылась в улыбке. Со всеми их приключениями она и забыла о барде. — Как ты здесь оказался?

— Я присоединился к паломникам, которые следовали в Люкенский замок в надежде, что здесь скорее повстречаю вас снова, — ответил юноша, не переставая улыбаться.

— Как продвигаются твои дела с песней? — спросила жрица, снимая с лошади свои вещи и продолжая осматривать собравшихся во дворе.

— Теперь, когда моя муза прибыла, дела пойдут гораздо лучше.

— Хорошо-хорошо... — задумчиво сказала Риана, увидев, наконец, короля в сопровождении своей стражи. — Извини, потом поговорим.

И, не обращая внимания на расстроенного молодого человека, она бросила поводья ближайшему конюху и поспешила к его величеству.

— Анаквий, — кивнула она ему в приветственном жесте. — Рада снова тебя видеть. Позволь спросить, откуда столько народа и что здесь делают храмовники?

Король Анаквий, пристально посмотрев на жрицу и бросив такой же пристальный взгляд на Лекамира, сделал приглашающий жест.

— Я тоже рад, что вы благополучно вернулись, Риана. Часть этих гостей собрались на свадьбу Олеи. Часть прибыла сюда в надежде повстречаться с небесной жрицей. Служители храма явились сюда только ради вас.

Риана грустно вздохнула, понимая, что её опасения подтвердились. Храмовники в любом из миров славились тем, что всё превращали в ограничения и правила. Жрицы, приходя, каждый раз говорили о свободе выбора, свободе решений, свободе сердца. Но проходят годы, и они всё равно начинают придумывать рамки для всех этих слов. И Риана оттягивала момент общения с ними только из-за того, что не хотела в очередной раз повторять им одно и то же. Ей гораздо больше нравилось общаться с простыми людьми и рассказывать всё им. По крайней мере, так она могла попробовать достучаться до каждого из них. Каждому объяснить и рассказать так, чтобы он понял. Храмовники же вроде всё знают, но продолжают смотреть через призму своего восприятия и, что самое печальное, навязывать свои восприятия как некие правила остальным.

Конечно, она собралась их посетить... позже...

Вздыхнув, она посмотрела на Служителей, которые терпеливо стояли в сторонке, с любопытством её рассматривая.

С другой же стороны, они тоже приносили много пользы, поддерживая среди людей память о Богах и их знаниях. Хотя, насколько она поняла, этим же, хоть и в меньшей степени, занимались и маги.

— Если вы не очень устали с дороги, — отвлек её от раздумий король, — я бы хотел

видеть тебя и рыцаря Абретиса в зале.

— Нет. Мы не очень устали, — сказала Риана, глянув на Лекамира. — Но дай нам немного времени поесть, и лично я бы хотела помыться и переодеться.

Король нетерпеливо кивнул. Не мог же он отказать небесной посланнице в такой небольшой просьбе, даже если нетерпение съедало его изнутри.

По-прежнему не желая говорить с храмовниками, Риана вежливо кивнула им и поспешила удалиться в комнату, которую определили для неё.

Спустя какое-то время Анаквий сидел в своём кресле и о чём-то напряжённо думал. Рядом с ним стоял первый волшебник Зермон и так же напряжённо смотрел на своего короля.

— Ваше величество, — подал голос маг, но Анаквий поднятием руки остановил его.

— Знаю, — ответил он, даже не удостоив его взглядом. Нетрудно догадаться, чем в очередной раз будет донимать его старик. Это продолжалось с разной интенсивностью уже месяц. И не удивительно, что он решил возобновить свои старания, раз уже жрица вернулась.

Зермон же, проскрипев зубами, замолчал. Он не был уверен, прислушается ли король к его предостережениям или же уступит наивной уверенности жрицы. Хотя считалось, что небесные посланницы мудры и всезнающи, что они никогда не ошибаются. Но ведь всё когда-то бывает в первый раз. Как, например, Риана — первая жрица-воительница. Кто мешает ей стать первой и в чём-то другом?

Наконец, двери в зал, где они находились, открылись, и на пороге показалась та, кто являлась камнем преткновения во всей этой истории.

Риана как всегда бодрой походкой проследовала прямо к трону, проигнорировав предусмотренное дворцовым этикетом расстояние до королевской персоны. И, как всегда, даже не подумала убрать оружие. Следом зашёл и Лекамир. Но рыцарь хотя бы оставил возле входа свой меч и остановился на должном расстоянии.

Зермон, хмыкнув, разглядывал девушку, которая, на удивление, выглядела усталой, но всё же с живо горящими глазами.

— Анаквий, — кивнула она королю и перевела взгляд на мага. — Я рада видеть, что и ты, Зермон, в добром здравии.

— Как прошло ваше путешествие? — спросил Анаквий, не желая тратить время на вежливые приветствия.

— Не совсем так, как планировалось, но вполне успешно, — ответила Риана.

— Вы добыли талисман? — тут же спросил Зермон.

Риана вновь посмотрела на него и утвердительно кивнула.

— Конечно.

— Могу я взглянуть на него? — Зермон даже сделал шаг навстречу, протягивая руку. Его движение было таким резким и нетерпеливым, что Риана невольно отшатнулась, удивлённо взглянув на мага.

— У меня его нет, — сказала она, внимательно рассматривая волшебника. — Он уже в Сенкине, у Дракона. — Выпрямившись, она посмотрела уже на короля. — Не было смысла везти его в Люкению, чтобы потом отвозить туда. Так что Эгрант сразу забрал его.

— Мы же вроде договаривались, что все добытые талисманы будут храниться в Люкении, — с трудом сдерживая раздражение и недовольство, сказал Зермон. С явной неохотой он вернулся на своё место, продолжая буравить взглядом жрицу.

— А я вот не помню, чтобы мы об этом договаривались, — нахмурилась Риана. — Более того, не вижу в этом смысла. Я бы остальные забрала с собой, чтобы передать Дракону, если бы мы с Лекамиром сразу отправились в Сенкину.

— Вам никто и не разрешал вывозить столь ценные талисманы из королевства, — ощетинился маг.

— Спокойно, мэтр, — осадил его Анаквий. Тяжёлым взглядом он продолжал смотреть на жрицу.

Сама же Риана непонимающе посмотрела сначала на короля, потом на мага.

— Что происходит, Анаквий? — спросила она. — Я думала, мы пришли уже к соглашению по этому поводу.

Анаквий медленно вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Риана... нам стало кое-что известно насчёт этих талисманов, — Анаквию было непривычно чувствовать себя неловко. Словно он собирается оправдываться. Короли не оправдываются. Однако, видя прямой внимательный взгляд жрицы, он словно вернулся в детство, когда отец отчитывал его. Откашлявшись и отогнав наваждение, он несколько грубее, чем собирался, произнёс: — Как сообщили мне наши волшебники, в этих талисманах содержится некая магическая мощь, и не остаётся сомнений, почему наши противники их собирают.

— Как мне известно, в ваше прошлое путешествие в Сенкину, когда вас похитили и спасали, произошло кое-что интересное. — Включился в разговор Зермон, глядя на жрицу внимательно-обвинительным взглядом, как будто она всё это знала и сознательно от них старалась скрыть. — Мэтр Алендр сделал одно очень важное открытие, что наряду с собиранием магических талисманов наталкивает на очень неприятные мысли. Наши противники каким-то образом увеличивают магическую мощь тех магов, кто находится поблизости. А учитывая, что эти талисманы также способны, хоть и незначительно, увеличивать способности мага, нет никаких сомнений, для чего они понадобились нашим врагам.

— Мэтр хочет сказать, что слишком опасно отдавать в руки врагов такое оружие, — перебил его король, так как знал, что Зермону только дай волю, он начнёт подробно описывать все детали своего открытия.

Риана очередной раз посмотрела сначала на одного, потом на другого, после чего спокойным голосом произнесла:

— Вы оба забываете, что я совсем не разбираюсь в магии. Но ваши доводы недалеко от правды. Однако я по-прежнему говорю вам, что Дракона не стоит опасаться. А талисманы эти принадлежат ему, и наша общая обязанность вернуть их.

— Не думаю, что это хорошая идея: давать человеку то, ради чего он начал самую большую войну за последние несколько веков. Тем более, он ведь каким-то образом лишился этих амулетов. Значит, на то были причины. Сложно даже представить, чем эти талисманы являются на самом деле и на что он будет способен с ними, — сказал Анаквий, продолжая тяжело смотреть на жрицу. Та же смело встретила его взгляд.

— А если на миг перестать сомневаться и принять то, что я вам говорю. Что как только вы отдадите талисманы, война и вовсе прекратится. Что отдай вы их раньше, когда за ними приходили, войны вообще не было бы. — Она очередной раз вздохнула. — Вы могли бы сами во всём убедиться, если бы согласились встретиться с Первородным.

Маг сморщился, своим видом показывая, как он относится к такой мысли. Король

выглядел тоже не слишком воодушевлённым.

— В нынешней ситуации... Сенкина сейчас не то королевство, куда все горят желанием поехать.

— Тем не менее, город Кентрис по-прежнему открыт для любого желающего.

— Ехать в лагерь врага — чистое сумасшествие! — тут же проворчал Зермон, сверля взглядом девушку. Риана же не обратила на него внимания, смотря только на короля, который хоть и разделял мнение мага, задумчиво молчал.

— Если вас беспокоят талемы, то они почти все находятся за пределами города. Они давно бы и вовсе ушли, но ждут, когда Первородный исполнит своё обещание.

— То есть выбрать им короля? — нахмурился Анаквий. Принц Альдан о чём-то таком говорил. Но ему это нравилось всё меньше и меньше.

— Да, — кивнула Риана. — Помимо прочего, Сенкина до сих пор держит нейтралитет и соблюдает свои же законы. Любой, кто находится на её территории, защищён от нападений и также не имеет права нападать сам.

— Так было раньше, когда в Сенкине были самые сильные маги. Они могли поддерживать этот закон и карать непослушных. Теперь же там находится этот Дракон, который, по твоим словам, древнее могущественное существо. Он может убить всех, кто прибудет, и никто ему ничего сделать не сможет.

— Я бы сказала, что ты несколько приуменьшил его силы, — с полуулыбкой сказала Риана. — Он может стереть с лица земли весь ваш континент вместе с шестью королевствами за один день. Так что вы в одинаковой опасности как здесь в своём замке, так и там, в столице Сенкины.

Анаквий от напряжения стиснул руки в кулаки. Страх противной змейкой пробежался по его позвоночнику. Если подобное могущественное существо способно на такое, зачем же ему эти жалкие талисманы? В любом случае, первая мысль, которая появилась у него в голове: такое могущество не должно существовать и Дракона необходимо уничтожить... Какие бы последствия ни были. Он чрезвычайно опасен.

— Я собираюсь поехать к Первородному в начале осени, после свадьбы Олеи, — продолжила Риана. — Эгрант говорил, что как раз в это время у них будет осенний бал. Это дата нашей встречи и дата, когда сам Первородный закончит сбор и навсегда нас покинет. После этого всё вернётся на свои места.

— А что будет с тремя завоёванными королевствами? — ошетинился маг, который не хотел слушать никаких доводов. — Война и разруха, что там творится, просто так не исчезнет от вашей улыбки.

— Кто сказал, что там война и разруха? — наконец посмотрела на него жрица. — Я была в Торкии и некоторых её городах. Жизнь там течёт своим чередом. В некоторых мелких поселениях даже не знали о том, что их королевство завоевали. Крупные города, конечно, пострадали и от войны, и от талемов, но всё это можно привести в порядок при должном руководстве. И я думаю, от талемов будет гораздо меньше проблем, как только они получат своего короля, — нахмурилась Риана, чувствуя, как во всём теле накапливается усталость. Все эти разговоры, оказывается, изматывали. — В любом случае, на осеннем балу всё решится.

Она потёрла переносицу, чувствуя, как голову словно начинает стягивать обруч. Раньше она не понимала, как голова может болеть сама по себе, без раны. Теперь же именно это она и чувствовала. И открытие это было не из приятных. Подняв глаза, она прямо посмотрела на

короля.

— Я дала слово, что талисманы будут доставлены. И мне бы очень не хотелось это слово нарушать. А теперь извините меня, но я только что узнала, что такое головная боль, и мне хочется пойти отдохнуть. Смертность не во всём является приятной.

После чего, не дожидаясь разрешения, она развернулась и пошла к выходу. Ей было горько и грустно. Она не любила спорить. Было бы гораздо лучше, если бы они просто поверили в её слова. Теперь же приходится ссориться. А это было прямой противоположностью того, чего она на самом деле хотела.

Лекамир, который в течение всего разговора стоял немного в стороне, взглядом проводил жрицу. Внутри он завидовал её способности вот так запросто закончить разговор с королём. Как ему самому хотелось бы так же взять и уйти.

— Ваше величество! — воскликнул Зермон, как только жрица удалилась. — Это всё одна большая ошибка! Я говорил, что лучше...

— Но не может же жрица настолько сильно ошибаться, — не слушая его и задумчиво глядя в пол, проговорил король.

— Возможно, враги запугали её, я всё-таки советую придерживаться плана.

Анаквий резко поднял руку, затыкая мага, и устремил пристальный взгляд на рыцаря.

— Сэр Абретис, а что скажешь нам ты?

— О чём Ваше Величество желает знать? — поклонился Лекамир.

— Вы живую видели наших врагов. И провели с ними более двух месяцев. Что вы о них скажете?

Лекамир задумался, не зная как ответить на этот вопрос. С одной стороны, он, так же как и король, не доверял им, с другой же... Эгрант произвёл впечатление дружелюбного и доброго человека, немного увлечённого и любознательного, но точно не похожего на злодея. Тем не менее, он без труда поверил в его талант полководца. Одно то, как он разбирается в картографии, говорит о многом. Аккес же... Аккес, с одной стороны, устроил кровавую бойню среди деревни, с другой... Лекамир видел, как тот общается с Зикой. Его невероятно бесило это общение, но он должен был признать, что этот варвар не так уж и плох. По- своему...

— Они... — начал он, пытаясь подобрать слова, — выдающиеся личности. Весьма способные и даже опасные... но я... я склонен верить в слова жрицы. За всё это время я ни разу не слышал, чтобы они обсуждали что-нибудь о их планах или стратегиях. Единственное что их интересовало, это те самые талисманы. И ещё... — Лекамир замаялся, не уверенный, стоит ли о таком говорить, но король требовательно смотрел на него, что он сдался. — Они очень привязаны друг к другу. То есть, они больше походят на братьев, чем на военачальников одной армии.

— Это совсем ни на что не похоже, — раздражённо сказал Анаквий, потеряв свой лоб. Кажется, головная боль начиналась и у него. — Но всё это могло также быть притворством, чтобы усыпить твою бдительность, Лекамир.

— Я не думаю... — начал рыцарь, но король, казалось, его не слушал, продолжая говорить сам себе:

— Всё это выглядит ещё более подозрительно...

— Ваше величество, — попытался встрять маг, но Анаквий его опять остановил и вновь посмотрел на Лекамира.

— Что у вас со жрицей? Насколько ты продвинулся?

Лекамир молчал, пытаясь придумать, что сказать королю. Чтобы не соврать и не говорить напрямую. Вряд ли ему понравится правда.

— Мне сложно сказать точно... Риана... то есть жрица, отказывается говорить на тему предназначения.

— Она уже полгода здесь, сэр Абретис, — вновь нахмурился король. То, что он опять называет его не по имени, плохой признак. — И вы всё ещё ничего не добились. Я уже начинаю жалеть о том, что поручил вам это дело. Возможно, кто-нибудь другой справился бы быстрее.

Лекамир в этом сильно сомневался, но не перечить же королю.

— Простите, Ваше Величество, — сказал он. — Но не думаю, что благосклонности жрицы можно завоевать одним старанием. Выбор всё равно делает она.

— Просто... — король устало вздохнул, — продолжай стараться. Должны же мы хоть какую-то выгоду извлечь из всего этого. Всё! Свободен.

Повелительно махнув рукой, он велел Лекамиру покинуть зал, чем тот тут же воспользовался, радуясь, что обошлось без подробного пересказа об их путешествии. Хотя, зная короля Анаквия, он не сомневался, подробных расспросов ему всё равно не избежать.

Анаквию же сейчас было не до историй о приключениях. Самое главное он узнал. Риана по-прежнему намерена помогать врагам. Найденный талисман уже попал к Дракону. А сама жрица до сих пор не готова отдать свои силы.

Припомнить к этому неожиданное предложение брака генерала Альдана и его скоростижный отъезд...

Нет, они явно что-то замышляют. А замышляют всегда что-то нехорошее.

Анаквий чувствовал себя так, словно теряет своё королевство. Словно оно сыпется песком сквозь пальцы. Он уж не мог обеспечить безопасность для своих владений и людей. Чего он стоит как король и правитель, если зависит от прихоти тех, кто, по слухам, может легко всё раздавать, особо не напрягаясь?

И которые становятся только сильнее.

— Мэтр?

Услышав мрачный голос короля в абсолютно тихом зале, маг от неожиданности вздрогнул, но взял себя в руки и тут же услужливо наклонился к правителю.

— Да?

Анаквий посмотрел на волшебника решительным взглядом.

— Я согласен.

И Зермон Энотрий впервые за несколько недель улыбнулся.

Риана тем временем, стараясь побороть раздражение, вышагивала по своей комнате из угла в угол. Она не могла даже сосредоточиться на том, чтобы разобрать после похода вещи, потому все они вскоре были просто разбросаны по всей комнате.

Жрица никак не могла понять, как избавиться от этого раздражения. Раньше она ничего подобного не чувствовала, и потому новые ощущения приводили её в растерянность. В конце концов, вспомнив слова Богини, она села прямо на пол, удобно устроившись на скинутых ранее подушках и, прикрыв глаза, постаралась ровно и глубоко дышать. Это нехитрое упражнение позволяло организму сосредоточиться на дыхании и таким образом отпустить разбушевавшиеся эмоции.

Это средство её никогда не подводило.

И именно в таком виде её и застала принцесса Келина.

— О небесная... что здесь произошло? — спросила ошарашенная принцесса.

Приоткрыв глаза и увидев гостью, Риана радостно улыбнулась.

— О, Келина! — подскочила она. — Рада тебя видеть. За время нашего путешествия я успела соскучиться.

— Я тоже рада тебя видеть... Но что за погром? Ты что-то искала? — всё ещё озадаченно произнесла она.

— Да... — медленно произнесла Риана, оглядываясь по сторонам. — Свою внутреннюю гармонию, наверно... — и она вновь посмотрела на принцессу. — Как вы, люди, справляетесь с деструктивными эмоциями?

— Какими? — не поняла Келина.

— Ну... с яростью, гневом, раздражением. Те, которые вы считаете плохими эмоциями.

— По-разному... — Келина прошла в комнату и присела на единственное более или менее свободное кресло. — А что у тебя случилось?

— Случилось? — задумчиво прошептала Риана, невидяще смотря перед собой. — Анаквий боится мне помогать. У него сомнения и недоверие. Из-за этого на выполнение обещания придётся потратить больше времени. Поэтому я и расстроена.

— Ну, ты должна понять, что отец хочет защитить наше королевство. Я его прекрасно понимаю. Одно неверное решение, и будет война с многими жертвами.

— И я тоже хочу, чтобы жертв и страданий не было. Просто он не знает того, что знаю я. И мне приходится тратить время на то, чтобы его убедить.

— Так вот что тебя тревожит, — улыбнулась Келина. — Не недоверие отца, а потраченное время?

Риана задумчиво на неё посмотрела, после чего так же задумчиво осмотрела всю комнату.

— Ты не против пройтись? Не могу больше тут находиться.

— Можем сходить в сад. Там сейчас просто чудесно.

Риана была готова пойти куда угодно, лишь бы не находиться в четырёх стенах. И когда обе девушки неторопливо шли по коридорам замка, она вернулась к разговору, который они начали в её комнате:

— Знаешь, я никогда не задумывалась о значимости времени. Когда его у тебя в неограниченном количестве, нет смысла его беречь. А теперь... у меня только одна смертная жизнь осталась, а столько хочется успеть сделать... Когда я думаю о том, что каждый прожитый день — это минус день от отпущенного мне срока, то становится жаль каждую секунду, проведённую впустую. Столько всего, столько всего... — она опять задумчиво уставилась в пол. — Мне грустно от того, что приходится откладывать что-то на потом. Хочется всего и сразу.

— Такова жизнь. Всё и сразу не получается.

— Поэтому я не могу больше ждать. — Выйдя во внутренний двор, она прислонилась к ограде, за которой находился сад. — Через пару дней я выезжаю в Алекион за последним талисманом.

— Уже последним?

— Остался ещё один в Коргирии. Но туда отправился Эгрант. Думаю, теперь ему не составит труда договориться о передаче талисмана. Даже не прибегая к помощи... кстати! — Риана вдруг резко повернулась к принцессе. — Как прошёл визит Альдана? Он же должен

был приехать с предложением перемирия. Поэтому, кстати, меня ещё больше удивляет реакция Анаквия. Что-то пошло не так?

Келина замерла сразу, как только прозвучало это имя. Тут же захотелось приказать, чтобы никто больше не произносил его вслух. Но в то же время ей было приятно его слышать. Она раздражённо вздохнула.

— Всё пошло не так, — сердито проговорила она. — Этот мерзавец, явившись во дворец, объявил себя принцем и попросил моей руки.

— Да ты что?! — Риана удивлённо отступила на шаг, разглядывая подругу. — Вот ведь прохвост. Хотя странно...

— Что странно?

— То, что он признался о своём прохождении. Хотя это даёт ведь ему возможность посвататься к принцессе... Но зачем? Не понимаю.

— Это всё его злостные интриги, — буркнула принцесса. — Он продолжал ухаживать за мной, даже когда я говорила, что не верю ни единому его слову.

— Он бывает настойчивым, — задумчиво улыбнулась Риана, вспоминая их последний разговор. — Он предлагал тебе стать его любовницей?

— О небесная!! Нет, слава богам. Откуда у тебя такие мысли? — ужаснулась принцесса.

— Просто, в последнюю нашу встречу мне он предлагал, — улыбнулась Риана.

— Вот же подонок! — возмутилась Келина, чувствуя какую-то неприятную горечь внутри. Но ведь она же знала, что он неисправимый бабник, который не пропускает ни одной женщины. Но с одной стороны, знать о том, что где-то кто-то вроде есть, и с другой стороны слышать об этом напрямую... да ещё от подруги...

В груди начало что-то жечь, наполняя её гневом, обидой и разочарованием.

— Не сердись. Это вполне нормальное проявление интереса. Он по крайней мере тактичен.

— Вот уж не согласна, — продолжала возмущаться принцесса, стараясь прогнать неприятное чувство. — Он постоянно следовал за мной, навязывая своё общество, сколько бы я ни говорила, что его усилия бесполезны. Даже когда я доказала ему, что его магия на меня не действует, он продолжал упорствовать...

— Что? — удивилась Риана. — Почему не действует?

Принцесса прикусила губу, понимая, что сболтнула лишнее, а ведь она никогда не была болтушкой. Затравленно оглядываясь по сторонам в поисках способа не отвечать, она заметила, что недалеко от них туда-сюда снуют слуги. А уж лучших сплетников ещё поискать.

— Давай отойдём куда-нибудь, — сказала она, надеясь, что всё-таки удастся избежать ответа.

Направившись подальше от сада, они прошли во внутренний двор, где, к счастью принцессы, было ещё больше народа. Поэтому прогулка продолжалась и продолжалась, и когда принцесса немного успокоилась, наслаждаясь тишиной, Риана нетерпеливо переспросила.

— Так как получилось, что на тебя не действует его магия?

Принцесса обречённо вздохнула.

— Он... не может влюбить в себя того, кто уже влюблён, — проговорила она, тщательно стараясь не смотреть на неё. Чувство тревоги всё сильнее распространялось у неё внутри. Её тайна, та которую она так тщательно в себе хранила, становится известна

слишком многим людям.

— Что? — Риана же, напротив, старалась заглянуть Келине в лицо, чтобы по её взгляду всё понять. — Так ты влюблена?

Чувствуя, как краска стыда заливает её лицо, Келина кивнула.

— Это не то чтобы... — начала она оправдываться.

— Это же замечательно! А он тоже любит тебя? Так вот почему ты решила стать воином! Чтобы получить свободу и быть со своим возлюбленным?

Келина подавила смешок. Риана сейчас так напоминала Олею. Даже возникла мысль, что эти двое слишком часто проводят время вместе. Но потом необходимость отвечать опять навела на неё тоску.

— Нет, Риана. Я стала изучать воинское мастерство не поэтому. А этот мужчина не знает о моих чувствах. И это даже к лучшему.

— Но почему? Он любит другую?

Келина опять нахмурилась, позволив своему сердцу на миг обрести свободу и вспомнить все те чувства и переживания, о которых уже почти забыла. Она в то время была наследной принцессой, будущей королевой, которая была готова на всё ради своего королевства. Романтические чувства были в самом низу её списка необходимых вещей.

— Я ничего ему не говорила, потому что...

Она вдруг остановилась, обнаружив, что они пришли к военному складу, неподалёку от которого на тренировочной площадке проходила подготовка рыцарей и воинов. Звуки мужских голосов и лязганье металла были слышны по всему двору.

Задумчиво Келина глядела на это, и тоска появилась в её глазах.

Риана внимательно следила за её взглядом, пока принцесса, грустно глядя перед собой, продолжала говорить с надломленностью и печалью:

— Потому что во мне течёт королевская кровь, а он, каким бы благородным, смелым и известным ни был, всё равно остаётся простым человеком.

Поражённо глядя на принцессу, Риана проследила за её взглядом и увидела того, кто стоял посередине тренировочного поля и что-то говорил остальным воинам.

— Лекамир? — догадка поразила Риану. — Ты влюблена в Лекамира?

Келина горько опустила глаза.

— С тринадцати лет. С тех самых пор, как он впервые приехал в замок. Тогда он был просто странствующим героем. Гораздо позже он стал Первым рыцарем на службе отца. Со временем я смирилась с тем, что мы навсегда останемся принцессой и рыцарем и ничего между нами невозможно. Я запретила себе и думать о нём. Просто глубоко в сердце хранила эти чувства. Я молилась Богине, чтобы всё прошло, но теперь рада, что она не прислушалась к моим просьбам. По крайней мере, эти глупые чувства оберегают меня от дара этого проходимца Альдана.

— Ох, ничего себе... — поражённо проговорила жрица, и Келина, вдруг спохватившись, испуганно посмотрела на неё.

— Но ты не подумай ничего. Это только давние девичьи чувства. Они не серьёзные, честно. Увлечённость и всё. Ему нравишься ты, и я ни в коем случае не хочу вставать между вами.

— Тихо-тихо, принцесса, — улыбнулась Риана. — Не стоит принижать себя. И мне кажется, тебе следует рассказать Лекамиру обо всём.

— Что? Нет! — вновь испугалась Келина. — Я не хочу этого. Это только всё испортит.

Мы сейчас хорошие друзья... насколько принцесса и рыцарь могут быть друзьями. Мне не хочется всё портить. Он ничего не должен узнать.

— Ну а вдруг, эти чувства взаимны?

— Тогда всё будет ещё хуже, — нахмурилась Келина. — Нет-нет. Я уже давно смирилась с тем, как всё есть, и ничего менять не надо. Тем более что тебе он больше подходит.

— Келина...

— Давай больше не будем об этом говорить, хорошо? Я не хочу, чтобы кто-то нас услышал. И, пожалуйста, сохрани этот секрет. Никто не должен знать. Я бы никогда никому ничего не сказала, но, к сожалению, а может, и к счастью, именно то, что у меня есть эти глупые, старые и несерьёзные романтические чувства, я спасена от жуткой магии этого развратника. А теперь... мне надо пойти поговорить с отцом... Забудь, пожалуйста, об этом разговоре.

И Келина развернулась и стремительно пошла обратно в замок, стараясь спрятать пылающие щёки.

Риана же растерянно смотрела ей вслед.

Интересно, догадывается ли Лекамир, что принцесса равнодушна к нему? Зная его, она была уверена, что он даже понятия не имеет.

Жрица вновь посмотрела на тренировочное поле, где рыцарь продолжал отчитывать или чему-то учить воинов под его началом. Возможно, так действительно лучше. Если никто не знает. Хотя за Келину становилось грустно. Она ведь всю свою жизнь жила ради других, и даже когда её лишили трона, по-прежнему отказывается сделать что-то для себя.

— Уважаемая Небесная Посланица, — послышался голос, который отвлек Риану от размышлений. Повернувшись, она увидела храмовницу в бело-голубых одеяниях.

— Ох! — удивлённо воскликнула она и приветственно скрестила ладони, легонько поклонившись правительнице Небесных Богов. — Прошу прощения, что не подошла к вам сразу по прибытии.

— Мы понимаем, что посланница Богини очень занята, но свободны ли вы теперь?

Риана заметила, что за этой храмовницей стояло ещё несколько человек. Ещё несколько женщин в голубых одеяниях и несколько мужчин в бордово-красных. Был даже один в чёрном балахоне, что странно. Почитателей Многоликого не особо много в подобных этому мирах.

— Конечно, я готова уделить вам время, — улыбнулась Риана, прекрасно догадываясь, чего от неё хотят все эти люди. Напутствий, мудрых изречений, обещаний посетить их храмы, истории о её путешествиях и ещё одного: обещание рассказать о всех её последующих странствиях. Всё это Риана могла дать и пообещать, в конце концов, когда она покинет этот мир, именно храмовники продолжат просвещать народ на основе её слов. Правда, они так же хотят иметь право говорить от её имени, чего она им позволить не могла. Впрочем, они не особо и расстраивались.

Весь вечер прошёл весьма насыщенно в беседах и дискуссиях. И Риана впервые за долгое время почувствовала себя на своём месте, радуясь тому, что её слушают и к ней прислушиваются. Именно этого ей и хотелось. Говорить с людьми, учить их, напутствовать...

Когда же удовлетворённые храмовники, наконец, ушли, на неё напало чувство тоски... Одиночества.

Ей хотелось, чтобы рядом кто-то был. Тот, кто будет поддерживать её. Тот, кто всегда останется рядом с ней. Тот, кто сам сможет ей помочь, чему-то научить или дать совет. Тот, кто, глядя на неё, будет видеть не мудрую посланницу Богов, а просто девушку. Тот, кто будет искать в ней не знания и истину, а простую улыбку. Тот, кто, заглянув в её глаза, сразу всё поймёт...

Похоже, она начинает противоречить сама себе... Как обычная земная девушка. Риана грустно улыбнулась сама себе.

В тот день, когда Эгрант и Аккес вернулись в королевский дворец короля Антория, они были настолько вымотанные после такого путешествия, что валились с ног от усталости. Точнее валился Эгрант. Аккес же, несмотря на усталость, отказывался хоть как-то показывать это.

И лишь когда они зашли в Белый зал, который уже давно стал их личной комнатой для совещаний, Аккес позволил себе свалиться в кресло и, откинувшись, прикрыть глаза.

Эгрант же поплёлся к Дракону, не позволяя себе расслабиться до того, как передаст тому талисман.

— Ну, вы даёте, — усмехнулся Альдан, наблюдая за этими полутрусами. В отличие от них, он выглядел как всегда великолепно и, свободно расположившись в своём кресле, попил из кубка некий напиток. — За вами что, кто-то гнался?

Аккес проигнорировал его высказывание, так как говорить сейчас ему хотелось меньше всего. А больше всего хотелось уснуть, и чтобы его никто не трогал. Он даже маску забыл с лица снять, хотя всегда это делал, если они находились здесь одни.

— От тебя, между прочем, ещё и воняет, — скривился Альдан. — Может, помоешься, прежде чем разваливаться на мягкой обивке? Запах потом несколько дней держаться будет.

— Отвали, — буркнул Аккес, хотя сам не отказался бы от тёплой расслабляющей ванны.

— Ну вот, а я так ждал вашего возвращения. Мне интересно, как всё прошло. Вижу, что Риана тебя не убила, надеюсь, что и она так же невредима.

— Жива, — так же односложно ответил Аккес.

Альдана скривился, жалея, что не может видеть его лица. Он ни за что не поверит, что почти два месяца рядом со жрицей не имели никаких последствий, учитывая то, как Аккес клялся её убить.

— И что, хочешь сказать, ты даже не попытался...

— Нет.

Альдана фыркнул.

— От тебя проку нет. Придётся ждать, когда Эгрант вернётся. Я же знаю, что что-то, но произошло.

Впрочем, Эгрант появился довольно быстро. Выглядел он несколько бодрее и даже улыбался. Видимо, Дракон как-то поднял ему настроение. Зайдя в комнату, он сел в свободное кресло, довольно вытянув ноги.

— Итак, — нетерпеливо встрепенулся Альдан. — Рассказывайте. Как всё прошло.

— О! — воскликнул Эгрант, внимательно посмотрев на Альдана, и улыбка померкла на его губах. — Похоже, не так интересно, как у тебя.

— О чём ты? — нахмурился Альдан.

— Твоё проклятие, — серьёзно сказал Эгрант, мрачней всё сильнее и сильнее. — Оно активировалось.

Аккес, который, казалось, безучастно сидел рядом, вдруг вскинул голову, откидывая маску, и удивлённо посмотрел на Альдана.

— Ты влюбился?

— Что? Нет! — воскликнул тот так, будто его обвинили в поедании младенцев.

Аккес скептически скривился и тихо произнёс:

— А теперь глубоко вдохни и попытайся соврать мне убедительней.

— Я предупреждал тебя, что однажды это проклятие сработает, — удручённо сказал Эгрант. Он тяжело вздохнул, запуская руку себе в давно растрёпанные волосы.

— Я не влюбился! — настаивал Альдан.

Аккес щёлкнул пальцами и, запрокинув голову, опять развалился в кресле, положив маску рядом.

— Опять провал. Ещё попытка будет?

— Сделай одолжение, заткнись! — гневно посмотрела в его сторону Альдан.

— Ты же знаешь, я не могу это контролировать. Я всегда слышу, когда люди врут.

— Да, но ты можешь контролировать свой рот и молчать об этом.

— Я-то могу, — он поднял голову и, потянувшись всем телом, посмотрел на друга. — Но что есть, то есть. Осознаёшь ты это или нет, но ты влюбился и активировал проклятие Лауры.

Альдан помрачнел. Он прекрасно знал, что его проклятие сработало, но не хотел, чтобы об этом узнали остальные. Тем более прямо вот так сразу. Хотя ему следовало догадаться, что Эгрант тотчас всё увидит. Чтоб его...

Он вздохнул.

— Ещё не поздно всё исправить, — сказал Эгрант.

— Я не пойду к ней! — вскрикнул Альдан. — Эта ведьма только и ждёт, как я буду перед ней унижаться, просить прощения и умолять, чтобы она сняла проклятие.

— По мне, так ты сам виноват, — медленно сказал Аккес, по-прежнему полужёжа в кресле. Глаза он прикрыл, и казалось, что он вот-вот заснёт.

— Так что ты намерен с этим делать?

— Забыть! — буркнул Альдан. Его бесила вся эта ситуация. Когда Лаура впервые произнесла те слова с лицом, перекошенным от ненависти, он сначала не воспринял его всерьёз. Влюбиться? Никогда! Тем не менее, он всегда избегал ситуаций, когда у него могли возникнуть какие-то чувства или привязанности. Надо же было попасться именно с той, которая поначалу ему и вовсе не понравилась.

Хотя стоит ли врать самому себе. Принцесса Келина ему понравилась. Она сразу показалась ему интересной и незаурядной. Она боялась его, но не показывала это, храбро давая отпор. И даже тот факт, что она влюблена в кого-то, не остудил его интерес. Он не мог дождаться, когда же вновь встретит её.

Почему же он не обратил на это сразу внимание? Ведь всё это было предупреждением.

И стоило ему пообщаться с ней, заглянуть в её глаза, дотронуться до её руки, вдохнуть запах её волос, и роковая черта была пересечена. Он все эти дни старался о ней не думать. Старался...

— А ты о девушке не подумал? — всё ещё настойчиво взирал на него Эгрант. — На неё ведь это проклятие тоже подействует.

— Уже.

— Что уже?

— Уже подействовало, — огрызнулся он, но потом, вздохнув, добавил более спокойно:

— Она ненавидит меня.

— Ох, звёзды, — вздохнул Эгрант, откидываясь на спинку кресла. — И ты по-прежнему намереваешься ничего не делать?

— А ничего тут не сделаешь. Я буду её избегать, а ей-то какое дело до того, что она меня ненавидит?

Эгрант смерил его раздражительным взглядом.

— Ты забыл, как звучит проклятие?

— Я помню. Будет ненавидеть всю жизнь. — Альдан хотел прекратить весь этот разговор. Какой смысл в очередной раз обсуждать то, что изменить нельзя. А к Лауре он ни за что не сунется.

— Я не об этом.

Аккес, не открывая глаз, равнодушным тоном начал говорить:

— И сказала она: "Женщины будут обожать тебя. Кто-то даже искренне. Но однажды ты встретишь ту, которую полюбишь сам. Полюбишь всем сердцем и душой. Но в тот момент, когда её сердце откликнется на твоё, а чувства пробудятся, вся её любовь обернётся ненавистью. И чем сильнее она будет влюбляться в тебя, тем сильнее будет расти её ненависть. И презирать тебя она будет до последнего своего вздоха..." — Говорил он, не видя разгневанного взгляда, который был брошен в его сторону. — Ну а дальше про твои будущие стенания и страдания.

— Ты отвратителен, — зло проговорил Альдан.

— Я не виноват, что у меня хорошая память.

— Я скучаю по тем временам, когда ты постоянно молчал.

Аккес ничего не сказал, только усмехнулся, так и не открыв глаз.

— Ты же понимаешь, что раз она возненавидела тебя, значит, тоже что-то почувствовала, — продолжал гнуть свою линию Эгрант. — Ты понимаешь, что сделаешь несчастной не только себя, но и её.

— Вот её как раз всё устраивает, так как она уже в кого-то влюблена. Да так, что моя магия на неё не действует.

Эгрант, наконец, улыбнулся. Хотя это была скорее горькая ухмылка.

— А ты не думал, что не действует она потому, что у неё к тебе настоящие чувства? — медленно произнёс он. — Которые, как мы уже знаем, проявляются через её ненависть?

— Нет. Я знаю, что она влюблена, — сказал Альдан, и в голосе его слышалась удручённость. Которая быстро сменилась неуверенностью. Может тут всё дело в слове "была". Ведь невозможно влюбиться сразу в двух. И если она так яростно говорила о своей ненависти...

Он опять вспомнил её лицо, когда она говорила всё это. Несмотря на жуткие слова, он видел в её глазах боль. Это вывело его из равновесия. Отрезвило, и он, наконец, понял, что проклятие активировалось.

Его тогда это сильно напугало, и он поспешил уехать, чтобы прийти в себя и хорошо всё обдумать. Впрочем, прошло столько дней, а он так и не понял, что ему делать дальше...

— Конечно, решать тебе, — нахмурился Эгрант и устало поднялся с кресла. — Просто прошу тебя подумать об этом серьёзней.

— Я и так всё думаю об этом, — так же устало произнёс Альдан. — И лучшим решением по-прежнему остаётся игнорировать всё это.

— Что ж... — грустно вздохнул Эгрант. Но ничего не мог сделать. Каждый человек волен сам принимать решения. И если это решение Альдана, то значит, он решил выбрать именно этот путь. Жалко только, что в этом случае гораздо меньше счастливых развязок его судьбы. Решив в следующий раз поподробней расспросить про варианты развития этих событий, Эгрант зевнул и направился к выходу. — Пожалуй, я слишком устал, чтобы дальше спорить. Оставим это на другой раз. Тем более, что нам надо выезжать в Коргирию. И хорошо, если не позднее чем через день.

Альдан, глядя на удаляющегося друга, продолжал хмуриться, убеждая себя в том, что он принял правильное решение. И даже не сразу вспомнил, что Аккес по-прежнему находится рядом, развалившись в кресле и прикрыв глаза. Но он не сомневался, что тот всё слышит и всегда начеку.

— Ты так и собираешься здесь спать?

— Я мешаю тебе страдать? — послышался его вполне бодрый голос.

— С какой стати мне страдать? — возмутился Альдан.

— Потому что именно этого хотела Лаура, когда выбрала такое проклятие. Заметь, она не наслала на тебя болезнь, не изуродовала внешность, не лишила мужских причиндалов, — он приоткрыл глаза и посмотрел на Альдана. — Она ведь была ведьмой, хоть и обычной, а они могут увидеть внутреннюю суть человека. А эта очень хотела сделать тебе больно. И она решила, что именно это проклятие заставит тебя страдать. Интересно... почему?

Он хитро прищурился, давая понять, что ответ на этот вопрос ему прекрасно известен.

— Это ничего не значит, — фыркнул Альдан. — Это распространённое проклятие. Все люди хотят любви. Так что ничего удивительного.

— Да, но можно было сделать так, что тебя никто не полюбит. Или ты будешь не способен полюбить. Отсохшие причиндалы тоже в тему. Но она сделала так, что та, кого ты полюбишь, будет тебя ненавидеть, — оторвав свою голову от мягкой обивки кресла, он медленно поднялся с кресла. — На твоём месте, я бы обратил на это внимание. Твоё проклятие говорит о тебе больше, чем ты думаешь.

Альдан скривился, как от постоянной ноющей боли.

— С каких это пор ты стал таким мозговитым?

Аккес горько усмехнулся сам себе.

— Просто я в похожей ситуации. Только, в отличие от тебя, уже понял, что является моей слабостью. — Потянувшись, он лениво натянул маску на лицо. — Всё, я ушёл. Можешь пострадать один.

— Да пошёл ты. Я не страдаю.

— Возможно, это только временно, — зевая, произнёс он и вышел из комнаты.

Альдан, оставшись в одиночестве, выругался и тоже откинулся на спинку кресла. Перед лицом возникла Лаура с бешеными глазами. Даже её красивое лицо превратилось в отвратительную гримасу. Потом вспомнилось лицо Принцессы. Отчуждённое, насторожённое... лишь в редкие моменты он видел в её глазах веселье и лёгкую улыбку на губах.

И эта ненависть... значит ли, что того она уже не любит?

Вздохнув, он закрыл ладонью лицо.

Какого Ликого он вообще об этом думает? Подумаешь, принцесса! Подумаешь, красивая! Да у него таких красавиц целая комната наберётся. Да и покрасивее есть! Чтобы ради одной, которую, по сути, красавицей и не назовёшь, тащиться к этой безумной ведьме?!

Да Лаура, увидев его, ещё парочку проклятий наложит. Тогда вообще житья не будет.

А то и действительно отсохнет...

Нет! К Безликому всё и всех! Он просто забудет об этом, и в Люкению больше ни ногой!

Решительно встав, Альдан тоже направился к выходу с твёрдым намерением больше об этом не думать.

— Отец!

— Ты в своём уме, Келина? Ты только недавно вернулась из плена, — возмущённо кричал на дочь король Анаквий. Келина застала его в опочивальне, когда он готовился лечь спать и, как и в прошлый раз, просилась сопровождать жрицу в её путешествии.

— Но, отец, мы теперь едем не на битву, а просто с визитом. Более того, в противоположную сторону, в самое дальнее королевство. Там уж нас никто не достанет.

— Ты забыла, что Алекион это королевство разбойников. Ты только на Шаторию посмотри. Да она хоть и королева, но сама в былые времена не раз почувствовала в разграблении дорожных повозок. И если бы не наши торговые соглашения, и не то, что каждый второй и третий житель этого королевства с малых лет способен держать меч в руках, мы бы давно с остальными королевствами объединились и разогнали бы этих варваров.

— Тем не менее, королева Шатория всегда была умной правительницей, да и грабежи не такие уж и частые. По большей части они честно ведут торговлю. А её старшая дочь не разделяет разбойничьи повадки матери. Скоро она сама станет королевой, и, я уверена, рассвет торговли с Алекионом ещё впереди. — Принцесса упрямо нахмурилась. — Отец!

Анаквий устало потёр переносицу.

— И почему ты не мужчина?

— Отец, я знаю всё о королевстве и самой королеве. Я могу помочь Риане поскорее добыть этот талисман. К тому же, туда добираться всего три дня, шесть дней туда и обратно и несколько дней там. Ты и заметить не успеешь, как я вернусь.

— Это опасное путешествие, Келина, — упрямо продолжил Анаквий, но девушка почувствовала, что он начинает сдаваться.

— Единственная опасность, которая может мне там угрожать, это всё те же разбойники. Но вряд ли у них будет причина нападать на нескольких воинов, у которых из товара только мечи да сапоги.

— Там опасное место, — продолжал упорствовать Анаквий.

— А где сейчас не опасно, отец? — возмутилась Келина. — Если продолжится война, нигде не будет безопаснее, чем в самом дальнем королевстве. Чтобы дойти до Алекиона, придётся пройти либо через нас, либо через Коргирию. В любом случае Алекион будет если не последним, то точно вторым.

— Но...

— Отец, пожалей меня, наконец, — начала давить на жалость Келина. — Завтра прибывает герцог. Если ты не забыл, это мой бывший жених. Позволь мне оттянуть момент нашей встречи ещё хотя бы на несколько дней.

Король вздохнул, и принцесса поняла, что победила. Ей было не очень приятно давить на отца своей несостоявшейся свадьбой. Она знала, что Анаквий переживает по этому поводу. Он видел, как она хотела этого брака, как хотела стать королевой, и частично винил себя в том, что уступил герцогу Зеленовскому. Келина всё это знала, поэтому берегла

данный аргумент напоследок. Если всё остальное не убедит отца.

Хотя на самом деле предательство жениха её уже не так сильно трогали. Конечно, ей было неприятно, но не так сильно, как она показывала. Основной причиной её путешествия было желание развеяться. С тех пор как она вернулась из так называемого плена, отец долгие месяцы не выпускал её. Почти всё лето она провела в стенах замка, и это стало её настоящим удручать.

Поэтому, наконец, получив согласие отца, она, на радостях поцеловав его в лоб, убежала из его комнаты, чтобы — не дай Небесные! — он опять не передумал.

Возвращаясь в свои покои, она вдруг заметила Лекамира, который, о чём-то задумавшись, направлялся во внутренний двор. Внутри её что-то ёкнуло, и она остановилась. С тех пор, как она говорила с Рианой о своих чувствах, прошёл всего день, а казалось, целая вечность. Она с тех пор чувствует постоянную неловкость рядом с Лекамиром. Словно призналась не жрице, а ему самому.

Она же привыкла относиться к нему нормально.

Пора это вернуть.

Принцесса вздохнула. Если она отправится с Рианой, значит, и с Лекамиром. И если она продолжит его избегать, он может что-то заподозрить.

Ещё раз глубоко вздохнув и собравшись с мыслями, она последовала за рыцарем.

Лекамир, как оказалось, направлялся к солдатским казармам, но не дошёл, а остановился возле тренировочной площадки и задумчиво смотрел куда-то в сторону оружейного склада.

— Что вас гложет, Лекамир? — спросила Келина, пытаясь вести себя как обычно.

Лекамир же удивлённо повернул к ней голову и грустно улыбнулся, увидев её.

— Всё та же проблема, принцесса, что и всегда. По крайней мере с тех пор, как наступила весна.

— Так всё дело в жрице Риане? — всё ещё стараясь сохранять спокойствие, произнесла она и встала рядом с ним. Не как принцесса, но как боевой товарищ.

Лекамир же, погружённый в свои проблемы, не обращал внимание на то, что принцесса ведёт себя нервно. Впрочем, он вообще редко обращал на такое внимание. Его бдительность обострялась, только когда вокруг были враги или подозрительные люди. Вот тогда он замечал даже малейшие перемены в движении бровей.

— Король всё чаще требует от меня результат.

Келина внимательно на него посмотрела.

— Риана всё ещё не знает, кто её избранник?

— Знает. Но не говорит. — Он вздохнул. — И почему-то мне кажется, что она выбрала кого-то другого. Возможно, одного из той тройки генералов.

Келина нахмурилась, моментально позабыв все свои переживания.

— А почему она не хочет рассказать, кто избранник?

— Говорит, что ещё не готова. Это так непривычно... обычно она ничего не скрывает и всегда рассказывает всё, что можно и нельзя. А тут вдруг секреты. Я опасаясь, что перестаю её понимать. Это путешествие изменило её.

— Она становится человеком, Лекамир, — попыталась приободрить его Келина. — А человеку свойственно быть немного закрытым. Может быть, она сама ещё не может что-то понять, и потому не рассказывает ничего, пока не разберётся в этом.

— Может...

— Не переживай слишком сильно. И чаще уделяй ей внимание. Может быть, видя твою заботу, она примет нужное решение. Ты не должен опускать руки и сдаваться.

Лекамир усмехнулся и посмотрел на неё.

— А вы, принцесса, оказывается, разбираетесь не только в управлении и знатных семьях.

— Я много в чём разбираюсь, Лекамир, — горделиво улыбнулась принцесса. — И скоро буду разбираться и в искусстве сражения.

— Ну, до этого вам ещё трудиться и трудиться, — улыбнулся рыцарь. — И, к слову, сдаётся мне, вы не слишком тщательно тренировались в моё отсутствие? — он кивнул головой в сторону арсенала для тренировок. — А ну на площадку! Покажите мне, чему научились за моё отсутствие.

— О, я всего лишь отрабатывала движения, — несколько смутилась принцесса.

— Вот и покажите, — сказал рыцарь и сам направился к площадке, попутно отстёгивая лишнюю амуницию.

Келина же, глядя ему вслед, улыбалась, радуясь, что их отношения не поменялись. Она слишком дорожила их дружбой, чтобы позволить каким-то сентиментальным чувствам из детства всё разрушить.

Однажды Риана пожелала ей влюбиться, а она только усмехнулась этому. Зачем ей это, если она уже была влюблена? И пусть это навсегда останется любовью безответной, она рада, что всё-таки почувствовала, что это такое — любить кого-то.

И теперь это чувство будет защищать её... защищать от всяких проходимцев.

Келина недовольно поморщилась.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Не надо было позволять этому мошеннику дотрагиваться до неё. Келине теперь казалось, что его мерзкая магия поселилась на её коже и постоянно напоминала о своём хозяине. Навевая сны, в которых она вновь видела блеск его голубых глаз, кривоватую улыбку, слышала его грудной смех. Вновь и вновь показывая картины, где он стоит рядом и ветер играет в его волосах, в то время как сам он протягивает ей руку, в ожидании, когда она положит в неё свою ладонь.

Эти сны обманывали её, заставляли поверить в то, что он в неё влюблён, и более того, что она сама в него влюблена. Каждый раз она просыпалась с тоской, которую ненавидела даже больше, чем его самого.

Но теперь всё изменится. Теперь Лекамир вернулся. Рядом с ним она вспоминает, как много лет назад впервые увидела молодого улыбчивого рыцаря, и как затрепетало её сердце. Вновь и вновь возвращаясь к этим воспоминаниям, она крепко удерживала их в сердце. Так, чтобы мерзкая магия Альдана не проникла внутрь.

Как бы этот мерзавец ни старался, ему ни за что не удастся завладеть её сердцем. Как бы его магия ни старалась. Какие бы сны ни насылала, какие бы образы ни показывала.

Лекамир защитит её.

Её тело от злобных разбойников, её сердце от непрошеной любви...

А сны пройдут! Обязательно пройдут! Когда-нибудь...

Риана нетерпеливо ходила по двору, наворачивая круги вокруг Лекамира, его лошади, его лошади и прочих подвижных и не очень предметов. Ей и так не нравилось, что пришлось задержаться в замке на целых четыре дня, и не терпелось поскорее отправиться в путь. Эгрант с остальными, наверно, уже давно прибыл в Коргирию и возможно даже добыл уже амулет, а она тут ждёт, когда Его Величество, наконец, попрощается с дочерью и закончит напутствие своим рыцарям.

Жрица прекрасно понимала его отцовские чувства и нежелание отпускать дочь куда-то, учитывая, чем закончилось их прошлое совместное путешествие, но было невыносимо ждать, когда же он наконец попрощается.

Ещё ей совсем не нравилось своё собственное нетерпение. Это неведомая ей ранее черта характера, от которой она становилась только раздражительной...

Риана глубоко вздохнула несколько раз и попыталась расслабиться, напоминая себе, что в любой ситуации можно найти положительные стороны. И что именно на положительном стоит сосредоточиться.

— Не волнуйтесь, жрица, никто из нас не позволит, чтобы с вами случилось что-то плохое, — сказал один из пяти сопровождающих их рыцарей, сэр Табирий, по-своему истолковав её настроение.

Остановившись, она подняла на молодого улыбчивого рыцаря глаза и улыбнулась ему в ответ. Табирий, как и все Люкенцы, был светловолос, а ещё он был очень молод, но весьма силён, одно то, что он едет с ними это доказывало, так как Лекамир лично отбирал тех воинов, которые будут их сопровождать.

— Я знаю, — сказала Риана. — Мне наоборот не терпится поскорее отправиться в путь.

— Эй, Табирий, — послышался весёлый голос сэра Баритана. — Хватит заигрывать с посланницей Богини!

— Вовсе я не... — пытался оправдаться молодой рыцарь, но покрасневшие щёки его выдали, хотя его товарищи и не слушая начали смеяться. Даже сэр Марвин, самый старший и вечно мрачный из них, усмехнулся в бороду.

Баритан же, несмотря на то, что и сам был немолод, любил пошутить и подразнить более молодое поколение. А уж над юным Табирием, который с сияющими глазами смотрел на четвёртую жрицу, сами боги велели...

— Найди себе другую даму сердца, мальчик. Эта тебе не по зубам, — продолжал он смеяться.

— Иди, потягай тяжести, Баритан, если тебе заняться нечем, — подал голос сэр Анисий и похлопал возмущённого и ещё более красного Табирия по плечу. — Все мы тут немного влюблены в нашу жрицу, и только попробуй утверждать, что ты не такой.

Он повернулся к Риане и тепло ей улыбнулся.

— Да идите вы! — возмутился Баритан. — Да, я восхищаюсь нашей жрицей сильнее вас всех вместе взятых.

— Вот и не ревнуй!

Риана, слыша перепалку рыцарей, только рассмеялась. Она была очень благодарна им за то, что они отвлекли её от тяжких размышлений. С большинством из них ей удалось

познакомиться ещё в прошлых путешествиях, поэтому была вдвойне рада, что они вновь их сопровождают.

Она помнила даже сэра Данария, который, в отличие от других, был одет в более лёгкий доспех и орудовал не мечом, а луком. Этот рыцарь был молчалив и редко вступал в разговоры с остальными. Однако на его губах часто мелькала улыбка во время подобного веселья, и даже сейчас он улыбался, а когда заметил, что Риана его рассматривает, подмигнул девушке.

— Хватит вам галдеть, — послышался командный голос Лекамира, хотя глаза его тоже искрились весельем, которое он старался скрыть.

Рыцари притихли, а Табирий, с всё ещё красным лицом, вздохнул, радуясь, что никто больше не думает его подначивать. Что поделать, на поле боя он мог выстоять против нескольких врагов, но с женщинами до сих пор испытывал неловкость.

Риана, наконец, вскочила в седло и приблизилась к своему другу.

— Не сердись на них. Они же просто шутили.

— Да не сержусь я, — усмехнулся Лекамир и кивнул на Анаквия с дочерью. — Просто его величество рядом, не стоит вести себя так фривольно.

— А-а-а... — Риана опять нетерпеливо посмотрела в их сторону и протяжно вздохнула. Если так будет начинаться каждое их путешествие, она больше времени будет проводить при сборах, чем в самой дороге. Вот и Лекамир терпеливо ждёт, хотя она видела, что он уже так же устал от этого ожидания. Сочувствуя ему, она наклонила голову, стараясь заглянуть ему в глаза, и спросила: — И не надоело тебе носиться со мной по всему свету?

Рыцарь, посмотрев на жрицу, улыбнулся в ответ.

— Шутишь? Да это гораздо лучше, чем сидеть в замке и тренировать новобранцев. Я рад любому глотку свободы.

— В таком случае повезло, что и тебя приставили ко мне, раз уж я из тех, кому не сидится на месте.

Лекамир ничего не успел ответить, потому что в этот момент к ним, наконец, подошла Келина, готовая отправиться в путь. Сам же рыцарь удостоился грозного отеческого взгляда, от которого любому стало бы не по себе.

В пути воины окружили девушек со всех сторон. И хотя Риана не уставала повторять, что ей защита никакая не нужна, Лекамир и слушать её не стал. Какой бы выдающейся воительницей она ни была, от стрелы в уязвимое место никто не застрахован. Однако все эти предосторожности были напрасными. Весь их путь был настолько же тихим, насколько и скучным. Три дня пути и две ночи между ними ничего особенно не происходило. Разве что Риана с любопытством осматривалась по сторонам.

— Какая красота! — восхищалась жрица.

В предыдущий раз, когда они частично ехали этой дорогой, они сопровождали принцессу, но то было ранней весной, теперь же вокруг было полно зелени, цветов и упитанных животных.

— Да-а-а... у нас много красивых мест, — сказал сэр Анисий, который ехал справа от неё. — Жаль, что Вы отсутствовали почти всё лето.

— Я обязательно наверстаю в следующем году! — воскликнула девушка.

— Не забудьте посетить Люкенские водопады к югу от замка, — подал голос Табирий с горящими глазами.

— И посёлки на шурской дороге. В каждом из них готовят восхитительную ячараму,

причём везде по-разному, но просто пальчики оближешь! — заметил Баритан.

— А к северу есть прекрасные яблоневые сады. Во время цветения там всё белое, словно зима вернулась, — мечтательно добавил Анисий.

Даже Марвин включился в восхваление любимой Люкении:

— На западе самые красивые места, которые вообще можно найти, зелёные луга наполнены дикими цветами, аромат которых дурманит голову, небо голубое, как глаза Богини, и тишина... покой.

— Я обязательно всё это посмотрю, — жадно впитывала их рассказы Риана.

Келина, тоже прислушиваясь к разговору, мечтательно вздохнула. Ей как принцессе почти всё время приходилось сидеть в замке, но и она успела повидать некоторые красоты родных мест. И даже немного завидовала Риане, что та может спокойно поехать куда захочется.

Лекамир невольно улыбнулся, заметив с каким блаженным выражением лица, замерли его рыцари и девушки. Он и сам безгранично любил своё королевство и тоже готов был перечислить немало достойных мест, но тут его отвлек сэр Данарий, который приближался к нему. Он послал его чуть вперёд на разведку и немного встревожился, увидев, что тот возвращается, но, как оказалось, ничего серьёзного не произошло.

— Сир, — сказал рыцарь, приблизившись, — справа от дороги я заметил кроличьи следы. Можно добыть свежего мяса.

— Отлично, — улыбнулся Лекамир, — думаю, можно немного развеяться.

Устроив привал, он повёл девушек в лес, чтобы показать, как следует охотиться. А после и как освежать тушку кролика. Хотя Келина, как только дошло до этого дело, тут же убежала, прикрывая рот рукой, да и Риана скривилась, хотя досмотрела весь процесс до конца. После чего сказала, что предпочтёт, чтобы это делал кто-то другой.

В конце концов, они пересекли границу королевств, и земли начали меняться. Чем ближе они приближались к замку, тем более скудной становилась местность. Лекамир объяснил, что из-за сильных бурь в пустыне земли Алекиона по большей части засыпаны песками и потому урожай небогатые. Их едва хватает на пропитание, поэтому все алекионцы в основном выживают благодаря скотоводству. А ещё не забывают, конечно, про охоту и разбой.

А единственное, чем они могут торговать с остальными: овчина или выделанная коровья кожа, если повезёт медвежий или лисий мех. Иногда у них можно увидеть шкуры редких зверей из восточных лесов. А ещё они неплохо торгуют самоцветами и драгоценными металлами, которые добывались в малых горах на границе с Тунарией, владением герцога. С последним, кстати, у королевы были напряжённые отношения, потому что правители постоянно спорили, кому именно принадлежит восточный склон. Спор этот длился уже не одно поколение.

Путешественники довольно быстро добрались до замка, где, как ни странно, их появлению не удивились.

— Небесная жрица? — тут же спросил стражник.

— Да, это я, — ответила та, — приехала с визитом к вашей королеве.

И их тут же без дальнейших расспросов пропустили с отрядом во внутренний двор замка. Едва въехав, Риана непроизвольно поморщилась от того запаха, что стоял в округе. Двор Алекионского замка, конечно, значительно чище, хотя тоже не был идеальным. Здесь же даже настил поверх грязи не потрудились соорудить. Более того, вокруг находилось

немало скота, что перетапывал всё это месиво, от души удобряя его. Им пришлось протискиваться среди коров, чтобы добраться до конюшен и спешиться.

И едва они успели передать поводья конюхам, как к ним навстречу вышел невысокий человек, хорошо одетый, с подобострастной улыбкой и умным взглядом. Раскланиваясь и неустанно выдавая восхищённые комплименты, он сопровождал гостей внутрь замка, по пути неоднократно повторяя, какую честь оказала им жрица своим посещением. Он провёл их мимо площади, которая, в отличие от двора, была вымощена камнем, и где сидело множество людей. Видимо, это место судебных разбирательств, и они ждут свою правительницу в надежде решить свои споры.

Их провожатый быстро миновал не только площадь, но и коридоры, не давая как следует всё рассмотреть. К тому же он болтал без умолку, и Риане не удалось его ни о чём расспросить. В конце концов, их почти втолкнули в большую залу, и они увидели огромный стол с яствами. Тут были и жареный гусь, и молочный поросёнок, и засахаренные фрукты, и печёный картофель. Всё это с аппетитом поедала дюжина людей, а во главе стола находилась женщина, уже далеко не молодая, с проседью в волосах, но пронзительным и умным взглядом.

— Ну надо же! — воскликнула королева Шатория, увидав жрицу, и повернулась к собеседнику, что сидел по правую руку. — Всё как ты говорил, дорогуша.

Её собеседник до этого сидевший вполоборота, наконец, повернулся и расплылся в очаровательной улыбке.

— Риана. Рад тебя видеть. Ваше Величество, разрешите мне поприветствовать старого друга?

— Проказник, — усмехнулась королева, чуть ли не влюблённо смотря на того. — Только не оставляй меня надолго.

Жрица же удивлённо смотрела перед собой.

— Альдан! — воскликнула она, наблюдая за тем, как он поднялся с места и, продолжая улыбаться, поспешил к ней. — Как ты здесь оказался?

— Это не та история, которую можно рассказать в двух словах, — сказал он, бесцеремонно беря руку жрицы и касаясь губами тыльной стороны её ладони. Благо Риана ещё не сняла своих перчаток. — Ну а если попытаться, то я тут по поручению Эгранта, передать тебе кое-какие новости.

— И он выбрал тебя в качестве гонца? — усмехнулась девушка.

— Не совсем, — улыбаясь, Альдан скользнул взглядом по её спутникам и вдруг заметил принцессу, что взирала на него, нахмутив брови. Улыбка тут же пропала с его лица. Медленно опуская руку Рианы, он буквально вцепился взглядом в Келину, не в силах оторваться. Наконец, когда, по его мнению, прошла целая вечность, а на деле не больше секунды, он овладел собственными чувствами и вновь улыбнулся.

— Я вижу, что вы, принцесса Ястреб, опять решили сопровождать жрицу? Рад приветствовать вас, Ваше Высочество. — Он слегка поклонился.

Келина же фыркнув, задрала нос, бросив на него пренебрежительный взгляд.

— Нет никакой необходимости меня приветствовать, генерал, — она ещё сильнее скривилась, называя его так. — Ведь мы с вами и в предыдущий раз не попрощались.

— Мои глубочайшие извинения. Обстоятельства сложились так, что мне было необходимо срочно отбыть.

— Не утруждайте себя извинениями. Мне всё равно, — сказала принцесса, сознательно

нагрубив ему. И демонстративно пройдя мимо него, она подошла к королеве Шатории и с величественной грацией склонилась.

— Моё почтение, Ваше Величество. Мой отец, король Анаквий Третий, также шлёт вам своё глубочайшее почтение и выражает надежду, что вы в добром здравии.

Альдан не обратил внимания на намеренную грубость Келины. Теперь, когда он всё осознал для себя, то смотрел на неё и пытался понять, почему именно она оказалась такой особенной.

Одетая в мужскую дорожную одежду воина, лишь слегка переделанную под девушку, волосы просто собраны на голове и нет даже намёка на шпильки, никаких женских ухищрений в виде румян или белил для лица. Она выглядела ничем не примечательно... Но почему-то он едва заставил себя отвернуться от неё. И как только он отвёл взгляд, ему опять мучительно захотелось на неё посмотреть.

Но продолжая играть роль, Альдан опять нацепил улыбку и, предложив Риане руку, сопроводил её к королеве.

Шатория Алекионская, впрочем, не отличалась такой же королевской вежливостью, как принцесса, хотя благосклонно кивала слушая то, что та говорила. Когда же с любезностями было покончено, она встала и, бросив ревнивый взгляд на Альдана, всё же подошла к Келине, придирчиво заглядывая ей в лицо.

— Ах, девочка моя. Что же ты с собой сделала. Вся в матушку... та тоже была упрямой и своевольной. Говорила я, что негоже в королевы брать простолюдинку, да ещё и из чужих земель.

— Моя матушка была хорошей правительницей, — сдерживая раздражение, сказала принцесса.

— Конечно-конечно, — отмахнулась Шатория и обратила своё внимание на Риану. — Рада приветствовать жрицу Небесной Богини. Я была удивлена, узнав, что вы уже взрослая. — Она усмехнулась, стараясь скрыть ревнивый взгляд, так как Альдан всё ещё стоял рядом с этой молодой красноволосой девушкой. Шатория была умна и понимала, что со жрицей не стоит ссориться, понимала она и то, что даже короли обязаны были склоняться перед Небесными Посланницами и потому, пусть и с неохотой, но склонила свою голову. — Для меня честь видеть вас в моём замке и должна признать, что здесь вас, как ни в одном другом месте, будут почитать и уважать за ваши боевые навыки.

— Я тоже приветствую тебя, но ответь мне, пожалуйста, почему именно здесь, как ни в одном другом месте? — спросила Риана, так что Шатория на миг онемела, не зная, что ответить, потом опять натянуто улыбнулась и пояснила:

— Алекион королевство, где весьма уважают воинские способности, как мужчин, так и женщин. А о ваших способностях даже мы слышали.

— В таком случае, мне приятно, — сказала Риана, чувствуя некую раздражительность со стороны Шатории. В другое время она бы постаралась поговорить с ней, понять причины и постараться убрать эту неприязнь. Сейчас же у неё не было на это времени, и потому Риана сразу перешла к главному: — Однако я прибыла сюда не просто с визитом. У меня есть срочное дело...

— О дела, дела... — мученически вздохнула королева. — Все дела завтра, сегодня же я приглашаю вас присоединиться к нашему празднику. — Она подтолкнула жрицу вперёд, надеясь, что та не восприняла его как излишнюю грубость. — Я познакомлю Вас с нашими лучшими воинами, уверена, вы найдёте общий язык и приятную для себя компанию.

Шатория была готова на многое, лишь бы жрица, весьма недурная собой, оказалась подальше от Альдана. У королевы на него были свои планы. Ей и так едва удавалось держать своих распутных дочерей подальше от красивого генерала Дракона. Даже Микра, её младшая дочь, которой едва стукнуло пятнадцать, уже успела обзавестись женственными формами и увести у матери ни одного любовника. Хотя таскать мужчин в свою постель та начала с тринадцати. И с тех пор во всём замке тех, кто не побывал без штанов в её комнате, едва удавалось посчитать по пальцам. Тем не менее, несмотря на распутство, Шатория любила младшую дочь, так как, даже имея пристрастие к мужчинам, она могла ставить тех на место. Едва любовник ей надоедал, Микра, не раздумывая, выгоняла его и находила нового. Не забывала девочка и беречь себя, регулярно принимая нужные снадобья, чтобы не понести, как это случилось с её старшей сестрой.

Ласките было восемнадцать, но в детской та уже имела дитя, что расстраивало её мать. Девочка была значительно красивее младшей сестры и значительно умнее, и потому для Шатории оставалось загадкой, как девчонка так сглупила, что принесла в подоле ублюдка. Да ладно ещё от воина какого-нибудь, так нет — от конюха!

Хотя, признаться, мальчишка был хорош собой, и она сама бы его затащила к себе, если бы не дочь. Ласкита же, несмотря на свой ум, всё же влюбилась и понесла от юнца.

И королеве-матери ничего не оставалось, как выслать парня за стену замка и приказать втихую перерезать тому горло, чтобы не болтал лишнего. Младенца подкинула, приплатив, одной девице, которая недавно родила. Кто там вспомнит, одного или двух рожала. И никто в замке не знал, что второй горлопанящий свёрток — её внук, да и к лучшему это. Негоже будущей королеве до брака иметь ублюдка. Это мужчинам ещё можно, а вот девицам не так всё просто с рук сходит. И так было сложно скрыть большой живот Ласкиты. Приходилось делать вид, что старшая дочь серьёзно больна, и теперь, когда роды позади, выздоравливает. Да и сама принцесса первое время после того выглядела болезненной. К тому же она всё ещё злилась на мать, так как та выгнала конюха. Хвала небесным, эта девица не знала, что тот уже кормит червей.

Шатория надеялась, что дурь из её головы выветрится и со временем, похоже, так и произошло. Ласкита стала мудрее и, хотя продолжала тайно ходить к своему ублюдку, всё же согласилась с матерью, что та приняла верное решение, скрыв её неудачный роман. Сейчас же она выглядела даже краше, чем раньше, и так же, как и Микра, начала водить любовников к себе. Хотя, в отличие от сестры, меняла их гораздо реже.

И хотя Шатория по-прежнему всё ещё была довольно привлекательной, она серьёзно опасалась, что одна из этих вертихвосток уведёт красавца Альдана у неё из-под носа. Такие мужчины, как он, всегда предпочитают самое лучшее. И её радовало, что он хоть и видел её дочерей, всё же уделяет время именно ей. Ей это льстило.

И когда все вернулись к столу, Королева, естественно, усадила Альдана рядом с собой, демонстрируя всем, в том числе и Риане, в коей видела соперницу, что этот мужчина принадлежит ей.

Сам же Альдан охотно ей подыгрывал, хотя взгляд его то и дело метался к принцессе, что сидела как на иголках и отвечала на многочисленные вопросы королевы: об отце, о сестре, о замке, об урожае в этом году, о предстоящей свадьбе и многом другом. Келина была немного удивлена, что вопросами осыпали её, когда рядом сидит Небесная Посланица. В конце концов, вечер был закончен и каждый разбрёлся по своим делам или комнатам.

Гостям показали их комнаты, и те поспешили удалиться. Путешествие было не из лёгких, и даже Риана признавалась, что её клонит в сон. А Келина разве что не молилась о том, чтобы поскорее остаться одной или хотя бы подальше от того, кто был последним в списке людей, с которыми она бы хотела общаться. Её каждый раз передёргивало, стоило ему только посмотреть на неё своими голубыми глазами. Тело тут же начинало дрожать, а руки сжимались в кулаки.

И когда принцесса, наконец, оказалась в небольшой комнате, что ей выделили, то от души отметелила подушку, не обращая внимания на перья, разлетавшиеся в разные стороны. Если бы она только знала, что он тут окажется, ни за что не стала бы уговаривать отца отпустить её. Наоборот заперлась бы в башне и не выходила бы, пока Риана с сопровождением не скрылась бы за горизонтом.

В конце концов, выпустив пар на ни в чём не повинной подушке, Келина легла на кровать, обнимая несчастную, и, уткнувшись в неё, шмыгнула носом. Она не могла понять, почему на глаза наворачиваются слёзы. Возможно, от обиды и досады. Внутри было горько и пусто. Запретив себе плакать, принцесса пролежала какое-то время, борясь со слезами, пока незаметно не уснула.

Причина её страданий, а именно генерал Альдан, в этот момент тоже не спал. Не несколько по другой причине. Ускользнув от королевы, он шёл по замку бесшумной походкой. Его изрядно утомила вся эта игра за столом. Кто бы мог подумать, что Шатория такая ревнивая собственница. Стоило ему один раз к ней прикоснуться, и она боялась его отпустить даже на миг. Тем не менее, ему это без особого труда удавалось, когда действительно было нужно.

Идя по коридору, он, к своему удивлению, увидел младшую принцессу Микру. Девушка, оголив плечи, строила глазки одному из стражников. Тот в ответ поедал её взглядом, но приступать к активным действиям опасался. Микра же, заметив Альдана, встрепенулась, но не от стыда, что её застали, как могло показаться на первый взгляд. Нет, глаза её ещё сильнее загорелись, и она отпихнула охранника, который только что осмелился притронуться к нежному плечу девушки.

— Пошёл прочь, — сказала девушка, толкая его ещё сильнее.

Парень разочарованно насупился и, заметив Альдана, смирился с поражением и отступил. Он прекрасно понимал, что настроение Микры переменчиво, и в другой раз ему вполне может повезти.

— Так-так-так, — улыбаясь, проговорила принцесса, зазывно виляя бёдрами и делая несколько шагов навстречу Альдану. — Никак матушка, наконец, насытилась и отпустила тебя.

Альдан со снисходительной улыбкой наблюдал за её неумелыми попытками соблазнения:

— Или просто мне захотелось развеяться и прогуляться.

— О-о-о-о, — разочарованно протянула Микра. — А может, ты ищешь лучшую компанию?

Она подошла почти вплотную, томно заглядывая ему в глаза. На Альдана же это не произвело никакого впечатления. Он продолжал спокойно стоять на месте, наблюдая за её попытками выглядеть роковой женщиной. Это, в конце концов, вызвало на его лице улыбку.

— Я ведь моложе и красивее, — продолжала принцесса, начиная медленно обходить его вокруг. Любовник её матери был значительно выше её ростом, а она любила высоких

мужчин. А этот представитель сильного пола был вдобавок хорошо сложен и невероятно красив. С самого первого взгляда Микра мечтала очутиться в его объятиях, но мать постоянно держала его подле себя. Сладострастно оглядев его с ног до головы, девушка с придыханием произнесла: — Я знаю, как сделать мужчину счастливым...

— Неужели? — продолжал забавляться Альдан. Принцесса явно очень старалась, но выступала в непривычной для себя роли. И потому со стороны всё это выглядело наигранно и фальшиво. Наверняка раньше максимум, что ей приходилось делать, это показать томный взгляд и поманить пальчиком. Поэтому в искусстве обольщения она выглядела неопытно и наивно. Он видел слишком много женщин, жаждущих его внимания. Молодых и зрелых, невинных и опытных, обаятельных и зажатых. И любая из тех, что хотела его, старалась произвести впечатление всеми доступными ей средствами. И иногда им даже удавалось его впечатлить. Потому неловкие попытки соблазнения принцессы Микры не вызывали у него ничего, кроме скуки.

А это её упорство, несмотря на его явную незаинтересованность, начинало раздражать.

— Микра! — послышался ещё один голос, и Альдан еле подавил обречённый вздох, когда показалась старшая принцесса. Но когда он разглядел на её лице хмурое выражение, внутри него что-то дрогнуло. Вся эта сцена была до боли знакомой. Старшая сестра требовала, чтобы младшая держалась от него подальше, в то время как младшая проявляет к нему активный интерес.

— Ну что?! — раздражённо отозвалась Микра.

— Тебе пора идти спать!

— Я как раз ищу себе компанию... — она очередной раз стрельнула в Альдана глазками. И тот едва удержался от смеха.

— Микра! Не стоит докучать нашему гостю.

Девушка вздохнула и злобно уставилась на сестру.

— Ты просто хочешь заграбастать его себе! Признайся, Ласкита! Ты сама положила на него глаз! — И прежде чем Альдан успел отреагировать, она схватила его за рукав и, потянув на себя, поцеловала. Альдан тут же отшатнулся, но уже было поздно. Принцесса дотронулась до него и уже через секунду смотрела на него глазами, полными обожания.

— Ох, взор Безликого, — выругался он, делая шаг в сторону. Но Микра уже вцепилась в его руку, заглядывая в глаза и, похоже, собиралась и вовсе повиснуть на нём, лишь бы не отпускать.

— Пойдём со мной! — говорила она с придыханием. — Я могу...

— Принцесса, — попытался освободиться от её рук Альдан, — вам лучше пойти одной.

— Но...

Он взял её лицо в ладони и приблизил к своему. Вблизи девушка показалась ему даже менее очаровательной, чем ранее, но он сделал вид, что она самое прекрасное из созданий, что ему довелось видеть.

— Вы красивая и благородная девушка. И я горжусь тем, что знаком с вами, принцесса Микра. Но позвольте мне проявить благородство и отпустить вас. Одну.

— Но...

— Это всё, о чём я могу мечтать, принцесса. Пожалуйста, разрешите мне. Только вы можете сделать это для меня.

— Конечно... — сказала растерянная Микра. — Как я могу вам отказать?

— Спасибо, — очаровательно улыбнулся Альдан. — Тогда спокойной ночи. Встретимся

завтра.

— Спокойной ночи, — всё ещё обескураженно ответила принцесса и, отступив назад, медленно побрела дальше по коридору, оглядываясь чуть ли не через каждый шаг.

Когда она, наконец, скрылась с глаз, Альдан облегчённо вздохнул.

— Так вот как действуют ваши способности, — услышал он насмешливой голос старшей королевской дочери. Повернувшись к ней, он заметил, что та, прислонившись плечом к стене, внимательно за ним наблюдает. — Весьма впечатляюще.

— Это длится не долго.

— И сколько времени потребуется на то, чтобы чары спали?

— Несколько дней. Всегда по-разному, — пожал он плечами, внимательно рассматривая Ласкиту и не зная, чего от неё ожидать. Но та отличалась от своей младшей сестры. Она выглядела старше своих восемнадцати, и была гораздо красивее. Однако в её глазах присутствовала мудрость и опыт и... какая-то тоска. Даже когда та улыбалась, глаза её казались грустными.

— Скажите, ваши прикосновения действуют на всех так? — спросила она, глядя на его руки. — Любая, кто дотронется до вас, тут же влюбляется, позабыв обо всём на свете?

Альдана насторожила её отрешённость и в то же время заинтересовала... Принцесса говорила так, словно они обсуждали не его способность влиять на чувства людей... Словно её это совершенно не пугало.

— Обычно так и происходит, — осторожно сказал он.

— Скажите, — Ласкита, наконец, посмотрела ему в глаза. — А если я прикоснусь к вам, я тоже, как и моя сестра, как и моя мать, буду поглощена вами, желая ваших прикосновений?

— Боюсь, я не совсем понимаю вас, принцесса. Вы как будто именно этого и желаете...

Ласкита усмехнулась и, оторвавшись от стены, сделала несколько шагов вперёд, подходя к Альдану. Но остановилась всего в шаге от него, по-прежнему глядя ему в глаза.

— Разве так плохо желать таких сильных чувств? — её грустная улыбка была наполнена скрытой болью. Ласкита подняла свою руку и протянула ему. — Дотроньтесь до меня. Я хочу это почувствовать.

Альдан некоторое время смотрел на её ладонь, и внутри опять всё перевернулось. Ну почему всё так похоже, и в то же время совсем по-другому. Он вспомнил совсем другую принцессу, которая совсем недавно так же протягивала ему руку. Только на этот раз девушка, напротив, не боялась его силы, а даже странным образом желала её почувствовать.

Он поднял руку, снимая перчатку, и, заглядывая девушке в глаза, дотронулся до неё. Приподняв и поцеловав её ладошку, генерал Дракона медленно опустил её.

Ласкита, следя взглядом за его действиями, горько усмехнулась, когда её рука свободно опустилась.

— Кажется, мне не повезло и в этом тоже, — сказала она.

— Моя магия не подействует, если вы уже влюблены, принцесса, — сочувственно улыбнулся Альдан. — И я не совсем понимаю, почему вы в этом случае желали прикоснуться ко мне.

Ласкита попыталась улыбнуться.

— Возможно, потому, что моё сердце разбито, — она вздохнула и отступила на шаг. — И мне хотелось хотя бы на время об этом забыть.

— Как кто-то мог так с вами поступить?

— Он уехал... собственно, ему помогли уехать, но... впрочем, я не хочу об этом

говорить, — она опять попыталась улыбнуться. — Он больше не вернётся, а я хочу жить дальше. Немного жаль, что ваша магия не сработала, принц Альдан. Даже если вы вернётесь к матери, мне было бы приятно хоть одну ночь провести без горьких воспоминаний.

Альдан улыбнулся ей, прекрасно понимая её желание. Сколько бы он ни старался сам себя обманывать, не проходило ни одного дня, чтобы он сам не погружался в воспоминания, от которых ничего, кроме горечи, не оставалось. А теперь, когда главная их причина находится поблизости, становилось только хуже.

— Кое в чём я всё же смогу вам помочь, принцесса, — Альдан опять взял её руку и притянул к своим губам, даря уже более интимный поцелуй её пальчикам. — Горькое воспоминание можно заглушить и без помощи магии. Ели вы, конечно, позвольте...

Ласкита удивлённо посмотрела на него, но удивление её длилось недолго и вскоре сменилось улыбкой, немного робкой и благодарной. И это было самое искреннее чувство за последнее время, что он мог наблюдать. Никаких слов больше не понадобилось, и вскоре они уединились в комнате. И на широкой кровати они, предаваясь любовным утехам, пытались забыть о своих горестях и развеять горести другого. То, что происходило между ними, не было любовью или влечением, то было лишь утешение...

И через какое-то время, когда принцесса заснула мирным сном, Альдан сидел рядом и смотрел на её тёмные волосы, разметавшиеся на подушке, прислушивался к её мирному посапыванию. На его губах появилась улыбка. Уже очень давно он не был с женщиной, не одурманенной его магией. Он и забыл, каково это, когда чувства искренние. Пусть ни один из них не влюблён, всё же это было гораздо лучше, чем когда женщина пытается боготворить его.

Вздохнув, Альдан встал и потянулся за одеждой, стараясь гнать прочь мысли о другой принцессе. Мысли о том, как бы всё сложилось, если бы... Обнимала бы она его? А целовала бы? Как бы её глаза затуманились от страсти? А как бы она вскрикивала от наслаждения?

Резко поднявшись с кровати, он замер, испугавшись, что разбудит Ласкиту своими резкими движениями, но та, поёрзав, опять крепко уснула, и Альдан несколько раздражённо натянул свою рубаху. Мысли о кареглазой принцессе, взирающей на него лишь с ненавистью, не давали ему покоя.

Тихо выругавшись, мужчина начал быстро одеваться, стараясь сосредоточиться на том, что делает.

Иногда он, казалось, мог это видеть. Когда случайно ловил её взгляд. Когда она, отвлекаясь, задумываясь о чём-то, а потом вдруг глядела на него. Или в тот момент, когда она протянула ему руку, и он коснулся её дрожащих пальчиков. В этот миг в её взгляде сквозило что-то... что-то настолько захватывающее, что даже то, что длилось всего доли мгновения не давало ему спать по ночам.

Тихо выходя из комнаты Ласкиты, Альдан впервые подумал о том, что ненавидит свою магическую способность. О том, что, не будь её, многое пошло бы по-другому...

Ненавидя ещё больше самого себя за дурные сантименты, мужчина одёрнул сюртук и, убедившись, что нормально одет, направился во внутренний двор.

Выйдя на улицу, он увидел луну, ярко сияющую на небосводе. Половина ночи прошла. Осталось где-то провести ещё одну половину.

— Генерал? — послышалось рядом, и Альдан повернулся к своему человеку.

— Говори, что узнали?

— Много вооружённых людей, готовых сражаться, однако оружие плохого качества и

почти нет настоящих воителей, — тихим голосом произнес Самил. — Большинство разбойников прикормлены самой королевой. Даже стражники больше по юбкам бегают. Боевой мощи почти нет.

— То есть они бесполезны? — переспросил Альдан.

— Я бы не сказал. Вместо опыта и навыков в их характере преобладает авантюризм и смелость. Если из них наберётся войско, они могут представлять реальную опасность, и возьмут если не уменьем, так числом.

— Хорошо, — кивнул генерал Дракона, — продолжайте. И попробуйте пустить пару сплетен.

Самил кивнул и, шагнув назад, исчез во мраке. Альдан же оставшись один, очередной раз прокручивал в голове все сведения, которые ему удалось собрать о королевствах. Это было гораздо лучше, чем опять вспоминать о ненавидящей его принцессе или возвращаться в свою комнату, где его непременно будет ожидать королева Шатория.

Старуха его совершенно не интересовала, но она была ему нужна. Он поддерживал в ней эту страсть, но всячески старался избегать близости с королевой. Её неудовлетворённое желание может сыграть ему на руку, даже после того как он уедет и его магия выветрится из её головы. Главное, заставить её думать так, как ему надо.

А ещё нужно будет заставить её выполнить одну его просьбу...

Глубоко вздохнув, Альдан стал размышлять, где провести остаток ночи так, чтобы не наткнуться на какую-нибудь любвеобильную девицу или на саму королеву.

На следующее утро Риана решила непременно поговорить о талисмане. Но сначала нужно было найти Альдана и переговорить с ним. Во-первых, узнать, что за послание он привёз. А во-вторых, разузнать у него, как дела у Эгранта, а ещё удостовериться, не забрал ли он уже здешний талисман.

Как оказалось, найти его не составило труда, так как все собрались в огромном зале, где на большой кушетке, устеленной шкурами разных животных, восседала Шатория и наблюдала за шутами и артистами, которым выпала честь развлекать Её Величество. Альдан, естественно, находился подле королевы, как и две её дочери, как и множество прочих приближённых.

Келина тоже находилась здесь и стояла недалеко от принцесс, и, судя по её виду, она злилась и скучала, но терпела всё это. Впрочем, она же королевская дочь, ей наверняка не привыкать к такому. Келина оживилась, только когда в залу вошла Риана и сопровождающий её Лекамир. Сам же рыцарь нахмурился, заметив, что принцесса находится без охраны, но, увидев рядом своих людей, немного успокоился и направился к ним.

Риана же подошла к Альдану.

— Могу я поговорить с тобой?

Генерал Дракона глянул на королеву, но та смеялась, увлечшись представлением смешного карлика.

— Давай отойдём.

И как только Риана убедились, что их не будут слушать посторонние лица, тут же перешла прямо к делу:

— Итак, почему ты здесь?

— Ох! — наигранно ужаснулся мужчина. — А я-то думал, что ты обрадуешься, увидев меня. Более двух месяцев не виделись.

Риана мягко улыбнулась, но продолжила вполне серьёзным голосом.

— Я думала, что именно мне предстояло путешествие к королеве, потому что она недолюбливает мужчин. Но какой в этом смысл, если явился ты и покорил её своей магией?

— Ну-у-у... — отвёл взгляд Альдан, словно пытаюсь уйти от ответа, но потом хитро улыбнулся и опять глянул на жрицу. — На самом деле, меня тут и не должно было быть. И именно из-за того, что моя магия проходит через какое-то время, Эгрант и отказывался меня сюда пускать. Ему, видите ли, не хотелось портить отношения ни с одним королевством.

— И мы возвращаемся к моему вопросу, — нетерпеливо напоминала Риана. — Зачем ты здесь?

Альдан опять улыбнулся, на этот раз более тепло, и, глядя на неё своими кристально-голубыми глазами, ответил:

— На самом деле Эгрант действительно послал гонца, чтобы передать тебе весть о том, что мы удачно добыли амулет Коргирии, — протянув руку, мужчина поправил выбившийся локон непослушных волос, продолжая смотреть девушке прямо в глаза. Несмотря на нежные и интимные жесты, он явно паясничал. И оба это понимали. Видя, что жрица не собирается реагировать или даже смущаться, а требовательно смотрит на него, Альдан вздохнул и продолжил: — Не обошлось, правда, без кое-каких трудностей. Ну, ты же знаешь Аккеса... Но в итоге всё закончилось благополучно. Особенно когда ему было велено покинуть королевство и ждать нас на обратном пути. Только вот я тоже улизнул, как только всё разрешилось, и, перехватив гонца, занял его место. А то, как только представил дорогу домой в компании этих двух любителей читать нравоучения, мне стало дурно.

— Возможно, ты и заслуживаешь этих нравоучений, — хмуро посмотрела на него Риана, задумавшись о чём-то своём. — Почему нельзя было просто доставить послание? Зачем было очаровывать королеву?

— Это был единственный способ задержаться здесь. Да и были кое-какие соображения... — пытаюсь сменить тему, Альдан краем глаза осматривал зал, и как назло его взгляд зацепился за принцессу Келину, которая стояла в сторонке и беседовала с наследной принцессой Ласкитой. На какой-то миг все мысли вылетели из его головы, и он просто смотрел на неё. Ещё несколько мгновений ему понадобилось, чтобы прийти в себя и надеть свою дежурную улыбку беззаботности.

Однако его состояние не укрылось от внимательных глаз Рианы, и, проследив за его взглядом, она тоже увидела двух девушек.

— Кстати, — сказала она, — как прошёл твой визит в Люкению? Я так и не поняла, добился ли ты заключения мира?

— Мира? — растерянно спросил Альдан, но потом овладел собственными мыслями. — Скорее всего. Хотя не со всеми...

— Я уже наслышана о твоей неудаче с принцессой. Она отзывается о тебе не очень хорошо...

Он горько хмыкнул.

— Не стоит смягчать, Риана. Она наверняка ругала меня последними словами.

— Боюсь, что так, — жрица не любила сообщать плохие новости, но похоже, это вовсе и не было сюрпризом для него. — Чем ты её разозлил?

— О, я был чист и невинен, — расплылся он в очаровательной улыбке. — Только оказывал ей знаки внимания и ухаживал.

— Ты не умеешь быть невинным, Альдан, — рассмеялась Риана, невольно привлекая

внимания к ним двоим.

И Альдан улыбнулся ей в ответ улыбкой змея-искусителя.

— Не буду отрицать. Надо полагать, где-то я был не слишком вежлив... — он вновь посмотрел в сторону Келины. — Честно говоря, я не ожидал, что увижу принцессу так скоро... Может, это шанс попросить прощения...

— Попробуй, — одобрительно кивнула Риана. — Возможно, когда она поймёт, что в тебе помимо нахальства и самомнения есть и положительные черты, она простит тебя.

— Положительные черты? — приподнял бровь Альдан. — Боюсь, в тебе слишком много веры, жрица. Я такой же негодяй, как и мои товарищи. А где-то даже хуже.

— У всех есть положительные черты, — упрямо посмотрела на него жрица.

Только спасёт ли это того, у кого отрицательных черт значительно больше? Альдан натянуто улыбнулся. С другой же стороны, Келина ведь возненавидела его, а значит, каким-то образом за что-то полюбила... За что? Если бы на её месте была какая-то другая девушка, он бы подумал, что за его привлекательную внешность, может, за весёлый характер, который он старался постоянно демонстрировать. Некоторые влюблялись в него как в генерала или даже принца. Но почему-то ему думалось, что в случае с принцессой Ястреб дело вовсе не в этом.

Именно поэтому Альдан долго не хотел верить в то, что проклятие сработало.

— Ответь мне только на последний вопрос, — откуда-то, словно издалека, послышался голос Рианы. — Ты узнал что-нибудь про местный талисман?

— Нет, — ответил он, почти не задумываясь. — Это я оставил тебе...

Его мысли уже были поглощены принцессой, которая время от времени поглядывала на него, метая молнии из глаз. И почему-то каждый её злой взгляд отдавался приятным теплом у него внутри... Потому что внутри он переводил все эмоции на противоположные. А значит, смотрела она на него жадным взглядом влюблённой женщины.

Принцесса Келина в это время беседовала с Ласкитой, у которой, как она знала, все эти увеселения также не вызывали интереса. Та смотрела на трубадуров чуть ли не с ненавистью.

— Одни пляски да шутиловки, — буркнула Ласкита, недовольно отводя взгляд в сторону. — Мать совсем забыла о своём королевстве.

— Не будь к ней слишком несправедливой, — попыталась успокоить её Келина.

— Я наоборот, слишком мягка, — посмотрела на неё подруга. — Мы всё лето просидели в этом замке, хотя должны были ехать с остальными по полям, перегоняя скот и охотясь в лесах. Королева должна быть со своим народом, а не пировать за их счёт. Возможно, для других мест это нормально: постоянно сидеть на своих местах, но не для нас. Мы кочевой народ. Переезжаем с места на места с ранней весны и до поздней осени. В замке отсиживаемся только зимой.

— Я помню это.

— Да... — грустно вздохнула Ласкита. — Я тоже помню. Едва научившись ходить, я уже скакала на лошади. Нам с сестрой не делали скидку на то, что мы принцессы, и воспитывали как любого другого ребёнка. Обучали всему, что необходимо для выживания. Но в последние годы мать словно забыла наши традиции. Она растолстела и обленилась. Сидит в замке весь год и только и делает что развлекается. Моя сестра тоже уже почти привыкла к такой жизни. И это неправильно. Как только я стану королевой, я всё верну на

верный путь.

— А что плохого в том, как мы сейчас живём? — вмешалась Микра, вдруг оказавшись рядом. — Я думаю, всё правильно. Мы ведь королевская семья, зачем нам, как прочим простолюдинам, разъезжать по степям, да погонять коров?

— А как править людьми, если мы даже не знаем, чем и как они живут? — тут же спросила Ласкита.

— Ну ты глупенькая, — рассмеялась Микра. — Зачем это вообще нужно? Главное, пусть налоги платят, и всё. Вот если бы я стала королевой, я бы, наоборот, пригласила бы больше артистов, чтобы они научили и наших людей развлекать нас. Вот представь, пригнали они своё стадо, а коровы, как те собачки, начали бы плясать на задних лапах.

— У коров копыта, — вставила Ласкита.

— Да какая разница! Всё равно весело.

— Ты даже такой мелочи не знаешь, а уже в королевы хочешь.

— Зато со мной будет потешно, — подбоченилась младшая принцесса, с вызовом глядя на сестру. — А вот с тобой от скуки помрёшь.

— К счастью, королевой тебе не стать, потому что я старшая дочь, — тут же ответила Ласкита, на что Микра фыркнула и жалобно посмотрела на Келину.

— Какая жалость, что у нас не так, как у вас в Люкении. Ведь теперь Олея там будет королевой, да? Тебе, наверно, очень обидно, да? Ты, Келина, ведь так хотела править своим народом, а теперь пришлось уступить сестре. И к слову, — она опять глянула на Ласкину, — уверена, Олея поддержала бы меня, и, когда станет королевой, при её правлении точно будет весело, не то, что у нас. Тоска...

— Иди отсюда, Микра! — грубо прервала её сестра и сочувственно посмотрела на Келину.

— Подумаешь! — фыркнула Микра и, резко развернувшись, пошла в сторону, демонстративно задрвав носик.

— Ты извини её. Язык без костей.

— Но она права, — грустно улыбнулась Келина. — Олея будет королевой, а не я. Глупые законы, но они держатся многие поколения.

— Ты права, глупые, — согласила Ласкита. — Будучи у власти, я бы предпочла иметь дело с тобой. Ты, по крайней мере, понимаешь, что сила королевства в людях, а не в золоте. Хотя, конечно, это тоже важно. Я всё же надеюсь, что ты останешься при сестре и не дашь ей всё испортить.

— Я уверена, Олея справится. Хотя, возможно, она и не захочет принимать участия в управлении. Возможно, править будет её муж, герцог Зеленовской. К тому времени король Коргий Первый.

— Да уж. И это тоже далеко не лучший вариант. Я бы предпочла всё же иметь дела с Олеей, чем с ним. Хотя как правитель он неплох, но вредный. Ему своих земель не хватает, и этот самодур до сих пор требует, чтобы восточные хребты считались его территорией, — вздохнула Ласкита. — Думаю, он обрадовался бы, если бы Микра стала королевой. Она бы отдала ему хребты за красивые ленты.

— В таком случае хорошо, что именно ты старшая сестра, и что у вас нет таких же законов, как у нас, — улыбнулась люкенская принцесса.

— А что тебе мешало найти простака да выскочить за него замуж, пока сестра готовится к свадьбе? — посмотрела на неё Ласкита. — Столько проблем бы сразу решилось.

Келина на миг замерла. Воспоминания далеко не самые приятные тут же возникли в её голове, но она постаралась выкинуть их подальше.

— Не могу я так, — нахмурившись, ответила она. — Отец выбрал своим преемником герцога, и это договорной брак для того, чтобы герцог вступил законно на престол. Я не посмела бы послушаться его и выскочить, как ты говоришь, за первого простака. Ведь он бы стал королём, и кто знает, что бы получилось из этого...

— Да уж... — вздохнула принцесса.

Словно повинуюсь какому-то инстинкту, обе девушки неожиданно повернулись и увидели, как в их сторону направляется Альдан. Он смотрел прямо на них, и потому не оставалось ни малейшего сомнения, куда он идёт. Хотя желающих остановить или помешать ему находилось немало. Каждый старался привлечь его внимание либо разговором, либо вопросом. Конечно, и младшая принцесса не осталась в стороне и, повиснув на руке генерала, начала что-то лепетать влюблённым голосочком. Тот остановился лишь на мгновение и, взяв её за руку, что-то ей прошептал, после чего опять продолжил свой путь, неуклонно приближаясь к ним. Микра же осталась стоять на месте, тоскливо поедая его взглядом.

Ласкита, видя эту небольшую сцену, хихикнула.

— Опять что-то ей наплёл, — она не скрывала улыбки, вспоминая, как он обхитрил её сестру прошлым вечером.

— Я бы на твоём месте так не веселилась. Он же, не стесняясь, пользуется своей мерзкой магией.

— Ты несправедлива к нему, Келина, — повернулась к ней подруга. — Принц Альдан ведь, наоборот, благодаря ей и держит мою сестру на расстоянии.

— То есть играет с ней? Я о том и говорю, — зло бросила её подруга и замолчала, потому как объект их разговора, наконец, приблизился.

— Принцессы, примите моё почтение.

— Мы как раз о Вас говорили, — сказала Ласкита, приветливо кивая в ответ.

— Да неужели? — Альдан повернулся к Келине и наткнулся на её колючий взгляд. Не стоило и гадать о том, что они его отнюдь не нахваливали. Но он, продолжая очаровательно улыбаться, спросил: — Я надеюсь, прекрасная принцесса Ястреб призналась в том, что соскучилась по нашим каждодневным прогулкам в садах её родового замка?

Келина фыркнула, смерив его недобрым взглядом, Ласкита же удивлённо приподняла брови и посмотрела на подругу.

— Ты не рассказывала...

— Нечего тут рассказывать, — слишком резко ответила та. — Я несказанно рада, что они прекратились.

— Однако вы выразили обиду, что я не смог с вами попрощаться, когда уезжал.

— Мне нет дела то того, куда и когда вы едете, лишь бы это не касалось меня.

— Вы жестоки, принцесса, — картинно прикоснулся к сердцу Альдан, имитируя смертельную рану.

Ласкита же, наблюдая за этими двумя, всё больше приходила в недоумение. В основном из-за того, что впервые видела, чтобы женщина открыто выражала неприязнь Альдану. Да, в него была влюблена большая часть женщин в замке, а остальные отказывались признаваться, но всё равно смотрели на него не без доли восхищения.

Магия то, или врождённое обаяние, сложно было сказать. Да и Ласките было всё равно,

пока не доходило до конфликтов. И Альдан мастерски устраивал всё так, чтобы не оставалось ни недовольных, ни обиженных. И женщины, даже получив отказ, всё равно продолжали смотреть на него с восхищением. Взять, к примеру, её капризную сестру. Два раза уже получила от ворот поворот, но ни слёз, ни истерик. Удивительно.

Сама же она видела Альдана не только с этой светской улыбкой. Ночью он показал ей себя настоящего. Пусть и ненадолго. Внутри него тоже была боль, она чувствовала это в его прикосновениях, в его глазах. И даже знала, что, прикасаясь к ней, он мысленно прикасался к другой. Его ласки, его страсть предназначались другой женщине. Её вполне устраивало такое положение дел, ведь она сама в эти моменты мысленно была с другим. Возможно, он это тоже понял, поэтому никто из них ни словом не обмолвился этим утром о том, что случилось. Лишь лёгкая приветственная улыбка за завтраком говорила о том, что оба довольны ночным происшествием. Но продолжать ни один из них не хотел.

Ласкита не лезла ему в душу тогда, не собиралась этого делать и сейчас. И его странные отношения с принцессой Келиной её тоже не касаются. Хотя она отметила про себя, что Альдан на неё реагирует по-другому. Не так, как на всех остальных женщин. А ещё она обратила внимание на то, что её подруга, несмотря на своё враждебное отношение к Альдану, его не боится. Что натолкнуло её на мысль, что сердце подруги тоже кем-то занято. Отсюда можно было сделать интересные выводы, над которыми стоило бы подумать.

— Прошу простить меня, — сказала Ласкита, — мне нужно пойти проведать мою сестру.

И, едва сдерживая улыбку, она поспешила удалиться.

Келина смотрела на уходящую принцессу с всё возрастающей паникой. Ей ни в коем случае не хотелось оставаться наедине с Альданом. Только не с ним. Каждый раз после их встреч и разговоров она чувствовала себя прескверно.

— Неужели Вы действительно так не рады меня видеть, принцесса? — наконец сказал Альдан, и Келина смерила его гневным взглядом.

— С нашей последней встречи мои чувства ничуть не изменились! — резко ответила она.

— А вы подумайте о том, какой я негодяй. Вспомните, скольких женщин я опорочил и скольких ещё опорочу. — Он внимательно смотрел на неё, словно ожидал реакции.

— Я уже сказала, что Вы мне противны, зачем напоминать о таком? — удивилась принцесса.

— Потому что Вы, моя дорогая... — он приблизился к ней, заглядывая будто прямо в душу, — похоже, вы влюбились в меня.

Келина замерла на месте, под напором этих голубых глаз, но потом смысл его слов дошёл до неё, и она возмущённо воскликнула:

— Эта полная чушь! — чувствуя, как её сердце начинает бешено биться, она сделала шаг назад. От того, что Альдан находился так близко, её сердце готово было выпрыгнуть из груди. Не иначе как тоже рвалось в бой, чтобы убить этого наглеца. А ещё выколоть эти глаза...

Альдан, горько усмехнувшись, выпрямился и продолжал смотреть на раскрасневшуюся от возмущения девушку.

— Я же уже сказала Вам, что люблю другого! Так что прекратите говорить всякую чушь!

— Вы всё говорите о каком-то мужчине, но у меня складывается впечатление, что его

всё-таки не существует.

— Но магия не подействовала...

— Магия могла не подействовать также и потому, что Вы уже были влюблены... в меня.

— Я же сказала, что это чушь. А ещё я сказала, что ненавижу Вас.

— Тогда скажите, кто он? Кто тот человек, ради которого, по Вашим словам, бьётся ваше сердечко? — продолжал настаивать Альдан, сам не зная для чего.

— Чтобы вы убили его? — мрачно переспросила Келина, сверля того взглядом. — Я помню, что Вы грозилась устранить соперника. Похоже, вам плевать не только на его жизнь, но и на моё разбитое сердце.

Альдан молча смотрел на принцессу, в то время как она обиженно смотрела на него. И зачем только подошёл? Зачем начал её дразнить? Он надеялся узнать, что на самом деле всё это неправда, что она на самом деле не ненавидит его или ненавидит по-настоящему, независимо от проклятия.

Но это не так.

Её широко раскрытые глаза, её прерывистое дыхание, её едва бессознательное желание дотронуться до него, пусть даже и с целью якобы оттолкнуть его, когда он слишком близко приближался. Всё это говорило о том, что принцесса равнодушна к нему. И самое печальное, Альдан сам чувствовал то же самое. Ему хотелось смотреть на неё не отрываясь целый день, хотелось обнять её, прижать к себе и целовать до тех пор, пока она не начнёт задыхаться от этих поцелуев. Потом он бы дал ей вздохнуть и вновь целовал бы уже в постели, куда отнёс бы девушку на руках и откуда не отпускал бы до самого утра...

Ну почему? Почему именно она?

Резко отстранившись, он холодно посмотрел на неё.

— Вы не тому отдали своё сердце, принцесса. Именно поэтому оно и будет разбито.

Келина возмущённо ахнула, не догадываясь об истинном значении этой фразы.

— А вот это уже не Ваше дело! Он не такой, как Вы!

Альдан грустно усмехнулся и, поклонившись, сделал шаг назад.

— Всего хорошего, принцесса Ястреб. На этот раз я прощаюсь с Вами, так как уже завтра рано утром покидаю замок.

— Что ж, я этому очень рада! — всё ещё пребывая в гневе, сказала Келина. — Надеюсь, мы больше никогда не встретимся!

Генерал Дракона посмотрела на неё. Даже сердитая, девушка продолжала смотреть на него с не осознаваемой надеждой во взгляде. И он догадывался, на что именно она надеялась или чего именно ждала... Альдан даже не мог точно сказать, кто из них двоих пострадал от его проклятия больше. Она ли, из-за того, что не понимала происходящее и не отдавала себе отчёт в собственных чувствах, или же он, кто всё прекрасно видел и знал настоящее положение вещей, но ничего не мог сделать.

Альдан знал, что Лаура ненавидит его, но зачем было наказывать принцессу? Или же её ненависть выражалась в том, что он наблюдает за несчастьем женщины, которую странным образом полюбил? А это действительно мучительно.

Вздыхнув, мужчина развернулся и ушёл. По крайней мере, он знал, что если будет держаться подальше от неё, то и она будет меньше мучиться. И решительно выкинув из головы все мысли, генерал Дракона направился к королеве. Сейчас ей нужно уделять как можно больше внимания. Потому что пора прекращать все эти игры и поговорить с ней серьёзно. Тем более что у него появилось на одну просьбу больше.

— Риана?

Лекамир нашёл жрицу на балконе, прислонившейся к парапету и задумчиво глядящей вдаль.

Он подошел, молча встал рядом. Вид с балкона был не самый лучший: степь с сухой травой, да стада животных, которые перегоняли на новое место. По-видимому, это странным образом умиротворяло её.

— Что случилось? — сказала она, посмотрев на друга.

Рыцарь нахмурился, и подал знак Марвину, который стоял неподалёку, чтобы тот внимательно наблюдал за всем происходящим поодаль и подошёл к жрице.

— Я не могу говорить точно, но беспокойно здесь, Риана. Воины, слуги, даже местные простолюдины... все тихорятся и шепчутся. В замке люди делятся на праздных и недовольных. Боюсь, зреет заговор. Мы прибыли очень не вовремя.

— Заговор против кого? — насторожилась жрица и тут же озабоченно осмотрелась. — И где Келина? Не стоит оставлять её одну, если тут всё так беспокойно.

— Принцесса всегда находится под охраной. Я не хотел её пугать. Решил сначала поговорить с тобой. Тебе стоит поскорее забрать талисман, и мы сможем уехать до того, как тут что-нибудь начнётся.

— Не могу с тобой не согласиться, — задумчиво сказала девушка и вдруг посмотрела на рыцаря пристальным взглядом. — Ты ведь знаком с Келиной давно? Какой она была до того, как стала махать мечом?

Лекамир от неожиданного вопроса остолбенел, но так как Риана направилась к выходу, был вынужден её догонять.

— Она... — он задумался, пытаясь вспомнить. — Она ходила в платьях, как и подобает принцессе, волосы были длиннее, а ещё она часто присутствовала с королём в зале совещаний. Хотя сейчас тоже.

— Я имею в виду по характеру, — спрашивала жрица на ходу, спеша поскорее вернуться в зал, где находилась королева со своей свитой и сама Келина. — Или она всегда была такой... невесёлой. Улыбалась ли она?

— Боюсь, такие вопросы надо задавать не мне, — неуверенно ответил рыцарь. Почему-то ему было неловко обсуждать принцессу. — В то время я редко видел её. Лишь только возле короля или когда она прогуливалась по саду. Общаться мы начали, только когда она попросила меня научить её сражаться.

— Так она сама попросила тебя?

— Да, но его Величество одобрил это, иначе я бы, конечно, не посмел...

— Ясно, — почему-то грустно сказала жрица и вовсе замолчала.

К их сожалению, когда они дошли до зала, тот был уже пуст, не считая некоторых приближённых королевы и двух принцесс, сидящих в стороне и разговаривающих о чём-то своём. Недалеко от Келины неизменно стояли Анисий и Баритан, чуть дальше находились Табирий и Данарий, так что оба они вздохнули спокойно, приближаясь к девушкам.

Какими-то жестами и кивками Лекамир спросил своих людей, всё ли в порядке, и те кивнули утвердительно. Риана же прямо поинтересовалась у принцессы Ласкиты:

— Где же королева Шатория? Я весь день хотела с ней поговорить, а теперь она вообще куда-то пропала.

— О! Моя мать уже удалилась к себе, прихватив с собой фаворитов.

— И одного проходимца, — добавила Келина с кислым лицом.

Ласкита же только улыбнулась, посмотрев на неё.

— И Альдана. Он тоже хотел с ней поговорить.

Риана нахмурилась. Неужели он решил сам узнать у неё про талисман? Но ведь он сказал, что отставил это дело ей? В любом случае, нужно будет самой поговорить с королевой и всё выяснить. Хотя было бы гораздо проще, если бы Альдан сам забрал талисман и сразу отвёз Первородному. Тогда и ей бы не пришлось ехать сюда. По крайней мере, не в такой спешке.

— То есть королевы сегодня больше не будет? — на всякий случай уточнила жрица.

— Боюсь, что так, — кивнула Ласкита, и что-то похожее на раздражение промелькнуло в её взгляде. — Она не из тех, кто слишком нагружает себя обязанностями. Если уж удалилась к себе, да ещё с мужчинами, до утра в лучшем случае её не будет, а то и до обеда.

Келина презрительно хмыкнула. Но, опомнившись, обрадовалась, что никто не обратил на это внимания.

И чего, собственно, ей злиться? Из-за того, что он просил её руки, притворяясь женихом, уговаривал выйти за него, а теперь развлекается с другой женщиной? Да ещё с той, которая гораздо старше его, раздавшаяся в талии и с редущими волосами? Может, ему именно такие и нравятся... ей-то какое до этого дело? Она с самого начала не хотела ни его внимания, ни предложения руки и сердца. Так чего злиться-то?

Но сама не зная почему, она продолжала злиться. А потом опять нахлынула грусть. Уж лучше бы он был здесь и изводил бы её своими глупыми предположениями. Гораздо лучше...

Не подозревая о смятении принцессы, Риана стояла рядом, прикусив губу и раздумывая о сложившейся ситуации. Но ей не было дела до Альдана и его любовных приключений. Жрица думала о том, как бы застать королеву пораньше и сразу перейти к делу до того, как та увлечётся очередным представлением. Лучшим решением было поговорить с ней за едой. По крайней мере, Шатория будет в добром расположении духа и не станет перебивать.

Решив не беспокоить раньше времени Келину, она просто попросила её быть осмотрительней, после чего все разошлись по своим комнатам. Лекамир приказал своим рыцарям посменно сторожить комнаты девушек и даже сам полночи отстоял в коридорах замка. После всего услышанного, он не доверял местной страже. И знал, что король голову ему снесёт, несмотря на все его заслуги, если с принцессой или жрицей что-либо случится.

Как и предсказывала Ласкита, королева не выходила из своих покоев до самого обеда. А к трапезе пришла в компании своих фаворитов, состав которых изменился. Сама же Шатория выглядела явно чем-то недовольной и даже раздражённой. Поэтому, несмотря на объёмное телосложение, по залу она прошла широким, размашистым шагом, как в годы удалой юности.

Риана удивлённо за ней наблюдала, пытаясь определить момент, когда лучше всего обратиться с просьбой.

— Мама сегодня не в духе, — фыркнула принцесса Ласкита и очаровательно улыбнулась всем, как ни в чём не бывало.

— Что-то произошло? — спросила Риана в надежде, что ничего не помешает их планам.

— О, Жрица, а вы оглядитесь вокруг, — высокопарно произнесла принцесса, — кое-кто сегодня утром покинул мою мать. И что-то мне подсказывает, она так и не получила того, чего хотела.

Принцесса еле заметно улыбнулась, явно радуясь этому факту.

Риане же было всё равно, кто чего не получил или чем недоволен. У неё было дело, и она не намеревалась более его откладывать. Поэтому, она резко встала и, наплевав на всякий этикет, обратилась к Её Величеству.

— Королева Шатория. В день моего приезда я сказала, что моё прибытие связано не с паломничеством, а с некой целью. И боюсь, дело срочное, поэтому я не могу более его откладывать. Прошу тебя выполнить мою просьбу, чтобы я могла продолжить свой путь.

Все вокруг замерли, кто от удивления, кто от потрясения. Даже младшая принцесса Микра, которая выглядела так печально, словно у неё умер близкий родственник, удивлённо встрепенулась. Никто не смел обращаться к королевской особе подобным образом. Не все ещё до конца осознавали, кем является Риана, и во многом потому, что сама Шатория не устроила Посланнице Небес должного приёма. Потому подобное поведение гостя для них было верхом неуважения.

Сама же королева, казалось, тоже забыла, что Риана — жрица и оттого имеет право обращаться к кому хочет и когда хочет. Что даже короли не вправе ей приказывать. И она хотела уже возмутиться, призывая стражу, однако вовремя опомнилась и даже сдержала раздражение, кивком позволяя к себе обратиться.

— Говори.

— Я прибыла по просьбе Первородного, чтобы выполнить древнюю просьбу собрать подаренные амулеты.

— Амулеты? — удивилась королева, на миг даже забыв о гневе.

— Их ещё называют частицы Вигоры, — пояснила жрица. — Они выглядят как удлинённая капля размером в пол-ладони.

Узнавание скользнуло по лицу Шатории, и Риана обрадовалась, что не придётся долго искать. Раз по описанию догадались, значит понимают, о чём речь. Королева же нахмурилась и пристально посмотрела на жрицу.

— Ты просишь отдать древний артефакт, который наши предки наказали ни в коем случае не уносить с того места, где он хранится? Это не просто кощунство, но и преступление.

Несмотря на гнев Шатории, Риана не изменилась в лице и продолжала спокойно говорить:

— Однако и твои предки перенесли этот артефакт с того места, где он находился изначально. И именно оттуда его переносить и нельзя было. И нельзя до тех пор, пока посланник не явится за ним. И я...

— Мои предки и являлись посланниками, — гаркнула королева. — Они перенесли артефакт в замок для того, чтобы охранять.

Она гневно смотрела на Риану. И внутри у неё всё кипело. Именно после того, как эта странная девица с необычным цветом волос явилась в её замок, всё и испортилось. Сначала Альдан перестал уделять ей внимание, потом и вовсе уехал. С первого дня он соблазнял её, но, так и не доведя дело до конца, уехал. Впрочем, связь их только окрепла, и когда она выполнит его просьбу, он уже не отвертится и окажется полностью раздетым в её постели со связанными рука и ногами, и она насладится его молодым, крепким телом.

Что касается странной жрицы, что и на жрицу не была похожа, то девчонка посмела явиться сюда и требовать, чтобы ей отдали талисман с магической мощью. То, что передавалось из поколения в поколение со строгим наказом сохранить, любой ценой. Хотя на самом-то деле Шатории было глубоко плевать на этот талисман и на завет предков. Она

готова была ухватиться за любую возможность выплеснуть плохое настроение и отплатить наглой девице, которую винила в своих проблемах.

— Этот амулет будет и дальше храниться в замке, и никто, тем более, какая-то жрица не отберёт его! — гневно выкрикнула королева.

— Ваше Величество, — вмешалась принцесса Келина, видя, что всё оборачивается очень плохо, — эти амулеты собираются по всему свету...

— Как вы смели приехать сюда, воспользоваться моим гостеприимством, да ещё и требовать от меня отречься от предков и вековых традиций? — всё ещё негодовала королева. Встав, она вдруг поняла, как ей выполнить самую последнюю просьбу будущего любовника. — Стража! Схватить этих проходимцев и заточить в подземелье!

Услышав это, Лекамир вскочил и выхватил свой меч из ножен, готовый стоять намертво. Баритан, выхватив свой двуручный меч, даже зарычал на приближающихся стражников. Остальные рыцари тоже не замедлили достать клинки, а Данарий, наложив стрелу на тетиву, уже ждал команды, чтобы пустить её кому-нибудь в глаз.

В результате жрица и принцесса оказались окружены шестью воинами вставшими на их защиту.

Риана несмотря на гнев, крики и готовящуюся схватку, продолжала спокойно стоять на месте.

— Королева Шатория, ты поступаешь неразумно. Мы не желаем тебе зла и не просим отречься от предков. Я прошу только выполнить более древний завет, который существует с самого основания мира и который гласит отдать амулет, когда за ним придёт посланник. Вы не выполнили данную просьбу ранее, поэтому началась эта война в королевствах. Так выполните завет сейчас, чтобы её завершить.

— Мне нет дела до ваших войн, — прокричала Шатория. — Моё королевство в стороне, более того, у меня есть своя выгода во всём этом. Что касается артефакта, то вы его никогда не получите. Вы сгниёте в подвалах замка, я вам это обещаю.

— Ваше величество, — опять вмешалась Келина. Она старалась выглядеть такой же спокойной, как Риана, но у неё это получалось с большим трудом. — Я королевская дочь Люкении. Заточив меня в подземелье, вы объявите войну моему отцу Анаквию Третьему.

Королева на миг задумалась, но лишь на миг. Юная принцесса раздражала её, в основном потому, что именно её Альдан просил удерживать в замке как можно дольше. Какое ему до неё дело? Шатории это не нравилось. Ей вообще не нравилось, когда её мужчины проявляют интерес к кому-то другому. Только дочерям она могла такое простить. А тут...

Она смерила Келину высокомерным взглядом.

— Принцессу запереть в башне.

Стража количеством не менее двадцати человек тут же бросилась к ним, и Лекамир, уже готовый дать отпор, был остановлен мягким прикосновением Рианы к своему плечу.

— Не надо, — сказала жрица, и рыцарь недоумевающе на неё посмотрел. — Если мы будем сопротивляться, многие погибнут. Их гораздо больше, — она кивнула на стражников, — а скоро ещё придут, я знаю.

— Но Риана, нас ведь запрут в подземелье.

— Я уверена, мы что-нибудь придумаем, Лекамир. В конце концов, все знают, где мы находимся. Время на нашей стороне. А если начнём кровопролитие, пострадаем больше мы. Нас всего восемь человек, включая принцессу. Сколько и, главное, кто погибнет, если мы

начнём бой? Здесь не леса, отступить некуда.

Лекамиру это не нравилось. Он не из тех, кто привык сдаваться. Более того, ему была противна одна только мысль о том, чтобы сложить оружие, в то время как он чувствовал в себе силы совладать с сотней противников, но он должен был признать, что это лучшее решение. Его первая обязанность в том, чтобы следить за безопасностью принцессы. Поэтому скрепя сердце, он опустил оружие и велел то же самое сделать и своим рыцарям.

Те, конечно, подчинились, но явно без особой охоты. Марвин аж выругался, не стесняясь в выражениях. Но Лекамир даже не удосужил его косым взглядом, чтобы напомнить, что рядом принцесса и жрица, потому как прекрасно понимал его состояние.

Огрызаясь и сверля взглядами стражу, рыцари не позволили ни одному из них скрутить себя и сами пошли туда, куда их повели.

В подземелье.

Альдан ехал верхом, весело насвистывая себе под нос. Добравшись до небольшой деревеньки, он спешил и решил поехать в небольшом трактире. Всё же горячая еда лучше походных лепёшек. Но стоило ему отвести лошадь в стойло и приплатить конюху, чтобы он её почистил и накормил, как услышал знакомый голос:

— Как доехать до королевского замка?

Вжавшись в стену конюшни и не обращая внимания на любопытные взгляды того же конюха, он выглянул и тихо выругался, увидев Аккеса, одним прыжком вскочившего на коня. Трактирщик, трясаясь от страха перед его маской, заикаясь, проговорил:

— В-в-верх по до-дороге, че-ерез лес. А там п-прямо. К в-вечеру придёте.

Аккес посмотрел в сторону, указанную трактирщиком и, бросив тому монету, пришпорил коня. Альдан по инерции сильнее вжался в стенки конюшни, в надежде, что тот его не заметил. Он прекрасно понимал, зачем Аккес едет в замок. За ним.

Альдан вздохнул. А он так надеялся, что Эгрант не обнаружит его отсутствие.

Удостоверившись, что Аккес уехал на достаточное расстояние, Альдан вышел, радуясь, что поехал без сопровождения. Самила с остальными он отправил лесной дорогой, чтобы те не мозолили глаза местным фермерам своими нателными рисунками. Ему ни к чему слухи о талемах в южных землях.

Теперь же он в очередной раз понял, что это было хорошим решением, иначе толпа талемов точно бы привлекла внимание Аккеса, а уж этот церемониться не стал бы. Поволок бы Альдана обратно за шкуру. Теперь же, раз они разминулись, он всё ещё может успеть сделать вид, что ничего необычного не произошло. Придумать что-нибудь про другой путь, плутание по дорогам... Да мало ли что ещё могло его задержать на обратном пути.

Однако его веселье тут же пропало, как только он вспомнил, что стоит ему хоть полслова сказать в присутствии Аккеса и тот тут же уличит его в обмане.

Ну что ж, он хотя бы вернётся самостоятельно, а не под конвоем. По крайней мере, он добился того, чего хотел. А это стоило всех нравочений и выговора, который его ожидал по возвращении.

Аккес же во весь опор спешащий в замок, и не догадываясь, что проехал мимо Альдана всего в двух шагах. А если бы узнал, то здорово разозлился бы. Ведь ему вся эта поездка совершенно не нравилась. Мало того, что выгнали из одного королевства, так теперь послали в другое.

Но на этот раз он деликатничать не будет. И пусть только Альдан попробует

сопротивляться или заговаривать ему зубы. Он просто-напросто оглушит его ударом потяжелей, свалит мешком на лошадь и поедет обратно. В конце концов, он не нянька, и не обязан следить за всеми. И потому в замок он прибыл, вопреки словам трактирщика, ещё до того, как начало вечереть.

И сдвинув маску, Аккес натянул на лицо капюшон, сливаясь с толпой крестьян, которые шли в замок. Или то были слуги. Ему было всё равно. Главное, что он смог без проблем проникнуть внутрь. Не хватало ему ещё штурмом брать и этот замок: только чтобы вытащить одну задницу из чьей-то постели.

Но как только он прошёл через ворота и оказался во внутреннем дворе, то, откинув капюшон, вновь надел маску. После чего бодро пошёл прямо к парадному входу, не обращая ни на кого внимания. А стоило стражникам перегородить ему путь, зыркнул так, что один из них от страха уронил собственный меч.

— Отведите к королеве. Быстро!!! — гаркнул он, и brave защитники рассыпались в стороны. Он не стал дожидаться, пока кто-нибудь из них выполнит его приказ или решит дать отпор, потому незамедлительно пошёл дальше, не обращая внимания ни на слуг, ни на местных дворян, которые, едва завидев его, в страхе разбежались в разные стороны.

Несмотря на отдалённость Алекиона, люди здесь знали о том, что творится в Равнинных королевствах. Знали и об армии Дракона. Конечно же, были наслышаны об Аккесе, непобедимом генерале Дракона, кто, по слухам, самостоятельно мог вырезать весь замок, от стражников до домашнего скота. И то, что этот повергающий в ужас одним своим видом генерал, по-хозяйски расхаживает по замку, не на шутку перепугало местный народ. Каждый, кто хоть краем глаза увидел его, спешил забиться в самую дальнюю щель, в надежде, что сможет спасти свою жизнь.

Найти королеву не составило большого труда. Достаточно было пойти на шум и смех, доносившийся из главного зала. Но Аккесу недостаточно было просто найти королеву. Его до сих пор переполняло раздражение из-за того, что его сюда послали, и потому весь свой гнев он выплеснул на дверь, которую толкнул ногой с такой силой, что та с грохотом распахнулась, ударившись о стену.

Во всём помещении тут же воцарилась гробовая тишина.

Немного успокоившись, Аккес твёрдым шагом направился вперёд, не до конца осознавая, какой эффект производит в своих тёмных одеждах, с мечами за спиной и громким стуком металлических набоек на обуви. Он шёл к тучной женщине в окружении мужчин разных возрастов.

— Королева Шатория! — громогласно сказал он в наступившей при его появлении тишине.

Все вокруг, казалось, даже дышать забыли, а женщина перед ним моментально вспотела от страха. Это и к лучшему. Она наверняка захочет побыстрее от него избавиться и потому сделает всё, что ему нужно.

— Я приехал кое за кем, — сказал Аккес.

— Тут никого нет, — тут же выпалила королева, пряча трясущиеся руки.

Аккеса аж передёрнуло от её лжи. И, конечно же, это разозлило его ещё больше.

— Не ври мне! — оскалился он, и женщина ещё больше побледнела. — Где Альдан?!

— Ох! — в её голосе послышалось облегчение. — Он уехал ещё рано утром.

Странно. Теперь она говорила правду. Аккес задумался. Так кого это перепуганная старуха скрывала? Ведь явно же лгала...

— Кто ещё здесь? — спросил генерал Дракона, не в силах отогнать неприятное предчувствие.

— Только я и мои подданные. Больше никого.

Опять ложь.

Аккеса даже не так сильно разозлило то, что Альдан ускользнул, сколько то, что эта потеющая старуха смеет врать ему прямо в лицо. Он терпеть не мог лжецов. Тем более тех, кто пытается скрыть свои пакостные дела. А эта королева явно что-то натворила. И тот страх, который читался в её глазах, её выдавал. Он прямо видел, как она изворачивается, пытаясь что-то утаить.

Резко сорвав с лица маску, он грозно уставился на неё.

В зале тут же послышались возгласы удивления и грохот падающих в обморок барышень. Скертерийца узнавали даже здесь. А тех, кто не узнал, тут же просветили остальные, более сведущие.

Аккесу же впервые не было никакого дела до их пересудов. Он, презрительно сузив глаза, сделал ещё один шаг, буквально впечатав взглядом побледневшую от ужаса королеву в её же кресло. И медленно, растягивая слова, металлическим голосом произнёс:

— А теперь попробуй соврать мне ещё раз!

Глава 20: Перекрёстки путей

Риана тоскливо осматривала решётчатую клетку, в которой её заперли. Видимо решив, что для жрицы не достаточно простой темницы, её отвели в большое помещение и заперли в одной из клеток, явно предназначенных для каких-то крупных животных. Хорошо ещё, что находилась она не в крошечной тьме, несмотря на то, что это было подземелье.

Высоко под потолком была щель, из которой пробивался тусклый свет заходящего солнца. Да и факел почему-то предусмотрительно оставили. Хотя, скорее всего, забыли.

Дёрнув запиравшую её дверцу раз этак в двадцатый, она в очередной раз убедилась, что прутья крепкие. Так же, как и замок величиной в два её кулака. Его откуда-то принесли и скрепили два соседних прута, так как на самой клетке до этого была только задвижка, что опять подтверждало её догадку о том, что предназначена она была для животного. Причём её заперли в той, где прутья были посажены довольно часто, так чтобы пролезть между ними не было никакой возможности.

Вздохнув, Риана присела на слежавшуюся солому и задумалась, как теперь выбираться из этой переделки.

Факел нещадно чадил и, похоже, вот-вот должен был догореть, и скоро она останется почти в полной темноте, так как солнце так же скоро сядет. Поэтому надо попробовать сообразить, как выбраться до того, как опустится полнейший мрак. Обиднее всего, что её оружие забрали и бросили в какой-то сундук рядом с камеркой охранников. Но она сомневалась, что Авок и Керен там долго пролежат. Учитывая алчные глаза стражников, они прекрасно понимали, какого качества её оружие, и очень скоро кто-то присвоит клинки себе или вовсе продаст на сторону.

Риана не могла этого позволить.

Встав, она подпрыгнула, уцепившись руками за верхние прутья и, качнувшись, попыталась из всех сил ударить ногами по дверце, в надежде, что либо петли, либо сами прутья не выдержат и погнутся. Сломать замок она и не рассчитывала, слишком крепким он выглядит.

Однако удар её не возымел никакого эффекта. А только породил громкий шум и отозвался болью в ногах. Но Риана не сдавалась, и, качнувшись ещё раз, опять ударила ногами, на этот раз по одному из прутьев. Из-за слишком резкого движения её правая нога соскользнула и застряла в образовавшейся из-за прогнутого прута щели. В результате ей пришлось крепко вцепиться в прутья и так и висеть, стараясь втащить ногу обратно.

Шума и скрежета от второго удара и её попыток освободиться было ещё больше, поэтому Риана не удивилась, когда дверь её камеры распахнулась. Удивительно было бы, если бы стража не явилась проверить, что происходит.

Тем не менее, когда дверь с грохотом открылась, в проёме показался далеко не стражник.

В проёме показался Аккес, который, сделав шаг внутрь, вдруг замер глядя в её сторону. После чего медленно запрокидывая свою маску назад, он уставился на неё с выражением не верящего удивления.

Риана сама выглядела не менее удивлённо, однако быстро пришла в себя и, резко дёрнув ногу, высвободила её и спрыгнула обратно на солому. Она пыталась понять, откуда он тут

появился и не чудится ли ей вообще. Но лишь до тех пор, пока не услышала смешок и не увидела у Аккеса странно поджатые губы.

— Может, лучше поможешь? — устало спросила она, кивнув на решётку. Она не знала, как реагировать на его присутствие, и потому решила сосредоточиться на насущных проблемах.

Но Аккес, похоже, наслаждался ситуацией, потому что, скрестив руки на груди и расслабленно прислонившись плечом к стене, сказал:

— Так-так... занятная тут ситуация, — редкая для него улыбка скользнула на губах, в то время как глаза искрились плохо скрываемым весельем.

— Да-да, — вздохнула жрица, — есть ещё кто-то, кто меня не любит.

— И-и-и... клетка? — продолжал едва сдерживать смех Аккес.

— Ну... я вроде как редкое создание, поэтому...

— Будешь плясать под дудочку?

— Да вот уж нет!!! — возмутилась Риана, в то время как Аккес не выдержал и комната наполнилась его раскатистым смехом. Риана не удержалась и сама улыбнулась, продолжая наблюдать за ним. Она впервые видела его настолько весёлым. Иногда он улыбался или чаще ухмылялся. Но хохот его она слышала впервые. От этого откровенного веселья она даже забыла о своей проблеме. Но ненадолго.

— Я рада, что тебе весело, — сказала она, продолжая улыбаться, — но может, всё-таки вытащишь меня отсюда, если, конечно, ты не пришёл только полюбоваться.

— Погоди. Дай мне минутку позлорадствовать, — сказал он, выпрямившись, и глубоко вдохнул, стараясь успокоиться. Глаза его по-прежнему светились от смеха, когда он вновь и вновь окидывал её взглядом.

Риана вздохнула и уставилась на него в ответ. Что ей ещё оставалось?

Аккес с трудом подавил ещё один приступ хохота.

— Поразительно, — наконец произнёс он. — В клетке...

— Могло быть и хуже, — пожалла девушка плечами, наблюдая как он, сдвинувшись со своего наблюдательного пункта, подошёл к ней. Остановившись в шаге от её клетки, он, расставив ноги и опять скрестив руки на груди, продолжал слегка улыбаться, но в тоже время пристально смотрел прямо на неё.

— Что? — робко переспросила жрица, чувствуя, что он что-то задумал.

— Я освобожу тебя. Но есть условие.

— Какое? — медленно и с нотками недоверия в голосе переспросила она.

— Мы с тобой, наконец, сразимся. По-настоящему, без посторонних, без увиливания, без глухой обороны. Как в настоящем бою, с целью убить. — Смех пропал. Он смотрел на неё серьёзно и даже немного с угрозой.

Риане вдруг стало грустно. Он всё ещё хочет её убить. Опустив голову, она вздохнула, после чего посмотрела на него и ответила:

— Хорошо. Но не сейчас. Мне надо выбраться отсюда и помочь вызвалить остальных, а ещё собрать для Дракона талисманы. После этого только назови время и место.

— Я помогу тебе выбраться. Ты заберёшь талисман, и встретимся в конце месяца, когда на небе будет полная луна.

— Это слишком быстро, — испугано посмотрела на него жрица. — Нам лучше встретиться после осеннего бала.

— Нет. В полнолуние! — настойчиво повторил он, сверля её взглядом.

— До него чуть больше двух недель...

— Иначе оставайся здесь.

— Ты не посмеешь! — пыталась рассердиться Риана.

Аккес знал, что не оставит её, но не собирался в этом признаваться, поэтому продолжал молча стоять и упрямо смотреть на неё, надеясь, что она всё же капитулирует. Он помнил своё обещание не нападать на неё, пока они не закончат собирать талисманы, но продолжал упорствовать. С другой же стороны, как только она покинет замок, этот сбор как раз и будет завершён. Так что обещание своё он сдержит.

— Хорошо, — наконец, сдалась Риана. — В ближайшее полнолуние.

Усмехнувшись, он подошёл ближе и, подняв один из железных прутьев, которыми, вероятно травили животных, воткнул его в висящий замок. После чего со всей силы ударил по нему ногой так, что металл замка лопнул и свалился грудой прямо на пол.

— Как!? — удивлённо глядела на это Риана. — Он же огромный.

— Это не сталь. Обычная медь с железом. Они потому и такие большие, что на деле хрупкие.

— Но я же сама... — Риана от обиды закусил губу. Она двумя ногами лупила по двери и ничего, а он одной ногой, да ещё с одного удара. Но, глянув на Аккеса, она была вынуждена признать, что он гораздо крупнее и сильнее её. Что неудивительно.

Аккес же продолжал стоять на месте и пристально смотреть на нее. Риане вдруг резко расхотелось выходить из клетки.

— Выедешь из замка по дороге к Сенкине. Там есть посёлок с петушиным названием. От него около четверти дня пути до большого высушенного дуба, возле которого свернёшь направо и пройдёшь вглубь леса. Там небольшое озеро и просторная поляна. Отличное место для схватки.

— Откуда ты знаешь? — спросила удивлённая Риана.

— Мы там однажды останавливались на ночлег. Хорошее место.

Риана кивнула и, преодолевая странную робость, наконец, вышла из клетки. Когда она проходила мимо него, по её телу пробежали мурашки от того, как он продолжал смотреть на неё. Он словно надзиратель следил за каждым её шагом. Жрица чувствовала мощь, исходящую от него, даже когда он, казалось, спокойно стоит на месте. Находясь рядом с ним, она ощущала всё ту же энергию, которая, словно густой туман, наполняет пространство рядом с ним. И каждый раз ей казалось, что даже эта энергия пытается окутать её, задавить, задушить...

Аккес был похож на пламя, которое сжигало любого, кто осмеливался подойти ближе. Неудивительно, что его все боялись и сторонились даже когда он был без маски. Он одним взглядом способен подавить человека. А уж взгляд его она прекрасно помнила по их прошлой встрече, а точнее, по прощанию на причале. И сейчас, проходя мимо, она ощущала его всей кожей.

Выглянув в проём коридора, она, наконец, задалась вполне логичным вопросом:

— А как ты вообще здесь оказался? И как узнал, что я заперта?

— А это имеет значение? — сухо спросил он, но видя, что Риана подозрительно на него покосилась, решил всё-таки ответить: — Приехал забрать одного любителя портить остальным жизнь, который уже сбежал, а потом нашёл тебя здесь.

— Ясно... — проговорила Риана и вновь выглянула в коридор. — А где вся стража?

— Мертвы. Возможно, только ранены, — равнодушно пожал плечами Аккес.

— А я хотела избежать кровопролития, — грустно сказала Риана.

— Тогда можешь возвращаться в свою клетку, — раздражённо сказал Аккес, проходя мимо неё в коридор. После чего обернулся и сердито посмотрел на неё. — Я не буду извиняться за то, что убил тех, кто хотел убить меня.

— Извини, — произнесла Риана, смущённо опустив глаза. — Я благодарна тебе за то, что ты меня выпустил.

Посмотрев на него, она увидела, что он опять изучающе её разглядывает и, чтобы прекратить эту неловкую сцену, она направилась в комнату охраны.

Ей не терпелось выбраться из этой душной, влажной темницы с узкими коридорами и чёрными от копоти факелов стенами. Благо из-за маленьких окошек и всё тех же факелов, здесь было не так темно. Хотя жути и без того хватало.

Жрица прибавила шагу, надеясь, что её оружие ещё в целости и сохранности и его не успели продать или оттащить в оружейную. Небольшая комната, в которой, судя по всему, стражники играли в кости, была усыпана телами. Однако не все были мертвы, некоторые просто оглушены и лежали без сознания. Но сейчас было не до сантиментов. Риана, уже готовая броситься к сундуку, где в последний раз видела Авока и Керена, вдруг заметила своё оружие на столе вместе с разбросанными монетами.

Кто-то пытался выиграть или проиграть её мечи. И она вздохнула с облегчением и, взяв их в руки, любовно погладила по лезвиям и прикрепила обратно себе на бёдра. После чего радостно обернулась и сообщила:

— Я готова!

Аккес, как и чуть ранее, прислонился плечом к косяку и наблюдал за ней. И когда она обернулась к нему, сияя довольной физиономией, окинул её насмешливым взглядом и направился к выходу, бросив через плечо:

— Пошли.

— Мы ещё не освободили остальных. — Риана упрямо замерла на месте.

— А, ну да, — скривился Аккес, злобно усмехнувшись. — Куда же ты без Железной башки?

Риана проигнорировала его комментарий.

— Ещё с нами были и другие рыцари. Анисий, Данарий, Баритан, Таби...

— Да понял я... — перебил её Аккес и, развернувшись, пошёл вглубь темницы.

Подойдя к ближайшей двери, он ногой выбил её, заглядывая внутрь.

— Эй! — возмутилась Риана. — Ключи же есть.

Она, выразительно посмотрев на него, продемонстрировала связку, которую прихватила с собой, когда вернула себе оружие. Только Аккес не отреагировал на её слова, но повернув голову к выходу громко вздохнул.

— Ну, наконец-то. А то я уж было подумал, что им всё равно.

— Что? — удивилась Риана, тоже услышав лязг и шум. Похоже, стража, наконец, прибежала. — Я думала, ты всех убил.

— Спасибо, конечно, за столько высокую оценку моих способностей, — сказал тот, доставая из-за спины свои клинки, — но я лишь припугнул их и забаррикадировал коридор. Убивать их я начал только тут, внизу. К слову...

Аккес бросился обратно к комнате стражников, и Риана услышала какие-то удары. Через некоторое время послышался уже скрежет, и Аккес, кинувшись обратно, едва успел проскользнуть, пока путь не перегородила огромная металлическая решётка.

— Ты что сделал? — ошарашенно уставилась на него Риана. — Ты же запер нас здесь. Аккес выпрямился. На его лице красовалась широкая улыбка.

— Я задержал их, — пожал он плечами. — Не переживай, пока мы найдём твоего шлемоголового с его шлемоносцами, стражники уже разберутся с решёткой. А нет, нам же лучше. А теперь пошли быстрее искать, жрица, а то не успеем.

— Им стоит только потянуть рычаг, и решётка поднимется, прежде чем мы добежим до конца прохода, — ворчливо сказала Риана, не забывая между тем заглядывать в камеры в поисках Лекамира.

— А что ты думаешь, я там делал? — огрызнулся на неё Аккес. — Я как раз этот механизм и разгромил. И пока они его наконец поднимут, пройдёт достаточно времени.

Риана на миг остановилась и удивлённо посмотрела на него. Аккес, заметив её взгляд, усмехнулся и вышиб ногой очередную дверь.

— Ключи же, — устало повторила она.

— Некогда, — ответил ей Аккес.

Вскоре, подгоняемые скрежетом металла и ругательствами у выхода, они нашли нужную дверь. И в очередной раз, прежде чем Риана успела подобрать ключ, Аккес уже вышиб дверь так, что та накренилась и повисла. Вздохнув, Риана вошла внутрь и увидела прикованного к стене Лекамира. Похоже, его тоже сочли слишком опасным, чтобы просто запереть, никак не ограничив свободу его передвижений по камере. Учитывая, как Аккес выносит двери с одного удара, Лекамир, который гораздо больше его, мог бы так же легко освободиться. А вот с цепями, которые приковывали его руки и ноги к стене, было не так легко справиться.

— Риана! — воскликнул Лекамир, как только она вошла внутрь. — Слава Небесному, это ты. Я всё переживал, что за шум...

Рыцарь замер на половине фразы, увидев, как вслед за Рианой вошёл Аккес и усмехнулся, заметив положение рыцаря. Откровенно смеяться не стал, за что Риана была ему весьма признательна.

— Что он тут делает?! — воскликнул Лекамир, натягивая цепи. Пусть он и стал за время их совместного путешествия немного терпим к этому варвару, всё же предпочёл бы больше никогда его не видеть. И уж точно не тогда, когда он прикован к стене пудовыми цепями.

— Вообще-то спасаю тебя, пушечное мясо, — скривился Аккес. — Точнее я бы тебя бросил тут, так что спасает тебя жрица.

— Пожалуйста, не ссорьтесь, — вздохнула Риана, спеша к Лекамиру и пересматривая все ключи, которые захватила у стражников, в поисках подходящего. — Лучше помоги его освободить.

— Не, тут я не справлюсь. Цепи стальные. Если уж этот буйвол не смог их порвать, то боюсь, я ничем не могу помочь.

— Всё-таки признаёшь, что я сильнее, варвар? — злобно усмехнулся рыцарь.

— Физически да, — легко согласился Аккес. — Но в бою я запросто четвёртую тебя.

Риане, наконец, удалось подобрать нужный ключ, и она начала отпирать замки, освободив сначала руки, потом ноги рыцаря.

— Где принцесса? — тут же спросил он. — Вы её ещё не спасли?

— Она всё ещё в башне, — ответила Риана, направляясь к выходу. — Надо как можно быстрее найти остальных и потом сразу за ней.

— Замечательно, — закатил глаза Аккес. — У нас есть принцесса в башне и даже

рыцарь, может, оставим их и пойдём? Дубоголовый ведь таким всю жизнь занимается. Справится и без нас.

Риана украдкой посмотрела на Аккеса, который почему-то выглядел вполне довольным. Словно они сейчас не в подземелье совершают побег, преследуемые, наверно, всей стражей дворца. Однако он стоял тут, расслаблено прислонившись к стене, улыбался и даже... шутил?

— Могу я поинтересоваться, что ты вообще тут забыл? — прошипел Лекамир, явно не в восторге от новой компании.

Аккес хмыкнул и пошёл за Рианой, которая, не теряя времени, приступила к поискам других рыцарей.

— Узнал, что королева кого-то прячет, и выиграло любопытство. Знал бы, что и ты здесь со жрицей, подумал бы хорошенько прежде чем сюда идти.

— И как же ты узнал об этом? — всё ещё подозрительно спросил Лекамир.

Аккес остановился и посмотрел на рыцаря с явной неприязнью. Хорошее настроение улетучилось.

— Спросил её.

— Так она тебе и сказала! — съязвил Лекамир, смело отвечая на его взгляд.

— Не имеет значения, что она сказала. Но если тебе интересно, она соврала, а я это понял, — усмехнулся он, ничуть не смущаясь того, что Лекамир, который был значительно массивней, выше на полголовы, да еще и угрожающе сверлил его взглядом. — Если ты не забыл, я из тех, кому невозможно соврать.

— Как тут забудешь! — фыркнул рыцарь. — Когда-то один из таких же варваров, как ты, похитил первую жрицу и увёз в пустыню. Иногда я думаю, что если бы удалось вовремя пустить ему стрелу в сердце, ты бы сейчас тут не кичился своими способностями.

Аккес, стоявший напротив рыцаря, неожиданно хмыкнул.

— Если бы Кимунта удалось пристрелить, то я бы тут вообще не стоял, так как он является моим предком, как, впрочем, и сама жрица Акерта.

Лекамир замер с широко открытыми глазами, и Аккес почувствовал, как в таком же потрясении замерла и Риана. Она как раз собиралась отпирать очередную дверь, да так и застыла с поднятыми руками.

— Ты потомок жрицы? — спросила она неожиданно осипшим голосом.

Он обернулся к ней.

— Это настолько удивительно? Я думал, ты знаешь, — пожав плечами, он прошёл дальше и очередным ударом ноги вышиб следующую дверь.

— Как я могла о таком знать?

— То, что рассказывают в Ваших королевствах, совершенно не соответствует тому, что известно моему народу, — усмехнулся Аккес, проигнорировав её вопрос. — В моей же семье эта история передавалась из поколения в поколение. Они были счастливы, и у них было трое детей. По идее, нас, прямых потомков, должно было быть гораздо больше, но вот большие злые рыцари с равнины, — он косо посмотрел на Лекамира, который до сих пор взирал на него с раскрытым ртом, — поубивали почти всех. Так что я последний не только из скертерийцев, но и среди потомков жрицы Акерты.

Наконец, Лекамир словно очнулся и недоверчиво уставился на Аккеса.

— А ты уверен, что это не красивая сказка родителей?

Аккес раздражённо скривился.

— Говорят, что именно благодаря крови небесной девы в нашем роду, в отличие от остальных, дар жрицы до сих пор не пропал. А, как известно, подаренные ими способности с каждым поколением становятся всё слабее и слабее.

Риана в очередной раз удивлённо замерла, понимая, что всё, что он только что сказал, — правда. И внутри неё опять всё смешалось. Она пыталась осознать то, что Аккес, помимо всего прочего, в прародителях имеет Акерту. Ту самую добродушную и целеустремлённую девочку, которую она знала.

Лекамир же стоял и тоже никак не мог решить внутреннюю дилемму. Аккес ему определённо не нравился. Рыцарь считал его варваром и кровожадным безумцем. Но в то же время в его роду была та самая легендарная первая жрица. Юная дева, принёсшая мир всей равнине. Как у такой, как она, в потомках оказался такой негодяй. Более того, Лекамир не знал, как теперь к Аккесу относиться.

Однако ступор его продлилась недолго.

— Эй, кончай спать стоя, шлемоголовый, — послышался раздражённый голос наследника легендарной жрицы. — Лучше помоги вызволять своих людей.

— Почему ты раньше не говорил? — вдруг спросила Риана.

Окинув её взглядом, Аккес поджал губы, но всё же ответил:

— Я же сказал: думал, ты знаешь. — Он отвернулся и пошёл к другой запертой двери. — Видимо, ты не это имела в виду, когда удивлялась, что такой, как я, хочет тебя убить.

Риана, прикусив губу, задумчиво на него посмотрела, Аккес же вернул ей такой же взгляд. Невысказанный вопрос так и повис между ними. Но жрица не стала дожидаться, пока он будет произнесён, вопрошая ответа. Отвернувшись, она пошла дальше, всей кожей чувствуя, как Аккес провожает её взглядом...

Ей сейчас совсем не хотелось тратить время на разговоры, которые всё усложнят, поэтому она решила подумать об этом, когда будет более спокойное время.

На их счастье, стражники решили не утруждать себя лишней работой и заперли всех рыцарей рядом, но за более прочными дверьми. Однако каждого из них так же приковали цепями. А сэра Баритана даже в два слоя, так как тот лишь немного уступал Лекамиру в объёме.

Рыцари были несказанно рады увидеть своего командира и жрицу, хотя и недобро косились на Аккеса. Каждый почти сразу понял, кем тот является и, так же как и Лекамир, были не рады его компании. Сам же Аккес просто их игнорировал. Он привык к недобрым взглядам и лишь Табирия окинул равнодушным взором, когда молодой парень с решительным взглядом попытался загородить от него жрицу.

Риана, улыбнувшись, тихо ему что-то сказала, так что парень с неохотой, но отступил.

Пока рыцари выпутывались из цепей, Лекамир, напряжённо прислушивался к скрежету, который доносился с другого конца коридора.

— Сир, нам нельзя здесь оставаться, — скала Анисий, подходя к своему командиру. — Мы безоружные не сможем долго противостоять стражникам.

— Знаю. Надо срочно придумать, как выбраться отсюда.

— Судя по звукам, они тоже думают, что мы можем ускользнуть в одно из этих мелких окошек в камерах, — Аккес окинул рыцаря насмешливым взглядом. — И видимо, они не учли габариты некоторых...

— Эти окошки слишком маленькие даже для меня, — вставила Риана.

— У нас есть и оружие, и возможность их расширить, жрица. Хотя никто не обещает, что нас не будут ожидать и там. Так что предлагаю принять бой.

И не говоря больше ни слова, Аккес достал своё оружие и направился обратно по проходу туда, где скрежет становился всё сильнее, свидетельствуя о том, что решётку уже поднимают, если уже не подняли.

Лекамир бросил взгляд в одну из камер на ту щель, что они называли "окошком", и вынужден был признать, что выглядели они жалко. Камень или глина крошились и осыпались. Небольшое усилие, и вскоре они смогли бы увеличить проход даже для такого, как он. Удивительно, что отсюда ещё никто не сбежал при таком ужасном состоянии стен. С другой стороны, и заключённых здесь тоже не видно...

— Лекамир, вы без оружия, поэтому держитесь сзади, — сказала Риана, доставая свои мечи.

И прежде чем хоть кто-то успел возмутиться тем, что им предстояло отсиживаться в тылу, жрица бросилась вперёд. Впрочем, даже она отставала от Аккеса, который ворвался в ряды стражников смертельным вихрем, размахивая своим оружием так, что ветер свистел. Риана зашла с другого бока, кружа на месте с не меньшей скоростью, и порой даже терялась из виду.

Лекамир же успокоил свою гордость тем, что хорошенько приложил одного из вырвавшихся стражников головой об стенку. Всё-таки он даже без оружия не беззащитен.

Вообще охраны было на удивление мало. И рыцарь до сих пор не совсем понимал, почему они ринулись в атаку в этом узком коридоре. Когда часть стражников была убита, остальные бросились бежать, хотя преследовать их никто не спешил. И когда те, сверкая пятками, скрылись из виду, Аккес резко повернулся к Риане, которая стояла в двух шагах от него. Срывая маску, он раздражённо уставился на неё.

— Жрица! Ты меня задела! — сузив глаза, прошипел он и указал на локоть, на котором красовался длинный порез.

Риана почему-то прыснула со смеху и, изобразив на лице очаровательную улыбку, сказала:

— Ну, извини меня, самурай.

Каким-то странным образом у неё поднялось настроение, хотя убийства ей никогда не нравились. Но сейчас от воодушевления, которое она испытала, внутри всё пело. Нанося удары и уходя от них, она контролировала всё вокруг себя, а также чётко следила за движениями самого Аккеса. У Рианы было ощущение, что и он делал то же самое. Потому что там, где она пропускала врага, его добивал он. И наоборот, тот, кто уходил от его удара, доставался ей. Она впервые испытала чувство единения с другим человеком. Это было удивительно. Поразительно. Опьяняюще...

Пока они препирались, Анисий успел проскользнуть в комнату стражи и вынести своим товарищам оружие. Табирий помог ему, прихватив и часть брони, которую им пришлось снять, когда их сюда привели.

— Сир, ваше оружие, — сказал Анисий, протягивая Лекамиру меч. Прислушиваясь к ворчанию Данария о том, как эти ублюдки поцарапали его бесценный лук.

— Успокойся, малой, — хмуро посмотрел на него Марвин, которому в силу его возраста все казались "малыми", даже Данарий, который и сам уже был не первой молодости. — Эти ублюдки заплатят за всё.

— Так что?.. Мы всё-таки будем воевать с королевой? — спросил Табирий, наблюдая за

тем, как Лекамир пристёгивает свои наплечники на место.

— Если повезёт, то не будем, — мрачно сказал Лекамир, на что Марвин зло сплюнул прямо на пол, бубня себе под нос ругательства. Лекамир смерил его гневным взглядом. — Мы в меньшинстве и не сможем противостоять её армии.

— Сир, но как мы выберемся отсюда? — спросил Баритан.

— Сначала надо вызволить принцессу.

В это время Риана склонилась над одним из противников, который всё ещё был жив и в сознании.

— Скажи, — как можно более дружелюбно спросила она, — где держат принцессу Келину?

— Я... — кряхтя от боли начал он, — ничего не скажу...

— Лучше ответь ей, пока спрашивать не принялся я, — встал рядом Аккес и, злобно глядя на лежащего, нацепил на лицо маску.

Стражник побледнел от ужаса и заикающимся голосом пролепетал:

— В северной... по корид... коридору налево...

— Спасибо, — улыбнулась жрица и, встав, направилась к выходу.

Аккес сначала хотел добить страдальца, но потом передумал и пошёл за жрицей. Даже если тот попытается кричать, это будет бесполезно: в замке и так все знают, что совершается побег. А он до сих пор был зол на Альдана, да и на королеву с её ложью и наглостью, поэтому был не против поубивать ещё нескольких безумцев, которые осмелились бы на них напасть. Головорезы из них, может, и неплохие, но вот бойцы слабые. Только и могут что нападать, размахивая мечами, как будто и понятия не имеют ни о защите, ни об уклонениях, ни о боевой хитрости. Да таких можно одними пинками разогнать.

Сброд, а не воины...

Он посмотрел на жрицу, которая подошла к рыцарю, помогая ему застегнуть нагрудник.

Вот она была совершенно другое дело. То, как она сражалась, вызывало восхищение. И почему-то в этот раз его не одолевала ярость, хотя она опять сражалась рядом. И волосы её не потеряли своего красного цвета. Из-за которого он чуть не лишился его рассудка на острове. Но по какой-то причине всё стало совсем наоборот: именно зная, что она рядом, он мог контролировать себя и не сорваться. А она... она продолжала и начинала его удары. Дополняя его.

Это было настолько же необычно, насколько и прекрасно.

Жрица-воительница...

Он нахмурился, радуясь, что на его лице маска. Он уже успел пожалеть, что договорился с ней на конец месяца. Надо было потребовать, чтобы она сразилась с ним сразу после того, как они отъедут на безопасное расстояние. Остальные могут двигаться к своему замку, а она бы осталась с ним...

— Эй, — крикнула Риана. — Аккес, нам пора.

— Всегда мечтал спасти принцессу из башни, — скривился он, отбрасывая маску назад и идя к выходу.

— Не смей к ней даже приближаться, варвар, — сказал Лекамир, когда тот проходил мимо.

— Ну вот, а я думал её съесть, какая незадача, — как бы между делом ответил Аккес и побежал вверх по лестнице, держа наготове мечи. Будь местные вояки хоть немного умны, они бы сделали здесь засаду. А он не любил недооценивать противников.

— Успокойся, Лекамир, — сказала Риана, медленно погладив того по напряжённой руке. — Он ведь помогает нам. Не стоит думать о нём как о злодее.

— Не верю я в его благородство, — хмуро посмотрел на неё Лекамир. — Разве мы согласились на темницу не затем, чтобы не сражаться с людьми королевы? А стоило ему появиться, как ты тут же готова давать отпор. Что изменилось?

— Перевес сил, — тихо сказала Риана, прямо смотря ему в глаза. — Ты сам должен понимать, что с ним у нас есть шанс выбраться отсюда.

— Шанс? Да он же всех поднял на уши.

— Он же с ними и разберётся, — упрямо сказала Риана. — А я ему помогу. Все мы.

Вздыхнув, Лекамир решил, что лучше действовать, чем пререкаться, тем более, если речь идёт о спасении принцессы.

Но как оказалось, это в темнице было всё просто и понятно.

Здесь же...

Засады не было. А Аккес, как никогда серьёзный, внимательно рассматривал небольшой двор и верхние бойницы в поисках стрелков. Уж лучше была бы засада, чем вот такая вот странная тишина. Не к добру это.

— Нам к северу...

— Тихо, — протянув руку, он задвинул жрицу себе за спину, продолжая следить за обстановкой во дворе. Риана же удивлённо смотрела на его руку, которой он отгородил её. Этот его неосознанный жест заботы ввёл её в ступор. Она никогда не думала, что ей требовалась защита, ведь её сила превосходила способности любого смертного воина. И не было ничего, с чем бы она не справилась своими силами. А защищает обычно тот, кто сильнее...

Она посмотрела на Аккеса, который не видел её растерянности и продолжал внимательно рассматривать двор.

Снова посмотрев на его сильную руку, которая всё ещё преграждала ей путь, Риана внезапно поняла, что он первый, кто вообще попытался защитить её. А точнее, первый, кто действительно это делал. Не задумываясь и не задавая лишних вопросов. И наверное он единственный, кто вообще в состоянии это делать.

Только вот... он же и единственный кто не просто хотел, но и мог её убить.

Не успела Риана как следует почувствовать сожаление и грусть, как Аккес повернулся и тихо сказал:

— Похоже, никого нет. Но всё равно двигаемся быстро. — Надевая маску, он проговорил скорее сам себе: — Не нравится мне всё это.

И не дожидаясь остальных, стремительно двинулся в том направлении, которое указал стражник. Риана, стараясь сосредоточиться на главном, быстро последовала за ним, как и рыцари.

Когда они беспрепятственно добрались до башни, возрастающее напряжение чувствовали уже все. Особенно всех напрягала огромная мощённая камнем площадь, которую придётся миновать, чтобы подойти ко входу. Ту самую, которую Риана видела несколько дней назад, когда приехала. Ночью на ней не было людей, и от этого она казалась ещё больше.

— А вы точно уверены, что принцесса ещё там? — спросил Аккес, в очередной раз осматриваясь вокруг. — Будь я на месте этой лживой старухи, я бы при первом же удобном случае переправил бы пленницу.

— У нас нет выбора. Придётся проверить, — сказал Лекамир.

— Нехорошее место, — с досадой выдавил из себя Баритан. — Как пить дать, они устроят засаду.

— Нам лучше поторопиться, — сказал Данарий, зорко осматривая стены и напряжённо сжимая в руках лук. Он, в отличие от остальных, чувствовал себя словно безоружный, так как большинство его стрел было сломано, и в случае стычки он быстро останется с пустым колчаном.

— Так идём в башню, — скомандовал Лекамир и повернулся к своим рыцарям. — Держать ухо остро. Анисий, ты остаёшься на карауле у входа. Заметишь что-то подозрительное, сразу давай условный сигнал.

— Да, сир, — кивнул рыцарь, и когда все побежали ко входу, встал рядом. Руки его беспокойно сжимали рукоятку меча, хотя он знал, что всё равно эти усилия бесполезны. Даже если он кого-то и успеет заметить, даже если и успеет предупредить, даже если его товарищи успеют среагировать... стражников будет гораздо больше...

Если кто-то появится — им просто не жить.

Оставив Анисия со своими тягостными предчувствиями, остальные пошли искать Келину. Хотя "искать" громко сказано. Башня одна, как и комната за дубовой дверью. Риана на миг подумала, что Аккес сейчас и её вынесет ногой, но только вот дубовая дверь так просто не поддастся. Это не трухлявая от сырости и времени дверь темницы. Дверь пришлось выносить всем вместе с разбега. Когда же она, наконец, треснула и повалилась на пол внутри, в довольно простой обстановке была замечена и принцесса с большими от страха глазами и подсвечником в руках.

Келина схватила первое, что могла бы использовать вместо оружия, как только поняла, что кто-то ломится в дверь. От страха душа её ушла в пятки, но отточенные навыки брали своё, и не успев ничего толком сообразить, она схватила подсвечник, чтобы хоть как-то защититься.

Но когда в комнату по инерции ворвались хорошо знакомые лица во главе с Лекамиром, облегчение накатило на неё с такой силой, что она рухнула прямо на пол.

— Хвала Богине, — выдохнула она, готовая расплакаться от радости.

— Принцесса, с вами всё в порядке? — тут же бросился к ней Лекамир. — Они ничего вам не сделали? Не тронули? Не обидели?

— Нет, — замотала она головой. — Только отобрали оружие и заперли здесь.

И тут она увидела Аккеса, который по-хозяйски зашёл в комнату. Откинув на голову маску и нахмутив брови, он начал осматриваться.

Келина так и застыла с открытым от потрясения ртом. Когда-то давно она мечтала увидеть его лицо, потом слышала рассказы о нём. То, что он обычный человек, а не монстр, а ещё, что он скертериец. Ну и, конечно же, принцесса не забыла бесконечное щебетание сестры о том, как он молод и хорош собой... Но увидев его впервые своими глазами, она просто остолбенела.

Ей он не показался особо привлекательным. Но эти глаза... Богиня... Он и правда скертериец.

Она смотрела на него как заворожённая, и мысли её скакали от его необычной внешности до вопросов, что он тут делает, потом опять вспоминались слухи о его кровожадности и... он правда из легендарного и истреблённого народа?

И прежде чем принцесса смогла себя остановить, сама того не ожидая, и она громко, на

всю комнату, сказала:

— Я умею летать.

Воцарилась гробовая тишина, и все с удивлением посмотрели на принцессу, начав сомневаться в её разуме. Сама же Келина не отрывала взгляда от Аккеса, который вдруг тоже на неё посмотрел. Только, в отличие от остальных, смерил её взглядом и усмехнулся.

— Плохая попытка, принцесса. Тут любой поймёт, что это ложь, — продолжая ухмыляться, он развернулся и пошёл к выходу.

Келина же покраснела до кончиков волос. Особенно когда до неё стало доходить, что она только что хотела проверить генерала Аккеса... Того самого, кто славился своей кровожадностью и беспощадностью...

— О, Богиня... — выдохнула она.

Риана подошла к ней и, не скрывая смеха, помогла ей подняться на ноги.

— Ты что пыталась узнать, может ли он различать правду?

— Я наверно слишком обрадовалась, увидев вас, и забыла, что его тоже следует бояться, — тихо ответила принцесса. — Теперь он на меня злится?

— Не думаю, — всё ещё улыбнулась Риана, — но не советую делать второй попытки.

— Лучше вообще с ним не разговаривать и поскорее убираться отсюда, — сказал Лекамир, доставая один из кинжалов и передавая его принцессе.

Видя, что с ней всё в порядке, Риана тоже пошла к выходу, где возле лестницы стоял Аккес, напряжённо глядя вниз. И тут внизу раздался какой-то шум, лязг и прерванный крик...

Риана бросилась к перилам, перевесившись так, что чуть не упала вниз. Взволнованная она пытались хоть что-то рассмотреть. Но ничего не было видно.

— Анисий... — хрипло выговорила она, закусив губу.

— Похоже, мы потеряли одного, — мрачно сказал Аккес.

— О, нет...

— Знал же, что глупо сюда идти... — Аккес сокрушённо погрузил пятерню в волосы, откидывая их назад.

— Мы...

— Уже сделано, — перебил Аккес и посмотрел на жрицу, — скажи остальным, чтоб готовились. Думаю, без боя мы отсюда не выйдем.

И, не дожидаясь её реакции, Аккес побежал по ступенькам вниз. Он не был склонен к самобичеванию, поэтому вместо того чтобы ругать себя за оплошность, он старался придумать план, как выбраться из ловушки. Лишь бы стражники не успели подпалить башню, пока они в ней. На их месте он бы так и сделал.

Он спустился слишком быстро, потому к проёму крался медленно, стараясь восстановить дыхание. То, что ему открылось, не внушило оптимизма. Рыцарь, которого они оставили стеречь вход, лежал мёртвым со стрелой в груди.

Лучники.

Впрочем, легко он не сдался. Рядом с ним лежало два тела, судя по всему, на него напали внезапно. Возможно, подкрались. А чуть поодаль еще один труп с оружием, которое торчало из груди.

Троих с собой взял. Достоин похвалы.

Осторожно окинув площадь взглядом, Аккес нахмурился. То, что есть лучники, уже плохо, хотя не сказать, что так уж неожиданно. Но помимо них во дворе стали собираться и

простые воины. Двигаясь поначалу очень тихо, потом перестали скрываться, и грохот от лязга доспехов и мечей стоял такой, что и глухой услышал бы. И здесь были не только стражники, охрана, но и простые мужчины, наспех одевшие нагрудники. В толпу наверняка загнали и разбойников, до этого уютно присосавшихся к кормушке, которую организовала королева. Сама же она стояла позади этого разномастного войска. Доспехов на её тучном теле не было, разве что латные наплечники красовались на положенном месте. Лицо её пылало гневом.

Аккес улыбнулся сам себе. А ведь совсем недавно нервно потела от одного его взгляда. Видимо не так уж сильно и испугалась, раз решила попытаться изловить его. Или просто гордость проснулась. Он догадывался, что, когда страх поутихнет, она попытается отомстить, но надеялся, что к тому времени они успеют убраться подальше.

Удивительно только, что они решили подкараулить их у башни, а не на выходе из темниц. Хотя это можно было понять, здесь места больше для того, чтобы разместить всю армию. Может, хотят запугать?

— О, Богиня... — послышался разочарованный вздох рядом, и, слегка повернувшись, Аккес заметил рядом жрицу, которая сжав губы, смотрела на мёртвого рыцаря. Казалось, она вот-вот расплачется, но она взяла себя в руки и перевела взгляд на то, что творится на площади. И тут же взгляд её изменился, а руки привычным жестом начали быстро переплетать волосы, завязывая их в тугий хвост. В её взгляде не было страха или гнева, и даже жажды мести. Она смотрела скорее с сожалением и разочарованием. Что не было странно, учитывая её характер. Наверняка уже подсчитывала, скольких придётся убить.

И он слегка улыбнулся, отворачиваясь, дабы никто этого не заметил. На самом деле, ему это в ней нравилось. Потому что за всей этой жалостью стояла одна истина. Она не собирается сдаваться!

Воительница...

Надев на лицо маску, он обернулся и посмотрел на остальных, которые уже присоединились к ним и уже успели оценить обстановку и выругаться, видя мёртвого друга.

Что ж, раз никто не догадался подпалить башню, придётся выходить самим.

— Опасайтесь лучников, — сказал он, чувствуя, как даже бывалые воины содрогнулись при виде его маски. Впрочем, к такой реакции он уже привык. — Я иду первым, а вы сами поймёте, когда стоит присоединиться.

— Что ты будешь делать? — настойчиво спросила жрица.

Аккес посмотрел на её сосредоточенное лицо.

— Для начала попытаюсь напугать до загаженных штанов. А там как получится... — И, не собираясь больше ждать, он выхватил свои клинки и пошёл к выходу, внимательно следя за тем, что творилось вокруг. На миг он даже пожалел, что надел маску, так как она немного ограничивала поле зрения. Но напугать было важнее, поэтому он сосредоточился на слухе, чтобы сразу уловить момент, если в него пустят стрелу.

— Ну, надо же, — небрежным, но зловещим тоном начал он, выходя под свет факелов, — столько народу и все ко мне?

— Сдавайся! — крикнула королева со своего безопасного места. — Вы все окружены и будете убиты, если не сложите оружие.

Аккес, выйдя во двор, обнаружил, что воинов здесь гораздо больше, чем он раньше мог заметить. Но это не так страшно, как десятка два лучников, нервно натягивающих тетивы за бойницами внутренней стены замка. А у него с собой не было никакого метательного

оружия. Единственное решение было как можно быстрее начать бой. В этом случае лучники не будут стрелять, из опасения попасть в своих же. Но пока он был у них как на ладони, и это его немного нервировало.

— Ты, старуха, совсем ума лишилась? — гаркнул он так, что воины в переднем ряду шарахнулись назад, чуть не налетев на тех, кто стоял позади. — Или ты не знаешь, кто я такой? Слухи не всегда являются только слухами. Я запросто перережу тут всех и доберусь до тебя.

Лицо королевы Шатории побледнело так, что она бессильно открывала и закрывала рот, прежде чем смогла, наконец, изречь:

— Никто из смертных не способен на такое. Тебя застрелят, прежде чем ты сумеешь сделать хоть шаг.

Аккес злобно усмехнулся, только чтобы сильнее напугать. Внимание его, однако, продолжало концентрироваться на скрипе натянутой тетивы.

— Поверь мне, — сказал он тягучим, зловещим голосом, который был прекрасно всем слышен. — Я перегрызу тебе глотку, даже если придётся не идти, а ползти.

Он медленно перекрутил в руках мечи, повернувшись так, чтобы сложилось впечатление, что он смотрит прямо на королеву, которая от страха опять начала покрываться липким потом. Она подняла дрожащую руку, и в тот же миг он услышал звук характерный для спущенной тетивы.

Резко уходя в сторону, Аккес буквально нырнул под летящую стрелу и влетел в толпу ещё ничего не соображавших воинов. Пока те поняли, что происходит, трое уже лежали мёртвыми. Через секунду после этого началась суматоха, те принялись метаться и махать оружием, пытаясь поразить Аккеса. Но он лавировал между ними, нанося быстрые, но сильные удары, и противники зачастую даже не успевали заметить, откуда появилась рана.

Его переполняла энергия и мощь. Сознание наполнила мрачная сосредоточенность, а каждое движение, каждый удар был чётко продуман и исполнен. Стремительно двигаясь от одного врага к другому, он воспринимал усталость мышц как награду. В этот момент существовал только он и его противники. И ничему постороннему в этом месиве крови, смерти и металла, не было места.

Но потом он увидел среди мельтешащих врагов ярко-красные всполохи...

Она.

Аккес на миг задержал свой взгляд.

Жажда битвы, которая всегда угрожала поглотить его, никуда не пропала и по-прежнему kloкотала внутри, ожидая, когда произойдёт то, что спустит её с поводка. Ярость и злость как неизменные спутники этой жажды вгрызались в него со всех сторон, желая поглотить его полностью. Им требовался только небольшой толчок, незначительная вспышка раздражения или посторонняя мысль.

В прошлый раз, да и все предыдущие разы, именно жрица становилась для них освобождением. Мысль о ней или её вид обрушивал на него эту лавину тьмы, лишая сознания и оставляя лишь инстинкты, которые многие десятилетия были направлены только на убийства.

Ему бы держаться подальше, но он, словно стремясь к саморазрушению, вновь и вновь искал её.

И сейчас...

Он мельком видел её плавные и проворные движения, резкие и смертоносно-

прекрасные выпад, и кружившие во всём этом, красные как кровь, волосы... Это завораживало.

Странно... но почему-то ему не удавалось сдержать улыбку.

Если бы он мог, то остановился бы и просто смотрел.

Она по-прежнему отвлекала его... Раздражала. Он по-прежнему не до конца ей верил, но... по какой-то прихоти именно её присутствие не позволяло ему потерять концентрацию. Словно успокаивая кричащую внутри ярость. Мельком наблюдая за её движениями, он внезапно почувствовал то самое внутренне спокойствие... кто бы мог подумать.

Всё ещё удивляясь этому, Аккес резко подался в сторону, ударом ноги сбивая ближайшего неповоротливого стражника. И пока одна рука полоснула мечом по боку другого воина, второй рукой он перехватил клинок лезвием назад и вогнал оружие в горло третьего. И тут же, уходя от ответных ударов, он переместился в сторону. Но даже он не мог маневрировать бесконечно. Кто-то, пытаясь поразить его, нанёс весьма болезненный пинок по правой голени. А потом неожиданно откуда-то появился разбойник и хлестнул по нему кнутом, оставляя на животе распоротый след. Царапина отдалась резким жжением и начала кровоточить, но, к счастью, была не опасна. Метнувшись в сторону разбойника, Аккес хладнокровно перерезал ему шею и тут же переключился на тех стражников, что попытались напасть на него со спины.

Где-то в очередной раз мелькнула фигура жрицы, танцующей со своим клинками, словно в округе раздавались не звуки битвы, а прекрасная музыка. Она по большей части контратаковала, дожидаясь, когда противник нападёт первым.

Сам же Аккес действовал не только оружием, но и распихивал людей ногами. Неспроста на его обуви были металлические набойки. Один удар ногой мог вывихнуть челюсть или сломать шею. А вражеские воины только в ошеломлении замирали, видя его стиль боя. Никому и в голову не приходило, что можно так сражаться ногами. Хотя это не удивительно, их латы и броня не были приспособлены для этого. Аккес же по-прежнему не носил ничего, кроме уплотнённой кожи, щитков и наручей, предпочитая манёвренность.

По этой же причине многие его недооценивали, считая лёгкой добычей, но лишь до тех пор, пока дело не доходило до реальной битвы. И он особенно хорош, когда противников было много. Он со своей скоростью и гибкостью в большинстве случаев только подставлял врагов под удары их же союзников.

Когда часть воинов полегла, стало ясно, что это был только первый ряд, позади которого стояли уже тяжеловооруженные воины со щитами и более прочной пластинчатой бронёй. А значит, те, что стояли первыми, лишь слабые и неопытные новички, которые были нужны только для того, чтобы измотать противника, а по возможности и нейтрализовать.

Умно.

Понимая всё это, Аккес, резко ушёл в сторону и отступил в укрытие. Жрица даже без предупреждения сделала то же самое. Необходимо было перегруппироваться и подготовиться.

— Они что, правда применяют военную тактику против нас? — удивлённо спросила она.

Аккес откинул за спину маску и улыбнулся. Его дыхание немного сбилось, а волосы растрепались и начали прилипать ко лбу. Он уже думать забыл об ушибе на ноге или царапине на животе. Его переполняли силы, и он был готов продолжать бой. Как будто это была лишь разминка.

— Они сейчас... о, началось, — Аккес выглянул из укрытия, успокаивая бешеный ритм бьющегося сердца. Давно он не чувствовал такого воодушевления и азарта. Раньше он просто монотонно убивал, не думая ни о чём. Позже настолько был поглощён яростью, что и вообще ничего не соображал.

Нечто подобное он чувствовал только в самом начале, когда тренировки приносили удовольствие, результаты радовали, а будущее вдохновляло. Ещё до всего того, что сделало из него убийцу. Теперь он впервые с тех пор даже не концентрировался на цели — убить. Более того, ему и вовсе не хотелось убивать. Но, даже просто обезвреживая противников, оставляя большинству из них жизнь, он чувствовал победу. Этот трепет и силу, удовольствие и гордость. Он и забыл, что значит ощущать торжество, от которого хотелось счастливо рассмеяться под тихое и бессильное рычание собственных демонов.

И, едва сдерживаясь, он повернулся и посмотрел на жрицу:

— Готова?

Риана, не отрываясь, наблюдала, как воины рассыпаются по сторонам, пытаясь преградить путь, но так как их было не так много, среди них начинали появляться прорехи. А воины, которые скрывались за ними, не имели такой же хорошей брони.

— Что с лучниками? — вдруг спросила она.

— О них уже позаботились, — послышался голос Лекамира и, обернувшись, они заметили, что тот стоит вдвоём с принцессой. — Мои люди, пока вы там играли в бессмертных, пробрались мимо и скоро доберутся до стены.

Риана осторожно выглянула и успела заметить, как рыцари, взобравшись на стену, напали на лучников. Данарий быстро доставал свои последние стрелы и пускал одну за другой в противников, в то время как трое других напали на ничего не ожидающих врагов, орудуя уже мечами. Разве что только Баритан время от времени раздавал удары своими огромными кулаками, а Марвин, налетая на стражников с разбегу, просто сшибал особо зазевавшихся вниз. А вот внизу остальные воины, видя, что лучников атакуют, начали суматоху, так что медлить было нельзя.

— А сам что? — усмехнулся Аккес, тоже успев оценить ситуацию.

Лекамир смерил его гневным взглядом.

— Я прикрывал принцессу. Из-за ваших действий она могла пострадать. Теперь, когда с лучниками скоро разберутся, я больше не собираюсь отсиживаться за чужими спинами.

И размяв плечи, он достал свой меч.

Аккес весело хмыкнул и вновь повернулся к жрице, смотря на неё уже вполне серьёзно.

— В центр на три позиции. С меня. Вверх-низ-верх.

— Ты выше меня мой верх не достанет.

— Тогда средний верх на четвёртый счёт. Верх-низ, средний-низ, потом верх-средний и низ.

— На один-три или два-четыре?

— На два-четыре, но через раз.

— Ясно.

И оба рванули вперёд, оставив Лекамира и принцессу недоумевающие переглядываться.

— О чём они? — спросила Келина.

— Понятия не имею, — ответил рыцарь и последовал за ними. Бросив взгляд на стену, он отметил, что лучники заняты тем, что пытаются справиться с его рыцарями и потому им сейчас не до того, что происходит внизу. Но стоило ему повернуться к врагу, и он от

удивления замер на месте.

Аккес и Риана ворвались в ополчение врагов как камень в воду. Стоя спина к спине они кружились как смерч, выставив свои мечи и попеременно меняя высоту. Лекамир так и не разобрался, о чём говорили эти двое, но друг друга они понимали с полуслова. И сейчас он видел, как эта парочка двигалась настолько гармонично, что оба меняли свои позиции так, словно репетировали это не один месяц. В результате те, кто стояли поблизости, падали замертво, остальные же начали расступаться подальше, боясь даже приближаться к ним.

Спохватившись, Лекамир поднял свой меч, и напал на тех, кто имел несчастье стоять к нему ближе всех. Больше не было времени глядеть по сторонам. Он лишь иногда замечал, как Аккес и Риана то расходятся в разные стороны, то вновь спина к спине отражают удары врагов.

Келина тоже наблюдала за всем этим и настолько поразилась, что едва не пропустила одного из стражников, который бросился к ней. Келина же, действуя скорее по инерции и поддавшись общему настрою битвы, выхватила свой кинжал размером с маленький меч и вогнала несчастному прямо под нагрудник лезвием вверх. Воин пошатнулся и начал заваливаться назад, вытаращив на принцессу дикий глаза.

Келина, стараясь не смотреть на него, почувствовала подступающую к горлу тошноту. Это бы первый человек, которого она убила. Но времени переживать об этом не было, так как к ней бежал ещё один. Принцесса попыталась вытащить своё оружие, но оно застряло. В панике она дёрнула его сильнее, и, в конце концов, ей удалось достать свой кинжал и очень вовремя. Уклонившись от замаха, девушка всё так же по привычке, которую много месяцев вырабатывала в себе, воткнула лезвие в незащищённое бедро воина. После чего выдернула и вонзила ещё раз, уже в бок под незащищённые рёбра.

Когда второе тело свалилось к её ногам, принцесса с ужасом поняла, что это её уже не так пугает. И именно от этого становилось страшно.

Общими усилиями им удалось перебить почти половину выставленного против них войска, когда буквально из-за угла показались ещё люди. Десятки и десятки людей прибывали, заполняя уже казавшийся не таким большим двор.

И прежде чем кто-то решил, что подоспело подкрепление, прибывшие воины с криками начали нападать на тех, кто посчитал их своими союзниками. Началась настоящая кровавая битва.

Аккес и Риана сперва даже и не могли понять, на кого им нападать, но инстинктивно встали спина к спине. Лекамир, замечая, что всё становится только хуже, поспешил присоединиться к принцессе, прикрывая её.

Впрочем, долго размышлять что к чему и не пришлось. Видя, что их теснят со всех сторон, стражники королевы Шатории начали отступать к своей правительнице, которая орала чуть ли не до хрипоты.

— Олухи пустоголовые, вы чего творите! Как смеете нападать на своих же?! Или совсем зрения лишились?!!

И тут ряд воинов расступился достаточно, чтобы одна фигура могла выступить вперёд, но всё ещё держась рядом, защищая своего предводителя. Принцесса Ласкита стояла в полном военном облачении, с заплетёнными волосами и сурово смотрела Шаторию.

— Это мои воины, мама. — Раздался на весь двор громогласный голос принцессы. — Они подчинятся только мне.

— Паршивая дрянь! — выплюнула королева. — Ты посмела пойти против меня?

— Да! Посмела! — крикнула Ласкита. — Ты уже давно только называешься нашей королевой, но плюёшь на законы и обычаи. Пируешь, празднуешь и даже не интересуешься делами твоих подданных. Они голодают, разбойничают только чтобы прокормиться, а ты в это время наслаждаешься игрой шутов и ласками мужчин.

— Дрянь!

Но принцесса не обращая внимания на мать, обратилась к людям, которые всё ещё защищали её.

— Вы действительно готовы отдать жизнь за ту, которая ни в грош вас не ставит? Ей плевать как на вас, так и на весь наш народ! Она пошла против жрицы самой Богини! Она отеклась не только от законов наших предков, но и от самих Богов!

Воинственная принцесса указала на Риану, которая всё ещё стояла неподалёку с окровавленным оружием. Она внимательно следила за всем, что происходит, готовая в любой момент к действиям. Ласкита же тем временем продолжала:

— Я принцесса Ласкита, законная дочь королевы и наследница престола. Одна из наших традиций гласит, что если король не в силах продолжать своё правление, он должен уйти, оставив корону наследнику. А ещё, — она посмотрела на свою мать, — наследник вправе потребовать себе трон, если его поддержит народ. Пора вернуть древние традиции... мама.

Шатория, кипя от гнева, выхватила своё оружие и направила на дочь.

— Ты змея! Я родила тебя, вырастила, заботилась о тебе. И теперь ты идёшь против меня? Против своей королевы! Ты предательница! Стража, схватить предательницу и бросить в темницу. Там она будет ждать своей казни.

Кто-то из воинов попытался сделать шаг вперёд, но неуверенно замер. Почти все понимали, что назревает переворот и очень важно занять правильную сторону.

О беглецах уже и думать забыли. И пользуясь этим, Лекамир подошёл ближе к Риане и Аккесу.

— Нам лучше уйти, пока они не приняли решение. Кто там знает, что будет после этого. Они могут потом все вместе на нас напасть.

Аккес мельком глянул на него, но промолчал. Риана же покачала головой и сказала:

— Не думаю, что нам нужно уходить, Лекамир. Ты забыл, что нам ещё и амулет достать надо. Хотя в сложившейся ситуации это кажется очень проблематичным.

— Да каким образом нам поможет этот амулет, если нас всех вздёрнут? — сердито спросил рыцарь.

— Не переживай, дубоголовый, — не поворачиваясь к нему, сказал Аккес. — Похоже, принцесса одерживает верх, и, возможно, удастся с ней договориться, раз уж она использовала нас ради свержения матери.

Лекамир нахмурился, но не ответил на колкость. Хотя руки уже давно чесались выбить челюсть этому варвару за его манеру так к нему обращаться.

Тем временем многие воины действительно стали переходить на сторону принцессы. В конце концов, рядом с королевой осталась лишь жалкая горстка людей. И Шатория поняла, что проиграла. Её захлестнула такая ярость, что она, выхватив свой меч, вышла вперёд, напроочь забыв о страхе. Ослеплённая гневом, она шла прямо к своей дочери.

— Ты мелкое ничтожество. Я зря скрывала твой стыд, зря помогала, зря обучала. Ты тут говоришь про древние традиции, так вспомни ещё одну традицию, когда правитель имеет право сразиться с тем, кто претендует на его место.

— Не надо, мама, — покачала головой принцесса, но, тем не менее, выхватила своё оружие. — Я тренировалась с детства, ты же давно не держала в руках оружие.

— Много опыта мне не понадобится. — Шатория подошла к дочери и занесла руку с мечом слишком проворно для той, кто целыми днями отлёживался, наращивая жир на бёдрах. Принцесса успела увернуться и отступить в сторону. Королева же, не останавливаясь, продолжала рубить перед собой в попытках убить соперницу.

Она кряхтела и кричала. Обзывая дочь, как только могла. Гнев, однако, хоть и даёт временно сил, всё же ослепляет. И принцесса, увернувшись в очередной раз, ударила мать по ноге, повалив её на спину. Но та не сдавалась и продолжала махать оружием, надеясь на слепую удачу.

— Ты тварь! Настоящая тварь. Я жалею, что не придушила тебя в колыбели! А ведь я любила тебя, заботилась о тебе!

— Я знаю, мама, — спокойным и даже грустным голосом ответила принцесса, вставая рядом и ногой выбивая у той из рук оружие.

Бой был закончен. И Шатория ясно понимала, что разгромлена. Она потеряла всё. Трон, дочерей, уважение... Оставалась только смерть. Но тут она посмотрела на Ласкиту, которая взирала на неё с лицом холодной отрешённости.

— Трон и так бы достался тебе, — сказала она, с болью глядя на неё. — Неужели так не терпелось, что не могла подождать несколько лет?

Ласкита присела возле поверженной королевы, зная, что та уже не может навредить ей, и заглянула прямо в лицо.

— Дело не в троне, — тихо сказала она так, чтобы посторонние не могли её слышать. — Дело в тебе. Я ненавижу тебя. С того самого дня, как ты разбила моё сердце.

— Твоё сердце? — посмеиваясь, сказала, словно выплюнула, её мать. — Ты, дура, сама виновата, что влюбилась в того конюха. И знаешь что? Он не уехал. Нет. Он мёртв! Я приказала убить его, и он давно кормит червей в сырой земле!

Ни одна эмоция не отразилась на лице её дочери. Более того, Шатория к своему ужасу увидела ледяную улыбку на её лице.

— Я знаю, — просто сказала она и достала свой кинжал.

— Что? — Шатория взирала на свою дочь, и липкий ужас пронзил всё её тело. Она вдруг испугалась той, кого всегда считала слабее себя, даже слабее своей младшей Микры. И никогда она не могла бы подумать, что у Ласкиты может быть такое волевое лицо и холод в глазах.

— Я каждый день его вспоминаю... — тихо, почти меланхолично произнесла принцесса, поднося к незащищённому животу Шатории. — И ты отняла у меня последнюю радость и память о нём, когда лишила меня сына, — закончила она металлическим голосом, и лицо её исказилось ненавистью к матери.

— Ты про этого ублюдка, которого родила? Ты сама виновата, опозорила себя, родив вне брака. Люди могут смотреть сквозь пальцы на похождения, но они не простят ребёнка, прижитого от какого-то конюха...

— Знаешь что, мама, — сказала Ласкита и вонзила кинжал прямо в податливую плоть лежащей женщины. И пока королева медленно умирала, придвинулась ближе к её уху и произнесла: — Этот ублюдок станет следующим королём Алекиона. Законным правителем королевства, которое я оставлю ему в наследство.

Глаза Шатории открылись, но сил, чтобы говорить, почти не было. Всё что она смогла

произнести это:

— Ты... не... посме...

После чего глаза её стекленели, а тело обмякло.

Ласкита, бросив последний взгляд на ту, которую возненавидела и поклялась самостоятельно лишить жизни, поднялась и кинула на мёртвое тело окровавленный кинжал. Вокруг неё были тишина, и даже казалось, что она тут одна. Однако, подняв голову, она обнаружила, что все воины стоят рядом и смотрят на неё.

Гордо подняв голову, она сказала:

— Теперь у вас новая королева!

И в тот же миг двор наполнился победными криками, которые заглушили возгласы ужаса от только что произошедшей сцены. Ласкита же, улыбнувшись своим людям, повернулась к жрице, которая всё ещё внимательно за ней наблюдала. Продолжая улыбаться, принцесса подошла ближе.

— Мне очень жаль, что я не смогла вам помочь ещё тогда, когда вас схватили, — сказала она, вставая рядом. — Примите мои извинения, но я рисковала выдать себя раньше времени.

— Так значит, ты давно готовила переворот? — спросила Риана, пряча оружие в ножны.

— Да. Давно, — сказала Ласкита и вдруг посмотрела на Аккеса, который стоял рядом и пристально рассматривал её. Новая королева нахмурилась и опять посмотрела на жрицу.

— У тебя весьма странная компания, жрица Риана. Ты прибыла с принцессой Равнинного королевства и в то же время общаешься с теми, кто является врагами Равнины. На чьей же ты стороне?

— Я на стороне мира, Ласкита, — сказала Риана, оборачиваясь и наблюдая за тем, как Лекамир, зорко посматривая по сторонам, сопровождает к ним Келину. — Я хочу закончить эту вражду.

Ласкита опять повернулась к Аккесу, и тот усмехнулся, глядя на то, как она, не выказывая никакого смущения или страха, смотрит прямо ему в глаза. Конечно, на нём сейчас не было маски, но всё же мало кто способен вот так откровенно на него смотреть. Тем более что, в отличие от жрицы, он своего оружия не убирал и всё ещё был в полной боевой готовности.

Ласкита же, смерив его хмурым взглядом, сказала:

— Я боюсь, не все поддерживают тебя в этом, Риана, — сказала она, продолжая смотреть на Аккеса, и потом обратилась уже к нему: — Передай своему другу, что я не согласна с обещанием, данным моей матерью.

Аккес нахмурился.

— Что за обещание?

— Алекионский народ не поддержит войска Дракона. Мы часть Равнины и будем выступать за интересы Равнинных королевств.

Риана удивлённо посмотрела на Аккеса, тот же, хмурясь, глядел прямо на Ласкиту. Внутри него мысли рождались с такой скоростью, что он сам едва успевал за ними следить. Одно он знал. Эта женщина не врёт, и Альдан напросился на серьёзный разговор по возвращении. Потому что он не имел никакого представления о том, что кто-то что-то собирает. Какой в этом толк, если они почти собрали амулеты?

— Вы собираете войска? — спросила Риана, и Аккес, повернувшись к ней, заметил, что на её лице не было осуждения, только удивление.

— Насколько я знаю — нет.

После чего он, наконец, убрал оружие и, развернувшись, пошёл в сторону. Ему нужно было всё хорошенько обдумать.

Ласкита же вновь обратилась к жрице.

— Но я выполню мой долг перед Богами, — сказала она. — Амулет, который ты просишь, будет дарован тебе. Однако я тоже вынуждена обратиться к вам с просьбой.

Риана, которая всё ещё обеспокоенно смотрела в спину Аккеса, наконец, посмотрела на неё и спросила:

— Какую просьбу?

— Я понимаю, что половина ночи позади и вы очень устали после всех этих событий... Но я прошу вас покинуть замок на рассвете. — Она обернулась и кивнула на землю, где лежали многочисленные тела убитых ими воинов. — Мой народ потребует от меня наказать тех, кто пролил столько крови моих подданных. И я не хотела бы, чтобы ты или твои спутники пострадали. Но если вас в замке уже не будет, то мне не придётся принимать никаких мер, — она пожалала плечами. — Конечно, я могла бы помиловать вас, но я взяла корону силой и мне нужно завоёвывать любовь людей, идти же наперекор воле народа не то, чем можно завоевать их любовь.

— Я понимаю, — согласилась Риана. — Конечно, мы постараемся уехать, как только получим талисман.

Ласкита кивнула и отошла обратно к своим людям.

— Отец убьёт меня, когда узнает о том, что тут произошло, — сказала стоявшая рядом Келина.

— Почему? — удивилась Риана.

Принцесса посмотрела на неё и вздохнула.

— Потому что я убедила его, что это самое безопасное путешествие. И мне ничего не угрожает. И когда мы расскажем, что присутствовали при перевороте... ох... — она удручённо опустила плечи.

— Не переживайте, принцесса, — сказал Лекамир, глядя на своих людей, которые спешили к ним. — Сначала он отыграется на мне.

— Высечет обоих розгами, — невесело рассмеялась Келина.

— В таком случае и нам тоже достанется, — попытался улыбнуться Баритан, потирая ушибленное плечо. Но вместе с остальными уже успел спуститься и присоединиться к ним. Только вот его словам никто даже не улыбнулся. Все были усталые и мрачные. Время от времени каждый оглядывался на тело Анисия, всё ещё лежащее у входа в башню.

Потеря боевого товарища всегда была тяжёлой. Анисий всегда был в их компании миротворцем. Он умело прекращал шутки Баритана, когда тот слишком увлекался, успокаивал Марвина, когда тот начинал слишком сильно злиться или ворчливо возмущаться, мог расшевелить замкнутого Данария, а Табирия он всегда воодушевлял. Каждый с другом потерял частичку себя, и никто не спешил радоваться победе.

Хотя каждый понимал, что жизнь любого воина — жизнь, которая может прерваться в любой момент.

— Ликому в подхвостник вся эта мотня! — выругался Марвин и пошёл к мёртвому. Его всегда особенно злило, когда погибал кто-то моложе его. И он точно не собирался оставлять тело Анисия алекионцам, которые просто скинут того в яму, хорошо если ещё засыпят землёй.

Остальные рыцари, не сговариваясь, пошли за ним. Лекамир же, глядя на них, только глубоко вздохнул. Ему тоже было горько терять такого замечательного рыцаря как Анисий, и он одобрял то, что его товарищи хотели сами похоронить тело, пусть это и задержит их.

— А я рад, что мы сразу уезжаем, — сказал он. — Теперь ещё меньше причин любить алекионцев. Весь этот переворот, да ещё принцесса Ласкита убила собственную мать с таким хладнокровием...

— Я всё равно думаю, она будет лучшей королевой, чем Шатория, — сказала Келина. — И нравится нам это или нет, она преподнесла себя так, что теперь с ней в любом случае придётся считаться.

Риана грустно посмотрела на рыцарей, которые несли тело Анисия к лошадям. Она так и не спросила, где находятся те яблоневые сады...

Стараясь прогнать грустные мысли, она посмотрела по сторонам, пытаясь себя хоть чем-то занять. Но, к сожалению, в округе было много тел павших воинов... Это немного печально, хотя она привыкла считать смерть лишь переходом. Тем не менее, ей хотелось подойти к каждому и сказать несколько слов на прощание, но ей не позволили. И хотя никто не смел открыто что-то высказывать небесной посланнице, она чувствовала косые взгляды и скрытую враждебность со стороны людей. И это можно понять, ведь ещё совсем недавно она убивала их друзей и родных. И неважно, что они первые нападали, да ещё выступали на стороне королевы, которую они же и свергли. Это были их друзья и товарищи.

Она понимала, что любое горе надо пережить, но сделать это сложно, когда живое напоминание находилось среди них. Покинуть королевство — лучший выход из этой ситуации.

Оглядевшись вокруг, она заметила Аккеса. Вот кому не было дело до косых взглядов. Красноречиво крутя в руках кинжал, он взобрался на стену и устроился возле бойниц и задумчиво наблюдал за всем, что творится вокруг. Риана видела хмурое выражение его лица и могла только догадываться, о чём он думал. На мгновение она даже пожалела, что схватка прекратилась. По крайней мере, пока они сражались бок о бок, он не выглядел так одиноко и отстранённо.

В конце концов, она развернулась и отправилась в замок на поиски Ласкиты и обещанного ей амулета. Ей было горько осознавать, что из-за него пролилось столько крови, но Риана пыталась утешить себя тем, что кровь пролилась бы в любом случае и без её участия.

Когда будущая королева вынесла ей талисман, во дворе уже стояли запряжённые кони, на которых были погружены все их вещи и провизия в дорогу. Так что ничего более их тут не задерживало, и они отправились в путь.

Лишь проехав несколько часов и добравшись до леса, они решили сделать привал и отдохнуть от событий минувшей ночи. Тем более что уже светало, а при свете опасности было меньше. А ещё рыцари хотели похоронить друга.

Однако как только они начали сворачивать, чтобы уйти подальше от тропы, Риана заметила, что лошадь Аккеса оставалась на месте.

— Ты не едешь? — спросила она

— Нет, — он посмотрел на жрицу своим пристальным взглядом.

И хотя тело его требовало отдыха после тяжёлого дня и ещё более тяжёлой ночи, он не собирался делать полноценного привала. Возможно, потом он остановится для короткого отдыха... Но позже...

Его всё ещё беспокоили слова, сказанные этой новой королевой, и он не мог успокоиться, пока не выяснит всё наверняка. Да и ни к чему лишний раз мозолить тут всем глаза. Возможно, даже хорошо, что он не потребовал схватки прямо после освобождения. Сражайся они сразу, даже после отдыха, он бы не смог сосредоточиться и не получил бы того удовольствия.

Продолжая изучать жрицу пристальным взглядом, он напомнил:

— Я надеюсь, что ты не забудешь о своём обещании, жрица.

— Не забуду, — сказала она.

Он слегка улыбнулся.

— В прошлый раз я говорил тебе, что мы скоро встретимся. И теперь повторю: мы скоро встретимся, жрица. Я буду этого с нетерпением ждать. И не позволяй никому убить себя.

Какое-то время они так и стояли, глядя друг на друга, говоря этим взглядом очень многое и ничего конкретно. Каждый из них знал, что эта встреча будет решающей. Она поставит точку.

Наконец, натянув на лицо маску, Аккес пришпорил коня и поскакал дальше. Риана же смотрела ему вслед и понимала, что если это сражение случится, то для неё это будет конец. Но она не могла нарушить обещание. Оставалось только придумать, как выжить после этой встречи, потому что убивать его она не будет...

— И что за обещание ты дала этому варвару? Почему я только сейчас об этом слышу? — спросил Лекамир раздражённым голосом. Он уже спешил и держал свою лошадь за уздцы. Повернувшись к нему, Риана слабо улыбнулась.

— Я обещала встретиться с ним в ближайшее полнолуние, чтобы сразиться, как он того хочет.

— Что?! — возмутился рыцарь, — ты с ума сошла?? Он же безумец, а силы покидают тебя всё быстрее и быстрее.

— Давай не будем спорить, Лекамир, — вздохнула она, тоже спешиваясь. — Я слишком устала для этого.

— Я об этом и говорю! Раньше ты могла не спать днями и сражаться ночами.

— Ничего уже не изменить. Я дала обещание, — и, развернув свою лошадь, пошла в глубь леса за принцессой и сопровождающими их рыцарями. Ей не хотелось спорить с Лекамиром, и она знала, что ему это не понравится, потому и не хотела раньше говорить. В любом случае это противостояние должно было когда-то случиться.

Глупо надеяться избежать это. Глупо надеяться отсрочить это. Глупо надеяться забыть это... Их дороги постоянно пересекаются. Это ли не судьба?

Глава 21: Откровения

Три дня обратного пути в Люкению прошли почти в полной тишине. Каждый думал о своём и с другими общался только при необходимости.

Принцесса Келина думала, как рассказать отцу произошедшее и избежать его гнева и приступа чрезмерной опеки. Узнав, что дочь опять побывала в плену, он вообще запретит ей покидать комнату. Как донести до него, что она уже не просто принцесса и наследница трона? Что теперь она воительница с уже боевым опытом. Это было странно, но ей казалось, что когда произойдёт первое убийство, ей будет значительно сложнее. Келина же, убив сразу двоих не чувствовала ничего особенного.

Это ненормально.

Однако на вторую ночь её начали посещать кошмары. Оба убитых ею воина, поднимались вновь и вновь и никак не хотели умирать, сколько бы ран им ни наносилось. Даже потеряв оружие, они впивались своими ледяными пальцами ей в плечи, шею, лицо...

Проснувшись в холодном поту, Келина, тем не менее, была немного рада этим снам. Они означали, что она всё же не становится бездушным убийцей. Это немного утешало. Однако руки её до сих пор тряслись...

Впрочем, не только Келина была поглощена своими проблемами. Лекамир тоже ощущал себя скверно, в основном из-за обиды на Риану, за то, что она вот так запросто согласилась на поединок, и что совершенно не дорожит своей жизнью и за то, что у неё начинают появляться секреты... Хотя он и ворчал прежде, ему нравилась её откровенность. Рыцарь всегда знал, что у неё на уме и так было проще... Теперь же она отдалялась от него. Секреты, тайные обещания... Он боялся, что однажды проснётся и узнает, что жрица уехала в своё очередное путешествие. Без него.

Ему не нравилось нынешнее положение вещей. Но Лекамир не знал, как вернуть всё обратно к тем дням, когда они, беззаботно смеясь, тренировались на мечях.

Риана же, получив относительно спокойное время, пыталась осознать и обдумать, наконец, тот факт, что Аккес является прямым потомком жрицы. То есть не просто частью народа, которому Акерта отдала свой дар, но тем, кто продолжает её род. Где-то полгода назад она видела эту маленькую девочку, провожавшую её в мир. Конечно, жрицы попадали не только в разные миры, но и в разные промежутки времени. Но по вполне объяснимой причине, ни одна из них не могла наблюдать своё собственное переключение, в какое бы время оно ни происходило. А наблюдать за остальными жрицами они могли только после того, как те "спустились". Поэтому Риана не удивлялась тому, что те, кого она видела совсем недавно, вдруг оказывались в этом же мире, да ещё задолго до неё.

В этом не было ничего необычного. Так почему вдруг её так удивило то, что она встретила с потомком одной из своих жриц-сестёр? Или её удивило именно то, что Аккес оказался этим потомком?

Вспоминая Аккеса, она в мыслях непроизвольно возвращалась к поединку, который должен состояться меньше чем через месяц. Если он добьётся своего... что же тогда будет? Её не страшила собственная смерть, но... неужели всё именно так закончится? Она будет самой бесполезной жрицей из всех. Не проведя и года в смертном мире, уже лишилась бессмертия, не смогла никому помочь, да ещё и погибнет от рук того, кто смог превзойти её

талант. А Риана не сомневалась, что Аккес сможет, потому что её рука на него не поднимется...

Неужели и в своём желании быть Посланицей Богини она всё испортит?

Именно такие размышления одолевали их на обратном пути, который занял всё те же три дня, но казалось, что тянулись они гораздо дольше. Путники были уставшими и вымотанными. Даже Баритан не шутил, хотя обычно в пути его было сложно заткнуть. А еще выяснилось, что Табирий серьёзно пострадал ещё при стычке в замке, только рыцарь мужественно терпел и молчал об этом. Когда стало ясно, насколько серьёзное у него состояние то он услышал довольно длинную матерную речь от Марвина, который начал носиться над парнем, как матушка родная.

Почему-то именно эта ситуация разрядила напряжённую атмосферу, и в компании рыцарей появились первые улыбки. Вскоре парня обматерили уже все. Разве что девушки воздержались и, пряча улыбки, наблюдали за тем, как молодого рыцаря, ругая на чём свет стоит, заботливо перевязывали, кормили и в шесть рук усаживали на лошадь. К концу пути Табирий был уже готов сам обматерить своих друзей, настолько они достали его своей заботой.

Тем не менее, когда показались хорошо знакомые башни, все радостно приободрились и даже прибавили скорости.

Въехав в замок, первое, что сделал Лекамир, — это отправил Табирия к целителю, а остальных распустил, дав им пару дней на отдых. Принцесса, спустившись со своей лошади и что-то невнятно пробормотав на прощание, побрела в свою комнату, дав указание слугам, чтобы те приготовили ей ванную.

Риана же опечаленно подумала о том, что ранее подобная прогулка на неё не оказала бы никакого воздействия, сейчас же ей очень хотелось тоже понежиться в тёплой воде. И не успела она всё-таки решиться на это, как во дворе раздался чуть ли не вопль радости:

— О, прекрасная звезда небосвода. Прекраснее луча восходящего солнца и пения весенних птиц. Один только ваш лик делает меня самым счастливым человеком на всём белом свете.

Удивлённо подняв голову, Риана заметила, как Лекамир очередной раз раздражительно вздохнул, устало прикрыв рукой глаза, и, повернувшись, увидела спешащего к ней Анака с сияющим от счастья лицом. Похоже, у них этот небольшой ритуал приветствия становится традицией. Улыбнувшись этой мысли, жрица поприветствовала барда:

— Здравствуй, Анак, — сказала она, в то время как Лекамир, что-то бурча себе под нос, побрёл в сторону, не удосужившись даже взглянуть на парня. Этот бард у него давно стоял поперёк горла и он не желал даже находиться рядом с ним. Ему раз и навсегда хватило того дня в таверне.

— О любовь всего моего сердца, — на лице барда отразилась вся мировая скорбь. — Я очень расстроился, что вы отправились в очередное путешествие без меня. Ведь я дал слово, что буду отныне всегда вас сопровождать как мой легендарный тёзка великолепную Гленн.

— Ох, извини, но мы отправлялись налегке и с важной миссией. Как только я отправлюсь в своё паломничество, то конечно сообщу тебе. — Риана благодарно передала уздцы своей лошади подошедшему конюху.

— Я не сержусь на вас, моя звезда. И просто счастлив, что мы, наконец, вновь встретились.

— Я тоже рада, — улыбнулась девушка. — Скажи, ты написал свою песню?

— О, нет, — опять опечалился бард. — Как могу я творить, когда моя муза не со мной. Но теперь я не отстану от вас, госпожа жрица. Я буду следовать за вами и напишу столько баллад в вашу честь, что...

— Подожди... — вдруг встрепелась Риана и внимательно посмотрела на юношу рядом с ней. Молодой человек явно слишком впечатлительный, но, несмотря на юный возраст, имеет неоспоримый талант. Вспомнить хотя бы то, как он пел в таверне в день, когда они познакомились. Все, даже заправские бражники, забывали о выпивке, прислушиваясь к его сладкому голосу. А если учитывать, что Гленн была тут почти четыреста лет назад, а талант со временем стирается... — Скажи, кем были твои родители?

— Мои родители? — удивился вопросу юноша.

— Да. Ты случайно не потомок второй жрицы?

— О! Я был бы несказанно рад, если бы это было так. Но, к сожалению, я точно не знаю... — он задумчиво нахмурил брови. — Моя мать была простой актрисой при столичном театре, а вот отца своего не знаю. Ма рассказывала, что па был просто гениальным певцом, но умер ещё до моего рождения. А я решил пойти по его стопам.

— Хм... — задумалась Риана. Было очень похоже на то, что Анакрий, в честь которого его назвали, действительно был его предком. Хотя есть вероятность, что этот мальчик просто очень талантлив, как и его отец. Не всё же объясняется даром жрицы. Талантливые люди существовали и прежде, и будут существовать всегда. Но ей хотелось верить, что перед ней тот, кто несёт частичку одной из её сестёр. Почему-то эта мысль согревала её. Похлопав юного барда по плечу, она ещё раз ему улыбнулась. — Я бы очень хотела ещё раз послушать твои песни, Анак, но чуть позже. Хорошо? Мне надо сначала заглянуть к королю.

— Конечно! — просиял парень. — Я с радостью спою вам, жрица!

И Риана, похлопав парня ещё раз, пошла во дворец. Ей не хотелось откладывать свой разговор с Анаквием, хотя в прошлый раз всё прошло не лучшим образом. Она надеялась, что король просто беспокоится о своих подданных. Но прислушавшись к разумным доводам, перестанет ей препятствовать.

С такими мыслями девушка шла в королевский зал для аудиенций.

Анаквию уже доложили о том, что жрица прибыла во дворец, и он её ожидал.

— Прощу, проходи, Риана, присаживайся, — указал он на одно из кресел.

— Благодарю.

— Итак, как прошло ваше путешествие? — спросил король, когда пажи подали гостье напитки.

— О! Довольно интересно. В королевстве случился переворот, и теперь там правит королева Ласкита. Амулет мы получили, но, к сожалению, погиб рыцарь Анисий.

— Погиб? — напрягся король. — Каким образом? На вас напали?

— Да. Королева Шатория, — кивнула Риана, и Анаквий побледнел. — Мы как раз оказались в центре происходящих там событий. Но ты не беспокойся, Келина была под нашей защитой, и с ней всё в порядке. Сейчас она, скорее всего, приводит себя в порядок после дороги.

— Святые небеса, — выдохнул он. — В Алекионе, конечно, обстановка не самая идеальная, но я не думал, что старшая дочь захочет свергнуть мать, свою королеву. Мне нужно знать подробности.

— Боюсь, я ни о чём кроме сражения не смогу рассказать, — пожалала она плечами. — Тебе лучше расспросить дочь или Лекамира.

— А, конечно... — отстранённо кивнул Анаквий, всё ещё погружённый в свои беспокойные мысли. Он пытался понять насколько сильно это, так не вовремя случившееся происшествие, повлияет на всё остальное.

— Анаквий, — позвала его Риана, внимательно наблюдавшая за ним. — Я пришла ещё по одному делу.

— Я слушаю, — попытался сосредоточиться тот.

— Это касается нашего прошлого разговора и талисманов. Я хотела бы узнать, изменилось ли твоё отношение к данному мною обещанию.

— Отдать талисманы дракону?

— Да.

Анаквий откинулся на спинку своего кресла и, сцепив кисти рук, прямо взглянул на жрицу. Казалось, он совсем забыл то, о чём они говорили до этого, и сосредоточился на ней. Видя его хмурый и недовольный взгляд Риана уже приготовилась к очередному спору, но король вдруг выдохнул и сказал:

— Хорошо. Когда ты отправляешься?

Риана от неожиданности даже растерялась, а потом задумалась. Может ли она строить планы, если к тому времени может быть мертва? Но лучше всё-таки надеяться на лучшее, поэтому девушка произнесла:

— Мне надо будет... кое-что сделать, а потом на убывающей луне я и планировала двинуться в путь.

— И ты уверена, что там нет никакой опасности? Что это никому не навредит?

Риана замаялась, припоминая слова Ласкиты о том, что Дракон якобы набирает союзников к своей армии. Сложно было сказать, что тут правда, а что домыслы.

— Я не могу утверждать наверняка, — наконец, сказала жрица, — но если кому что и будет угрожать, то не со стороны Первородного. В этом я уверена.

— Что ж... — задумчиво потёр подбородок Анаквий. — В таком случае лучше взять больше воинов.

— Воинов? Зачем? — удивилась она, и король посмотрел на неё, слегка улыбнувшись.

— Для сопровождения. Я поеду с тобой, Риана. Я и моя старшая дочь Келина. — Он величественно кивнул, наслаждаясь удивлением жрицы. — По нашим традициям, невеста должна приехать с визитом к будущему мужу и погостить у него некоторое время. Я думаю это отличная возможность посмотреть на того, о ком ты столько рассказывала, и отдать дань обычаям.

Риана ещё некоторое время удивлённо на него смотрела, но потом грустно вздохнула.

— Так ты решил всё-таки отдать Келину за Альдана? — жрица не могла сказать отцу, что его дочь уже влюблена в другого. И в то же время боялась, что сама Келина ничего не расскажет и смиренно примет решение отца, тем более, если тот напомнит о том, что это на благо королевства.

— Решение ещё не принято. Для этого и придуманы все эти визиты. Чтобы познакомиться с семьёй и домом жениха и невесты. Окончательное решение принимается после. Конечно, если это не заранее оговоренный союз.

Риану немного утешило это. Возможно, ещё не всё потеряно, и Келина, наконец, решится если не признаться Лекамиру, то хотя бы избежать нежеланного брака.

— Хорошо, — сказала она. — Я буду рада, если вы составите мне компанию.

— До осеннего бала ещё около месяца. Но до этого у нас ещё свадьба Олеи. До неё две

недели и мне бы хотелось, чтобы ты, жрица, осталась до праздника. Моя дочь тебя обожает и будет счастлива.

— Конечно, я останусь. Я ни за что бы не пропустила такое событие. — Риана, довольная, что они договорились, встала. — Теперь я, пожалуй, пойду навещу принцессу. Ей наверняка не терпится рассказать мне всё о своей свадьбе.

— Разумеется, иди, — кивнул Анаквий, тоже вставая и улыбаясь, но когда девушка вышла, улыбка тут же пропала с его лица, и он грустно уселся обратно в своё кресло. Не может же она быть заодно с тем, кто планирует такое злодейство. Возможно ли, что её обманули? Задурили голову? Возможно ли вообще воздействовать так на жрицу?

Риана уверена, что этот Дракон чуть ли не святой, и совсем забыла о том, что тот натравил злобных варваров на уже три королевства. И несмотря на то, что все три, на первый взгляд, не сильно пострадали, война ни для кого не прошла безрезультатно.

Но в любом случае, он будет готов ко всему, даже если его не просто убьют, а попытаются использовать в каких-то интригах. Ему очень не хотелось брать дочь с собой в это путешествие... но другого благовидного предложения отправиться в Сенкину, не вызывая ненужных подозрений, у него не было. Придётся рискнуть... и усилить охрану принцессы.

Открыв тайник в своём столе, король ещё раз пробежал глазами документ, под которым стояла его подпись.

Конечно, не такой подарок к свадьбе от него ждут, но и времена нынче беспокойные.

Риана, по пути к принцессе Олее, наткнулась на её неизменного шпиона. Вир как всегда носился по коридорам, но, увидев её, притормозил.

— Госпожа жрица, — выдохнув, сказал он, а потом, оглядевшись и удостоверившись, что никого поблизости нет, добавил: — Риана. Вы к принцессе?

— Да, хотела с ней увидеться.

— О, она сейчас в саду. У неё опять период влюблённости, — вздохнул юноша, и тут Риана заметила в его волосах очередную косичку, переплетённую розовой лентой. В руках же юноша нёс миску с персиками, придерживая те подбородком, чтобы они не рассыпались.

— Разве это плохо? — удивилась она.

— Плохо, так как её жених уже в замке, — скривился Вир, но, видя по-прежнему недоумевающее лицо жрицы, поспешно добавил: — И не в жениха она влюбилась. Прямо наказание какое-то. Поостереглась бы теперь, когда он приехал. Скоро ведь замужней дамой станет.

— И кто же он, тогда?

— Да бард этот. Молод ещё, а сладкими речами уже половине женщин замка вскружил голову. Вы простите меня, Риана, мне надо отнести...

— Конечно. Пошли вместе. Ну, надо же неужели в Анака? — улыбнулась Риана, но потом вспомнила его манеру общения. — Хотя я могу понять, почему это произошло.

— Да проходимец он. Поэтому и не могу принцессу оставить надолго одну. Её подружки-фрейлины глупы как курицы, если она захочет, ускользнёт от них, те и моргнуть не успеют.

— А от тебя не ускользнёт? — весело посмотрела на него Риана, прибавляя шаг, так как Вир шёл всё быстрее и быстрее, явно едва сдерживаясь, чтобы опять не пуститься в бег.

— Я её хорошо знаю, — хмурился парень. — Ей никогда ничего не удавалось от меня скрыть. Ну, по части шалостей точно...

Наконец они вышли во двор и добрались до сада. Однако, вопреки переживаниям Вира,

принцесса сидела в окружении других девушек и благоговейно слушала, как Анак музицирует на своей лютне. Её глаза, ещё секунду назад полные обожания, вдруг поднялись на Риану, и принцесса, словно обо всём забыв, вскочила и бросилась к ней.

— Риана! Ты приехала! Наконец-то! — подскочив к жрице, она схватила её за руки и потянула за собой. — Кыш-кыш, — зашипела она на своих фрейлин, — освободите место. Ты только послушай его! Он поёт так, что соловьи на ветках завидуют, не говоря уже о придворном менестреле Даорике. Тот вообще зеленеет от злости. Спой, Анак, для жрицы самой Небесной Госпожи.

Риана рассмеялась.

— Я смотрю, Олея, ты ни капли не волнуешься о предстоящей свадьбе.

— Да ну. Как будто тут есть о чём волноваться. Ты лучше посмотри на него, какой он хорошенький.

— Я уже знакома с Анаком, — улыбнулась она сияющему от счастья юноше.

— Ой, ну да... — воскликнула принцесса. — Ты же сюда к жрице-то и приехал. Что-то совсем из головы вылетело.

— Принцесса, не забывайте, вас сегодня ещё ждут на примерку платья, — сказал Вир, ставя перед ней красивую ажурную миску с фруктами.

— О платье! Платье это хорошо! — опять воскликнула принцесса, подсакивая с места. — Анак, мы тебя послушаем в другой раз хорошо?

— Я буду с преклонением ждать этой минуты, моя принцесса. Буду считать каждое мгновение.

— Ну, разве он не прелесть, — принцесса, составив бровки домиком мило улыбнулась.

Анак, сделав галантный поклон, отошёл в сторону так, что Риана только удивилась, где он только научился подобным манерам. С другой же стороны, юный бард вырос среди актёров, и, судя по всему, его не раз приглашали во дворец музицировать.

Олея, не давая Риане ни капли времени на размышления, схватила её за руку и потянула за собой.

— Ты не представляешь, что тут творится, — начала она, но потом обернулась к своим фрейлинам. — Нет-нет, вы идите либо в комнату, либо другим путём. Я хочу поговорить со жрицей.

— Но принцесса! — послышались протесты.

— И не галдите, — зажала та уши и ещё раз гневно на них посмотрела. — Идите.

— Я никуда не уйду, — нахмурившись, упрямо сказал Вир.

— Я и не рассчитывала, — махнула ему принцесса, подзывая следовать за ними.

Как только они ушли на достаточное расстояние от расстроенных фрейлин, Риана спросила:

— Так о чём же ты хотела со мной поговорить?

— Да вообще-то ни о чём особенном, — очаровательно улыбнулась принцесса. — Просто хотела избавиться от глупых разговоров этих девиц. Я тоже могу бесконечно болтать о мужчинах или музыке, ну ещё о причёсках. Но они же часами могут обсуждать единственное облако на голубом небе. Я чуть не закричала со скуки!

— Я в это время уже спал, — буркнул Вир.

— Иногда я тебе завидую, — грустно посмотрела на него принцесса. — Мне так хотелось лечь рядом с тобой и тоже заснуть. Ах, одно воспоминание навеивает зевоту.

— Но ведь скоро твоя свадьба, неужели у тебя нет никаких забот? Обычно у невест и

минуты свободной нет.

— Ох, наверно, это какие-то другие невесты, — пожалала плечами Олея. — Всё, что требуется от меня, — это надеть красивое платье и явиться на венчание. Ну, ещё красивая причёска... Даже балом не позволили заняться.

— Его величество решил, что невесте негоже устраивать свою собственную свадьбу, — пояснил Вир.

— Вот досада, — грустно опустила Олея голову. — Ладно, Ликий с ними всеми, лучше расскажи, как твоё путешествие, Риана. Видела что-нибудь интересное? Познакомилась ли с кем-нибудь?

— Ну, из новых только жители Алекиона, королевская семья и стража, — задумчиво сказала Риана. — Часть из которых, пришлось даже убить.

— О! Бандитов? На вас напали? Расскажи мне всё!!!

И понимая, что ей не отвертеться, Риана, пока они шли, кратко пересказала события в королевском замке. Также рассказала и о том, каким образом ей удалось сбежать из подземелья. И даже о сражении с войском королевы. Оба — и Олея и Вир — слушали её с широко открытыми глазами и распахнутыми от удивления ртами. Они выглядели как два щенка, которые смотрели на неё с восхищением и обожанием.

В конце Олея грустно вздохнула.

— Какая жалость, что ты не пригласила их ко мне на свадьбу. Принц Альдан уехал от нас слишком быстро, мне бы хотелось понаблюдать за тем, как он пытается и дальше ухаживать за сестрой. А этот Аккес... — она мечтательно закатила глаза. — Я бы пожертвовала половиной своих волос, только за то, чтобы хоть раз с ним потанцевать.

— Половиной волос? — удивилась Риана.

— Поверьте мне, жрица, — со знанием дела кивнул Вир, — это одно из самых ценных, что может предложить принцесса Олея.

— Я думаю, они не приехали бы, даже если бы я их пригласила, — сочувственно сказала Риана, и Олея вмиг посерьёзнела и величественно отмахнулась рукой.

— Да знаю я, — она остановилась и прямо посмотрела на жрицу. — Вообще-то, я не просто хотела от фрейлин сбежать и послушать о твоих приключениях, но и действительно поговорить с тобой. Что-то нехорошее творится, Риана. Отец стал всё чаще запирается в зале совещаний, о чём-то говорить со стариком магом. Гонцов стал слать всё чаще и чаще. Это можно было бы оправдать подготовкой к свадьбе, но приглашения не рассылают тайными гонцами.

— Тайными?

— Я сам видел, — кивнул Вир. — Почти каждую ночь один или два.

— Маги суеются, — опять продолжила Олея. — Обычно что-то там возятся в своём крыле, а тут вдруг посреди двора, то что-то запылает, то кто-то обморозится. Как-то слишком много магии...

— Воины тоже стали больше тренироваться, — подхватил Вир. — Раньше, в отсутствие Лекамира Абретиса, они в основном бездельничали, а тут сам Генерал Траск начал их гонять.

— Стражников стало больше. Дозоры стали чаще проходить.

Риана задумчиво слушала всё это, и что-то тревожное поселилось у неё в груди.

— А ещё герцог прибыл с целым войском, — сказал Вир, продолжая перечислять странности. — Это раз в пять больше положенного парадного сопровождения.

— Я уж подумала, он передумал жениться и просто хочет завоевать Люкению, — рассмеялась вдруг принцесса. — Ладно, Вир, хватит тут прохлаждаться, беги к королю, отец в это время как раз к старику поднимается. Может, удастся что-нибудь подслушать.

— Вы же знаете, принцесса, они там магией всё закрывают.

— А вдруг именно сегодня забудут, а ты решишь не пойти. А ну, живо, и не препирайся.

Что-то буркнув под нос, Вир бросился бежать, так что только розовая лента в волосах развевалась за спиной. Принцесса же, ухмыльнувшись, пошла чуть дальше и, открыв одну из дверей, вошла в комнату, где находилось несколько белошвеек, что вышивали узоры на свадебном платье.

— Красиво, правда? — спросила Олея, проводя руками по гладкой ткани. — Мой жених подарил, когда я у него гостила. Хотя я всё ещё жду от него официального свадебного подарка.

Риана, наблюдая за принцессой, никак не могла понять её истинное отношение к этой свадьбе. Как может такая романтическая натура так равнодушно ко всему этому относиться? Неужели она действительно сможет выйти за нелюбимого человека? Впрочем, она уже спрашивала её, и Олея, не задумываясь, ответила утвердительно. Сразу видно, что они с Келиной сёстры.

— Как герцог? — вдруг спросила Риана.

— А что с ним? — удивилась будущая невеста, подзывая служанок, чтобы те помогли ей раздеться и надеть то, что успели сшить мастерицы. — Его как раз всё устраивает. И жена, и корона. Правда, я бы многое отдала за то, чтобы посмотреть на его встречу с сестрой. А ещё больше, чтобы самой в её образе предстать перед ним. Я бы такого ему наговорила от её имени, что он бы сквозь пол провалился. Эх... К сожалению, моя сестра слишком мягкая.

— Думаешь, Келина всё ещё обижается на него?

— Не думаю, — фыркнула Олея, вытягивая руки и оставаясь неподвижной, пока её одевали. — Хотя, конечно, встречаться с ним ей не особо хочется. Ведь он унизил её. Эх, я бы точно одарила бы его пинком. Но она умница — не то, что я. Келина будет мудро делать вид, что ничего особенного не произошло, будет с достоинством разговаривать с ним и, возможно даже, улыбнётся. Эх... Я б точно пнула.

Олея хмуро наблюдала, как шнуровали её корсет, хотя совсем недавно радовалась своему платью. А Риана подумала о том, как повезло Келине с сестрой. Впрочем, и Олее с Келиной тоже. По крайней мере, они всегда будут друг у друга.

Как и предсказывала Олея, встреча Келины и герцога Зеленовского произошла в формальной обстановке. В гостиной, где вечером собралось всё семейство. Келина уже успела всё рассказать отцу, получить от него выговор и даже с ним поссориться. Он по-прежнему отказывался признавать, что она вполне может за себя постоять. Не убедило его даже то, что дочь своими руками убила двоих. Анаквий, наоборот, от этого пришёл в ещё больший ужас и хотел опять её запереть в замке, но Келина более не собиралась этого терпеть и пригрозила, что вовсе уедет из замка и будет путешествовать по миру и истреблять чудищ, как когда-то делал Лекамир. И хотя оба понимали, что она никогда этого не сделает, спор прекратился.

И теперь король и его царственная дочь не разговаривали друг с другом, лишь обменивались косыми взглядами.

Олея же, чувствуя напряжение между ними, примерно молчала, разглядывая то стены,

то потолок. Вот в такой гнетущей атмосфере перед ужином к ним и присоединился герцог. Он вошёл важно и по-хозяйски, уже чувствуя себя здесь как дома, что не удивительно: ведь он станет наследным принцем уже через несколько дней.

— Добрый вечер, Ваше Величество, Ваши Высочества, — Коргий и глазом не моргнул, когда заметил в комнате старшую принцессу. Хотя его наверняка успели предупредить, что та вернулась.

Заметив странную напряжённость, герцог поспешил присоединиться к своей невесте, дабы избежать неловкости. Но Олея не хотела помогать ему своим присутствием и потому, как бы ей не хотелось остаться, она скрепя сердце извинилась и вышла из комнаты.

Лишившись её компании и видя, что Анаквий мрачно сидит в своём кресле, потягивая вино из своего неизменного кубка, он всё же решился заговорить с Келиной, так как молчать было бы ещё более неловко.

— Я рад, что вы вернулись в целости и сохранности, принцесса, — сказал герцог. — На дорогах нынче беспокойно.

Коргий знал, что ему придётся однажды с ней столкнуться, но не хотел думать об этом заранее. Пусть он и отверг её после трёх месяцев помолвки, всё же день свадьбы не был объявлен... Хотя он и понимал, что это слабое утешение. Просто герцог надеялся, что с течением времени Келина сможет его простить. Ведь она всегда была тихой и понимающей.

Принцесса сидела с гордо поднятой головой и величественно смотрела на него. Выслушав его приветствие, она коротко кивнула и поддержала тему.

— Я тоже рада, что вы добрались невредимым.

Келина же глядя на своего жениха, вдруг подумала, что даже не переживает. Как она раньше боялась его встретить и посмотреть на его высокомерную или снисходительную улыбочку? Ведь это её бросили, а он всегда был на коне. Но сейчас она поняла, что после всего того, что пережила... Встреча с врагами, побег из Сенкины, пленение королевы Шаторией, сражение с её стражниками, собственноручное убийство двух человек. И самое главное — принц Альдан. Уж этот спокойно заткнёт такого как Коргий Зеленовский за пояс. Если она выстояла против такого негодяя, что ей теперь какой-то герцог?

И сейчас этот человек, сидящий напротив неё, казался всего лишь мелкой неприятностью. Да, он перекрыл ей путь к трону, но сам по себе он совсем не такой страшный, как ей раньше представлялось. И ничего кроме равнодушия, она к нему больше не чувствовала...

— Как ваше путешествие? — между тем пытался как-то начать разговор герцог, чувствуя непонятную неловкость. — Я слышал, вы навещали мою восточную соседку.

— Королеву Шаторию, да, — кивнула Келина, продолжая его разглядывать. Она ждала, когда внутри неё хоть что-то ёкнет. — Но сейчас там уже королева Ласкита.

— Что? Её величество Шатория умерла? А вроде на здоровье не жаловалась, — удивился Коргий и тут же задумался о вечной проблеме с территорией. Может, сейчас удастся с неопытной девочкой, которая стала новой правительницей королевства, обсудить эти вопросы.

— Её убили во время переворота, — сказала Келина, так и не найдя в себе никакой реакции. Более того, герцог стал её утомлять.

— Переворота?! Как? — опять удивился герцог.

— Вероятно, это мужские темы, и вам лучше это обсудить с королём, — она бросила взгляд на хмурого отца. — Как хрупкая принцесса может участвовать в таком, так, отец?

Анаквий то-то буркнул, а Келина поднялась.

— Пожалуй, я лучше пойду, найду сестру, а то она могла попасть в какие-нибудь неприятности. Мы же, принцессы, такие беспомощные.

И, не дожидаясь реакции, величественно вышла из комнаты.

Король продолжал что-то ворчать себе под нос, не забывая подставлять кубок, чтобы ему доливали напиток. Коргий же впервые почувствовал себя по-настоящему неловко. Он считал себя самым важным человеком здесь, а вышло так, что все его игнорируют. Но, в конце концов, герцог смог взять себя в руки и заговорить с королём.

Анаквий, который всё ещё обдумывал, что ему делать со своими дочерьми, сначала неохотно отвечал, но потом завязался разговор, и он отвлекся от своих забот. По крайней мере, смог обсудить с зятем новую политику по отношению к Алекиону, которым, судя по словам дочери и сэра Абретиса, королева Ласкита намерена править железной рукой.

И только Олея радовалась сегодняшнему вечеру, особенно её веселили пересказанные Виром события в гостиной после её ухода. Она намеренно оставила его среди пажей, и тот всё видел своими глазами. Она требовала и требовала, чтобы он заново описывал то, как сестра, игнорируя бывшего жениха, пререкалась с отцом, после чего и вовсе ушла без дозволения.

Это был один из приятнейших событий последних дней.

Аккес добрался до Сенкины, когда Альдан уже успел вернуться и даже получить выговор от Эгранта за то, что ослушался приказа. Так что он совсем не ожидал гнева от того, кто обычно не проявлял интереса ко всему, что не имело отношения непосредственно к Дракону... или к жрице.

Аккес же ворвался к нему в комнату в тот момент, когда он поправлял широкие манжеты своего сюртука.

— Я вижу, ты благополучно вернулся, Альдан, — сказал тот, скидывая свою маску и пристально смотря на друга.

— Хех. Я надеялся, что ты не будешь слишком сердиться по возвращении, — сказал он, удивлённо рассматривая вошедшего и опять сосредотачиваясь на манжетах. — В конце концов, с какой стати тебя беспокоит то, что я вдруг решил посетить кого-то?

— Возможно, мне стоило раньше побеспокоиться, — сказал Аккес, проходя в его комнату и присаживаясь в кресло. Взглядом он продолжал сверлить хозяина комнаты. — Какое обещание ты потребовал от королевы разбойников?

— Что? — Альдан обернулся и внимательно посмотрел на друга, забыв даже о своих манжетах. — Она тебе что-то сказала?

Аккес молчать в ожидании ответа.

— Как ты вообще об этом узнал? — раздражённо сказал Альдан, продолжая показательно заниматься своим гардеробом, но потом вздохнул и повернулся к нему. — Хватит смотреть так. Ты наверняка и сам знаешь ответ.

— Я хочу услышать.

— Я заручился её поддержкой, — начал говорить тот, очень осторожно подбирая слова. — Чтобы в случае чего она смогла помочь нам воинами.

— В случае чего? Разве Деко не затеял всё это ради того, чтобы не было больше войн?

— Надо быть готовым ко всему! — резко сказал Альдан, хмурясь. — Даже ты не сможешь выстоять против настоящего подготовленного войска. До этого нам везло только

потому, что никто не был готов к нашему нападению. Талемские войска всегда несли бóльшие потери, чем наши противники. Они необученные и понятия не имеют о дисциплине. И если будут стычки, то мы проиграем даже с тобой на нашей стороне. Поэтому я и хотел заполучить союзника. Чтобы хоть кто-то мог уравновесить наши силы.

Аккес продолжал молча смотреть на него. Он не чувствовал лжи в словах Альдана, но что-то не давало ему покоя. Его слова вполне всё объясняли. И вроде придраться не к чему, но не пропадало ощущение некой недосказанности. Самое противное состояло в том, что нельзя получить ответа, пока не задашь правильный вопрос. А его у него тоже не было.

— Твои планы всё равно разрушены. Принцесса устроила переворот, и старая королева теперь мертва. Ты не получишь своей армии.

— Ласкита? — растерялся Альдан. Вот это, конечно, неожиданно. Несмотря на удивление, он старался сохранять бесстрастное выражение лица.

— Тогда и вовсе беспокоиться не о чем... Хотя, конечно, я разочарован.

Аккес встал, понимая, что больше ему нечего предъявить Альдану.

— Я очень надеюсь, что ты от меня ничего не скрываешь? — проговорил он медленным металлическим голосом, смерив его долгим прямым взглядом. — Хотя можешь и скрыться от меня. Только не смей плести интриги за спиной Деко.

Альдан усмехнулся.

— Разве можно скрыть что-то от того, кто видит будущее?? Я не успею задумать ничего, а он уже будет знать, как всё закончится. Разве нет?

Аккес был вынужден с ним согласиться. В конце концов, все его подозрения и даже дар чувствовать ложь лишь крупица по сравнению с возможностями Деко. Может, он и зря беспокоится.

Расслабившись, Аккес взял в руки свою маску и ещё раз посмотрел на Альдана.

— Если ещё раз меня заставят за тобой куда-то ехать, я переломаю тебе ноги, чтобы ты в другой раз и шагу не сделал без посторонней помощи, — и, надев свою маску, он вышел.

— Ха-ха, — невесело выговорил Альдан, провожая его взглядом, после чего глубоко выдохнул и вытер внезапно вспотевший лоб. Однако одна мысль всё же заставила его задуматься. Дракон ведь, и правда, мог всё знать. Но он ни разу нечего ему не сказал... Неужели силы его не так уж велики, как думают остальные? Или же их великий тоже что-то задумал? В любом случае лучше придерживаться плана... и готовиться к возможным помехам. Вроде тех, что, например, возникли в истории с королевой Шаторией.

Ещё раз осмотрев себя, Альдан убедился, что выглядит идеально.

Что ж... У него всегда есть запасной план. И сейчас как раз время этим заняться, но сначала...

Выйдя во внутренний двор, он обратил внимание, что вожди талемских племён уже не засиживаются за общим костром одной компанией. Каждый держался обособленно, но все по-глупому продолжали обмениваться многозначительными взглядами, не заметить которые было очень сложно.

Альдан едва удержался от вздоха безнадёжности. Заговорщики из них никакие. Неудивительно, что дракон не обращает на них внимание. Может, в своих лесах они и несокрушимая сила, с которой нельзя не считаться, но здесь они всего лишь обычные дикари. И никогда их племена ничего не добьются с такими вождями.

И Альдан неоднократно напоминал им об этом, наслаждаясь их бессильной злобой. И даже сейчас, проходя мимо них, он чувствовал, что все их взгляды направлены на него. В том

числе чувствовал на себе настороженный взгляд пьяницы Бруна, который даже о своей кружке на время забыл. Внимательный Окды, которая относилась к нему с меньшей агрессией, нежели остальные. И злобные взгляды его братьев Мавдана и Сэkdана. Всё как всегда. Сам Альдан по-прежнему отвечал им холодным высокомерием. Пусть не забывают о том, что генерал Дракона выше и влиятельней их.

Когда он проходил мимо своих братьев, перед его ногами внезапно, распластавшись в пыли дороги, упал один из талемов.

— Жалкий молокосос, на ногах держаться научись! — послышался глумливый смех Сэkdана.

Альдан мог поклясться, что тот сам толкнул молодого талема под его ноги. Медленно подняв на него взгляд, он не удивился, заметив насмешку в его глазах. Тот ждал его реакции.

Сейчас никто не осмеливается прямо противостоять ему, и потому подобные провокации нередки. Ничего не изменилось. Его братья всегда были задирами, но раньше он воспринимал это как признак силы. Впрочем, будучи мальчишкой, он многое воспринимал в искажённом виде.

Многие события ему казались естественными. Возможно потому, что никто не объяснял ему, что к чему. Его мать умерла, рожая вождю второго ребёнка. Его младшая сестра умерла вместе с ней. Однако вождь, его отец, не сильно расстроился, это же был не сын. Альдан тоже считал, что мать умерла, потому что пыталась произвести на свет неугодного ребёнка, и, было время, даже осуждал её за это. А вождю Дáрдану Медвежья сила не было дела до своих младших отпрысков, он был поглощён тем, что создавал очередных сыновей, найдя себе другую женщину для утех.

Альдан видел отца только несколько раз, когда тот вспоминал о своих детях и приходил на них посмотреть. Но зато часто видел своих братьев. Самый старший, Викдан, был старше на пятнадцать лет и являлся взрослым мужчиной и охотником. Сам Альдан был тринадцатым ребёнком и имел восемь старших братьев и четырёх сестёр. Были и младшие, но он даже не знал, сколько их и какого те пола. Он всегда смотрел только вверх, и, не имея отца, восхищался братьями, которые казались ему сродни богам. Они были сильными, удачливыми и даже проявляли доброту по отношению к нему.

Викдан подарил ему свой старый лук, Давиждан постоянно заходил к своей младшей сестре по матери и приносил что-нибудь и для остальных детей. Мавдан и Сэkdан, которые уже в те времена были не разлей вода, иногда показывали ему какие-нибудь трюки с оружием. И он только и делал, что смотрел на них разинув рот.

А потом жизнь начала давать свои горькие уроки. Сначала погиб Викдан. Самый сильный и могучий из сыновей вождя не вернулся с охоты. Потом начали гибнуть и другие. Но никто ни разу не объяснил мальчику, что происходит на самом деле. На все вопросы, которые младший отпрыск вождя осмеливался задать, ему говорили только то, что погибшие оказались недостаточно сильными, что они дали слабинку и потому мертвы.

В течение нескольких лет погибло большинство его братьев. Только Мавдан и Сэkdан всегда оставались живыми. И всё, что думал Альдан в свои десять лет, это то, что они оказались самыми сильными и достойными, раз живы. И ему хотелось равняться на них. Он бегал за ними как привязанный, желая стать таким же сильным, как они; тренировался в стрельбе из лука каждый день, стирая руки до мозолей; научился бить так метко, что даже взрослые охотники его хвалили.

Альдан с нетерпением ждал своё двенадцатое лето, ждал день своего совершеннолетия,

когда он нанесёт на кожу свой первый рисунок и сможет ходить на охоту с остальными мужчинами. И за несколько дней до церемонии, к его великому счастью, к нему подошли его братья.

— Ну что, — сказал, ухмыляясь Мавдан, — уже совсем взрослым стал.

— Да! — гордо ответил Альдан, глядя на него с обожанием. — Скоро я стану мужчиной.

— Уже выбрал первую метку? — улыбаясь, спросил Сэксдан, поглядывая на хорохорившегося пацана перед собой.

— Да! — опять выпалил маленький мальчик и поднял правую руку. — Стрелу от плеча и чтобы наконечник доходил до пальцев. — Он стал водить пальцем по тыльной стороне ладони, показывая, какой именно наконечник хочет —... и вот здесь зазубрина, как у тех стрел, что на кабанов.

— На кабанов не такие стрелы, — хмуро сказал Сэксдан.

— Да тихо ты, — прервал его улыбающийся Мавдан, однако с многочисленными изображёнными глазами на лице, эта улыбка выглядела более злобной и страшной, чем хмурое лицо брата. — Хочет с зазубринами, почему нет. Это его первая отметина, наверняка он уже давно о ней думает.

— Давно, — согласился Альдан. — Я стреляю лучше всех, с кем тренировался. Поэтому и хочу стрелу именно на руке, чтобы все видели её и знали, что я сильный. Прямо как вы.

— Ха, — невесело усмехнулся Сэксдан и почему-то смерил его тогда хмурым взглядом.

Альдан не придавал этому значения. Он был слишком счастлив, что его герои не только заговорили с ним, но ещё и поинтересовались его успехами.

Позже он слышал и другие разговоры братьев, когда они обсуждали что-то, что представляло угрозу. А ещё постоянно повторяли что-то о своей главной цели. Мальчик и этому не придавал значения, ослеплённый своей любовью и восхищением старшими братьями.

Лишь после, время, помогло увидеть всё в истинном свете. И смерть почти всех других братьев. Умерли даже две сестры, остальные же были подарены воинам за разные заслуги. Будь Альдан хоть немного взрослее, то увидел бы здесь связь, но в то время он безоговорочно верил тому, что говорили Сэксдан и Мавдан. И потому, когда они подошли к нему и стали рассказывать про испытания, то и не подумал сомневаться.

— Что за испытание? — желание доказать, что он достоин зваться их братом, так распирало его, что юный мальчик был готов сделать всё что угодно.

— Ишь приткий какой, — скривился Сэксдан, но Альдан подумал, что тот сомневается в его способностях, поэтому, набрав полную грудь воздуха, даже приподнялся на цыпочки, чтобы казаться больше и выше.

— Я могу пройти испытание! Я приложу все силы! И не вернусь без победы!!! — начал кичиться он, и Мавдан, как всегда, с широкой и жуткой улыбкой погладил его по голове.

— Ну-ну... Никто и не сомневается. А испытание в лесу. Выходим завтра на рассвете, и смотри, чтобы никто тебя не заметил. Это первая проверка. Как ты можешь скрываться от посторонних глаз. Если кто-то тебя заметит, значит, ты уже не достоин.

— Я проскользну, как мышь в безлунную ночь, когда кошки спят! — опять закичился мальчик.

— На рассвете на опушке леса, — вставил Сэксдан и ещё раз смерил его сомневающимся взглядом.

Наутро Альдан пришёл на место встречи задолго до рассвета. Каждую хижину поселения он оббегал по самым чёрным теням. А добравшись до места, схоронился в густых кустах, боясь, что его найдут здесь до того, как придут братья. Он хотел заслужить их уважение. Хотел, чтобы они гордились тем, как хорошо ему удалось справиться.

Но когда те пришли и мальчик радостно сообщил им, что никто его не заметил, никто не спешил его хвалить, лишь сказали, чтобы он не отставал и пошли глубже в лес. Альдан решил, что, наверное, это лёгкое задание и поэтому похвалы не должно было быть, и ещё больше захотел успешно выполнить испытание, о котором рассказывали братья.

Они шли долго. Петляя и меняя направление несколько раз. Когда наступил полдень Альдан совсем запутался, откуда и куда все трое шли. Ноги его начали уставать, но он упорно отказывался проситься на отдых. Ему не хотелось показывать своей слабости, он не хотел, чтобы его засмеяли и сказали, что он ещё мальчишка и не достоин стать мужчиной. В конце концов, братья остановились и повернулись к нему.

— Ну вот, думаю, мы достаточно прошли, — сказал задумчиво Мавдан.

— Эй, — обратился к младшему Сэждан, и Альдан аж просиял от предвкушения, позабыв и об усталости, и о голоде. — Скажи, в какую сторону нужно идти обратно до дома?

Альдана на миг растерялся, повертев головой, он указал рукой направо от себя. Они столько плутали, что ему даже по солнцу не удавалось определить, в каком направлении нужно идти, и потому надеялся больше на удачу.

Сэждан ухмыльнулся и, повернувшись к брату, зачем-то кивнул, после чего протянул руку и сказал:

— Дай свой лук.

Боясь спрашивать "зачем", Альдан снял из-за спины свою драгоценную ношу и протянул ему, с любопытством наблюдая за тем, что тот будет делать. Может, подарит ему свой лук? А он у него просто загляденье, как хорош.

Сэждан же осмотрел потрёпанное от времени и частого использования древко и вполне годную тетиву, после чего резким движением сломал лук о колено.

— Нет! — выкрикнул Альдан чуть ли не со слезами на глазах видя, как самое дорогое, что у него было, треснув, переломилось пополам.

— Теперь давай сюда стрелы, — брат силой дёрнул колчан так, что Альдан согнулся в три погибели, пока тот стаскивал его со спины. От потрясения он почти ничего не соображал, а глаза, на которые наворачивались слёзы, были прикованы к сломанному луку.

— Без наконечников, — хмыкнул рядом Мавдан.

— Ты, малявка, даже стрелы детские взял. Ими и белку не убьёшь!

— Зачем ты сломал мой лук? — потрясённо посмотрел на брата Альдан. Он всё ещё надеялся, что это часть испытания и ему просто подарят новое, лучшее оружие. — Я бы хранил его как память или подарил кому-нибудь из младших.

— Утомонись, — сильная затрещина свалила мальчика на землю. — Ведёшь себя, как девчонка. — Сэждан высыпал стрелы на землю и наступил своим сапогом, ломая и вдавливая их в землю. После чего повернулся к брату. — И ты ещё боялся, что мелкий опасен.

— Я опасался не того, кто он есть, — сказал Мавдан, даже внимания не обращая на его всхлипы. — А того, кем может стать. Ты посмотри на него. Похож на ту шлюху, свою мать, от которой наш отец потерял голову. Ещё молокосос, а бабы уже на него засматриваются, а что будет, когда пацан вырастет? Да и видел я, как он стреляет...

— Да не разукрась ты своё лицо, тоже бы от баб отбивался, — усмехнулся Сэксдан, глядя на множество глаз, что смотрели на него с лица брата. Зрелище действительно жутковатое. По племени ходили даже слухи, что он видит всеми этими глазами.

— Не в этом дело, — недобро сощурился тот. — А в том, что однажды он сможет быть для нас угрозой и поэтому надо его устранить уже сейчас. Чтобы потом не было проблем.

Альдан пытался не заплакать от жгучей боли от удара по скуле, чувствуя, как по лопнувшей губе стекает кровь, и потому едва улавливал суть разговора братьев, но чётко слышал последние слова. И никак не мог в это поверить. Поднявшись, он со смесью ужаса и изумления смотрел на тех, кого раньше боготворил.

— Вы хотите меня убить?

Оба они повернулись и смерили его пренебрежительным взглядом, будто тот не более чем назойливая муха.

— Посмотри-ка, щенок не так уж и туп.

— Но почему? Что я вам сделал?

Сэксдан сделал шаг к нему, и Альдан внутренне сжался, ожидая ещё одного удара, но не мог отвести потрясённого взгляда.

— Потому что, щенок, мы тебя ненавидим, — сказал он, злобно глядя младшему в глаза. — С самого твоего рождения. Терпеть не можем. Я бы придушил тебя ещё в колыбели, да всё надеялся, что сам сдохнешь.

— Давай, заканчивай ты это дело, — вздохнул Мавдан и брезгливо отвернулся. — Нам надо ещё поохотиться, чтобы не возвращаться с пустыми руками.

— Но как так? — продолжал вопрошать Альдан, не в силах до конца понять смысл слов. — Мы же братья?

Мавдан даже не удосужился к нему повернуться.

— Мы не братья. Ты просто отродье одной шлюхи, которую оприходовал наш отец. Впрочем, как и многие остальные. Только мы с Сэксданом настоящие братья. — И нетерпеливо добавил: — Давай уже сломай ему шею, и пойдём.

Альдан так и продолжал стоять, не в силах даже сдвинуться с места, и потому очередной удар, который пришёлся ему прямо в живот, был настолько сильным, что мальчик упал прямо на землю. Слёзы брызнули из глаз, и он не мог понять, от чего ему больнее: от удара или от услышанных слов.

Лёжа на земле Альдан получил ещё несколько ударов по животу и спине. Один из них сломал ему руку, а возможно, и ещё что-то. А удары всё продолжались и продолжались. От боли даже дышать становилось невыносимо. А в ушах всё раздавался и раздавался треск дробящихся костей. Его дробящихся костей... звук, который забирал с собой все его мечты... стать лучшим лучником, лучшим воином, заслужить признание воинов племени, заслужить гордость отца, заслужить уважение своих кумиров...

Боль, которая взревела в его ломающемся теле, похоронила всё это...

Но вскоре он перестал обращать внимание и на неё, так как знал, что сейчас умрёт... и она тоже уйдёт. Поэтому Альдан просто лежал неподвижно и даже не шевелился, возможно, поэтому удары прекратились, и его, наконец, оставили в покое.

Через замутнённое сознание до него донеслось:

— Похоже, сдох.

— Обязательно было так долго возиться? Можно было просто сломать шею. Или нож воткнуть. Смотри, все сапоги заляпал.

— Ничего, пока дойдём, оботрутся о траву.

— Лучше перережь горло на всякий случай, вдруг молокосос просто без сознания.

— Да какая разница. Даже если жив, всё равно волки догрызут, а не догрызут, до дома по любому не доберётся. Он и целым бы не добрался.

— Ладно, пошли уже.

Альдан слышал как хрустят ветки под ногами убийц, а потом тишину, разбавленную шелестом листьев и криками птиц. Когда он понял, что остался совсем один, живой, и никто не придёт, не поможет, не спасёт, не уберёт боль, отчаянье накрыло его с такой силой, что он начал задыхаться и захлёбываться собственными слезами.

Он не знал, сколько так пролежал. Несколько часов или дней. Не знал, почему его не тронули волки, на которых надеялись его братья. Но когда его глаза открылись, было уже темно. Он знал только одно: когда темно, нельзя находиться на земле. Охотники не раз говорили о том, что если темнота застала вас в лесу, надо забраться на дерево. А ему ни за что не подняться даже на ноги, не то что куда-то карабкаться.

Альдан понял, что если продолжит вот так лежать, то лишь сделает им услугу... Волна ненависти поднялась в нём с такой силой, что, преодолевая боль, он вытянул руку и попытался ползти. С одной рукой это было нелегко, так как вторая могла лишь болеть и безвольно болтаться. Возможно, она больше никогда не сможет действовать...

Но ему было всё равно. Всё, о чём в этот момент мог думать мальчик, — это о мести. О том, чтобы выжить и отомстить. Ему всё равно как! Но он не сдохнет здесь. Он выкарабкается и перережет им всем глотки, вспорет животы и выколет глаза.

Только мысли о кровожадной расплате заставляли его ползти вперёд, цепляясь целой рукой за растения и корешки, помогая себе отбитыми ногами и даже вгрызаясь зубами.

Выжить! Любой ценой. А потом отомстить... любой ценой.

Поэтому он полз. Ему казалось, будто преодолено большое расстояние, но стоило ему обернуться, и он увидел свой испорченный лук и переломанные стрелы. Всего в пятнадцати шагах.

Отчаянье вновь нахлынуло на него, и Альдан, закрыв глаза, боролся с подступающими слезами. Сил почти не осталось, только дикая усталость и боль... боль...

Однако когда он в следующий раз пришёл в сознание, было уже светло, и не было ни волков, ни других хищников. А над ним склонялось любопытное лицо юноши со странными глазами и длинными нечёсанными волосами.

Сначала Альдан подумал, что тот тоже пришёл его убить, но юноша, странно посмотрев на него, вдруг скрылся с глаз, а через какое-то время вернулся. Перекатив его на большую шкуру, незнакомец куда-то его потащил. Ему не хотелось думать, куда и зачем его тащат. Убить, съесть... Сил бороться уже не осталось...

Время от времени он приходил в сознание или опять проваливался в небытие. Обычно это было, когда его тело напарывалось на какой-то камень, и боль пронизывала всё тело, что Альдан тут же лишался сознания.

А потом пришёл покой. Странное тепло окутало его, заставив забыть боль и страдание. Поэтому он и боялся долго открыть глаза, боялся, что, увидев реальность, опять ощутит все свои раны и переломы. Но когда всё же решился на это, то увидел... Дракона.

Именно так Альдан и попал к ним.

Его вылечили, поставили на ноги, обучали, даже любили. Но даже исцелённый, мальчик ни на день не забывал своих... братьев. Не забывал, во что превратилась его любовь к ним,

его слепое обожание и восхищение.

Гораздо позже он всё-таки нашёл дорогу домой. И даже привёл к ним Дракона. Того, кто обещал даровать талемам то, чего они всегда ждали. Того, кто настолько могущественен, что даже вожди преклоняли колени. В тот день он, не без удовольствия, увидел глаза братьев, когда те узнали в нём того самого юного щенка, который теперь предстал перед ними взрослым могущественным мужчиной. Увидел ужас и страх, который сам испытывал в тот памятный день. Отчаянье и изумление. И Альдан наслаждался этим.

Он знал, что теперь они ничего не смогут ему сделать. Зато он... о-о-о, он долго готовил свою месть...

— Как всегда, только избив слабого, чувствуешь свою силу? — спросил Альдан, глянув на юношу, спешившего поскорее подняться с земли, а потом на брата, покрасневшего от гнева.

Но ни один из них ничего не предпримет, ещё не время.

Альдан, холодно улыбнувшись, обошёл незадачливого парня и пошёл дальше по своим делам.

Ещё не время... Но очень скоро... Очень скоро...

На свадьбу принцессы собралось множество гостей. Приехали даже лорды из соседних королевств. Однако большинство правителей прислали только своих представителей, так как никто в столь опасное время не рисковал покинуть укреплённые замки.

Прибыли даже послы от новой королевы Ласкиты. Она укрепляла своё положение, стараясь быстрее распусть новость о том, кто именно сейчас правит Алекионом, и потому её слова были особенно витиеваты и богаты на пожелания. Юная королева также выражала надежду на долгое сотрудничество и крепкую дружбу в дальнейшем.

Присутствовали посланники и остальных королевств, в том числе и от юного принца Шентры, которого все считали пропавшим или погибшим. Но его посол уверял, что принц находится в добром здравии.

Прибыл даже посыльный от короля Дракона. Услышав об этом, принцесса Келина вся внутренне сжалась, но, увидев самого посла, коренастого услужливого вельможу, она с облегчением вздохнула... а потом расстроилась... потом разозлилась, и весь вечер была непонятно почему угрюмой... Ни в чём не повинный посол же передавал поздравления и наилучшие пожелания, однако его слова многие выслушивали с опаской, будто он не желал молодым долгой жизни, а угрожал эту жизнь прервать.

Сама церемония обетов была довольно короткой и скорее формальной. Всего-то надо было произнести заученные слова перед двумя храмовниками в красном и синем балахонах. Представителя Многоликого по понятным причинам на свадьбы не приглашали.

Ритуал прошёл настолько быстро, что Олея даже не успела понять, понравилось ей или нет. Хотя позже, когда начался приём гостей, она на самом деле начала чувствовать себя королевой. Потому что всё внимание и хвалебные речи были направлены только на неё. В подобном восхищении принцесса не купалась даже в свой день рождения.

Она была по-настоящему счастлива в этот день. Музыка, танцы, и именно у неё самое шикарное платье. И теперь уже её муж был весьма галантен и не раз за вечер делал ей комплименты и даже приглашал танцевать. Хотя, конечно, он стал немного смелее после того, как невеста сказала "да". Вздохнул, расправил плечи и заулыбался. Неужели действительно боялся, что ему могли перед всеми отказать. Да если бы Олея хотела, она бы

нашла способ ему отплатить и без унижения своего отца. О чём тут же ему и сообщила. Улыбка на лице Коргия стала чуть более натянутой, и он поспешил напомнить ей:

— Мы теперь муж и жена, прекрасная Олея. И с этого дня я наделён гораздо больше властью, чем раньше. В том числе и над тобой.

Она нарочито беззаботно рассмеялась.

— Так же, как и я, милорд, — и посмотрела на него хитро. — Не забывайте, что я родилась и выросла в Люкении, и пусть Вы будете здесь королём, я всегда останусь местной любимицей и буду иметь от этого власти не меньше, чем мой супруг.

Улыбка на его лице стала ещё более натянутой.

— Я всё же надеюсь, что мы найдём точки соприкосновения и будем жить без ссор и скандалов.

— О, милый мой супруг, это всё зависит от вас. Если вы будете делать меня счастливой, — она опять стрельнула на него хитрым взглядом, — я буду делать счастливым вас.

Подобные взаимные выпады длились весь вечер, и по окончании супруги всё же нашли общие темы и даже узнали друг друга лучше, что оставляло очень оптимистичные надежды на благополучную жизнь в браке.

Однако Коргия, что теперь носил титул наследного принца, смущали ещё две вещи. Одной из них была принцесса Келина, которая после того странного разговора едва перемолвилась с ним парой слов. И хотя она вела себя непринуждённо, будто всё происходящее на неё никак не влияет, всё же за весь вечер ни разу не улыбнулась и удалилась с праздника задолго до его окончания. Впрочем, никто не обращал на это внимание, а кто обратил, благоразумно держали свои домыслы при себе.

Коргий же надеялся, что Келина не будет совершать никаких глупостей и портить ему дальнейшую жизнь. Ведь, скорее всего старшая принцесса останется старой девой, а значит, будет всю жизнь жить при дворце, рядом с ними. Это немного удручало, и ещё не зная о планах отца на помолвку старшей дочери, герцог начал обдумывать возможность поскорее устроить брак принцессы Келины.

Ещё его беспокоила жрица. Он до сих пор испытывал неловкость из-за того, что произошло в его саду, когда он пытался сделать ей предложение и получил отказ. И теперь, даже видя её приветливую улыбку, Коргий не мог преодолеть смущение. Возможно, со временем...

Хотя он должен был признать, что рад, что всё закончилось так, как закончилось. Если бы Риана каким-то образом согласилась выйти за него, то вся его жизнь сложилась бы по-другому. И не в лучшую сторону. Он до сих пор сидел бы в своих горах, мечтал о королевстве и был бы вынужден терпеть то, что его жена где-то путешествует без него. Тогда он не подумал о том, что жрицы должны много путешествовать. Конечно, плюсы такого брака были бы... но минусов гораздо больше. К тому же, посмотрев на неё сейчас совсем другим взглядом, новоиспечённый принц заметил, что она очаровательна, но вовсе не такая красавица, как, например, принцесса Олея, его жена. Конечно, и в жрице была некая притягательность, но даже эти её красные волосы...

Коргий поморщился. Жрица всегда их либо стягивала в хвост, либо заплетала в тугую косу. Иногда он видел две косы. Или эта её манера всё время ходить в штанах и при оружии. Вечно отсутствующий взгляд и задумчивость. Или наоборот она начинает общаться со всеми подряд. Даже со слугами здоровается.

И сегодня. Такой большой праздник. Риана, конечно, надела роскошное платье вместо заурядных штанов и даже выглядела прелестно, но прическа простенькая и не шла ни в какое сравнение с теми, что носили придворные дамы, а сама жрица старается держаться в стороне. Ей бы блистать на балу, ведь она всё-таки жрица, пусть и не слишком красивая, а она даже не старается. Нет, он определённо рад, что она не стала его женой.

И в очередной раз порадовавшись своему выбору, Коргий посмотрел на свою красавицу-жену и пригласил её на танец.

А Риана, даже не догадываясь о размышлениях будущего короля, скучающе рассматривала бальный зал. Она не могла заставить себя радоваться этому красивому празднику. Внутри неё всё было беспокойно. Ей хотелось сорваться с места и бежать... бежать...

— С тобой точно всё хорошо? — беспокоясь в очередной раз спросил Лекамир. Риана так же как и всегда ему улыбнулась. Рыцарь был одет в парадный мундир и выглядел великолепно. Девушка то и дело замечала восхищённые взгляды дам разного возраста. Каждая из них мечтала, чтобы отважный рыцарь пригласил её на танец.

Лекамир же не обращал внимания на них, но не раз предлагал потанцевать своей спутнице. И один раз жрица согласилась. Потом же у неё в голове появилась мысль попросить Лекамира, пригласить принцессу Келину. Но та уже куда-то пропала. Поэтому весь оставшийся вечер они простояли в стороне, постоянно улыбаясь всем, кто подходил к ним, желая пообщаться со жрицей Богини или построить глазки привлекательному рыцарю.

Риана с радостью со всеми общалась и не уставала отвечать на одни и те же вопросы. Более того, иногда увлекалась так, что порой в горле пересыхало и приходилось просить Лекамира принести ей что-нибудь попить.

Наконец, когда день подошёл к концу, а жених с невестой направились к выходу, Риана, пока всё внимание переключилось с неё на молодожёнов, поспешила уйти в более тихое место.

Побродив немного по пустующим коридорам, девушка сорвала с головы ленты и распустила волосы, позволяя им просто спадать на плечи. Она так редко распускала их, что уже и отвыкла от этого. Вскоре ноги привели её во двор, а дальше к оборонительной стене, и наконец, Риана вышла на зубчатый парапет. Стражники, которых в связи с пребыванием гостей было гораздо больше, чем обычно, не удивились, увидев жрицу. Она уже не в первый раз приходила сюда днём или ночью и так же задумчиво глядела вдаль.

А Риана нигде не могла найти покоя. Сердце её билось всё сильнее, и всё больше и больше хотелось скинуть тяжёлое платье и бежать, бежать... Лишь бы были её Авок и Керен по бокам и ветер в волосах. На неё все эти стены нестерпимо давили, она с каждым днём чувствовала себя как в заточении. словно они сжимались, стремясь задушить её. Вся её сущность стремилась на свободу, на дорогу, в просторы необъятного мира...

— Я так и думал, что ты будешь здесь, — послышался голос Лекамира.

В его голосе были явно грустные нотки. И жрица обернулась к нему и как всегда мягко улыбнулась, стараясь его приободрить.

— Я становлюсь предсказуемой да?

— В последние дни, — он вздохнул и встал рядом с ней, ещё раз окидывая её внимательным взглядом. — Ты вообще изменилась после того путешествия на остров.

Риана грустно улыбнулась и опять посмотрела вдаль.

— Да, изменилась, — сказала она. — Но так и должно было быть, хотя, признаться

честно, меня это немного пугает.

— Всех пугают изменения.

— Это хорошо. Но, — она опять посмотрела на него, и Лекамир обрадовался, увидев в её глазах весёлые искорки. — Я рада тому, что меня это пугает. Ведь это значит, что я такой же человек, как и все.

— Знаешь, мало кто радуется тому, что он такой же как все, — улыбнулся рыцарь, глядя на неё.

— Да... — жрица откинула назад непослушные пряди, что играли с ветром, и глубоко вдохнула тёплый ночной воздух. — Только не вовремя всё это...

— Что именно?

Риана грустно опустила голову, и Лекамир уже пожалел, что спросил. Ему больше нравилось её весёлое настроение. Но девушка вдруг запрокинула голову и посмотрела в небо.

— Скоро полнолуние, — сказала она.

Её друг тоже посмотрел на почти полную луну и поморщился. Он знал, что это полнолуние означает.

— Ещё не поздно отказаться, — рыцарь посмотрел на её упрямое выражение лица. — Откажись, прошу тебя. Ты ведь умрёшь...

— Я дала обещание, Лекамир, — спокойно, но твёрдо произнесла жрица. — И завтра утром я уеду.

— Риана, он же убьёт тебя. Ты что, думаешь, за такое короткое время этот варвар изменился? Он же с самого начала хотел убить тебя. Вспомни ту ночь, когда мы бежали из Сенкины, он же был как дикий зверь, который готов на всё, чтобы вцепиться тебе в глотку. И после тоже... Даже на острове... он так на тебя смотрел...

— Как? — вдруг спросила Риана, повернувшись к нему, и Лекамир замер, увидев в этот момент её взгляд.

Плечи его опустились... всё стало понятно. Бесполезно было дальше делать вид, что ничего особенно не произошло. Или стараться что-то изменить. Похоже, на этот раз он разгромлен. Вздохнув, рыцарь посмотрел ей прямо в глаза.

— Этот варвар смотрел на тебя так, будто ты принадлежишь ему, — тихо сказал он, наблюдая за её реакцией. Жрица оставалась спокойной, не выказывая особого любопытства, и Лекамир опять обречёно вздохнул. — И я никак не могу этого понять. Ведь вместе с тем он хочет убить тебя. Но ты всё равно собираешься пойти на этот бой?

— Я дала ему слово. Я должна пойти.

— Даже если он убьёт тебя?

Она робко улыбнулась.

— Я верю, что он этого не сделает.

— Откуда ты это знаешь? По мне только об убийстве этот безумец и мечтает.

— Я верю, — вздохнула она и опять посмотрела вдаль. — Я верю, что он этого не сделает. Ведь если... если... — Риана опустила голову, — тогда это будет значить, что я ошиблась. А если я ошиблась, тогда скверная из меня жрица.

— Я этого не понимаю, — раздражённо всплеснул руками рыцарь. — Зачем вообще? Эх...

Он замолчал, и она успокаивающе погладила его по плечу.

— Всё хорошо, Лекамир. Так и должно быть. Что бы там ни произошло при нашей встрече, я верю, что мы оба останемся живы. А если же кто-то из нас умрёт, то даже не

имеет значения, кто из нас, потому что это будет означать, что я проиграла. Не состоялась как жрица и... Я должна верить, что у него получится...

Риана вдруг отступила и отвернулась. Плечи её опали, и сама она казалась сейчас такой незащитной, что у него сердце защемило. Теперь уже Лекамир успокаивающе положил ладонь ей на плечо. Ему хотелось, чтобы жрица знала, что он всегда будет на её стороне.

— Было бы гораздо проще, — сказал рыцарь, вздыхая, — если бы ты выбрала меня.

Она улыбнулась и положила свою ладонь на его.

— Наверное, — обернувшись, девушка ему улыбнулась, — многие были бы этому рады.

— Я бы тоже был этому рад, — упрямо сказал он.

— Уверен? — серьёзно переспросила Риана, глядя ему в глаза. — Ты действительно был бы рад остаться именно со мной? Знаешь, ты в любом случае можешь отправиться со мной в путешествие, для этого не обязательно становиться моим Избранником. Мы можем оставаться друзьями, — она испытующе посмотрела на него. — Подумай об этом.

Лекамир вздохнул, понимая, что она смогла рассмотреть то, о чём сам рыцарь в полной мере не задумывался. Когда он смотрел на жрицу, когда думал, как хорошо бы им было вместе, то думал прежде всего о совместных путешествиях. И скучал по большой дороге, по местам, в которых бывал и ещё хотел бы побывать, о свободе выбора своего собственного пути. Но он по-настоящему не задумывался о том, как создать с Рианой семью. Ему это виделось скорее как дополнение к остальному...

— Наверное, ты права. Но это не значит, что я хотел тебя использовать или что-то вроде того. Ты действительно мне дорога.

— Я знаю, Лекамир.

Рыцарь глубоко вздохнул и запустил руку в собственную шевелюру, нервно взъерошив волосы.

— Теперь мне предстоит ещё как-то всё это объяснить королю. Я прямо так и вижу, как захожу и говорю "Ваше Величество, жрица мне отказала и сбежала на смертный бой...", — он обернулся к ней и без всякой надежды спросил: — Ты ведь не позволишь мне последовать за тобой?

Она улыбнулась, покачивая головой.

— Нет.

— Ну вот. "Ваше Величество так-то и так-то, сбежала, с собой не взяла, и, возможно, так и не вернётся, потому что тот дикий варвар может её убить". Ох... — Лекамир опять опустил плечи. — Боюсь, после этого меня обезглавят, и мы встретимся уже у богов.

— Не переживай так. Анаквий не убьёт своего лучшего рыцаря только потому, что ему отказали.

— Только если сам не приказал жениться. — Рыцарь, склонившись, облокотился о каменный парапет, устремив взгляд вдаль дороги, куда совсем недавно смотрела и сама жрица.

— Ну, это будет ему уроком. Нельзя распоряжаться жизнью другого человека. Хочешь, я сама ему обо всём скажу.

— Ну, уж нет, — усмехнулся Лекамир. — Ты, конечно, можешь ему всё высказать, но доложить о провале должен я сам. Я никогда ни от кого не прятался, и прятаться не собираюсь. И знаешь, — рыцарь строго на неё посмотрел, — кем бы там этот варвар ни являлся, если твои надежды не оправдаются, и он лишит тебя жизни или как-то причинит вред... Мне плевать... я найду его и сверну шею. Не знаю, как, не знаю когда... но клянусь, я

не остановлюсь, пока не убью его.

— Очень кровожадно.

— Если он осмелится обидеть тебя, другого он не достоин.

— Наверно, мне нужно поблагодарить тебя за такую преданность, — улыбнувшись, Риана, обхватила его за руку и положила голову ему на плечо. — Я рада, что мы с тобой встретились и подружились. И я действительно дорожу нашей дружбой, Лекамир. И если ты такой кровожадный, то я тоже буду очень сильно недовольна, если Анаквий тебе что-то сделает из-за моего отказа.

Лекамир затрясся, и она вдруг поняла, что он смеётся.

— Я бы очень хотел посмотреть на то, как ты гоняешься за ним с мечом.

— Может быть, я бы его просто отшлёпала. В конце концов, я вправе, я ему в прабабки гожусь.

Рыцарь засмеялся ещё сильнее.

— То есть, он меня ещё и за такую старушку сватал?

— Эй-эй! — возмугилась Риана, отстранившись, и с укором взглянула на него. — Я всё ещё вполне бодренькая старушка. Всего-то лет триста. Или около того....

— О, ну это конечно всё меняет. Ну а будь тебе триста пятьдесят, я бы сам тебя бросил.

— Ах так, да? — засмеялась жрица. — Тогда я бы и тебя заодно отлупила.

Лекамир нежно взъерошил ей волосы, продолжая смеяться.

— Ты ещё очень даже бодренькая, — но потом уже серьёзно добавил. — Не дай ему обидеть тебя, Риана. Я уж не знаю, чем он заслужил такую, как ты. Но тебе виднее. А если он глупец, что не видит всего этого, то убей его, чтоб не мучился своим слабоумием. И будь осторожна.

Риана улыбнулась, поправляя волосы.

— Я буду осторожна. Обещаю.

— Ладно, иди, — рыцарь подтолкнул её к выходу. — Пока я не стал раздумывать, как бы последовать за тобой так, чтобы ты не заметила.

Риана, приблизившись, порывисто его обняла и поцеловала в щёку, после чего, развернувшись, побежала к лестнице. Ей нужно было собраться и немного отдохнуть перед путешествием. Лекамир же постоял на месте ещё некоторое время. И почему-то, несмотря на отказ и предстоящий выговор от короля, рыцарь чувствовал на душе спокойствие и облегчение. словно тяжёлая гора свалилась с плеч, и он никому ничем более не обязан.

Если король не выгонит его за нарушение приказа, он уйдёт сам. Как только закончится история с этими амулетами и наступит мир в Равнинных королевствах. Он уйдёт, чтобы избавиться от всех обязанностей и, наконец, опять обрести свободу.

Анаквий сидел в одном из кресел малой гостиной и задумчиво смотрел на горящий огонь в камине. Зермон Энотрий сидел неподалёку и курил свою трубку, тревожно поглядывая то на короля, то на дверь.

— Ваше Величество, — сказал маг. — Я уверен, вы всё правильно сделали.

— Я не сомневаюсь в своих действиях, мэтр, — сурово посмотрел на него Анаквий. — Я лишь надеюсь, что наши союзники меня поддержат.

— У них нет выбора, — уверенно заявил тот, ещё раз потянув дым из своей трубки. — Я уверен, они не настолько глупы, чтобы довериться случаю или судьбе.

— Они могут поверить жрице... — король опять опустил голову, нахмутив брови.

— Тогда наша задача убедить их в том, что она всего лишь наивная девочка, которая верит всему, стоит лишь перед ней пустить слезу и пожаловаться на судьбу. — Видя, что правитель не реагирует на его слова, Зермон начал ещё более настойчиво говорить: — Вы же сами видели одного из генералов этого дракона. Ему ничего не стоит наплести лжи наивной жрице, которая всю жизнь жила с богиней и не знает, что такое ложь и предательство. Мы также наслышаны и о других, ещё более худших...

— Я вот думаю, мэтр, — перебил его Анаквий, который, казалось, его даже не слушал. — А вдруг Риана всё же права? Вдруг Дракон действительно, забрав эти амулеты, уйдёт? Что, если на этом всё закончится?

— Ну, уйдёт он и что? Талемов с собой заберёт? Ведь именно они захватили три королевства.

— Не знаю, мэтр, — вздохнул король. — Она ведь жрица. Не может посланница богини быть настолько наивной и так ошибаться.

Подобные мысли уже не один день мучали его. Анаквий понимал всю серьёзность того, что происходит, как понимал и то, что ошибка эта может дорого ему стоить. Потери будут необратимы. И тут дело не только в короне... Весь ужас в том, что тяжесть последствий никто не ощутит... потому что некому уже будет это ощущать. Если Риана права, а он пойдёт против Дракона и помешает ему, то весь мир может быть уничтожен, как и все живущие в нём. Но если жрица заблуждается и Анаквий ей поможет, то тот же Дракон может завладеть неизвестной силой и поработить всех живущих... или так же уничтожить.

И неясно, что из этого хуже. Да он и не хотел знать. Нужно было делать выбор...

И осознание того, что оба варианта одинаково губительны, убивало его каждый день.

— Если даже она и права, то уже лучше будет пойти на попятную, чем быть застигнутым врасплох...

В дверь постучались и, наконец, зашли несколько человек.

Обернувшись, Анаквий посмотрел на вошедших и кивком головы ещё раз всех поприветствовал.

— Проходите, послы, — король встал, наблюдая, как четыре человека проходят в комнату и рассаживаются по креслам.

— Может, вы объясните мне, почему нас всех тайно собрали здесь? — спросил один из мужчин, одетый в нарядный, но потрёпанный камзол. Несмотря на то, что он был представителем Алекионской королевы, он скорее походил на разбойника с большой дороги. Хотя это было не удивительно.

— Мои извинения, посол, — повернулся к нему Анаквий. — В свете последних событий мне было сложно предупредить вашу королеву о нашем плане. Но уверяю вас, никто не собирался вас игнорировать. Именно поэтому вы были приглашены вместе с остальными.

— Ваше Величество, — тут же обратился к королю посол Коргирии. — Мой повелитель обеспокоен вашей решительностью. У нас недавно гостили представители короля Дракона. Не все из них... вели себя сдержанно... тем не менее, они оставили о себе хорошее впечатление. Потому наше королевство не хочет ввязываться в открытый конфликт.

— Этого никто не хочет, — сказал Анаквий.

— Тем не менее. Король Стонгут готов предоставить свои войска. И ждёт дальнейших указаний. Но он также просил довести до вашего сведения, что намерен действовать, только если в этом действительно будет необходимость.

— Я понимаю, — кивнул Анаквий. — И благодарен.

— Мы так же готовы предоставить то небольшое, что у нас есть Ваше Величество, — сказал один из регентов юного короля Авестуса из Шентры. — Мы сейчас находимся в бедственном положении, так как пришлось бежать и скрываться всё это время. И сделаем всё возможное, чтобы вернуть своё королевство истинному наследнику и королю.

— Так значит, вы всё же решили объявить королю Дракону войну? — вновь спросил представитель королевы Ласкиты. — Моя госпожа предупреждала, что вы можете такое задумать.

— Ваша королева очень мудра, — кивнул Анаквий.

— Бесспорно, — кивнул в ответ посол. — Она так же сказала, что если вы предложите подобное, то со своей стороны она вас полностью поддержит.

— Давно пора! — воскликнула единственная женщина, до этого молчавшая. Все повернулись к ней, и она так же окинула всех гневным взглядом. — Я уже устала ждать, когда же вы, мужчины, наконец, соберётесь с силами и возьмётесь за меч.

— Принцесса Мивар, — повернулся к ней Анаквий — Я очень рад, что вам удалось лично прибыть.

— Я же рада только тому, что вы, наконец, сами соизволили затронуть эту тему, — сказала она. — Это следовало сделать уже давно, как только Торкию захватили, а мой муж и свёкор погибли. Как вы вообще могли оставить меня и мою золовку принцессу Синарию в лапах врага?

— Принцесса, — тут же попытался оправдаться посол Коргирии. — Ваш брат очень хотел спасти вас, но руки у нас были связаны. Потребовалось много времени, чтобы собрать и воспитать армию, способную не только мужественно погибнуть на поле боя.

— С моим братом я ещё поговорю. Но и бездействие я никогда не прощу. Нам с Синарией пришлось нелегко, когда эти дикари уничтожили наших воинов и наш дом. Постоянно скрываться и жить в нищете... — когда она нахмурилась, пытаясь взять себя в руки, стало замечено, как постарела принцесса за последний год. Помимо этого она стала более жёсткой и колючей, чем раньше.

— Мы все надеемся, что с вами обеими всё хорошо, — сказал Анаквий.

— И без вашей помощи! — огрызнулась та, но потом вздохнула и уже спокойнее добавила: — Но всё хорошо. Теперь всё хорошо. Мы готовы оказать поддержку всеми имеющимися у нас силами. Их немного, но, возможно, они смогут оказать помощь. И тогда Торкия тоже сможет вернуть себе законного короля.

Четверо мужчин в комнате удивлённо вскинули головы. О каком короле может идти речь, если в живых остались всего две принцессы, причём сама Мивар родом из Коргирии и к Торкийскому королевскому роду не относится? Сама же принцесса, видя всеобщее удивление, наконец, улыбнулась, радуясь, что её слова произвели такое впечатление.

— В день, когда наше королевство пало и погибли наш король и наши супруги, принцесса Синария, ставшая в этот миг королевой, была уже в положении. Я глубоко опечалена, что сама не смогла понести, но и рада, что в Торкии всё же будет законный правитель. Мальчик родился зимой, и его назвали в честь моего покойного мужа и брата принцессы — Костасом.

— Это очень хорошая новость, — тут же радостно воскликнул посол Коргирии.

— И это единственная причина, почему мы решили оказать вам поддержку, — грозно посмотрела на него Мивар. — Только ради юного принца. Потому что мальчик родился, чтобы стать королём.

Анаквий ещё раз оглядел всех собравшихся и постарался откинуть все сомнения. Хотя в глубине души он всё же надеялся, что Риана окажется права и Дракон не соврал. Что, после того, как они передадут амулеты, война закончится и в войсках не будет необходимости. Но лучше всех собрать и потом разойтись, чем не быть готовыми к тому, о чём неоднократно предупреждал маг. Что Дракон, получив силу амулетов, обрушит весь свой гнев на равнинные королевства.

Вздохнув ещё раз, он решительно заговорил:

— В таком случае, если все согласны, предлагаю обсудить все детали и нашу стратегию...

Глава 22: Разное принятие

Риана выехала рано утром, не дожидаясь никого. В замке всё равно будут дальше праздновать свадьбу и её не сразу хватятся. Да и не хотелось ей лишний раз объяснять, куда она направляется и почему совсем одна. Достаточно было одного удивлённого взгляда конюха Кавы, но он не посмел спрашивать её, а Риана не была склонна к откровенным беседам.

Если она не вернётся, то Лекамир всё объяснит...

Девушка вдруг остановилась и, обернувшись, посмотрела на замок, который был всё ещё виден. Наверное, стоило поговорить с принцессой Келиной. Хотя та сразу догадается обо всём, как только пройдёт весть, что жрица пропала, Олее же и вовсе не до того. У неё теперь другое положение и новые обязанности, а ещё муж. Возможно, следовало ещё сказать и Анаквию. Но он в последнее время выглядел очень удручённым, и ей не хотелось лишний раз сваливать на него свои проблемы. Риана только надеялась, что король нормально воспримет тот факт, что она не выйдет за Лекамира. И её очень радовало, что сам рыцарь не сильно расстраивался по этому поводу.

И всё же девушка надеялась, что вернётся. Поэтому, не сожалея ни о чём, она поскакала дальше, следуя пути, что ей указал Аккес.

К вечеру она добралась до первого ориентира.

Посёлок с петушиным названием оказался небольшим городком под названием Красногребень. Риана, как только прибыла туда, тихо рассмеялась, пытаясь представить, с чего вдруг он решил, что это петушиное название. Тем не менее, она была уверена, что это именно то место, которое имелось в виду, так как по дороге в Сенкину всего несколько жилых поселений. И больше всего под название подходил именно Красногребень.

Едва только Риана въехала в городок, она тут же привлекла всеобщее внимание. Впрочем, так было всегда. И дело не только в том, что люди каким-то образом чувствовали, кто она такая, но также в её красных волосах.

К ней тут же начали стекаться люди, кто с намерением выразить своё восхищение, кто с вопросами, кто с жалобами, кто с весьма корыстными целями. И всё это было как поток свежего воздуха. Ей захотелось рассмеяться, сесть прямо там посередине дороги и с каждым поговорить, каждого выслушать, каждому повторить, почему она не заинтересована в мужском внимании.

Но она решила, что лучше эти разговоры вести под крышей таверны, а не посреди дороги. И она очень обрадовалась, когда увидела таверну, где можно было, ко всему прочему, устроиться на ночлег. И именно там она просидела до глубокой ночи, разговаривая с каждым желающим. Рассказывая о богах, о жизни, давая советы и просто выслушивая. Хозяин таверны, хоть и ворчал на то, сколько бродяг и нищих у него скопилось, но всё же не забывал приносить напитки тем, кто мог себе позволить выпивку и еду. В целом, бурчал он больше по привычке, так как прибыль за вечер была выше, чем в самые удачные недели.

Как бы Риане ни нравилось общаться с народом, она не забывала и о цели своего путешествия. Одного взгляда в окно было достаточно, чтобы понять, что на небе полная луна. И с утра ей надо будет ехать на место встречи. Хотя жрица и верила, что не умрёт, ей хотелось побольше пообщаться с разными людьми. Но это было всё равно, что лить воду в

прохудившийся кувшин. Она не могла насытиться общением но, когда ночь подходила к середине, была вынуждена покинуть таверну и подняться в снятую комнату. Риана всё ещё могла обходиться несколько дней без сна, но сейчас ей хотелось восстановить свои силы для завтрашней встречи.

И потому девушка отправилась спать. Однако голова была тяжёлой от тревожных мыслей. Одна из которых навязчиво возникала вновь и вновь.

Ей не хотелось больше сражаться. Не только с Аккесом, но и вообще. Ей нравилось искусство меча, движения и упражнения, нравился дух соревнования, когда двое противников проявляют свои способности, но, к сожалению, в этом мире всё это шло под руку со смертью.

Именно поэтому жрица решила, что однажды сложит оружие. И сейчас чувствовала, что почти готова это сделать. Ещё немного, и Дракон будет свободен и в каком-то роде свободной будет и она...

И сняв оружие, начнёт своё паломничество, орудуя словом, а не клинком.

Ей не хотелось больше отнимать жизни. Ей хотелось их лечить и дарить им свободу. Ей хотелось радовать людей и наставлять.

С этими мыслями Риана и уснула.

Следующее утро началось с того же, чем закончилась предыдущая ночь. Люди уже ждали её, слетаясь, словно пчёлы на мёд. И потому ей не удалось выехать рано утром, как планировалось. Сердце разрывалось, при виде людей, с тоской смотрящих ей вслед.

Но она ещё вернётся. Вернётся.

Поэтому до высохшего дерева девушка добралась, когда уже давно миновал полдень. Заметив старый, почерневший от времени ствол дерева, жрица спешила и, подойдя к нему, дотронулась до коры рукой. Несмотря на то, что ствол был высохшим, в нём всё ещё теплилась жизнь и энергия, которой могучее дерево могло поделиться.

— Итак? Решила, значит? — слышался скрипучий голос, и Риана от испуга отшатнулась в сторону, наблюдая за фигурой, что показалась из тени дерева.

Она с замершим сердцем наблюдала, как фигура в чёрном плаще с накинутым капюшоном показалась на свет и остановилась перед ней. Кроме бесформенного и худощавого силуэта девушка могла рассмотреть только пухлые усмехающиеся губы. Впрочем, Многоликий иначе и не появлялся.

— Что именно я решила? — спросила Риана, пытаясь прогнать внутреннее волнение и успокоить свою лошадь, которую не меньше её нервировал появившийся гость. Она видела Бога всего несколько раз в своей долгой жизни, и каждый раз он, словно хищный коршун, распахнув когтистые лапы, ждал, когда та угодит в его ловушку.

— А ты что-то ещё решила? — с насмешкой переспросил Бог, обходя жрицу по кругу. — Ты очень даже перспективная, моя дорогая. И женские и мужские энергии...

— Они в каждом человеке есть, вне зависимости от пола, — тут же сказала Риана, стараясь не терять Бога из виду, хотя и понимала, что даже если тот что-то задумает, она не сможет ему помешать.

— Да. Именно это и прекрасно, — усмехнулся Ликий, вновь вставая перед ней. — Только ты немного забыла про гармонию, маленькая жрица. Крайности бывают намного притягательней... — он облизнулся, глядя на девушку. — Ты же ими злоупотребила...

— О чём ты? — забеспокоилась Риана.

— ... раньше — продолжил Бог, не обращая на неё внимания. — Я радовался твоим

успехам, жрица. Воительница, убийца, командующая, подчиняющая...

— Я никого не подчиняла.

— ... соблазняющая... — продолжал Бог, опять хищно улыбнувшись, — утешающая, откровенная, незащищенная, несгибаемая, скрытная, напуганная... — Ликий ещё раз посмотрела на неё. — А теперь он.

Риана всё ещё силилась понять, о чём говорит Многоликий. Боги, конечно, часто говорят загадками. И всё для того, чтобы человек сам догадался обо всём. С этим она была согласна, но иногда они слишком перегибали со своей загадочностью и ещё больше запутывали.

— Я всё ещё не понимаю, зачем ты здесь? — спросила девушка, немного осмелев.

— О, не понимаешь? — расстроено спросил Многоликий и подошёл ближе. Так близко, что Риана смогла увидеть его разноцветные глаза, переливающиеся всеми существующими оттенками. На миг она замерла, залюбовавшись их потрясающей красотой, но Бог быстро отвёл взгляд и с упрёком и даже некой обидой в голосе сказал: — Ты ускользаешь маленькая жрица.

— Ускользаю?

— Выбираешь. Не хочешь больше дружить со мной? Я ведь присматривал за тобой.

— Что? — опешила Риана.

— Не хочешь больше быть широко распахнутой... Сделала выбор, значит... — засокрушался Бог и грустно опустил плечи. — А ведь было так весело.

— То есть я что?.. больше не буду в дисгармонии?

— О, милая, — он опять посмотрел на неё с покровительственной улыбкой доброго дядюшки. Его голос был таким же непостоянным как он сам. То звонко раздавался, то опускался до вкрадчивого шёпота, то заискивающе щебетал, то громогласно, почти зло, бил по ушам. Сложно было сказать, сердится Ликий или, напротив радуется. — Ты не была в дисгармонии никогда. Хотя не буду говорить, что я не старался. Должен признаться, мне никогда не удавалось ухватить тебя по-настоящему. Ты слишком хорошо понимала грани, я бы сказал виртуозно, хотя и бродила по ним долгое время. И вот теперь ты хочешь соскочить. Это меня расстраивает. Грани слишком хороши, чтоб терять тебя. Никто до этого столько по ним не ходил. Это было красиво, — Многоликий опять начал наворачивать круги вокруг жрицы, говоря с таким восхищением, что казалось, будто он описывает поистине прекрасные вещи. — Хотя, признаться, я хотел несколько раз тебя столкнуть, но в другую сторону. Ты же всегда держалась. А потом вот это...

Бог всплеснул руками и разочарованно посмотрел на неё. Риана же всё силилась понять смысл его слов.

— Я очень обижен на брата... — сказал он, нахмурившись, и девушка немного смогла рассмотреть его лицо. Бог выглядел молодо и очень привлекательно, но через мгновение черты его лица приобрели женскую мягкость, ещё через мгновение — вновь стали по-мужски угловатыми. Бог вновь отвернулся. — Ты должна была быть по-другому. Совсем не так... Я должен был переманить тебя. Но он вмешался... Ах... Я очень на него обижен, но ничего сделать не мог.

— Небесный воин что-то сделал?

— Конечно, он сделал! — раздражённо посмотрел на неё Многоликий, вновь скрывая своё лицо, и ступил обратно в тень. — Он всегда что-то делает. И теперь ты делаешь свой выбор. Не тот выбор.

Бог осуждающе посмотрел на жрицу, но Риана совсем не чувствовала своей вины, наоборот, она радовалась. Потому что это означало, что она, наконец, избавилась от внимания изменчивого Бога. Значит и сама, наконец, приобретает саму себя. Не будет больше метаний и неуверенности.

— Спасибо, — сказала она, улыбнувшись.

Бог посмотрел на неё, и губы его скривились.

— Спасибо, — повторила Риана. — Теперь я смогу быть по-настоящему женственной.

— Не велика радость, — раздражённо хмыкнул Бог. — Таких женственных полно в каждом мире. Ты же была уникальна, но всё испортила.

Разочарованно вздохнув, Бог шагнул в тень дерева и пропал. А Риана от облегчения и радости рассмеялась так, что даже её лошадь, до этого и так нервно перебиравшая копытами, шарахнулась в сторону. Девушка обняла животное и, стараясь успокоить, прижавшись своим лбом к её. Но ей не удавалось сдержать собственный счастливый смех.

Она, наконец, свободна. Свободна.

Никто не ощущает действия Многоликого на себе. Но всегда ощущает, когда данное действие проходит. И вот сейчас жрица это чувствовала. Словно её перестали сковывать, словно она получила свободу, о которой ранее даже не имела представления. Это чувство опьяняло.

Но улыбка пропала с её губ, как только она вспомнила о цели своего путешествия. Тем не менее, ничто не могло более испортить ей настроение, поэтому, взяв свою четвероногую спутницу под уздцы, девушка побрела вглубь леса, в поисках той самой поляны, которую описал Аккес.

Только вот прежде чем найти нужное место, ей пришлось долго плутать. У Рианы уже началась лёгкая паника, когда она вдруг услышала журчание воды, и, обрадовавшись, пошла на звук.

Первое, что она увидела, когда всё же вышла на поляну это огромное озеро, сверкающее в лучах заходящего солнца. От созерцания подобной волшебной красоты её отвлекла лошадь. Та радостно загарцевала, увидев воду, и жрице пришлось поторопиться отвести её утолить жажду.

Однако, выйдя на поляну, она увидела Аккеса, который стоял неподалёку в маске и с обнажённым оружием, как будто только и ждал её появления. Хотя, скорее всего, он слышал в лесу её шаги. Забыв о лошади, Риана разочарованно посмотрела на него. Ей хотелось увидеть его лицо, а не эту ужасную маску. Больше всего её расстроило то, что он, похоже, не собирался медлить ни секунды и готов был начать схватку прямо сейчас.

Непоседливость её спутницы опять привлекло внимание Рианы, и она поспешила отвести бедняжку к воде.

— Я надеюсь, я не слишком опоздала, — сказала жрица, распрягая животное и бросая осторожные взгляды в сторону мужчины.

— Нет. Сейчас как раз полнолуние, — сказал он, глянув на уже показавшуюся луну.

— Может, подождём до утра? — спросила Риана без особой надежды. — Солнце почти садится.

Аккес поднял руку и, задрав маску, пристально посмотрел на неё.

— Ты что, хочешь потянуть время? — на его лице появилась ухмылка, будто она призналась, что боится его.

— Я вообще не хочу с тобой сражаться, — пожала плечами Риана, выдерживая его

взгляд. Ей порой легко это удавалось, а порой внутри всё переворачивалось. Вот и сейчас, стоило ей заглянуть в его глаза, и руки тут же начинали дрожать. Тем не менее, она старалась вести себя непринуждённо. — Но я дала тебе слово. Поэтому я здесь.

— Это хорошо, — сказал он, продолжая пристально её рассматривать. Риане стоило некоторых усилий оторваться от этого взгляда и расстегнуть дорожный плащ.

— То есть откладывать не будем? — спросила она.

— Не будем, — послышался его твёрдый голос, и жрица вздохнула. Наверно глупо было надеяться, что если они поговорят без посторонних, он передумает.

Сняв и сложив плащ, Риана сняла и ремни с ножнами со своих бёдер. В них не было нужды, если это только поединок. Она также распустила взлохмаченные в дороге волосы и переплела их в косу, чтобы те не лезли в глаза и не мешались в битве. Наконец, осознав, что больше отсрочить неизбежное нечем, она взяла Авока и Керена в руки и повернулась к Аккесу.

Он всё это время так и стоял на месте, наблюдая за её действиями, и девушка почувствовала лёгкое смущение.

Риана заметила, что Аккес тоже снял свои заплечные ножны. На нём даже не было металлических наплечных щитков, правда наручи остались, как и маска...

Ей очень хотелось, чтобы он её снял, и она была готова даже напрямую его об этом попросить, как вдруг Аккес сам стянул маску с головы и, отойдя немного в сторону, бросил к своим вещам. Только тут Риана заметила небольшой дорожный мешок и высокий факел, вкопанный в землю. Похоже, он намерен продолжать бой, даже когда полностью стемнеет.

— Что ж... — сказала девушка, — наверно, действительно не стоит оттягивать.

— Выше нос, жрица, — усмехнулся грозный генерал Дракона. — Ведь это не первый раз.

— Знаешь, именно потому, что не первый, я не в восторге. В прошлые разы ты нападал на меня так, будто действительно хотел убить.

— Я и хотел.

— Знаю. Просто... — она нахмурилась и замолчала.

Аккес подошёл к ней ближе и остановился на расстоянии всего пары шагов. На лице его всё ещё была ухмылка.

— Просто ты не ожидала, что кто-то захочет тебя убить?

Риана хмуро посмотрела на него, и на душе стало горько. Однако решила не показывать свои эмоции, и потому, вскинув голову, глубоко вдохнула и приняла оборонительную стойку.

— Ладно, — сказала она, — быстрее начнём, быстрее закончим.

— Кто-то закончит, а кто-то умрёт, — добавил Аккес.

Почему-то в голове Рианы промелькнула мысль, что второй "кто-то" это про неё, потому как убить его она не сможет. Рука не поднимется. Но если скажет ему об этом — он разозлится. Потому жрица, помня о своём обещании сражаться всерьёз, решила сконцентрироваться и постараться даже в серьёзном сражении не нанести смертельную рану.

И чтобы у него не осталось лишних сомнений, Риана сделала быстрый выпад, замахнувшись Кераном снизу вверх. Аккес отскочил и, не убирая улыбки, метнулся на неё, нанося ответный удар в бок. Девушка так же с лёгкостью отскочила и начала контрудар.

Первые пробные наскоки быстро закончились, и вот они уже закружили в битве,

предугадывая и блокируя атаки друг друга. Расходясь и снова сходясь. И это была уже совсем иная схватка, не похожая ни на одну другую. И несмотря на обречённость, витающую в воздухе, оба они получали от неё удовольствие.

Аккес наслаждался её выпадами в его сторону даже тогда, когда девушка порезала ему руку, которой он пытался заблокировать её удар в грудь, и чуть не рассмеялся, осознав, что был на волосок от смерти. Возможно, это можно посчитать за сумасшествие, но он настолько радовался тому, что жрица, наконец, осмелилась сражаться серьёзно. Решительность в её глазах вовсе не испугивала его, а, наоборот, наполняла силой. Он даже забыл о своей маске. Поначалу было непривычно сражаться без неё, но Аккес не жалел, что снял её. Ведь так ему удавалось видеть намного лучше. Выражение её лица, даже бисеринки пота на сосредоточенном лбу, красные прядки волос, прилипшие к шее и щекам. И самое главное: мог видеть её горящие глаза. И он бы ни за что не поверил, что она так же не наслаждается этой схваткой.

Сделав подсечку, мужчина попытался проткнуть её бок. Но Риана ушла от удара и тут же попыталась подрубить его ногу. Испытывая неопишуемый восторг, он отклонился. Раньше она бы отскочила и принялась обороняться. Теперь нападает.

Увернувшись от её меча, Аккес занёс руку для мощного удара прямо в плечо, что должен был разрубить её пополам, и жрица, прекрасно видя это, сделала кувырок назад, отскочив с линии атаки. И он рассмеялся, её молчаливо сосредоточенному лицу.

Риана на миг замерла, потом удивлённо посмотрела на него.

— Что смешного? — спросила она сбившимся дыханием. Бой, тем более такой изматывающий, требовал гораздо больше сил, чем раньше, и девушка начинала чувствовать усталость. Её радовало только то, что и сам Аккес выглядел таким же измотанным. И, тем не менее, он ещё и смеялся...

— Ты смешная, — сказал её соперник, продолжая ухмыляться. — Такая серьёзная.

Он сделал несколько шагов назад и, не сводя с неё взгляда, вытащил полы рубашки, которая, пропитанная потом, начала прилипать к телу. Воткнув свои мечи в землю и продолжая пристально следить за соперницей, он стащил рубаху через голову. Риана же расширенными глазами смотрела на его действия. Однако, как только Аккес оголился, тут же почему-то отвела глаза.

— Зачем ты раздеваешься? — спросила она.

— Жарко, — просто ответил он, отбрасывая ткань к своим вещам и вновь беря оружие в руки.

— Хм... Может, и мне тоже раздеться? — задумчиво спросила Риана, вытирая пот со лба, и вновь услышала его смех. Почему-то это её разозлило. Как будто его веселит то, что она вот-вот умрёт. А рано или поздно это случится. Хотелось ей это признавать или нет, но Аккес сильнее её. Жрица это почувствовала ещё при первом поединке у ворот. Раньше у неё получилось бы одолеть его, используя свою выносливость. Измотать его так, что он сам свалится без сил. Теперь же, когда выносливость оставила и её, соперник, несомненно, одержит верх. А значит, она всё же умрёт...

И он всю демонстрирует своё желание этого добиться. Да ещё и смеётся, видимо, чувствуя своё превосходство. И всё что ей остаётся, — это отдалять неизбежное.

Нет уж, раздеваться её не заставишь... Если он снял свою броню, это его выбор: с чего ей вдруг облегчать ему жизнь? Внезапно ей пришла в голову мысль: если удастся ранить Аккеса, то она может считаться победителем в этой схватке, и тогда никому не придётся

умирать.

Полная решимости, девушка вновь встала в боевую стойку. Но один взгляд на него чуть не стёр всю её решительность. Она не хотела умирать, но и ранить его тоже не желала. А соперник, похоже, одним взглядом мог сломить её волю. Приказав себе сосредоточиться, Риана покрепче схватила меч и бросилась в новую атаку.

Аккес же с энтузиазмом её принял, отклоняясь и нанося ответные удары. Но обратил внимание на то, что она перестала смотреть ему в глаза. А это убирало часть удовольствия от схватки с ней. Заглядывая в них, он мог поклясться в том, что видел там все её эмоции. И решительность при атаке, и недовольство после неудачи, и азарт, когда жрица пыталась перехитрить его ложными выпадами, а ещё неуверенность, раздражение, ехидство и даже смущение. Целая гамма эмоций, которые раньше ей удавалось прятать. Но когда началась их схватка, она перестала скрывать себя. Она открылась и вся эта гамма её эмоций завораживала его. Гамма эмоций из-за него...

Риана попыталась сделать очередной выпад, но Аккес увернулся и, схватив её за руку, потянул дальше так, что девушка по инерции от своего удара полетела вперёд и тут же плюхнулась носом в землю. Быстро перекрутившись, она поспешила встать на ноги, пока противник не воспользовался её беспомощностью, но он продолжал стоять на месте и, тихо смеясь, наблюдал за ней, чувствуя себя странно счастливым.

— С каких пор это стало игрой? — возмущённо спросила она, немного расслабившись, так как видела, что никто не нападает. — И чего тут смешного?

— Я же говорил. Ты смешная.

— Что смешного в сосредоточенности? — спросила она, обходя его и пристально следя за его руками. Жрица была в курсе, что нужно смотреть противнику в глаза, чтобы предугадать его действия, но не могла поднять взгляда, потому как знала, что стоит ей посмотреть... Её раздражала его странная способность парализовать её взглядом.

Аккес внезапно сорвался с места и, заноса руку для удара, нацелился ей прямо в живот. Риана собралась за долю секунды и, отведя его оружие, скользнула в сторону, намереваясь напасть на него сзади, но её удар был заблокирован другой его рукой. Он изогнулся, ускользая и вновь атакуя девушку, но уже с другой стороны. Ей приходилось использовать все свои силы и манёвренность, дабы уходить и отражать его натиск. А Аккес двигался так, словно боги потоком с небес вливали в него силы и энергию. Он крутился вокруг, изгибаясь под её ударами.

У неё складывалось впечатление, что Аккес с ней играет, как кот с мышью и это её пугало, потому что сама жрица сражалась на пределе своих сил. Внутри даже возникла мысль, о том, что раз уж Многоликий отказался от неё, значит, у неё больше нет мужских энергий и способности сражаться, а это значит, она действительно ослабла. Но Риана также понимала, что Небесный Воин не оставит её, и её всё ещё можно назвать великолепной воительницей...

Однако всем этим мыслям некогда было развиваться дальше, так как ей приходилось сосредотачиваться на том, чтобы не пропустить атаку и не погибнуть.

Но тут одна из подсечек достигла цели, и она повалилась на землю. Быстро делая перевороты, с намерением избежать завершающего удара, девушка вскочила, попытавшись напасть на противника сбоку. В ушах стучала кровь, а глаза заливал пот, но сдаваться она не собиралась.

Уходя от её атаки, Аккес отскочил в сторону и, глубоко дыша, сказал:

— У тебя довольно интересная техника. Тебя действительно сам Воин тренировал?

Воспользовавшись паузой, чтобы вытереть пот с лица, Риана посмотрела на него. Она обрадовалась тому, что он тоже выглядел уставшим. Грудь быстро вздымалась, а кожа блестела от пота. Солнце уже давно село, но поляну заливал свет большой луны, так что видимость по-прежнему была хорошей. Это было ей на руку, так как Аккес, в отличие от неё, прекрасно видит в темноте.

— Иногда... — осторожно сказала Риана, наблюдая за каждым его движением. Она уже не раз видела, как он, отвлекая её разговором, внезапно нападал, и потому старалась быть начеку. Одновременно с этим девушка всё же решила тоже снять с себя часть брони, тяжесть которой выматывала её всё сильнее.

Расстёгивая ремни наручей и грудной пластины, она, так же как и Аккес до неё, следила за противником взглядом. Но тот даже не шевельнулся, хотя, запрокинув оружие на плечи, не менее внимательно следил за каждым её движением. Наконец, оставшись только в сорочке, заменяющую ей рубаху, жрица с облегчением вздохнула. Было бы совсем идеально, если бы она ещё могла снять грудную повязку, каковой ей приходилось обматываться каждый раз, когда предстоял бой. Женское тело не так хорошо приспособлено к сражениям, как мужское.

Складывая одежду, она продолжала украдкой рассматривать Аккеса. Казалось, что он сделан из камня. Мышцы на руках и торсе были выпуклые и выглядели мощными и твёрдыми. А вот она, сколько бы ни тренировалась, не могла достичь такого же эффекта. Её тело было подтянутым и тоже не было лишено мышц, но всё же оставалось мягким и плавным. Силы для сражений у неё было достаточно, но ей всё равно казалось, что она слаба, только потому, что не выглядит вот так... как воин.

Видя, что её соперник по-прежнему стоит неподвижно, Риана энергичным движением откинула со лба прядь волос. Она радовалась передышке и возможности хотя бы восстановить дыхание. Она начинала уже привыкать к ограничениям простого человеческого тела.

Аккес же стоял и смотрел на неё, слегка склонив голову, словно изучая её.

Жрице хотелось спрятаться от этого взгляда, потому что она прекрасно понимала, что он сейчас видит. Раскрасневшееся от напряжения лицо, растрёпанные волосы, липнувшие к мокрому от пота лбу, дрожащие от напряжения руки и тяжёлое дыхание.

И опять же... раньше ей не было дела до того, как она выглядит, но сейчас хотелось хотя бы вытереть своё лицо и переплести волосы. Только вот Риана не могла себе этого позволить, так как малейшая слабость с её стороны — и он нападёт. И тогда ей конец.

Но, к счастью, он не стал долго её рассматривать и, не убирая улыбки с лица, за пару прыжков преодолел расстояние между ними, заноса своё оружие в очередном ударе. Риана была готова к удару, но не к манёвру. Он чуть не выбил Керена из её рук, и девушке пришлось отступить, чтоб занять оборонительную позицию. Прежде чем она смогла восстановить равновесие, резко двинув локтем, он выбил меч из её рук так, что жрица была вынуждена уйти в сторону и блокировать его атаки уже одним оружием.

В ней начала нарастать паника. Двигаться приходилось в разы быстрее, чем она двигалась когда-либо раньше. Теперь приходилось отбиваться одной рукой, в то время как противник продолжал орудовать двумя. Риана отступала и отступала, в то время как Аккес, казалось, начал бить сильнее и быстрее. Она и в прошлый раз замечала, что, как только тот устанет у него словно просыпается второе дыхание и он начинает сражаться даже лучше, чем

прежде. Очень хорошая особенность, но не тогда когда применяется против неё.

Отступая, девушка пыталась уворачиваться от большинства ударов и блокировать те, от которых увернуться не получалось. Она чувствовала, что время отсчитывает последние секунды до решающего момента. Игры закончились. Даже улыбка с лица Аккеса пропала. Он был сосредоточен и целеустремлён, а движения его стали нетерпеливыми и решительными.

Сделав ещё шаг назад, Риана ушла от очередной подсечки, лихорадочно стараясь что-нибудь придумать. О перерыве тут не стоило и мечтать, как и о том, чтобы вернуть себе оружие. Ведь они договаривались, что бой будет настоящим, а значит, потеря оружия только её вина и он вправе этим воспользоваться.

Делая ещё шаг назад, жрица, к своему ужасу, упёрлась в ствол дерева и поняла, что это конец.

Подняв руку, девушка последним своим жестом попыталась закрыться, поставив блок, но Аккес, выкрутил её руку, лишая её последнего меча. И в следующее мгновение, целясь ей в шею, резко ударил...

В этот самый момент время для Рианы словно замедлилось. Она видела, как острый клинок в замахе двигается к ней, ещё чуть-чуть — и он отсечёт ей голову. Она видела, как Аккес сосредоточенно смотрит на неё. Его взгляд был непреклонен и в то же время, в нём уже виднелось торжество...

Девушка грустно прикрыла глаза. Если уж умирать, то последним ей бы хотелось видеть не это... Гораздо приятней было бы смотреть на его улыбку. Совсем недавно он так открыто улыбался...

Резкий тупой звук ворвался в её мысли, парализовав её сознание. Риана замерла. И ждала... Боли? Холода?.. Кто-то однажды говорил, что умирать холодно. Или стоит ждать слабость? Ведь, умирая, теряешь силы. Но она по-прежнему стояла, от напряжения, сильно сжав зубы. Наконец, не в силах больше терпеть неизвестность, жрица открыла глаза и встретила с его взглядом.

Аккес стоял к ней очень близко и смотрел на неё, улыбаясь. В точности так, как она себе только что это представляла.

Тут Риана заметила, что его меч, который должен был перерезать ей горло, воткнулся в дерево. Словно он не рассчитал расстояние и вместе с её горлом попытался перерубить весь ствол. Однако клинок ожидаемо застрял в древесине, так и не добравшись до её шеи. И довольная ухмылка на его лице говорила о том, что это вовсе не ошибка.

— Я победил! — сказал Аккес, продолжая улыбаться. Внутри него была настоящая буря. Сердце бешено билось, переполняя его энергией и ликованием. Он смог сделать то, что никому никогда не удавалось. Он смог превзойти жрицу в её мастерстве. Он смог одолеть жрицу-воительницу.

И теперь она стоит перед ним... побеждённая.

Риана уже справилась с растерянностью и даже успела смириться, понимая, что ничего уже не изменить.

— Теперь тебе осталось только убить меня, — сказала она, спокойно глядя в глаза своему убийце. Странная апатия напала на неё.

Веселье тут же пропало с его лица. Теперь Аккес выглядел озадаченным, и даже отступил на шаг.

— Да... осталось убить тебя, — сказал мужчина, так же спокойно глянув на девушку,

которую буквально пригвоздил к дереву. Странно, но у него совсем вылетело из головы, что их поединок должен длиться до смерти одного из них. Более того, он уже не хотел, чтобы жрица умерла.

Осознание этого поразило его.

Она всегда его раздражала. Ворвавшись в его мир, эта женщина всё перевернула с ног на голову. Даже если забыть о том, что из-за неё он опять в битвах терял над собой контроль, само её существование выводило его из себя. А началось всё из-за того, что жрица посмела заявить миру, будто она самая сильная и никто не вправе соперничать с ней. Она задела его гордость, и он не смог это стерпеть. С самого начала генерал Дракона хотел уничтожить её, дабы доказать, что никто и никогда не сможет стать сильнее его. Никто и никогда его не одолеет. Никому и никогда он больше не проиграет...

Отступив ещё на шаг, Аккес посмотрел на неё так, словно впервые по-настоящему увидел.

Он так сильно хотел её победить, одолеть, превзойти, что если её не станет... всё закончится. Ему не к чему будет больше стремиться.

Ему слишком нравилось стараться убить её, чтобы действительно убивать.

— Ты на самом деле хочешь умереть? — протяжно спросил он, глядя на неё.

Риана, всё ещё пребывая в некоем ступоре, смотрела на него в ответ.

— Я пришла сюда с мыслью, что умру либо я, либо не умрёт никто.

Аккес слегка сощурился, как будто почувствовал что-то неладное.

— То есть ты не собиралась убивать меня? — сердито спросил он, резко приближаясь к ней с угрожающим выражением на лице. И девушка неожиданно отшатнулась в сторону, нырнув под торчащий из ствола меч и делая ещё шаг назад. Что выглядело совсем нелепо, так как реальной опасности стоящий перед ней мужчина сейчас не представлял. Даже оставшийся в его руке меч висел остриём в землю.

Забыв обо всём, Аккес удивлённо на неё посмотрел.

— Я ещё не начал тебя убивать, чего испугалась?

— Я... — неловко посмотрела на него Риана, и вдруг краска залила её щёки, нос и даже шею. — Я не смерти... в смысле, это инстинктивно... просто вспомнила.

Она отвела взгляд, пряча глаза, и это ещё больше заинтересовало Аккеса. Что с ней не так?

— И чего же ты вспомнила, что тебя так напугало?

— Я вспомнила, как там, на дороге... — девушка робко подняла глаза и посмотрела на него. — Ты тоже резко приблизился тогда...

Аккес несколько секунд удивлённо смотрел на неё, а потом вдруг рассмеялся. Подняв руку, он откинул растрепавшиеся волосы назад и посмотрел на неё, искрившимся от веселья, взглядом.

— Ты подумала, что я тебя поцелую? — спросил он серьёзным голосом.

— В прошлый раз ты так и сделал, — нахмурилась жрица, подозрительно уставившись на него в ответ. — Я так и не поняла, зачем.

— Не поняла? — всё ещё едва сдерживая смех, переспросил Аккес. — А ведь это должно было тебя разозлить.

— Все так говорят. Но с какой стати? — удивилась Риана. — Я ведь понятия не имела, что всё это такое и что значит? К тому же, всё произошло так быстро...

— То есть, ты ничего не почувствовала? Ни злости, ни смущения?

— А должна была?

— Обычно люди смущаются, если их целуют на глазах у всех.

Риана вдруг замолчала, а потом вздохнула, опустив плечи.

— Теперь понятно, почему Лекамир так остолбенел...

— Шлемоголовый? С чего вдруг?

— Ну, так я поцеловала его после этого... — тихо проговорила жрица, — чтобы понять... А он покраснел.

Аккес уже не мог сдержаться и засмеялся в голос. Он даже пожалел, что тогда от злости сразу ускакал и не мог видеть всё это своими глазами.

— Да... — вздохнула жрица, опуская голову. — Все смеются. Но ведь ничего особенного-то не произошло.

Вдруг смех прекратился, а Аккес внимательно посмотрел на девушку перед собой.

— Тогда почему ты так отшатнулась?

От неожиданного вопроса и этого взгляда у Рианы по телу побежали мурашки. Ей захотелось отступить ещё на шаг. Насколько всё было проще, когда он пытался на неё напасть...

— Я... — попыталась она что-то сказать, но сама не знала, как ответить на этот вопрос.

Аккес же, закинув свой меч на плечо, и сделал несколько шагов к ней. Внимательно глядя ей в глаза, он продолжал серьёзным тоном:

— Ты подумала, что я тебя поцелую, но зачем было так пугаться, если это пустяк? Ты говоришь: "все смеются". Но зачем было столько об этом расспрашивать, если это ничего не значит? — он приближался и приближался. — Или может быть, это всё-таки что-то значит? И ты отшатнулась, потому что на самом деле хотела этого поцелуя, не так ли?

Он дразнил её. Риана это прекрасно понимала, но, всякий раз, когда он находился рядом, не могла нормально мыслить. Она чувствовала его энергетику как некое облако, которое стремилось её поглотить. Его взгляд, его речь, даже то, как он сражается... всё говорило в нём об этом.

Ей приходилось всячески сопротивляться этому напору. И с каждым разом это становилось всё труднее.

— Нет, не хотела, — с трудом выговорила она в очередной попытке защититься.

Аккес вдруг замер. С лицом, выражающим крайнее удивление, он даже отступил на шаг назад. Какое-то время он так и стоял, потрясённо глядя на девушку перед собой. Он несколько раз открывал рот, чтобы что-то сказать, но, словно онемев, закрывал его обратно.

— Серьёзно? — наконец, выговорил он, недоумевающе осматривая жрицу.

И тут вдруг опять расхохотался.

— Я не понимаю... — сказала девушка, чувствуя себя ещё более неловко из-за его странной реакции.

Он опять посмотрел на неё, иронично приподняв брови.

— Ты серьёзно только что пыталась мне соврать?!

— Что? — удивилась Риана и тут же опять густо покраснела. — Нет... О-о-о...

И тут осознание дошло до неё. Совсем запутавшись в своих ощущениях, она попыталась сказать то, что, по её мнению, помогло бы ей избежать этого состояния. Проще: она действительно пыталась сказать неправду. Это настолько потрясло её саму, что она растерянно уставилась на свои руки, будто это они были виноваты в её проступке.

— Ты всё-таки умеешь... — мягко произнес Аккес. И, взглянув на него, Риана

неожиданно увидела нежную улыбку.

Он что, радуется тому, что она попыталась сделать что-то недостойное?

— О нет! — выговорила девушка, потрясённо выдохнув. — Это просто ужасно. Всё становится только хуже.

— Нет ничего плохого в человечности, — продолжал улыбаться Аккес.

— Но не так. Ещё рано. Это всё из-за тебя. Тебе лучше уйти... или мне уйти.

Обогнув его, она пошла через поляну к своей лошади.

Риана лихорадочно думала, как всё вернуть к тому как было раньше. Пыталась ещё раз проанализировать свои поступки и мысли и понять, что именно заставило её соврать. И всё сводилась к тому, что виной этому был Аккес. Прав был Лекамир, не стоило ей приезжать. Не сейчас. Нужно было договориться на битву позже. Хотя к тому времени она могла бы быть ещё слабее. Но тогда уже терять было бы нечего. С другой стороны, что ей терять сейчас?..

— Эй-эй! — уже серьёзнее сказал Аккес, опять нахмурившись. — Ты не забыла, что проиграла? И теперь я могу распорядиться твоей жизнью, как мне угодно. И я не отпускал тебя.

Риана обернулась и посмотрела на него. Она уже немного пришла в себя и понимала, что он прав. И хотя ей пока оставили жизнь, у неё не было возможности диктовать правила дальше.

— Это так, — вынуждена была согласиться девушка, — но ты не сможешь заставить меня делать то, чего я не хочу.

Аккес опять усмехнулся и, сделав шаг в её направлении, перекинул меч из одной руки в другую, внимательно следя за ней.

— Но вот какое дело... — растягивая слова, сказал мужчина и сделал ещё один шаг. — Я ведь теперь знаю, чего ты хочешь, жрица...

И вот снова она стояла, не в силах пошевелиться. Он же сделал ещё один медленный шаг в её сторону. Словно хищник, приближающийся к своей добыче, неотрывно следил за ней взглядом, даже улыбка была коварная и самоуверенная. Впервые после их встречи Риана захотела, чтобы Аккес надел свою маску. Потому что сейчас, закинув на плечо совсем не опасное оружие, оголённый по пояс, без всякой брони и выглядящий расслабленно, он казался как никогда опасным.

Хотелось развернуться и убежать, но почему-то ей казалось, что так только усугубит всё и не сомневалась, что он пустится в погоню. Риана была в его власти и прекрасно понимала это.

Аккес сделал ещё шаг и остановился от неё на расстоянии вытянутой руки. Его взгляд, казалось, обжигал ещё сильнее. Девушка вся напряглась, но старалась выглядеть спокойной.

— Ответь мне на вопрос, жрица, — сказал он тихим охрипшим голосом, наслаждаясь упрямством в её взгляде. Даже побеждённая, она не сдавалась.

— Вопрос? — настороженно переспросила девушка. От опасного предчувствия сердце начало биться сильнее.

— Да, — кивнул мужчина, внимательно следя за ней. — Ты по-прежнему хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

Это была ловушка.

Она это знала.

Он это знал.

Сердце её забилося ещё сильнее. Риана чувствовала, как сила волнами исходит от его тела, та самая, что с первой их встречи угрожала поглотить её. Та самая, которой уже не было сил сопротивляться. И она сдалась и открылась ей навстречу. Позволила сделать то, что и так было предрешиено.

И на миг жрица вдруг почувствовала себя как дома. В небесных чертогах все купались в силе, но то была сила богини, сила материнской любви и ласки. Но то, что девушка почувствовала сейчас, было другое. Эта сила была яростной и непредсказуемой. Она чувствовала, что может в ней сгореть, но всё равно тянулась к ней как мотылёк к свету. Огонь, из которого он был сделан, тот, которому полагалось сжигать всё на своём пути... по какой-то причине не причинял ей зла, а ласково согревал.

Риана знала, каков ответ на заданный вопрос. Прекрасно понимала, что именно должна ответить. Всю свою жизнь она всегда говорила, правду как она есть, не понимая, почему кто-то пытается отрицать истину. И, тем не менее, в этот самый момент она открыла рот и сказала:

— Нет.

Улыбка медленно расплылась по его лицу.

— Опять врѣшь, жрица, — сказал Аккес, опуская руку и отбрасывая давно ненужное оружие. словно избавляясь от последнего символа своей одержимости. Или, точнее, того, что связано со смертью.

Он понял, почему его так тянуло к ней.

Ему хотелось убить её, превзойти, победить, доказать самого себя... Сделать это означало доказать ей же, что он чего-то стоит. Она будоражила его воображение, бросала вызов его гордости, насмехаясь над ним своей неуязвимостью. Лишённый покоя, он хотел уничтожить её, воспринимая как агрессора. Но вот всё это рассеялось, и Аккес увидел лишь ту, которая по-прежнему будоражила его. Ту, которая привлекала его. Ту, которая заставляла раз за разом думать о ней, искать её, добиваться...

Ему было страшно представить, что случилось бы, если бы он достиг своей цели и убил её... Потому что, глядя на неё сейчас, в эти большие, немного испуганные, немного упрямые глаза, всё, чего он хотел — это постоянно смотреть в них.

Внезапная мысль о том, что она всегда может быть рядом с ним, опьянила его.

Преодолев последний разделяющий их шаг, Аккес медленно наклонился к ней, словно давая последнюю возможность отстраниться. Риана же стояла неподвижно, не в силах даже пошевелиться, и смотрела на него. Всё её внимание было приковано к его приближающимся губам и шраму, что их рассекал. Тот самый шрам, от одного взгляда на который её сердце начинало биться сильнее. Тот самый шрам, который заставлял её вспоминать и вспоминать тот самый первый поцелуй, что совсем ничего не значит...

Жрица чувствовала, что если сейчас, в это самое мгновение, не поцелует его, то просто упадёт замертво.

Подавшись вперёд и сократив то небольшое расстояние, что ещё оставалось, она встретила его губы своими. Вздых облегчения и удовольствия вырвался из неё. Колени ослабели, а руки, желая в попытках удержаться, взметнулись вверх, обхватывая его шею. В то же мгновение его сильная рука обхватила её за талию, крепче прижимая к себе.

Где-то на краю её сознания мелькнула мысль: "так вот какие бывают поцелуи".

Но мысль только мелькнула, потому что она вся была поглощена тем, что происходило с ней. Всё трепетало, дрожало и пело одновременно. Кожа горела от его прикосновения,

ощущая жар его тела даже сквозь одежду. А его губы делали с ней такое, что она могла только молиться, чтобы Аккес не останавливался. Вплетая свои пальцы в его длинные волосы, Риана прижималась к нему сильнее, чувствуя, как он в ответ обхватил её второй рукой, почти приподнимая над землёй.

Наслаждаясь поцелуем и тем, как она мягко касалась его головы, Аккес, тем не менее, в любую минуту ожидал, что жрица опомнится и оттолкнёт его. Искушая и подначивая её, он не ожидал именно такого. Когда речь зашла о поцелуях, ему самому вдруг неистово захотелось её поцеловать. И Аккес допускал мысль о том, что если бы лёгкий холодок не прошёлся по его телу при её ответе, он всё равно бы рискнул сделать всё то же самое.

Она сводила его с ума. С самой первой встречи. Но он всё равно хотел, чтобы она осталась с ним. Принадлежала только ему...

Только ему...

Обхватив её ещё сильнее, приподняв девушку над землёй, Аккес усилил поцелуй, пытаясь выразить всю свою страсть, что рвалась наружу. Она отвечала не менее страстно, разжигая и без того разгоревшийся пожар внутри.

Осторожно приудерживая её, он опустил жрицу на мягкую траву, что приятно холодила разгорячённые тела. С трудом оторвавшись от её губ, Аккес посмотрел на неё, почти ожидая, что она оттолкнёт его. Он не имел права на неё, но это не мешало ему отчаянно её хотеть. Риана, не догадываясь о его душевных метаниях, сама потянулась навстречу, прикасаясь губами к его шраму.

Легонько касаясь язычком по всей длине огрубевшей от ранения кожи, она сама не осознавала, что делала с ним. И Аккес, забыв о своих сомнениях, вновь завладел её губами.

Дрожащими руками он пытался стянуть с неё сорочку, и едва не порвал её. Ненавидя каждое мгновение, пока пришлось ждать, чтобы вновь прикоснуться к ней. Потом очередь дошла до ремней и куска ткани, который стягивал её грудь и который он возненавидел всей душой.

Когда часть одежда была снята, Аккес трепетно дотронулся до гладкой кожи её девичьего тела своими загрубевшими руками. Упругое тело, гладкая кожа, плавные женственные изгибы. Ему хотелось поцеловать каждую частичку этого тела. И он поддался этому искушению, чувствуя, как она дрожит от каждого прикосновения его губ.

Сначала шея, потом ниже... ямочка в районе ключиц... грудь... Руки уступили губам право на это прикосновение, но лишь потому, что были заняты тем, что старались освободить их двоих от оставшейся одежды.

Но чем меньше оставалось одежды, тем сильнее становился страх... Вдруг она передумает, вдруг осознает, что происходит между ними, вдруг поймёт, что он не имеет на это права, вдруг оттолкнёт его и возненавидит.

Тяжело дыша, он на миг остановился, заглядывая ей в глаза, почти ожидая... Но девушка с горящим от страсти взором приподнялась и сама потянулась к нему. Обхватывая его руками, она сама притянула его к себе, возобновляя поцелуй. И мысли о неправильности тут же опять пропали. Остались только ощущения от прикосновения её тела к его телу. Запах её кожи, цветочный аромат её волос и смятой травы под ними.

Всё ещё дрожащими руками он провёл по её груди, животу, вдоль бёдер, направляя их так, чтобы её ноги обхватили его. Мысль о том, что для неё всё это впервые, позволяла сдерживать себя. Он знал, что девушки при первом опыте испытывают страх и даже боль.

Ему не хотелось доставлять ей боль, и потому приходилось действовать медленно и

осторожно, лаская её и продолжая целовать губы, грудь, живот... Дотрагиваясь руками везде, где мог. Приподнявшись, он опять осмелился посмотреть на неё.

Она лежала, запрокинув голову. Её волосы красивым красным веером рассыпались на зелёной траве, а глаза её были направлены на него, и в них по-прежнему горела такая же страсть, что и в нём.

Смотреть было так же приятно, как и дотрагиваться. Медленно приблизив своё лицо, Аккес коснулся её щеки рукой, нежно проведя пальцами вдоль подбородка, заканчивая лёгкими прикосновениями на губах и чувствуя тепло её учащённого дыхания.

Он знал, что теперь этот образ будет преследовать его до конца дней. И вновь завладев её ртом, он осторожным движением проник в её тело, соединившись с ней в единое целое.

Он вдохнул её резкий вздох, ненадолго замерев, дабы дать ей время привыкнуть. И только когда она расслабилась, начал движения, позволив страсти, которую до этого сдерживал, поглотить их двоих.

Её руки опять обхватили его шею. Она всячески старалась прижаться к нему сильнее, приподнимаясь над землёй, легонько вскрикивая от каждого его движения. Ему нравилось смотреть ей в глаза в эти моменты. Читать всю гамму её эмоций, видеть горящую в ней страсть, видеть, как закрываются её глаза, когда она в очередной раз тянется его поцеловать и то, как она смотрит на него, когда по её телу проходит дрожь...

Он не отрывал от неё глаз, стараясь запомнить эти её черты на всю оставшуюся жизнь.

Облокотившись о землю одной рукой, чтобы своим весом не давить на неё, он в тоже время другой рукой обхватив её, прижал к себе, почти удерживая на весу. И когда её тело пронзила судорога наслаждения, голова запрокинулась, раздался стон удовольствия, он продолжал удерживать её, сохраняя себе и это воспоминание. А вскоре и сам достиг пика, прижимая девушку к себе ещё сильнее.

Когда туман страсти в его голове немного рассеялся, он медленно опустил её на траву. Её глаза уже блаженно закрылись, а тело расслабилось, сбившееся дыхание начинало потихоньку восстанавливаться.

Ему захотелось вновь поцеловать её припухшие от многочисленных поцелуев губы, а ещё опять прижать к себе и не отпускать... но с ясной головой стало появляться и осознание произошедшего. И чем больше он вспоминал, тем больше не хотелось её отпускать. Потому что знал: как только он её отпустит, назад дороги не будет. Всё раз и навсегда закончится.

Её дыхание уже полностью успокоилось, и, казалось, девушка беззаботно уснула, в то время как его начала душить вина.

Сделав над собой усилие, Аккес всё же освободил свою руку, полностью уложив жрицу на траву, и тут же пожалел об этом. Руки потеряли привычное тепло от прикосновения к ней. Стало холодно и одиноко.

Но он отстранился и сел рядом с ней, продолжая прикасаться к ней взглядом. Её восхитительно красные волосы вновь свободно разметались по траве. Как раньше он мог ненавидеть их? На расслабленном лице трепетали ресницы и горели румянцем щёки, а её губы...

Аккес вспомнил её жаркие поцелуи, которыми она одаривала его, и внутри всё сжалось... Жрицы не похожи на обычных женщин. Они носятся со своей избранностью и в поисках своего идеального мужчины. Героя в сверкающих доспехах, полного добродетелей под стать своей небесной возлюбленной. Он горько поджал губы. Этой повезло сразу своего встретить, но тут вмешался он...

Его взгляд прошёлся по юному девичьему телу, которым он бессовестным образом воспользовался. Воспользовался её неопытностью... соблазнил, принуждая к тому, о чём она теперь пожалеет...

Она отвечала на его ласки, но отдавала ли себе отчёт в том, что происходит?

Потянувшись за своей одеждой, Аккес надел штаны, а потом и сапоги, однако после опять сел рядом, продолжая на неё смотреть и не в силах отойти.

Никогда больше он не причинит ей вреда. И никому другому не позволит. Если она не возненавидит его за то, что он сделал и не прогонит, запретив приближаться... он и дальше будет всюду её находить. Будет следить, чтобы с ней ничего не случилось, и никто более не посмел причинить ей вред.

Может быть... когда Деко уйдёт...

Вдруг девушка пошевелилась, и Аккес весь напрягся, ожидая тот момент, когда жрица всё осознает.

Риана же, чувствовала негу и расслабленность и никак не хотела просыпаться. Но, открыв глаза, она увидела звёздное небо и большую голубую луну. А потом увидела Аккеса, который смотрел на неё немного странным взглядом. По её телу побежали мурашки. Ей нравилось тонуть в его глазах. С тех пор, как она перестала сопротивляться, всё стало совсем по-другому. Легче, лучше... и как ни парадоксально — свободнее.

Улыбнувшись, Риана сказала:

— Привет.

Он вдруг хмыкнул и тоже улыбнулся, отводя взгляд. А жрица вдруг вспомнила всё, что произошло чуть ранее, и обнаружила, что всё ещё полностью обнажена, а он успел частично одеться.

— Похоже, я заснула, — немного растерянно сказала она, присаживаясь рядом и не решаясь посмотреть на него. Воспоминания начали мелькать одно за другим, от чего её щёки покраснели, и ей не хотелось, чтобы он это видел. С другой стороны, какой смысл теперь это скрывать? Она робко повернулась и посмотрела на него.

Аккес мрачно сосредоточенно смотрел перед собой, не обращая на неё внимания, а от улыбки не осталось и следа. Внутри неё всё сжалось, и девушка обхватила свои колени, уперевшись в них подбородком.

— Наверно... — тихо и неуверенно начала она. — Наверно, мне надо извиниться...

Аккес удивлённо повернулся к ней, открыв от изумления рот.

— Э-э-э... Тебе?

— Ну да, — Риана встала, ничуть не стесняясь своей наготы. Она многие века ходила обнажённой, и это было для неё так же естественно, как для других ходить одетыми. — Если бы я не завела эту тему... про поцелуи... — она смущённо отвернулась. — Всё не дошло бы до этого.

— Ты серьёзно? — всё ещё удивлённо смотрел на неё Аккес.

— Я должна была догадаться... — продолжала удручённо говорить Риана. — Не надо было вообще рот открывать. И даже думать... Ах, как всё не вовремя. Ну почему всё так не вовремя?

Она запустила руку в волосы и прикусила губу, силясь не расплакаться от досады.

— Послушай... — Аккес встал и подошёл к ней. — Что-то я ничего не понимаю, мне казалось...

— Нет-нет! Не подходи! — вдруг вскрикнул жрица, выставляя вперёд руку, и Аккес тут

же отшатнулся в сторону, чувствуя как внутри всё сжимается. Почему-то хотелось наперекор подойти и обнять её, но он продолжал стоять на месте, ожидая, когда она начнёт его осуждать. Риана же виновато на него посмотрела и тут же опять отвернулась, обречённо вздохнув. — Ясно же, что мне нельзя близко подходить к тебе. Я просто не могу себя контролировать. Меня слишком к тебе тянет. Ты только посмотри, что произошло. Хотя я хотела только сразиться с тобой в надежде, что ты меня не убьёшь. А всё зашло слишком далеко и слишком рано. Конечно, всё это произошло бы, но позже... Не сейчас. Позже, позже...

— Подожди, — Аккес совсем растерялся. — Что значит, произошло бы позже?

Риана повернулась и обречённо посмотрела ему в глаза.

— Это значит, что это было неизбежно. Ведь ты тот, кого я выбрала. Мой избранник. Ты разве ещё не понял? — она застенчиво смотрела на него, ожидая его реакции. В то время как Аккес просто стоял и смотрел на неё широко раскрытыми глазами. И в отличие от него, ей было сложно сказать, что он думает. Она могла понять только то, что он потрясён. Неужели действительно не догадывался?

Вдруг он хмыкнул, медленно выдохнул и недоверчиво переспросил:

— Я твой избранник? — И видя, как жрица кивнула, опять спросил: — И тебя тянет ко мне? — Ещё один её кивок. — И ты не врёшь. — После её очередного кивка улыбка начала появляться на его лице. — Значит, я тебе нравлюсь?

Она нахмурилась, подумав, что он над ней издевается.

— Я же сказала, что это так!

— Но как? — искренне удивился Аккес, не в силах престать улыбаться. — Я ведь всё время пытался тебя убить.

— Ты сам знаешь, что это неправда! — нахмурилась Риана. — И я сама не знаю почему, но именно из-за тебя я меняюсь. Это началось, когда мы впервые встретились, я почувствовал дрожь в теле, но подумала, это потому, что ты отмечен Небесным воином, а оказалось...

— Оказалось, что ты в меня влюбилась?

— Нет, — она упрямо посмотрела на него. — Я тогда ещё ничего не почувствовала, именно поэтому столько времени пыталась понять, из-за кого всё началось... Но потом поняла...

— Когда же? — продолжал допытываться он. Он с трудом сдерживался, чтобы не подойти к ней.

— Какая разница?

— Мне хочется знать, когда ты в меня влюбилась...

— Да не влюбилась я...

— Врёшь! — рассмеялся он, чувствуя себя самым счастливым человеком.

— Не... ах... — скривилась она, вспомнив о его способностях. — Не знаю я...

— Опять врёшь! — продолжал веселиться Аккес. Его крайне забавляли её неумелые попытки сказать неправду. Впервые в жизни чья-то ложь доставляла ему такое удовольствие. Он не любил, когда люди лгали. Это его всегда раздражало и злило. Но не тогда, когда это делала она.

— Это произошло на островах... Я не хочу об этом говорить. Это смущает.

Аккес смотрел на неё, и многое вставало на свои места. Её слова, её поступки... Но он не знал и всё время грозился убить её, а она в это время осознавала, что он её избранник...

Её избранник.

Эти слова приятным звоном разливались по всему его телу. По какой-то непонятной причине из всех мужчин эта девушка выбрала именно его. Как так получилось, для него навсегда останется загадкой.

Она принадлежит ему.

Принадлежит. Ему. Только. Ему.

Ему отчаянно захотелось прижать её к себе и никогда-никогда больше не отпускать. Аккес даже сделал шаг навстречу, но внимательно следившая за ним жрица тут же отступила, опять вытянув руку вперёд, чтобы удержать его.

— Нет. Нельзя. Ты слишком... я... Тебе нельзя приближаться ко мне. Я не шутила, когда говорила, что меня тянет к тебе.

Он рассмеялся.

— Самые неудачные слова, чтобы меня остановить, — сказал Аккес, но всё же остановился.

— Ты должен уйти. Всё происходит слишком рано. У меня есть обязательства... Я не могу позволить чтобы... ах... — она вздохнула, удручённо опустив голову. — Ты должен уйти и не приближаться ко мне, пока всё не закончится.

Почему-то её настойчивое желание выпроводить его было ему намного приятнее, чем если бы она наоборот уговаривала его остаться.

Аккес всё ещё пытался в полной мере осознать то, что ему открылось. Но это его не пугало и не злило. Хотя всё это и можно было воспринять как принуждение. Ведь его никто не спрашивал, хочется ли ему быть избранником. Он ведь даже не стремился к этому, не думал об этом... И до сих пор не мог понять, как такое возможно, такой, как он...

Но она не врёт. По крайней мере, не в этом.

Эта странная жрица с красными, словно огонь волосами и большими упрямыми глазами выбрала именно его. Хотя и пыталась сопротивляться тому, что уже неизбежно. Это почему-то его крайне веселило.

Подойдя к своей одежде, Аккес натянул рубаху. Взгляд его продолжал наблюдать за обнажённой девушкой возле озера.

— Знаешь, — сказал он, не удержавшись, — если ты хочешь, чтобы я поскорее ушёл, тебе лучше бы одеться и не искушать меня своим соблазнительным телом, которое, кстати, совсем недавно так сильно ко мне прижималось.

Риана обернулась и, краснея в тон своих волос, осуждающе на него посмотрела. Подбежав к своим разбросанным вещам, она демонстративно натянула свою сорочку, впрочем, та не скрывала её длинных ног.

Аккес, постоянно возвращаясь к ней взглядом, всё же собрал свои вещи. Подобрал один свой меч и без усилий вытащил из дерева второй. Когда сборы были закончены, ему едва удалось подавить вздох разочарования.

— Что ж... — сказал он, пристёгивая за спину ножны и закрепляя своё оружие, — раз ты хочешь, чтобы я делал вид, что ничего не было...

— Я была бы тебе за это очень благодарна.

Подняв на неё глаза, Аккес хитро улыбнулся.

— А если я не захочу притворяться?

— Что? — опешила девушка и нахмурилась. — У тебя нет выбора.

— Неужели?

— Да. Тогда я сама буду держаться подальше. Я уеду туда, где ты меня не найдёшь, и пока не настанет время...

— Ох, наивная-наивная жрица, — умилённо вздохнул он. — Неужели ты до сих пор не поняла? Я всегда и везде найду тебя. Мне даже не придётся прикладывать усилия, просто сяду на коня, и он сам приведёт меня к тебе.

Риана нахмурилась, упрямо смотря на него в ответ, и Аккес опять вздохнул, на этот раз обречённо.

— Ладно. Будь по-твоему, — и генерал Дракона смерил её пристальным взглядом. — Но прежде...

Он начал стремительно к ней приближаться. Заметив это, Риана испуганно вытянула руки перед собой, в попытке его остановить.

— Нет, нет, нет, нет...

Не обращая внимания на её протест, он подошёл вплотную, обхватил девушку руками, прижал к себе и поцеловал. Он действовал напористо и даже немного грубо, но постепенно поцелуй становился всё более нежным, так что Риана растаяла в его объятиях и даже потянулась обнять его шею. Но в этот же самый момент Аккес так же стремительно отстранился.

Как и у неё, его дыхание сбилось, но её разочарованный взгляд стоил того. Пусть знает, что в эту игру могут играть двое. Пусть почувствует на себе, каково желать чего-то недоступного.

— Будь готова к следующему поединку, жрица.

— Что? — удивилась девушка. — Ты по-прежнему хочешь убить меня?

Аккес, подхватив свой дорожный плащ, направился к своему коню.

— Убить? Не-ет. Однако сражаться с тобой мне нравится всё больше, — многозначительная улыбка скользнула по его лицу. — И учти, если ты опять начнёшь увилывать и не будешь выкладываться по полной, я запросто одержу верх, и тогда... — он выразительно оглядел её с головы до ног, так что даже в рубашке она почувствовала себе голый. — Тогда наш поединок может закончиться точно так же.

И, продолжая улыбаться, он повесил за спину свою маску и пошёл прямо в глухой лес, прекрасно ориентируясь в кромешной тьме.

Риана же стояла и смотрела ему вслед, пока он не ушёл настолько далеко, что она уже не смогла различить его в тених ночного леса. После этого девушка с протяжным вздохом села прямо на землю, на которой стояла. Ей отчаянно хотелось позвать его обратно. Прижаться к нему и провести в его объятиях всю ночь, следующий день и ещё ночь.

Близость даже не обязательна. Ей было достаточно и просто находиться рядом с ним. А как только Аккес ушёл, так всё вокруг опять стало мрачным и холодным, страшным и чуждым.

Содрав с себя сорочку, жрица улеглась на прохладную траву и стала смотреть в небо. Сон к ней не шёл, да и опасно спать одной в лесу. Тем более, если теперь она обычная смертная, раз уж они... От воспоминания внутри всё затрепетало.

— Ох, боюсь, тут ты немного ошибаешься, милая, — послышался звонкий детский смех и, подняв голову, Риана увидела маленькую девочку, босиком бродившую по берегу озера.

Она была одета в голубое платье чуть ниже колен, с красовавшимися на нём серебристо-белыми рисунками и письменами, которые сразу отметили любое предположение о том, что это мог быть обыкновенный ребёнок, каким-то невероятным

образом оказавшийся здесь посреди ночи. Но самым первым признаком всё же были длинные светлые волосы, что развевались на несуществующем ветру.

— Моя Богиня, — просияла Риана, вставая и глядя на девочку с радостью и наворачивающимися слезами. — Ты пришла попрощаться со мной?

— О нет, моя дорогая, — улыбнулась девочка. — Я никогда не прощаюсь с тобой. А пришла только повидаться и кое-что тебе напомнить. Иди сюда, дорогая.

Риана подошла ближе и присела на траву, в то время как девочка взобралась на небольшой холмик и, свесив ноги в воду, начала барахтаться ими, создавая брызги и распугивая водных обитателей. Жрица же не отрывала глаз от Богини, она боялась, что никогда её больше не увидит, и теперь чувствовала себя необычайно счастливой.

— Счастлива ли ты в остальном? — спросила девочка, взглянув на неё своими большими голубыми глазами. Риана не удивилась, что та прекрасно знала о её мыслях.

— Я думаю, да. Я нашла тут своё место, цели и... я нашла своего мужчину. — Она слегка закусила губу, смущённо потупившись.

— Он тебе нравится? — послышался смеющийся голос девочки.

— Ну... да. Ведь он мой избранник, и вы мне послали...

— О, глупости, — махнула рукой Богиня. — Это мой брат любит все эти любовные предназначения. Хотя на самом деле, просто видит, кто кому может подойти. Здесь нет какого-то предназначения, милая моя.

— Что? — удивлённо посмотрела на неё девушка. — Но все эти истории про Избранника...

— Это его проказы. Ты расстроена?

Богиня внимательно посмотрела на Риану, которая от потрясения замерла на месте.

— Не стоит так расстраиваться, — улыбнулась девочка. — Я же не говорила, что чувства не настоящие. Я просто сказала, что он видит тех, кто друг другу подходит, и сводит их вместе. А потом списывает всё это на некую «избранность». Шалопай! Но вы ведь и так это знали, когда наблюдали за ним в разных мирах. Все вы, мои любимые жрицы, тоже немного можете всё это чувствовать. Встретив человека, который вам подходит, вы, осознанно или нет, понимаете, что он тот, кто вам нужен.

Риана, всё ещё растерянная, удивлённо посмотрела на Богиню. Та сидела рядом уже не в образе девочки, а в своём обычном образе молодой женщины, всё в тех же голубых одеяниях.

— То есть Аккес не мой Избранник? — спросила девушка, страшась услышать ответ.

Богиня рассмеялась.

— Конечно, он твой избранник, — она тепло посмотрела на свою жрицу. — Но не потому, что это кто-то решил, а потому, что ты сама его выбрала, моя дорогая. Мой брат тот ещё интриган, но решающими всегда бывают людские желания.

— То есть, я могла выбрать любого человека в этом мире?

— Конечно, но вот выбрала бы? Ты почувствовала именно этого мальчика, хотя он не первый, кого ты встретила здесь. Просто в этом мире он тебе больше всего подходил. И я уверена, что если бы ты попала в другой мир, ты тоже нашла бы самого подходящего тебе юношу. Ну а здесь таким оказался он.

— То есть, я могла попасть в другой мир и там... был бы кто-то другой? — Риана печально опустила голову. Ей не хотелось встречать никого другого. Она уже привыкла думать, что именно Аккес её избранник. Только он.

— Не переживай так сильно, — опять улыбнулась Богиня. — Ведь ты попала именно

сюда, значит, именно тут тебе нужно было быть и именно его встретить.

— То есть это всё-таки было predeterminedено? — нерешительно посмотрела на неё Риана.

— Не всё так просто, и в тоже время, гораздо проще. Нет ничего точно predeterminedенного, и в тоже время есть кое-что из того, что predeterminedено заранее. К тому же, не стоит забывать о моём брате, — Богиня слегка нахмурилась. — Он ведь уже приходил к тебе. Наверняка что-то уже сделал. Ну да ладно, в свободу воли и выбора он всё равно не может вмешаться. — Она опять тепло посмотрела на девушку. — Только ты сама решаешь, с кем хочешь быть, моя дорогая девочка. И только ты можешь решить, хочешь ли соединиться с тем, кого выбрала. Но уверяю тебя, когда это произойдёт, ты почувствуешь такие тепло и близость, которые раньше не испытывала.

— Но... — Риана растерянно посмотрела назад, где всё ещё валялась её одежда. — Мы ведь уже...

— О нет, — рассмеялась Богиня. — Об этом я и хотела тебе напомнить. Ты всё ещё моя жрица, если ты об этом. И всё ещё не стала до конца человеком.

— Но я думала... Что как только произойдёт близость с мужчиной, я стану...

— Ты станешь. Но только когда полностью примешь своего избранника, — сказала Богиня, подходя и присаживаясь напротив неё, с теплотой заглядывая ей в глаза. — Ты должна принять его всеми тремя ипостасями. Мыслями, чувствами и телом. И он тоже должен принять тебя так же. У вас этого пока не произошло. Вы не до конца осознали свою связанность.

— Но...

— Вы оба приняли друг друга телом, и обычно это завершающий этап, но не в вашем случае. Ты, моя дорогая, осознала, кто он такой, так произошло твоё принятие в мыслях, но здесь... — она дотронулась до места, где билось её сердце. — Ты ещё не приняла его здесь...

— Но...

— Ты любишь его?

Риана удивлённо посмотрела сначала на руку Богини, которую та прижимала к её груди, потом ей в глаз, потом опять на руку... Она не знала, что сказать.

— Подумай о нём, моя хорошая, — мягко сказала Богиня, опуская ладонь. — Подумай о нём сердцем. Любовь это не только зов тела и мысленное решение, это ещё и чувство. Обычно женщинам проще с чувствами, но сложнее с мыслью, ты же, моя особенная, никогда не делаешь всё как обычно.

— Я... — всё ещё в замешательстве пробормотала жрица. — Сердцем?

Как только Риана подумала о чувствах, тут же в памяти возник его образ, когда он приподнимал маску и окидывал её взглядом, тем самым, от которого по её телу бежали мурашки. Его улыбка, когда он пытался её подразнить. Его неосознанный жест во время их побега, когда он прикрыл её рукой, защищая. Его такой заразительный смех...

Много чего вспоминалось, и все эти воспоминания переплелись в её голове, зарождая что-то тёплое внутри, особую нежность и счастье.

— Правильно, — послышался мягкий голос Богини. — Именно отсюда растёт любовь к мужчине. — Она опять дотронулась до груди девушки, где билось её сердце. — Именно из того, как ты чувствуешь себя рядом с ним.

— Я, кажется, поняла, — радуясь, сказал Риана, и тут вдруг догадка поразила её. Резко подняв голову, она посмотрела на Богиню. — А он тоже будет чувствовать себя так?

— Мужчины немного по-другому чувствуют, — сказала Небесная. — Но в целом: да. Более того, он уже давно ощущает нечто подобное. Он отлично тебе подходит, моя дорогая. Этот юноша тоже пошёл совсем не такой дорогой. У мужчин обычно чувства просыпаются в последнюю очередь, у него же именно чувства и были первыми. Всё то, что ты только находишь в себе, у него проснулось уже давно. Просто он сам ещё всего этого не осознал. Не принял в мыслях, но это произойдёт уже очень скоро. Как только мальчик обдумает слова и события, то всё поймёт.

— То есть он чувствует то же самое... — задумчиво проговорила Риана, и на её лице появилась тихая, счастливая улыбка, она прижимала руки к своему сердцу и задумчиво смотрела в землю перед собой.

— Ты поняла, моя дорогая? — сказала Богиня, накрывая её ладони своими. — И не стоит жалеть о том, что ты покидаешь меня. Я, как любая мать, должна отпускать своего ребёнка в самостоятельную жизнь. Настало твоё время. Ты выбираешь свою собственную жизнь и человека, который будет тебя поддерживать, и которого будешь поддерживать ты.

Риана посмотрела на Богиню.

— Я ещё увижу тебя?

— Я всегда рядом, милая, — сказала та и, поцеловав девушку в лоб, поднялась. Риане хотелось ухватить её за одежды, чтобы задержать ещё хоть на миг, но рука её, дёрнувшись вверх, замерла.

— Всё правильно, моя хорошая, — сказала Богиня, принимая облик маленькой девочки. — У тебя начинается новая жизнь. Ты выбрала свой путь. Иди по нему, не оглядываясь назад. Вперёд и только вперёд, рядом с теми, кого хочешь взять с собой. И не оглядывайся назад, просто знай, что я всегда там, поддерживаю тебя.

Риана улыбнулась, вытирая слезу.

— Хорошо, — сказала она, наблюдая за тем, как девочка, кружась, растворяется в воздухе. На душе почему-то становилось легко и спокойно.

Поднявшись, жрица подошла к своим вещам. Одеваться не очень хотелось, но это было необходимо, так же как и найти свои мечи, а потом вложить в ножны на бёдрах. К тому же их тяжесть успокаивала её. Подойдя к своей лошади, Риана легонько погладила её, чтобы пробудить ото сна.

— Извини меня, девочка, — сказала девушка, прося прощения у животного за то, что не дала как следует выспаться. И, взяв ту под уздцы, пошла обратно. Она проведёт день в деревушке с петушиным названием, а после поедет обратно в замок. На какое-то время всё будет как раньше... Только вот сама Риана уже не такая, какой была. Душу ей грела мысль о Богине, которая всегда, хоть и незримо, будет с ней... а ещё приятным теплом разливались воспоминания о мужских прикосновениях, о поцелуях и объятиях, о взгляде прямо в душу и прощальном обещании... О мужчине, которого она сама выбрала. Сама!

Мысли о нём согрели её больше всего.

Только убедившись, что она благополучно добралась до дороги, Аккес повернул обратно. Он не сомневался, что никакой разбойник не сможет причинить ей вреда, но почему-то беспокоился, что на неё могут напасть дикие звери. Немного странное опасение, но именно поэтому он не ушёл, несмотря на то, что она настаивала.

Отойдя на достаточное расстояние, дабы девушка потеряла его из виду, Аккес привязал своего коня к дереву и, убедившись, что поблизости нет хищников, тихо прошёл обратно.

Взобравшись на дерево так, чтобы никто его не смог заметить, он стал наблюдать за поляной, втайне надеясь, что она решит отдохнуть и переночевать прямо там, и у него появится возможность быть с ней рядом до самого утра.

Но она решила идти, и, возможно, это к лучшему.

Но перед этим Аккес увидел, как появилась какая-то девочка, которая потом стала красивой женщиной и то, как обе они о чём-то разговаривали на берегу озера. Не трудно было догадаться, кто она. Он пытался рассмотреть Богиню, но её образ был словно окутан туманом, и до самого последнего момента он видел только расплывчатый силуэт. Но в самый последний момент, перед тем, как окончательно исчезнуть, она подняла голову и посмотрела прямо на него. И тогда, всего на мгновение, он смог увидеть на её прекрасном лице улыбку.

Аккес не слышал, о чём они говорили, несмотря на то, что находился довольно близко. Возможно, это тоже из-за Богини. Ей надо было поговорить со своей подопечной наедине. Он не возражал, хотя с некоторой тревогой наблюдал за самой жрицей, стараясь понять её настроение по жестам и выражению лица, когда та поворачивалась в его сторону. Это было сложно. Но в конце, когда девушка начала, он заметил на её губах улыбку и позволил себе расслабиться. Если она улыбается, значит, всё хорошо. И, убедив себя в том, что ей по-прежнему может угрожать опасность, мужчина последовал за ней к дороге. Хотя за оставленного коня он даже не думал беспокоиться. И когда вернулся к нему, тот всё так же спал.

Подойдя к животному, он потрепал его по холке и погладил по голове.

День и ночь были насыщенными, но не было чувства усталости. И, так же как и его жрица, Аккес решил отправиться в обратный путь. Ещё и потому что искушение вернуться и проводить её хотя бы до ближайшей деревни всё нарастало.

И даже когда солнце встало, осветив верхушки деревьев, и пройдено было значительное расстояние, он всё ещё отговаривал себя от того, чтобы развернуться и поехать за ней. Почему-то в голове крутились глупые мысли о том, что она вдруг ещё раз всё взвесит и передумает...

И прогоняя всю дорогу эти страхи, Аккес за пару дней достиг Сенкины. Мысленно он готовился к тому, что его здесь ждёт, прекрасно понимая, что его почти недельное отсутствие не осталось незамеченным. Он и раньше, бывало, исчезал на день-другой, но всегда либо Эгрант, либо Атиша знали, где его искать. Но на этот раз он никому ничего не сказал.

Впрочем, к выговорам ему не привыкать. Особенно в последнее время. Он потому ничего и не сказал, так как знал, что в случае, если вернётся, жрица будет мертва. А за её убийство выговора в любом случае не избежать.

От этой мысли по телу прошёл неприятный холодок. Как всё изменилось за несколько дней...

Желая отсрочить чьи бы то ни было нотации, Аккес направился в королевский сад, где часто проводил время, после того как зимний сад стал не единственным местом, где можно было укрыться. Несмотря на долгое отсутствие, ему не хотелось никого видеть. А хотелось побыть одному и поразмышлять обо всём, что произошло, в спокойной обстановке. Вспомнить...

Однако кое-кому не терпелось потревожить его уединение.

— Рад, что ты вернулся, — послышался строгий голос Эгранта.

Аккес, который забрался на ветку большой яблони и крутил в руках спелый плод, посмотрел на друга, после чего отвернулся. Ему совсем не хотелось ни говорить, ни тем более обсуждать что-либо, хотя он понимал, что однажды это всё же придётся сделать.

— Я бы хотел услышать то, что ты должен мне сказать, — сощурил глаза Эгрант.

— И что же? — спросил Аккес, продолжая рассматривать яблоко в руках.

— Ты мне скажи. Куда и зачем ты ездил? И чем всё закончилось?

— Похоже, ты сам обо всём знаешь.

— Я не настолько всезнающий, как Дракон.

— Так походи к нему и спроси.

— Просто знать недостаточно. Нам хочется знать, что ты скажешь.

— Ох, как ты заговорил, — повернулся к нему Аккес. — Я не убил её.

Эгрант сощурился и разочарованно вздохнул.

— Ты всё-таки нарушил обещание.

— Нет. — Аккес внимательно на него посмотрел. — Амулеты собраны, скоро всё завершится. Тем более мы с ней договорились провести этот бой. По обоюдному согласию.

— И?

— Что "и"?

— Как же так ты её не убил? — саркастически посмотрел на него Эгрант. — Ты же не мог дождаться этого момента. Мечтал и угрожал, что лишишь её жизни. Почему нет? Или она победила? Почему же тогда ты не буйствуешь, не злишься, никого не провоцируешь на схватку, не убиваешь? Ведёшь себя довольно странно.

Аккес, продолжая крутить в руках яблоко, усмехнулся. А ведь действительно, он вполне мог бы себя вести именно так.

— А ещё ты улыбаешься. Явно что-то произошло.

— Всегда что-то происходит.

— О-о-о! Теперь пошла философия. Это точно ты, Аки?

— Хватит, а? — Он посмотрел на Эгранта, который, несмотря на возмущённый тон, выглядел довольным. Ещё бы. Его любимая жрица цела и невредима. — Кое-что изменилось... Возможно, я изменился.

— Значит, ты больше не будешь пытаться её убить? — спросил уже вполне серьёзно Эгрант.

— О нет, — коварно усмехнулся Аккес. — Ещё как буду пытаться.

— Не понимаю...

— Важное здесь слово "пытаться", а не убивать. Сражаться с ней одно удовольствие.

Эгрант удручённо вздохнул и пробубнил под нос что-то вроде: "Ох, уже эти войны", после чего повернулся и проводил взглядом фигуру одного из гуляющих по саду. Солнце садилось, и гуляющие придворные спешили поскорее вернуться во дворец, что, естественно, было на руку Аккесу. Ведь тьма ему не помеха, а уединение более чем желательно.

— Могу я хотя бы надеяться, что ты больше не пропадёшь? — спросил Эгрант, глядя на него.

— Можешь. Хотя я не понимаю, зачем я вам нужен теперь.

— Ты всегда нам нужен, — серьёзно сказал Эгрант. — Не думай, что ты всего лишь оружие в наших руках. Ты очень важен и даже любим.

Аккес повернулся и удивлённо посмотрел на Эгранта, тот же в ответ улыбнулся, по-мальчишески задрал голову.

— Сам я, конечно, не являюсь сыном Дракона, как тут иные полагают, но в любых слухах есть доля правды, — он тепло посмотрела на друга. — У Дракона, несмотря на то, кем он является, и что с людьми не может иметь никаких отношений, всё же обрёл отцовские чувства по отношению к одному мальчику, который пробудил его от долгого сна.

Аккес всё ещё изумлённо смотрел на него, чувствуя, как внутри всё замерло, Эгрант же продолжал тепло улыбаться.

— Это может быть странным, что представитель высшей расы привязался к простому человеку, но это правда, Аки. У Дракона в этом мире вырос сын, непослушный, самоуверенный, агрессивный, умный, хотя и немного глупый тоже, но он всё же любим.

Аккес продолжал неподвижно сидеть на месте. Он знал, что Деко относится к нему по-особенному. Все те почти сто лет, что они жили вместе, это всегда читалось в нём. Это так же могло служить причиной того, почему ему продлили жизнь, хотя Деко никогда не признавался в истинных причинах этого поступка. Тем не менее, слышать по отношению к себе такие слова было неожиданно.

— Спасибо... — наконец выговорил Аккес. — Хотя немного странно это слышать от тебя, а не от него самого.

— Что поделать. Он не считает нужным говорить подобные слова, словно это всё слишком очевидно. Я же не настолько идеальный, — Эгрант улыбнулся, развернувшись и намереваясь уйти, но потом обернулся и ещё раз посмотрел на друга. — Просто не забывай о том, что даже у такого одиночки, как он, есть близкий человек. Что уж говорить о тебе...

— О чём ты? — нахмурился Аккес.

— О том, что у тебя тоже может быть кто-то особенный. В этом нет ничего плохого.

И беззаботной походкой Эгрант пошёл к выходу из сада.

Аккес опять откинулся назад, прислонившись спиной к стволу дерева. Эгрант становится всё меньше и меньше похожим на себя, и всё больше походит на человека. Хорошо это или плохо, сложно сказать, как и то, во что всё это выльется в будущем.

Когда солнце село и люди покинули сады, Аккес спустился с дерева и разлёгся на лавочке, глядя в ночное звёздное небо. Странное чувство поселилось внутри. Раньше, сталкиваясь с чем-то подобным, он просто молча отстранялся, заглушая свои эмоции, и потому стало непривычно наоборот прислушиваться к ним. Но это было на удивление приятно. Нечто тёплое и лёгкое внутри.

И хотя он пытался обдумать слова Эгранта о чувствах Деко, мысли его всё равно возвращались к той лунной ночи... на губах его растянулась улыбка, как только он вспомнил, как жрица попыталась его обмануть. Как её безупречность рассыпалась словно песок, показывая её истинную... по-человечески настоящую. И каждый новый её открывшийся "недостаток" радовал его всё больше и больше.

Она на его глазах становилась настоящей.

Воспоминания его опять вернулись к тому моменту, где он впервые почувствовал её ложь, а её глаза испуганно расширились, когда она сама это осознала. Да... тот самый момент, когда он посмотрел на неё по-другому...

— Чему ты улыбаешься? — послышался мелодичный голос.

Подняв голову, Аккес увидел Атишу, которая плавной походкой, что сводила с ума многих мужчин, приближалась к нему.

— Я так и знала, что найду тебя здесь. Как жаль, что ты не пришёл ко мне, когда вернулся. — Она подошла ближе и приседа рядом со скамейкой прямо на землю — так,

чтобы видеть полулежачего на ней мужчину.

— Мне нужно было уединение. Не обижайся, — сказал он, ласковым жестом проведя по её щеке. — Я не хотел тебя расстроить.

— Ты в последнее время часто куда-то уезжаешь, — сказала Атиша, мягко коснувшись его руки. — Расскажешь, как у тебя дела? А то здесь скучно совсем, все заняты своими делами, а Эгранта я вижу даже реже, чем тебя, учитывая, что ты чаще пропадаешь.

— У Эгранта сейчас действительно много дел.

— Мне кажется, он меня избегает, — грустно сказала девушка.

— Если тебе так кажется, то, возможно, так и есть. Он знает о твоих чувствах к нему и пытается донести до тебя то, о чём я тебе уже давно говорю.

— Да... знаю, — она положила голову на край скамьи и грустно посмотрела в землю. — Хотя я не понимаю, почему Эгрант не может ответить на них. У него уже есть кто-то? Может, этот кто-то не здесь, в другом месте? И он хранит ей верность...

— Не думай об этом. А вот ему стоит об этом подумать и поговорить с тобой.

— Я даже не знаю, хочу ли я, чтобы он прямо мне всё сказал, — девушка всё так же грустно посмотрела на Аккеса. — Ведь пока я думаю о нём, мне хорошо. Любовь способна греть, даже если она безответная. Правда недолго и только если действительно чистая.

— Ох, Атиша, — вздохнул Аккес и протянул ей яблоко, которое всё это время крутил в руках. Ему есть не хотелось, так может она немного отвлечётся и забудет о своих горестях.

— Ну а теперь, когда я поведала тебе о своих горестях, может, расскажешь что с тобой? — сказала девушка, беря яблоко и аппетитно вгрызаясь в его мякоть. — Я не буду притворяться, что не заметила в тебе изменения, дорогой. А ты сияешь.

— Что? — приподнял брови Аккес.

Она дотронулась до его груди и провела пальцем к сердцу, загадочно улыбаясь.

— Кое-что пропало, кое-что появилось, а ты сам где-то далеко летаешь. Внутри мягкое, снаружи спокойное, в глазах жаркое. Дыра меньше, душа больше. Где ты был?

Аккес, удивлённый странными словами Атиши, посмотрел на свою грудь, по которой та задумчиво водила пальцем. Но потом он вспомнил, что дочерям сов открыты истины, не доступные простым смертным.

— Я отправился на битву со жрицей. Мы условились о смертельном поединке.

— Но ты ведь её не убил... — сказала та утвердительно и посмотрела на него. Аккес, даже в почти полной тьме, увидел, что её взгляд стал другим, более глубоким. Он часто видел у неё такой взгляд, особенно по ночам, когда она рассматривала его после или до любовных утех.

— Нет, — сказал он, ожидая её дальнейшей реакции. — Хочешь сказать, это жрица меня изменила?

— Нет, — повторила Атиша. — Никто не может изменить другого человека. Человек всегда меняется сам. Но жрица послужила поводом... или причиной. Что же произошло?

Аккес не удержался от улыбки, которая весь вечер почти не сходила с его лица.

— Она... — он на миг замолчал, пытаясь понять, как в полной мере выразить то, что произошло. — Я первый стал причиной или поводом её изменений.

— О-о-о, — Атиша, подперев рукой голову и облокотившись о скамейку, загадочно посмотрела на него.

— Она... — Аккес замолчал, не зная, что и как сказать. Есть ли вообще подходящие слова, чтобы выразить всё, что творится с ним в последние дни. — Она... как свет...

Атиша мягко погладила его по руке.

— Это немного грустно, но замечательно, — сказала девушка. — Похоже, теперь мне придётся искать себе другого мужчину. Хотя... хочешь, я останусь с тобой этой ночью? Последний раз, пока ты не убежал к своей жрице.

— Нет, — сказал Аккес и ещё раз нежно провёл по её щеке. — Это будет уже не так. Не так, как с ней.

Атиша вздохнула, лукаво посмотрев на него.

— Ты точно влюбился. Неужели я смогла этого дожидаться? Моя работа с тобой закончена.

— Работа?

— Не скажу, что это не было приятно. Но, похоже, эта девочка смогла за один раз добиться большего, чем я за эти два года. Поздравляю тебя.

Она поднялась, всё ещё грустно улыбаясь.

— Я всё ещё не понимаю, о чём ты, — сказал Аккес.

— Ты же знаешь о дочерях сов. Я выбрала тебя не только за красивые глаза и сильные руки. Я выбрала тебя за твою тьму и старалась прогнать её. У меня это немного получалось, но всё, что делала я — это лишь понемногу её развеивала, но, как только появилась жрица, твоя тьма начала пропадать как туман в ясный солнечный день, и вот ты вернулся сейчас...

— Ты же сказала, что я сам изменился.

— Да... но *почему* ты захотел измениться? — Атиша подошла и, склонившись, поцеловала его в лоб. — Милый мой, не упускай её. Она действительно твой свет.

И, развернувшись, девушка всё той же мягкой походкой пошла к выходу, но потом вдруг остановилась и, обернувшись, строго на него посмотрела.

— Упустишь её, я не приму тебя обратно.

Аккес улыбнулся.

— Она сказала, что я её избранник.

— Ох, счастливчик, — вздохнула Атиша и помахала ему рукой.

Счастливчик?

Аккес опять откинулся на скамейку. Возможно так, хотя он всё ещё сердился на жрицу за то, что его прогнали посреди ночи и велели держаться подальше. Хотя, когда он вспоминал её лицо в эти моменты, не оставалось никаких сомнений. Она хотела, чтобы он ушёл только потому, что на самом деле хотела, чтобы он остался.

Опять старается врать.

Аккес тихо засмеялся.

Маленькая жрица-врунья.

Его маленькая жрица-врунья.

Его, и он никому её не отдаст.

Возвращение Аккеса было как нельзя кстати.

Все тут же переключили своё внимание на него. Эгрант, как только прознал об этом, ушёл мрачнее тучи. А на следующий день Аккес провёл у Дракона несколько часов.

Альдана радовало, что взбучку за отсутствие получает не только он. Но всё же больше его радовала возможность ускользнуть по своим делам.

Одевшись проще, чтобы не привлекать внимания, он поспешил к небольшому домику за пределами дворца. Ничем не примечательное старое здание было обветшалым и

запущенным, но это не имело никакого значения.

Не удосужившись даже постучать, Альдан широко открыл дверь и вошёл. Комната, в которой он оказался, раньше была чьей-то гостиной. На это указывали всё ещё оставшиеся здесь стулья, обитые тканью, пара кресел и потрёпанная софа, а также красиво отделанный камин и, пожалуй, портьеры, уже заляпанные чьими-то жирными руками. Но помимо прочего здесь на полу были разбросаны шкуры, на которых восседали вожди талемских племён. Не хватало только очага посередине комнаты, чтобы те и вовсе чувствовали себя как дома. Однако вожди сидели спокойно и даже Брун, на удивление, ещё не успел напиться.

Как только он вошёл, разговор, что недавно вёлся, тут же стих, и все как один посмотрели в его сторону. Былая ненависть во взглядах уже пропала, однако настороженность осталась. Впрочем, Брун всё равно продолжал на него фыркать, а братья ворочали нос. Только Окда, как всегда, не сводила с него пристального взгляда.

— Куда вы стол дели? — спросил Альдан, ещё раз осматриваясь.

— Сожгли. На кой нам этот бесполезный кусок дерева? — ответил Мавдан, глядя ему прямо в глаза. Его до сих пор злило, что Альдан может смотреть на него без содрогания. В желании вызывать ужас своим видом его брат обходил даже Аккеса. Если его другу было по большей части всё равно, лишь бы держались от него подальше, то Мавдан наслаждался страхом окружающих людей.

Не желая тратить время на вразумление дикарей и игры в гляделки, Альдан подошёл к ближайшему креслу и величественно сел на него.

— Хочешь быть талемом, веди себя как талем, а не как равнинная белоручка, — прошипел Сэкдан, наблюдая за ним.

— Хочешь быть варваром, продолжай жрать и испражняться в одном и том же месте, — смерил его взглядом генерал Дракона, а потом оглядел всех и добавил: — Что с вашими армиями?

Четыре пары глаз посмотрели на него.

— Мои на западе, — сказал Брун. — Баба своих увела на восток...

— Заткнись, трепло, — огрызнулась Окда, выхватывая свой кинжал и злобно глядя на него в ответ. — Я такой же вождь, как и ты, пузатый боров. А не какая-то девка, из тех, что ты заваливаешь на свои шкуры.

— Что с вашими? — Альдан спокойно посмотрел на Сэкдана, не обращая внимания на стычку. Пусть хоть поубивают тут друг друга, ему только проще будет.

— На юге. И я по-прежнему не понимаю, что мешает нам напасть прямо сейчас?

— Не понимаешь, потому что ты глупец, — металлическим голосом произнёс Альдан, обдав холодным взглядом брата. — Ваши воины лишь шайка разбойников и без должного руководства ничего не стоят. Многовековые стычки с Равнинными рыцарями это не раз доказали. Дракон выберет вам короля, а что потом? Вас всех перебьют или загонят обратно в леса. И, хотите вы этого или инет, именно я ваш единственный шанс создать новое королевство. Настоящее талемское королевство.

— Я по-прежнему не верю, что ты помогаешь нам только из родственных чувств, — фыркнул Брун, к его чести он всё ещё не был пьян.

— А я этого никогда и не утверждал, — высокомерно усмехнулся Альдан. — Наоборот. Эти ничтожества знают, что я их ненавижу, — он посмотрел на братьев. — И знают за что.

— Маленький сосунок, — пробормотал под нос Сэкдан.

— Тихо, — успокоил его Мавдан. — Всею своё время.

— Я помогаю вам, потому что я талем, — продолжал генерал Дракона. — Более того, я использую вас. Вы получите то, о чём многие поколения только мечтали, и я тоже получу то, о чём долго мечтал. И все довольны.

— И о чём же ты мечтаешь? — спросил Мавдан, сверля брата подозрительным взглядом.

— О том, до чего ваши скудные умишки никогда бы и не додумались. — Альдан чувствовал, как его начинает просто трясти от желания вырвать глотки всем этим варварам, но он, сдерживаясь, холодно произнёс: — Я пришёл лишь предупредить вас, чтобы вы держались подальше от замка вплоть до того дня, как состоится бал. Аккес в замке, а от него очень сложно что-то скрыть.

И, не желая больше оставаться среди них, Альдан поднялся и направился к выходу, не обращая внимания на злобные взгляды. Ему было всё равно. Он не дружбу и любовь пришёл сюда строить. Он пришёл сюда спланировать и возглавить восстание, и даже совершить предательство тех, кого считает друзьями. И всё ради одной цели. Которая идёт вразрез с желанием Дракона закончить всё тихо и без крови и которая разожжёт новое пламя войны.

Ничто не вечно.

Хрупкий мир равнинных королевств давно должен был пошатнуться.

Грядёт новый мир.

В котором он будет править и в котором сможет осуществить все свои желания.

КОНЕЙ ВТОРОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте — Knigolub.net